

Сетевой научный журнал

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

2020 г. №78

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Факультет государственного управления
Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

Редакция:

Никонов В.А. — *главный редактор*, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова

Петрунин Ю.Ю. — *зам. главного редактора*, доктор философских наук

Сухарева М. А. — *ответственный секретарь*

Федько М.В. — *редактор*, кандидат филологических наук

Антонян А.П. — *технический редактор*

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления (МГУ, Россия); **Петрунин Ю.Ю.** — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия); **Г. Букен-Кнапп** — Ph.D. (Гётеборгский университет, Швеция); **Д. Ван Слайк** — Ph.D. (Сиракузский университет, США); **Л.С. ван Яарсвелд** — Ph.D. (Университет Южной Африки, ЮАР); **Галкин И.В.** —

кандидат исторических наук (МГУ, Россия); **Глазьев С.Ю.** — доктор экономических наук (МГУ, Россия); **Григорьева Н.С.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Зайцева Т.В.** — доктор

экономических наук (МГУ, Россия); **Клементьев Д.С.** — доктор философских наук (МГУ, Россия); **Кудина М.В.** — доктор экономических наук (МГУ, Россия); **Купряшин Г.Л.** — доктор

политических наук (МГУ, Россия); **Лексин И.В.** — доктор юридических наук, кандидат экономических наук (МГУ, Россия); **Лившин А.Я.** — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Михайлова О.В.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Попова С.С.** — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Рыбакова М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Россия); **Сидоров А.В.** — доктор исторических наук (МГУ, Россия); **Соловьев А.И.** — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сурин А.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия); **Сухарева М.А.** — ответственный секретарь (МГУ, Россия); **Федько М.В.** — кандидат филологических наук (МГУ, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77–6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77–56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала ISSN 2070–1381.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19–10/09 от 12 ноября 2009 года).

Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по праву, экономике, социологии, истории и политологии (с 22 октября 2010 года).

Выходит 6 раз в год. Все номера журнала находятся в свободном доступе на сайте: **e-journal.spa.msu.ru**

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701.
Тел.: (495) 930–85–71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ.....	5
Жаворонкова Е.Н.	
Налоговая нагрузка компаний нефтяной отрасли в России и за рубежом	5
Zhavoronkova E.N.	
Tax Payments of Oil Companies in Russia and Abroad	34
Журавлев Д.М., Чаадаев К.В.	
Модель оценки влияния внешнеторгового оборота субъекта Российской Федерации на производительность труда	37
Zhuravlev D.M., Chaadaev K.V.	
Model for Assessing Impact of Russian Federal Subjects Foreign Trade Turnover on Labor Productivity.....	51
Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.	
Регулирование экономической деятельности в ЕАЭС: тенденции и перспективы сотрудничества	53
Molchanov I.N., Molchanova N.P.	
Regulation of Economic Activity in the EAEU: Trends and Prospects of Cooperation	69
ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ	72
Головин М.С., Кудрявцева О.В.	
Государственная политика по развитию отрасли транспортного биотоплива в Европейском Союзе	72
Golovin M.S., Kudyavtseva O.V.	
State Policy for Transport Biofuel Industry Development in the European Union.....	89
Степанов А.А.	
«Молодая гвардия Единой России» в общественно-политической жизни РФ 2000–2013 годов	91
Stepanov A.A.	
“The Young Guard of United Russia” in the Russian Federation Socio-Political Life in 2000–2013.....	110
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	112
Галынис К.И., Мияо Х.	
Опыт партисипаторного бюджетирования Китайской Народной Республики.....	112
Galynis K.I., Miao H.	
Participatory Budgeting: Experience of the People's Republic of China.....	132
Соколов А.О.	
Создание Евразийской компании: опыт Европейского союза	136
Sokolov A.O.	
Creating Eurasian Company: Societas Europaea Experience	155

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	157
Силуянова Ю.А.	
Религиозные и культурные предпосылки формирования каналов торговли людьми из Нигерии в Россию и страны ЕС	157
Siluyanova Yu.A. Anthropological and Cultural Background for the Formation of Human Trafficking Channels from Nigeria to Russia and the EU.....	176
Шестакова Е.Е.	
На пути реформирования пенсионных систем: новые технологии и старые проблемы	179
Shestakova E.E. On the Way to Reform the Pension System: New Technologies and Old Problems	196
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ	198
Воронов А.С.	
Развитие научно-исследовательского потенциала молодежи и популяризация науки среди школьников, студентов и молодых ученых России	198
Voronov A.S. Development of Young People Research Potential and Popularization of Science Among Schoolchildren, Students and Young Scientists in Russia	226
Островский А.В., Кудина М.В.	
Новая парадигма образования в эпоху цифровой трансформации государства	229
Ostrovsky A.V., Kudina M.V. New Educational Paradigm in the era of State Digital Transformation	242
Петрунина О.Е.	
Образ России в национальном образовании Греции.....	245
Petrulina O.E. Image of Russia in Greece National Education.....	263
Сидорова А.А.	
Модели сотрудничества университетов и бизнеса в цифровую эпоху: преимущества и ограничения	268
Sidorova A.A. University-Business Cooperation Models in the Digital Age: Benefits and Limitations	281
Сухарева М.А.	
Интеллектуальный капитал: сущность и методы его оценки. Часть 1	284
Sukhareva M.A. Intellectual Capital: The Essence and Methods of Its Assessment. Part 1.....	298
ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ	302
Шарин В.И.	
Карьерные риски на государственной гражданской службе	302
Sharin V.I. Career Risks in the Civil Service	315

Экономические вопросы управления

Жаворонкова Е.Н.

Налоговая нагрузка компаний нефтяной отрасли в России и за рубежом

Жаворонкова Елена Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: javoronkova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [2741-0265](https://elibrary.ru/2741-0265)

Аннотация

В статье анализируется налоговая нагрузка компаний нефтяной отрасли России и зарубежных компаний. В России отраслевые налоговые платежи включают три составляющие: налог на добычу полезных ископаемых, экспортные пошлины, акцизы. Данные налоги и сборы в большинстве случаев связаны с объемами добычи, экспорта и продаж и приводят к существенным изъятиям выручки, по сравнению с зарубежными компаниями нефтяной отрасли. При этом рассматривается влияние на налоговую нагрузку компаний нефтяной отрасли различных факторов: ставки налогов, сборов и пошлин, объемы добычи и переработки нефти и газа, объем экспорта и проч. В качестве ключевых индикаторов для сравнения налоговой нагрузки компаний нефтяной отрасли России и зарубежных компаний аналогичной отрасли нами были выбраны такие показатели, как доля общих налогов в выручке, налоговая нагрузка на баррель добычи нефтяного эквивалента. В ходе исследования нами были использованы следующие методы: системный анализ, факторный анализ, экспертные оценки, финансовый анализ, бухгалтерский анализ, инструментарий статистического анализа. В результате исследования выявлено, что в целом налоговая нагрузка на баррель добычи нефтяного эквивалента компаний нефтяного сектора России сравнима со значениями аналогичного показателя крупнейших зарубежных нефтяных компаний, а в ряде случаев даже ниже их. В целом корректировки, которые произошли в российском законодательстве в 2013–2014 гг., позволили реализовать планируемые изменения в структуре налоговых поступлений российских нефтяных компаний: в настоящее время преобладают налоговые поступления от налога на добычу полезных ископаемых, в то время как в 2010–2013 гг. преобладали поступления от экспортных пошлин.

Ключевые слова

Налогообложение, нефтяная отрасль, налоговая нагрузка на баррель добычи нефтяного эквивалента, налог на прибыль, налог на добычу полезных ископаемых, экспортная пошлина, акциз.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10031

Введение

В современной экономике России нефтяная отрасль играет существенную роль как с точки зрения налоговых поступлений в бюджет, так и с точки зрения экономического роста страны. Структура доходов бюджетов разных уровней, зависимость экономики страны от экспорта нефти и нефтепродуктов определяют целесообразность построения оптимальной системы налогового регулирования в данной отрасли, которая, с одной стороны, обеспечит получение государством налоговых поступлений, с другой — будет учитывать интересы нефтедобывающих компаний.

На наш взгляд, одним из способов решения проблемы может стать переход от налогообложения валовых показателей добычи нефти и газа к налогообложению финансовых результатов нефтедобывающих компаний. При этом, по нашему мнению, целесообразно сравнить налоговую нагрузку российских и зарубежных нефтедобывающих компаний, поскольку системы налогообложения нефтедобывающих компаний в России и за рубежом существенно различаются.

Цель исследования, таким образом, состоит в уточнении структуры налогового бремени компаний нефтяной отрасли в России и зарубежных нефтедобывающих компаний.

Для решения поставленной цели необходимо уточнить классификации налогов и сборов, применяемых нефтедобывающими компаниями в России и за рубежом, оценить влияние налогового бремени на финансовые результаты российских и зарубежных нефтедобывающих компаний, провести сравнительный анализ налогового бремени на баррель добычи нефтяного эквивалента компаний нефтяной отрасли России и зарубежных компаний аналогичной отрасли.

Анализ динамики налоговой нагрузки компаний нефтяного сектора России

В настоящее время при составлении социально-экономических прогнозов развития России предполагается незначительное снижение зависимости бюджетов разных уровней от налоговых поступлений компаний нефтяной отрасли. Налоговое регулирование в странах-производителях нефти целесообразно продолжить изучением налоговой нагрузки, приходящейся на компании нефтяной отрасли [Буренина 2011]. В ходе исследования нами была произведена оценка налоговой нагрузки следующих российских и зарубежных нефтяных компаний: ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Татнефть», ПАО АНК «Башнефть», Shell, Exxon, BP, Statoil.

Целесообразно отметить, что с 1 января 2019 г. Госдума приняла Федеральный закон от 19.07.2018 N 199-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации"¹, который вводит в России налог на дополнительный доход (далее — НДД) для нефтедобывающих компаний. В рамках данного закона предполагается налогообложение выручки нефтедобывающих компаний, в свою очередь, он частично заменяет налог на добычу полезных

---

¹ Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации" от 19.07.2018 N 199-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302868/ (дата обращения: 07.11.2019).

ископаемых (далее — НДПИ) и экспортные пошлины. В настоящее время реализуется его пилотный проект, в рамках которого присутствуют ограничения по перечню месторождений и прочих условий добычи жидких углеводородов.

Ставка НДД составляет 50% от доходов от продажи нефти за вычетом экспортных пошлин, НДПИ, расходов на добычу и транспортировку нефти. После реализации пилотного проекта будет принято решение о целесообразности введения его в отрасль в целом.

Согласно оценке Минфина России, объемы добычи нефти, попадающие под НДД, будут в первые годы составлять 4% годовой добычи нефти в России. При этом большая часть добычи будет приходиться на месторождения, находящиеся в Западной Сибири².

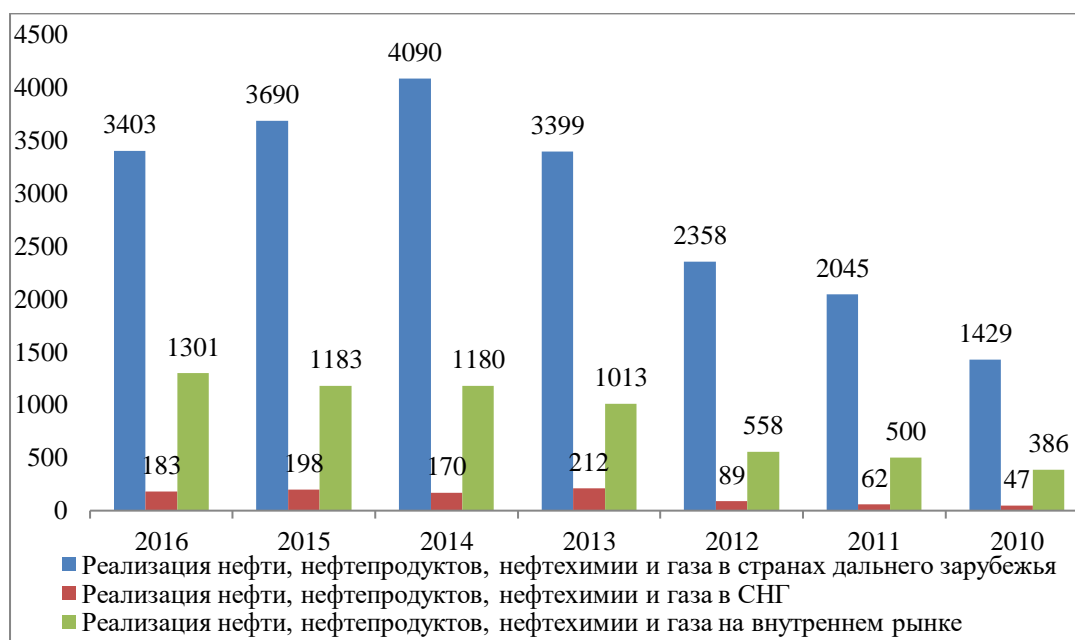
Однако сравнить налоговую нагрузку нефтедобывающих компаний до 1 января 2019 г. (до введения НДД) и налоговую нагрузку компаний после 1 января 2019 г. в настоящее время не представляется возможным, поскольку, согласно законодательству, отчетность за 2019 г. будет представлена не позднее 31 марта 2020 г. (по российским стандартам) и не позднее 1 июля 2020 г. (по международным стандартам). В связи с этим нами была произведена оценка налоговой нагрузки российских нефтедобывающих компаний по налогам и сборам, которые действовали до 1 января 2019 г.

ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Татнефть», ПАО АНК «Башнефть» являются крупнейшими нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими компаниями, экспорт сырой нефти и нефтепродуктов также является одним из видов их деятельности. Основными факторами роста выручки для российских нефтяных компаний в период 2010–2016 гг. являются рост объемов продаж и рост цен на углеводороды [Бережная 2014, 28–32]. Например, у ПАО «НК «Роснефть» в период 2014–2016 гг. наблюдается сокращение выручки от продаж, что в значительной степени связано со вступлением в силу санкционных ограничений [Бережная, Лившиц 2015, 16–22].

---

² Принят закон о введении НДД для нефтяной отрасли // Нефть Капитал [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/news/regulation/05-07-2018/prinyat-zakon-o-vvedenii-ndd-dlya-neftyanoi-otrasli> (дата обращения 06.07.2019).

Однако размер выручки во многом зависит и от ее структуры³. Для рассматриваемых компаний нефтяной отрасли России соотношение добычи, переработки и экспорта являются индивидуальными. Например, для ПАО «НК «Роснефть» структура выручки за период 2010–2016 гг. представлена на Рисунке 1.

Рисунок 1. Структура выручки ПАО «НК «Роснефть» за период 2010–2016 гг., млрд руб.⁴

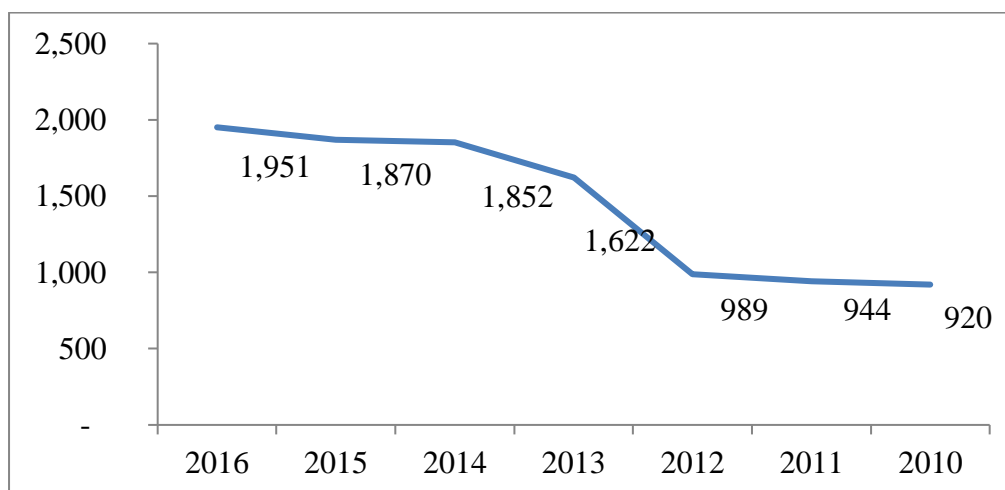
ПАО «НК «Роснефть» в основном ориентирована на экспорт нефти, нефтепродуктов, нефтехимии и газа. Дополнительные расчеты показали, что в среднем за 2010–2016 гг. на долю экспорта приходилось 78% выручки от реализации, реализация на внутреннем рынке за указанный период в среднем составляла 22%. Однако заметна тенденция к сокращению доли экспорта в выручке ПАО «НК «Роснефть» (от 79% в 2010 г. до 73% в 2016 г.) и росту реализации на внутреннем рынке (от 21% в 2010 г. до 27% в 2016 г.).

Что касается добычи нефти и газа как еще одного из видов деятельности ПАО «НК «Роснефть», то за период 2010–2016 гг. данный показатель имеет положительную тенденцию (см. Рисунок 2). Существенный рост объемов добычи замечен в 2013–2014 гг., что может объясняться интеграцией ПАО «НК «Роснефть» с компанией ТНК-ВР.

³ Минэнерго: К 2035 году добыча "трудной" нефти в России увеличится более чем в два раза // Министерство энергетики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/10094> (дата обращения: 06.01.2018).

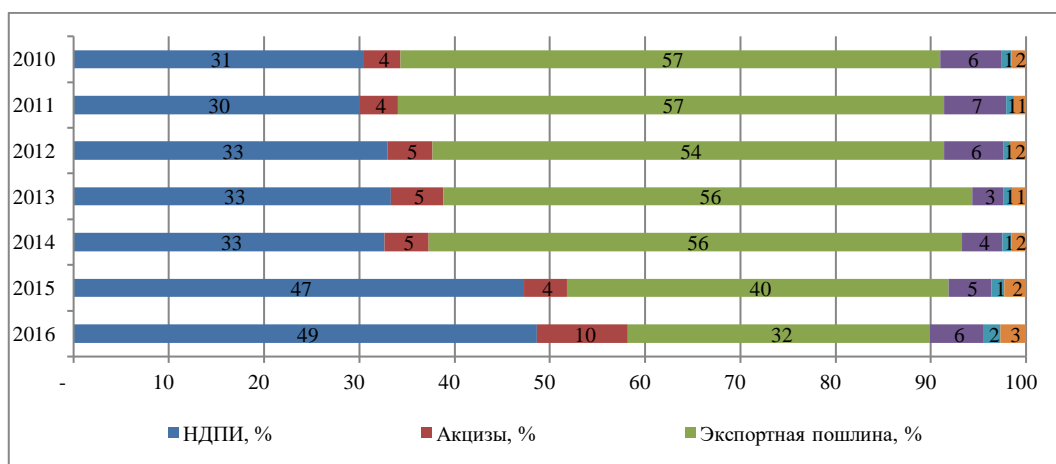
⁴ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 2. Динамика добычи углеводородов ПАО «НК «Роснефть» за период 2010–2016 гг., млн баррелей нефтяного эквивалента⁵

Анализ структуры налоговых выплат ПАО «НК «Роснефть» за 2010–2016 гг. свидетельствует о преобладании в период 2010–2014 гг. в структуре налоговых платежей экспортных пошлин (см. Рисунок 3). Однако после 2014 г. из-за изменений, которые произошли в законодательстве, в структуре налоговых платежей компании преобладает налог на добычу полезных ископаемых [Бобылев и др. 2012].

Рисунок 3. Структура налоговых выплат ПАО «НК «Роснефть» за 2010–2016 гг.⁶

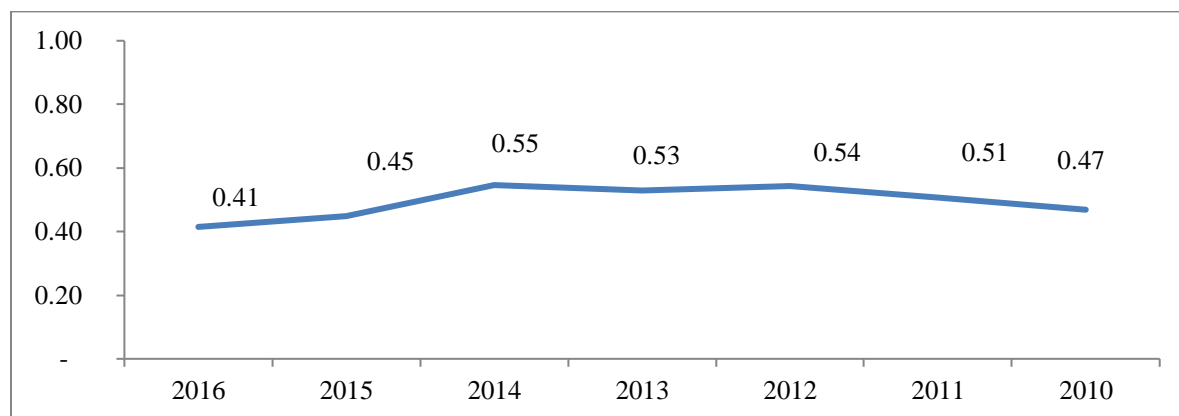
При этом на рисунке видно, что корпоративные налоги (налог на прибыль, налог на имущество, начисления на фонд оплаты труда и проч.) компании незначительные и составляют в среднем за рассматриваемый период 8% общего налогового бремени. Это связано с тем, что компания в основном ориентирована на

⁵ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

⁶ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

добычу нефти и газа и на их экспорт, поэтому основными налогами и сборами у ПАО «НК «Роснефть» являются НДС, экспортные пошлины и акцизы [Татаренко 2013].

Для оценки налогового бремени ПАО «НК «Роснефть» нами был рассчитан показатель доли общей налоговой нагрузки в выручке компании (см. Рисунок 4).

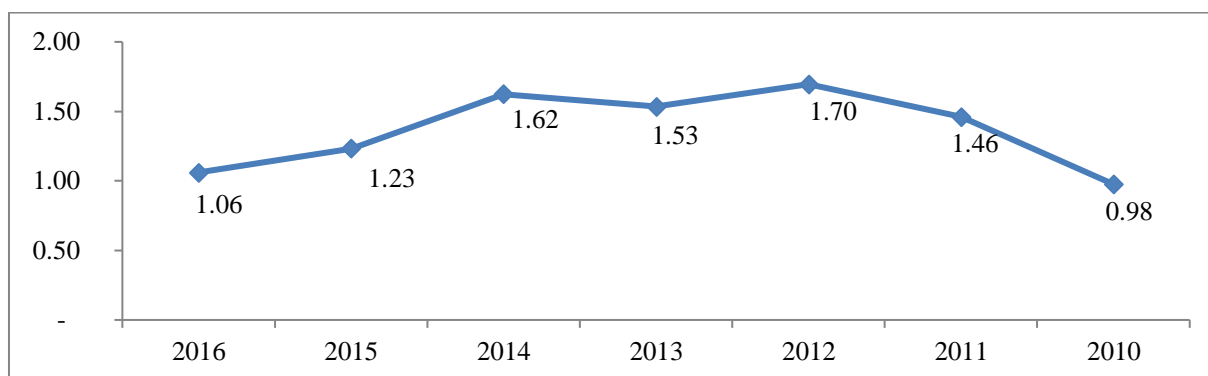

Рисунок 4. Динамика доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО «НК «Роснефть» за 2010–2016 гг.⁷

Для данного показателя характерен понижающийся тренд. Это объясняется тем, что темпы роста выручки превышали темпы роста налоговых платежей ПАО «НК «Роснефть» за рассматриваемый период. Средний темп прироста выручки компании за период 2010–2016 гг. составил 17%, в то время как средний темп прироста налоговых платежей за указанный период составил 15%. Разрыв небольшой, однако в отдельные периоды снижение доли общей налоговой нагрузки в выручке особенно заметно, например в период 2014–2016 гг. (с 55% в 2014 г. до 41% в 2016 г.).

Для последующего сравнения компаний нефтяной отрасли России и зарубежных компаний аналогичной отрасли нами был дополнительно рассчитан показатель общей налоговой нагрузки на баррель добычи нефтяного эквивалента (далее — н.э.). Динамика данного показателя для ПАО «НК «Роснефть» приведена на Рисунке 5.

⁷ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 5. Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «НК «Роснефть» за 2010–2016 гг.⁸

Для ПАО «НК «Роснефть» динамику данного показателя представляется возможным разбить на два этапа. На первом этапе, в период 2010–2012 гг., наблюдается рост показателя, который обусловлен превышением темпов роста налоговых платежей над темпами роста добычи углеводородов. Для второго этапа, в период 2012–2016 гг., характерна прямо противоположная тенденция, то есть снижение показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. В данном случае это объясняется тем, что темпы роста добычи нефти и газа превышали темпы роста налоговых платежей.

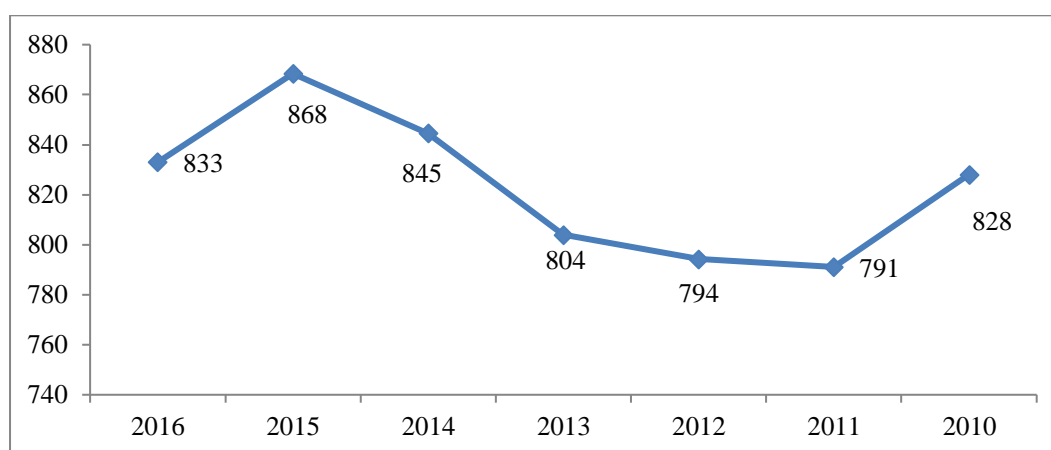
Что касается структуры выручки ПАО «ЛУКОЙЛ», то в ней также преобладают доходы от экспорта углеводородов и нефтехимии (см. Рисунок 6). За период 2010–2016 гг. на долю экспорта в общей выручке ПАО «ЛУКОЙЛ» приходилось 84%, в то время как продажи на внутреннем рынке находились в пределах 16% от общей выручки компании. В то же время если у ПАО «НК «Роснефть» наблюдалась тенденция к сокращению доли экспорта в общей выручке, то у ПАО «ЛУКОЙЛ» структура выручки стабильна за весь рассматриваемый период (колебания составляют 1–2% в отдельные годы). В свою очередь, для ПАО «ЛУКОЙЛ» рост выручки в 2010–2011 гг. сменился ее снижением в 2012 г., что связано с падением объемов продаж нефтепродуктов при относительно стабильных продажах нефти, газа и нефтехимии [Абдулкадыров и др. 2016, 31–41].

⁸ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 6. Структура выручки ПАО «ЛУКОЙЛ» за период 2010–2016 гг., млрд руб.⁹

Объемы добычи нефти и газа ПАО «ЛУКОЙЛ» растут в период 2012–2015 гг. (см. Рисунок 7). Однако в 2016 году объемы добычи падают, что связано с продажей ряда активов компании, расположенных в России, Украине, Казахстане. Аналогичное снижение добычи углеводородов наблюдается также в 2011 г., что объясняется увеличением уровня естественной выработанности месторождений Западной Сибири, обводненностью ряда месторождений и пересмотром геологических моделей месторождений.

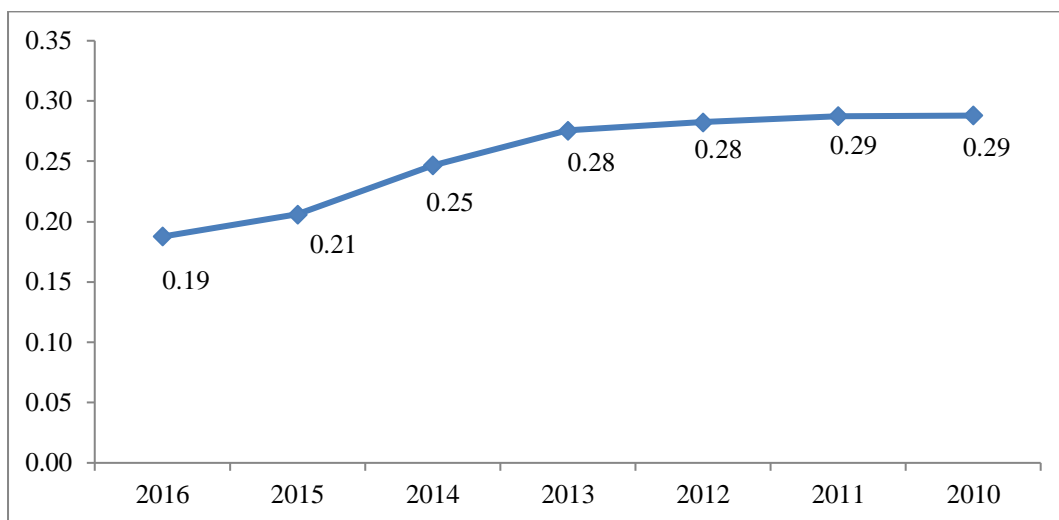

Рисунок 7. Динамика добычи углеводородов ПАО «ЛУКОЙЛ» за период 2010–2016 гг., млн баррелей нефтяного эквивалента¹⁰

⁹ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

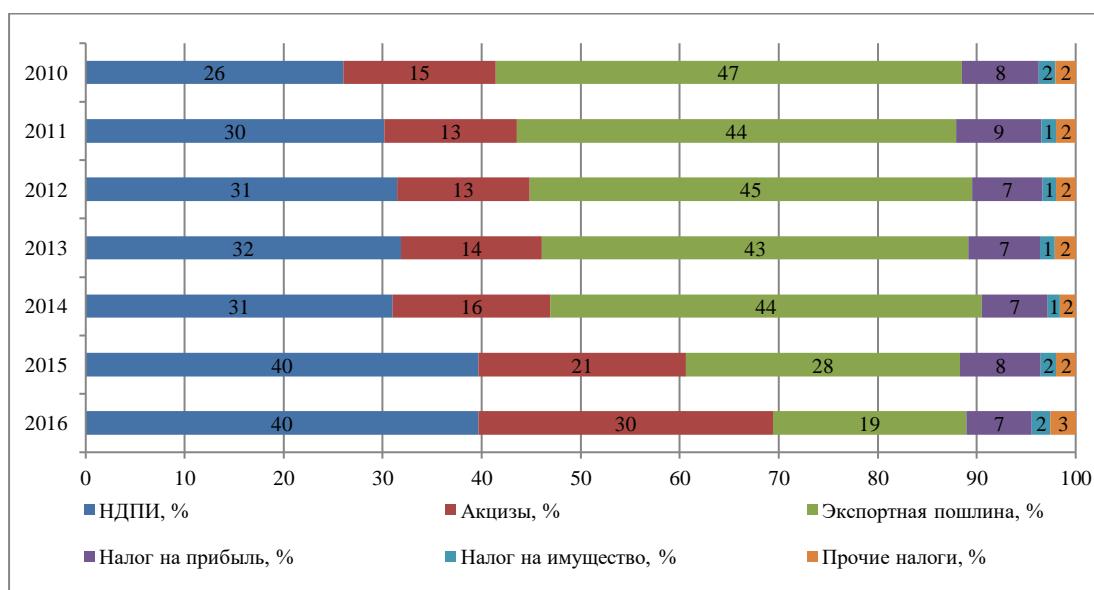
¹⁰ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Показатель доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО «ЛУКОЙЛ» снижается за весь рассматриваемый период (см. Рисунок 8). Как и у ПАО «НК «Роснефть», у компании ПАО «ЛУКОЙЛ» это объясняется превышением темпов роста выручки над темпами роста налоговых платежей.

Рисунок 8. Динамика доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО «ЛУКОЙЛ» за 2010–2016 гг.¹¹

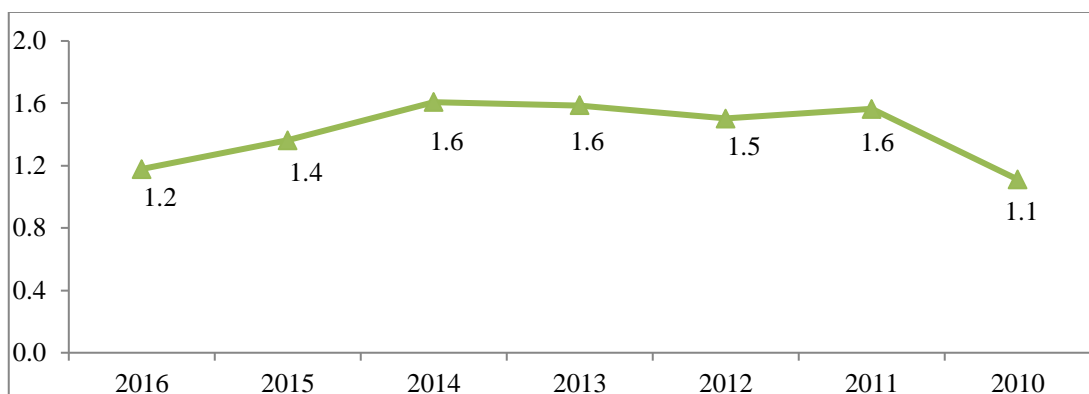
Изменения в структуре налоговых выплат ПАО «ЛУКОЙЛ» за 2010–2016 гг., так же как и у ПАО «НК «Роснефть», связаны с законодательством. Как видно из Рисунка 9, с 2015 г. в структуре налоговых платежей ПАО «ЛУКОЙЛ» преобладает НДС [Бобылев 2010].

Рисунок 9. Структура налоговых выплат ПАО «ЛУКОЙЛ» за 2010–2016 гг.¹²

¹¹ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

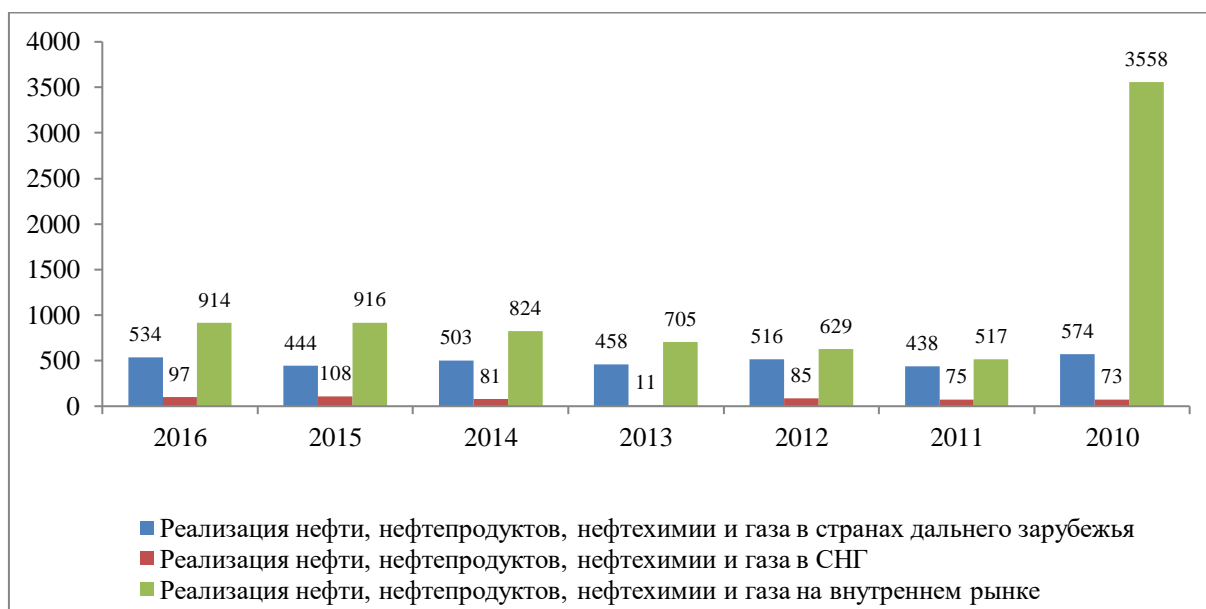
Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «ЛУКОЙЛ» приведена на Рисунке 10.

Рисунок 10. Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «ЛУКОЙЛ» за 2010–2016 гг.¹³

Рост показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «ЛУКОЙЛ» в 2011 г., по сравнению с 2010 г., связан со снижением объемов добычи углеводородов (см. выше). В свою очередь, снижение данного показателя в период 2014–2016 гг. объясняется превышением темпов роста добычи нефти и газа над темпами роста налоговых платежей.

Структура выручки ПАО «Газпром нефть» представлена на Рисунке 11.

Рисунок 11. Структура выручки ПАО «Газпром нефть» за период 2010–2016 гг., млрд руб.¹⁴

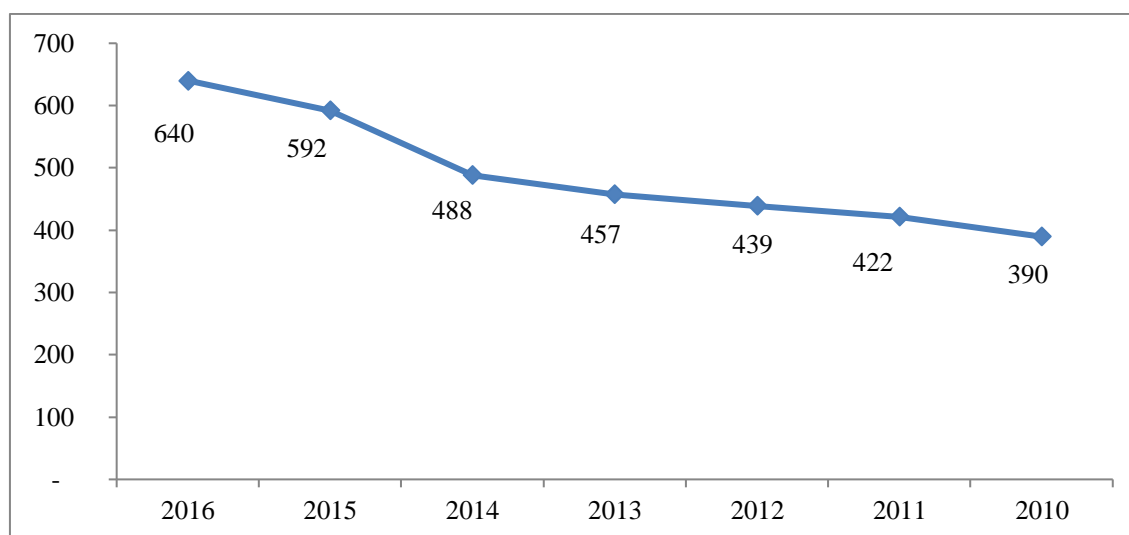
¹² Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

¹³ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Большая доля выручки приходится на реализацию углеводородов и нефтехимии на внутреннем рынке. За период 2010–2016 гг. продажи компании на внутреннем рынке в среднем составляли 61% от общей выручки, экспорт в страны дальнего зарубежья и СНГ составлял в среднем 39% от общей выручки. Дополнительный анализ динамики структуры выручки ПАО «Газпром нефть» показал, что в период 2010–2016 гг. компания постепенно увеличивает долю экспорта в общей выручке (от 15% в 2010 г. до 41% в 2016 г.) и, соответственно, уменьшает долю продаж на внутреннем рынке (от 85% в 2010 г. до 59% в 2016 г.).

Динамика объемов добычи нефти и газа ПАО «Газпром нефть» в период 2010–2016 гг. представлена на Рисунке 12. Объемы добычи углеводородов стабильно растут за весь рассматриваемый период.

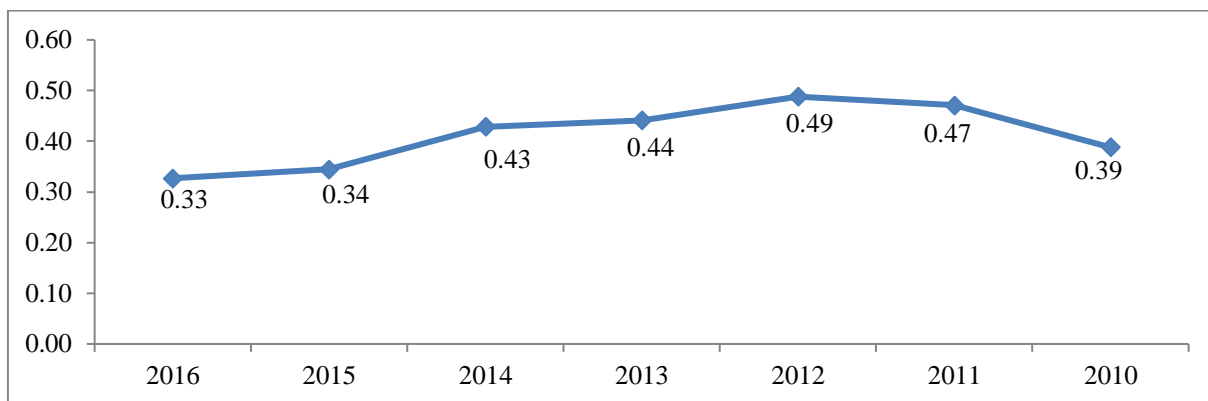

Рисунок 12. Динамика добычи углеводородов ПАО «Газпром нефть» за период 2010–2016 гг., млн баррелей нефтяного эквивалента¹⁵

Доля налогов в выручке ПАО «Газпром нефть» снижается в период 2012–2016 гг., в то время как в 2010–2012 гг. данный показатель имел положительную динамику (см. Рисунок 13). Однако в целом доля налогов в выручке ПАО «Газпром нефть» имеет понижающийся тренд, поскольку за период 2010–2016 гг. средний темп прироста выручки составил 7%, при этом средний темп прироста налоговых платежей за тот же период равен 4%.

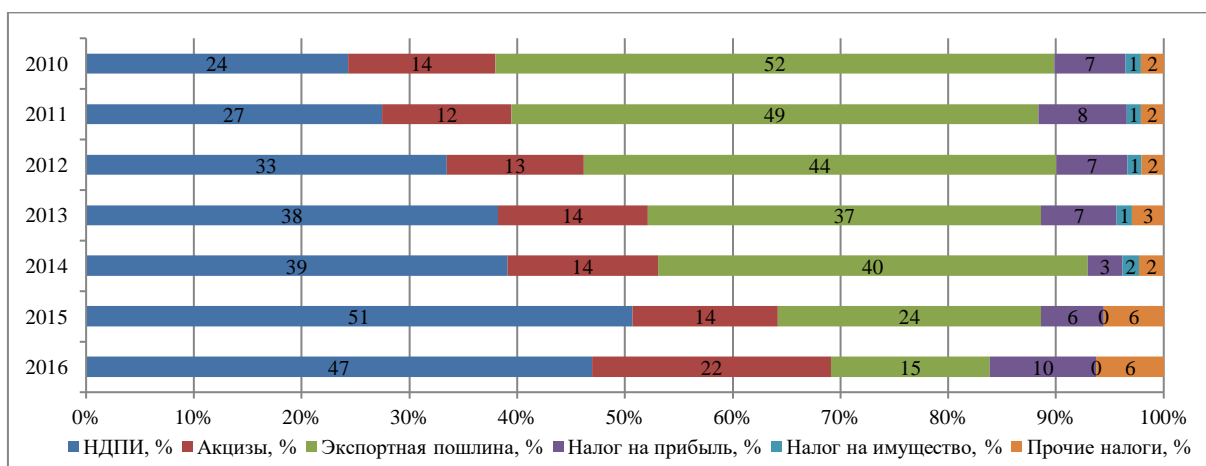
¹⁴ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

¹⁵ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 13. Динамика доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО «Газпром нефть» за 2010–2016 гг.¹⁶

Как и у ПАО «НК «Роснефть», и ПАО «ЛУКОЙЛ», динамика структуры налоговых выплат ПАО «Газпром нефть» за 2010–2016 гг. определяется изменениями в законодательстве (см. Рисунок 14).

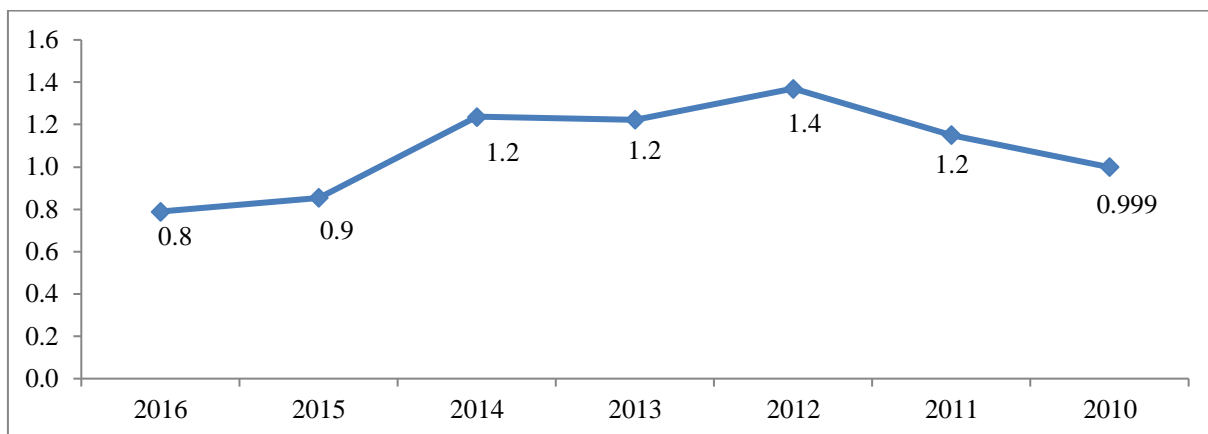

Рисунок 14. Структура налоговых выплат ПАО «Газпром нефть» за 2010–2016 гг.¹⁷

Снижение показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «Газпром нефть» в период 2012–2016 гг. объясняется превышением темпов роста добычи нефти и газа над темпами роста налоговых платежей. Общий вид графика, представленного на Рисунке 15, практически полностью повторяет график, представленный на Рисунке 13. В обоих случаях вид графиков определяется снижением налоговой нагрузки компании, ростом выручки ПАО «Газпром нефть» и объемов добычи углеводородов.

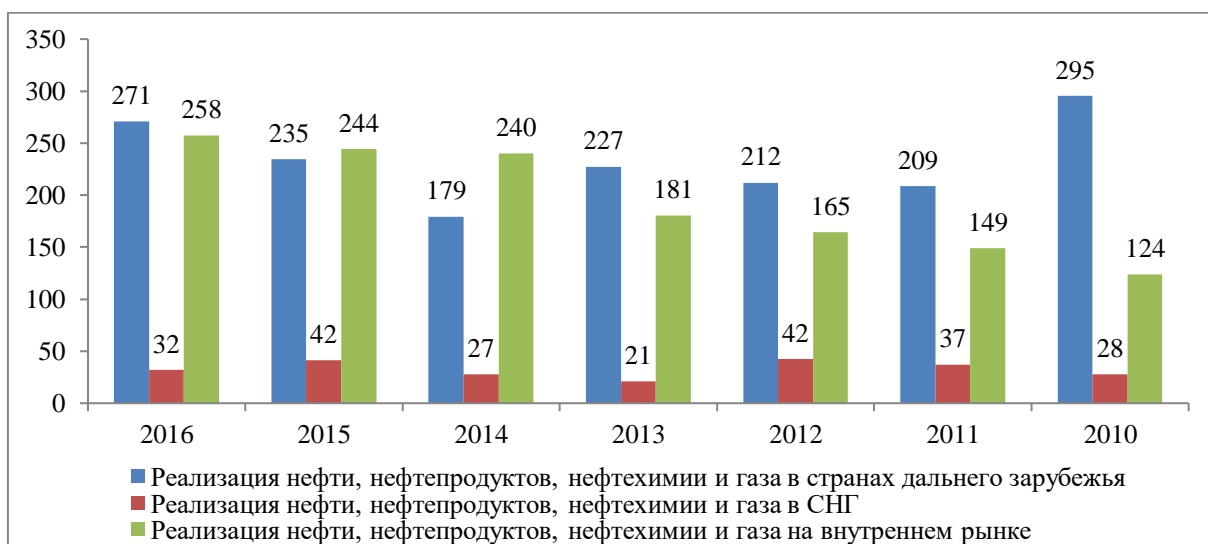
¹⁶ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

¹⁷ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 15. Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «Газпром нефть» за 2010–2016 гг.¹⁸

В структуре выручки ПАО «Татнефть» преобладают доходы, полученные от реализации нефти, нефтепродуктов, нефтехимии и газа в странах дальнего зарубежья и СНГ (см. Рисунок 16). В среднем за 2010–2016 гг. на долю экспорта приходилось 58% общей выручки от реализации. В свою очередь, доля выручки от реализации нефти, нефтепродуктов, нефтехимии и газа на внутреннем рынке за период 2010–2016 гг. в среднем составляла 42%. Вместе с тем, как и ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Татнефть» постепенно сокращает долю экспорта в общей выручке (от 72% в 2010 г. до 54% в 2016 г.) и увеличивает рост выручки от реализации на внутреннем рынке (от 28% в 2010 г. до 46% в 2016 г.).

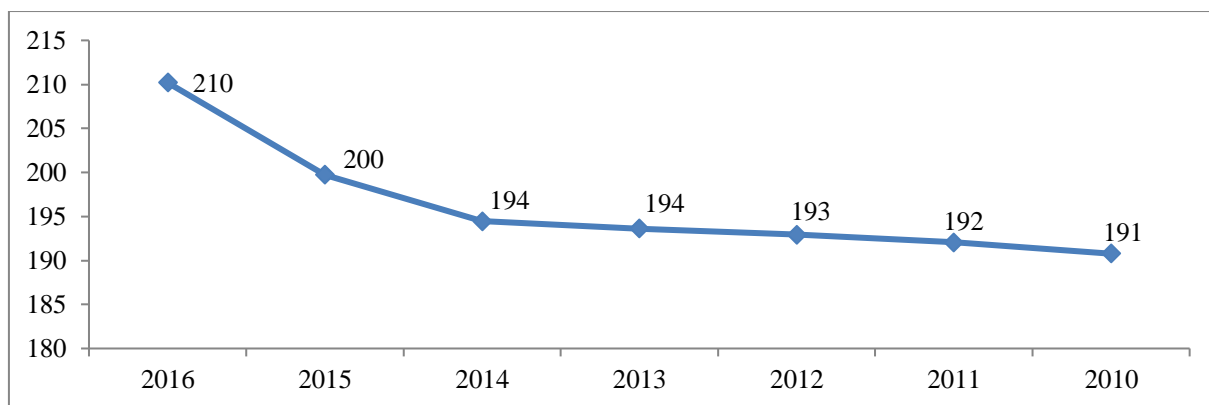

Рисунок 16. Структура выручки ПАО «Татнефть» за период 2010–2016 гг., млрд руб.¹⁹

¹⁸ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

¹⁹ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

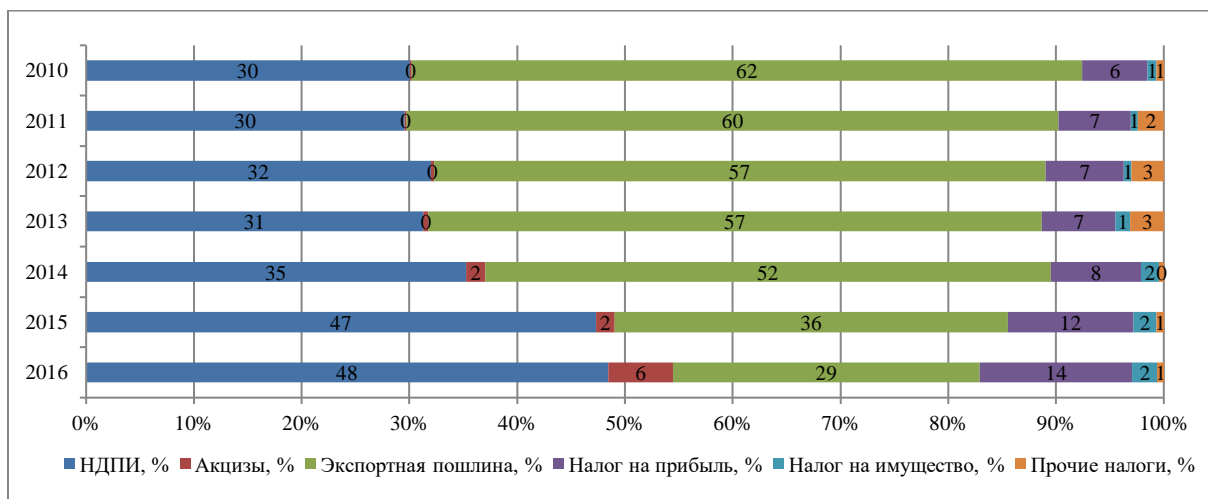
Динамика добычи нефти и газа ПАО «Татнефть» за период 2010–2016 гг. представлена на Рисунке 17. Динамика добычи углеводородов имеет положительную тенденцию. Значительный рост объемов добычи углеводородов ПАО «Татнефть» произошел в период 2014–2016 гг. В данном случае рост объемов добычи объясняется оптимизацией технологического процесса добычи углеводородов. В частности, компания применяет новые технологии повышения нефтеотдачи пластов, вводит в эксплуатацию новые скважины на уже имеющихся месторождениях.

Рисунок 17. Динамика добычи углеводородов ПАО «Татнефть» за период 2010–2016 гг., млн баррелей н.э.²⁰

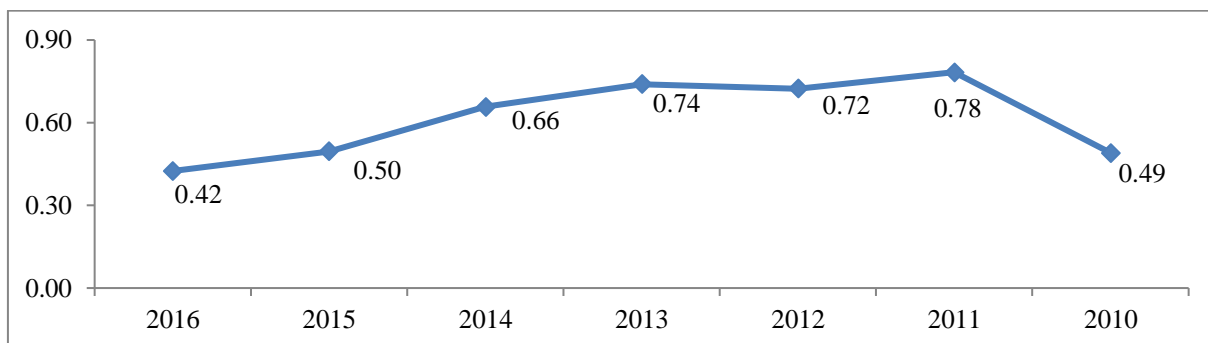
Как и у рассмотренных выше компаний нефтяной отрасли России, у ПАО «Татнефть» до 2014 г. в структуре налоговых выплат преобладают экспортные пошлины (см. Рисунок 18). Изменения, которые привели к преобладанию в структуре налоговых выплат ПАО «Татнефть» НДС после 2014 г., также связаны с законодательством. Кроме законодательных изменений, на рост доли НДС в структуре налоговых выплат повлияли и растущие объемы добычи углеводородов. Корпоративные налоги ПАО «Татнефть» незначительны, составляют в среднем 4% налоговых платежей компании за период 2010–2016 гг. [Зубарева и др. 2015, 24–29].

²⁰ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 18. Структура налоговых выплат ПАО «Татнефть» за 2010–2016 гг.²¹

Показатель доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО «Татнефть» (см. Рисунок 19) падает с 2011 г., поскольку темпы роста выручки превышали темпы роста налоговых платежей за рассматриваемый период. Так, средний темп прироста выручки ПАО «Татнефть» за период 2010–2016 гг. составил 4%, в то время как средний темп прироста налоговых платежей за указанный период составил 1%.

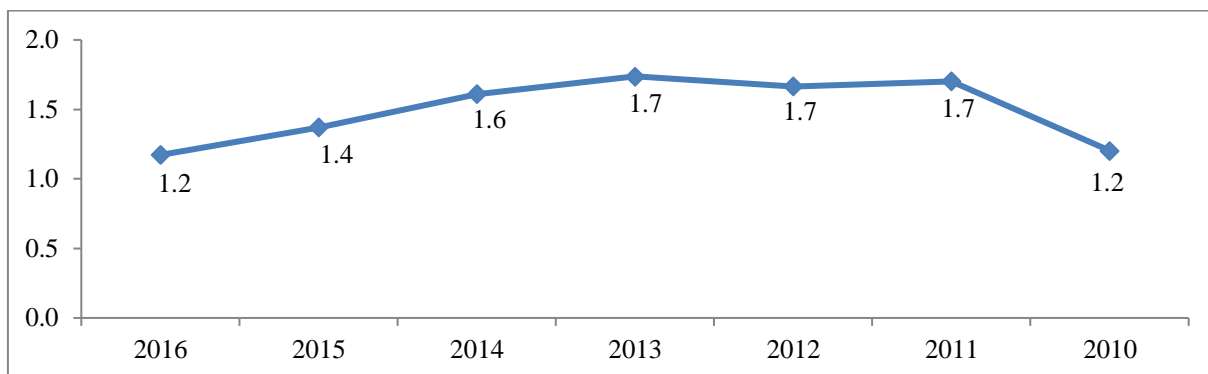

Рисунок 19. Динамика доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО «Татнефть» за 2010–2016 гг.²²

Показатель общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «Татнефть» также демонстрирует тенденцию к снижению в период 2011–2016 гг. (см. Рисунок 20). Как и для компаний нефтяной отрасли России, рассмотренных выше, подобная динамика объясняется превышением темпов роста добычи нефти и газа над темпами роста налоговых платежей ПАО «Татнефть».

²¹ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

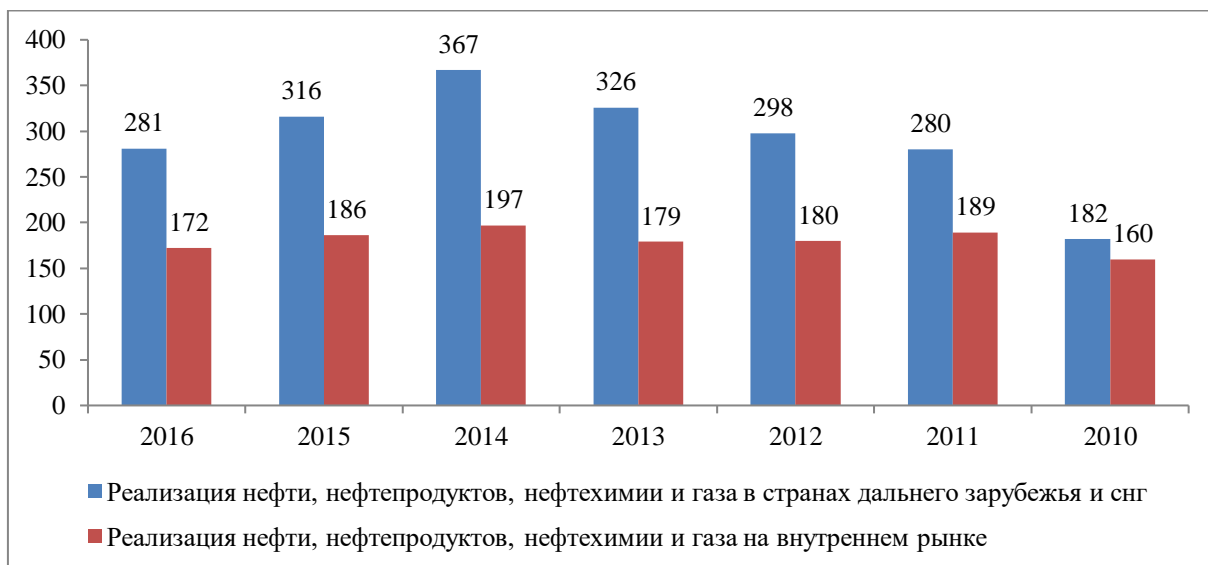
²² Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Рисунок 20. Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО «Татнефть» за 2010–2016 гг.²³

На Рисунке 21 представлена структура выручки ПАО АНК «Башнефть» за период 2010–2016 гг. В течение рассматриваемого периода компания делала акцент на экспорт. В среднем за 2010–2016 гг. экспорт составлял 61% общей выручки от реализации, а доля выручки от реализации продукции на внутреннем рынке составляла 39%.

Кроме того, компания постепенно увеличивает долю экспорта от 53% в 2010 г. до 62% в 2016 г. В свою очередь, доля выручки на внутреннем рынке сократилась от 47% в 2010 г. до 38% в 2016 г.

Рисунок 21. Структура выручки ПАО АНК «Башнефть» за период 2010–2016 гг., млрд руб.²⁴

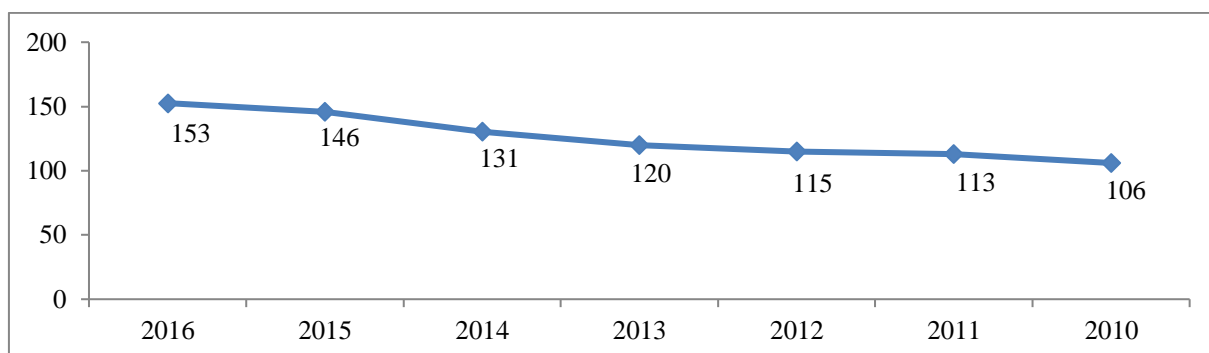
²³ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

²⁴ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

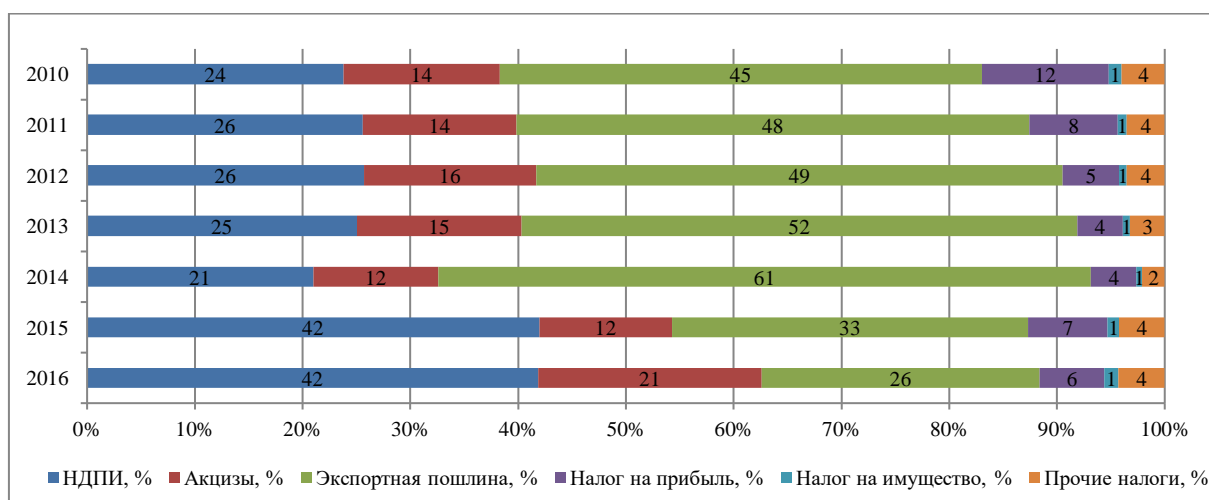
Объемы добычи углеводородов ПАО АНК «Башнефть» растут в период 2010–2016 гг. (см. Рисунок 22). Объемы добычи углеводородов за рассматриваемый период растут примерно равными темпами, но максимум роста приходится на 2013–2015 гг. На рост объемов добычи компании повлияли следующие события:

- начало разработки новых месторождений в Ненецком автономном округе;
- присоединение компании ООО «Бурнефтегаз», занимающейся добычей нефти в Тюменской области.

Рисунок 22. Динамика добычи углеводородов ПАО АНК «Башнефть» за период 2010–2016 гг., млн баррелей н.э.²⁵

До 2014 г. в структуре налоговых выплат преобладают экспортные пошлины (см. Рисунок 23). У ПАО АНК «Башнефть», как и у рассмотренных выше компаний, основными факторами, которые определили изменения в структуре налоговых выплат, являются изменения в законодательстве и растущие объемы добычи углеводородов.

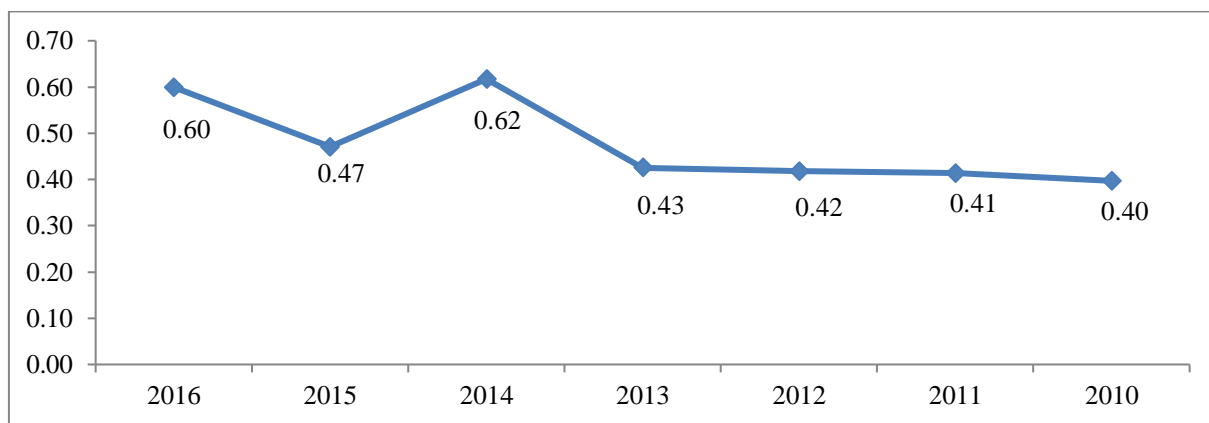

Рисунок 23. Структура налоговых выплат ПАО АНК «Башнефть» за 2010–2016 гг.²⁶

²⁵ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

Доля налоговых платежей в выручке ПАО АНК «Башнефть» имеет разнонаправленную динамику в период 2010–2016 гг. (см. Рисунок 24). В период 2010–2013 гг. данный показатель растет на 1% в год, и данный рост обусловлен незначительным ростом налоговых платежей. В 2014 г. замечен существенный рост доли налоговых платежей в выручке (на 19% по сравнению с 2013 г.). Это объясняется ростом налоговых платежей компании на 37%, по сравнению с уровнем 2013 г., при росте выручки на 13%. При этом рост налоговых платежей ПАО АНК «Башнефть» в 2014 г. связан с существенным ростом экспортных пошлин, который определяется как ростом объемов экспорта, так и ростом ставок экспортных пошлин.

Аналогичный рост доли налоговых платежей в выручке ПАО АНК «Башнефть» наблюдается в 2016 г. Однако в данном случае причины несколько иные, они определяются темпами прироста выручки и налогов в 2015 г. Так, например, выручка ПАО АНК «Башнефть» в 2015 г. снизилась на 4% по сравнению с уровнем 2014 г., а налоговые платежи снизились на 30%. Это привело к снижению показателя доли налоговых платежей в выручке ПАО АНК «Башнефть» в 2015 г. до значения 0,47 (против 0,62 в 2014 г.). В 2016 г. выручка и налоговые платежи также продолжают падать, но меньшими темпами, что и повлияло на рост доли налоговых платежей в выручке ПАО АНК «Башнефть» 2016 г. до 0,60 против 0,47 в 2015 г.

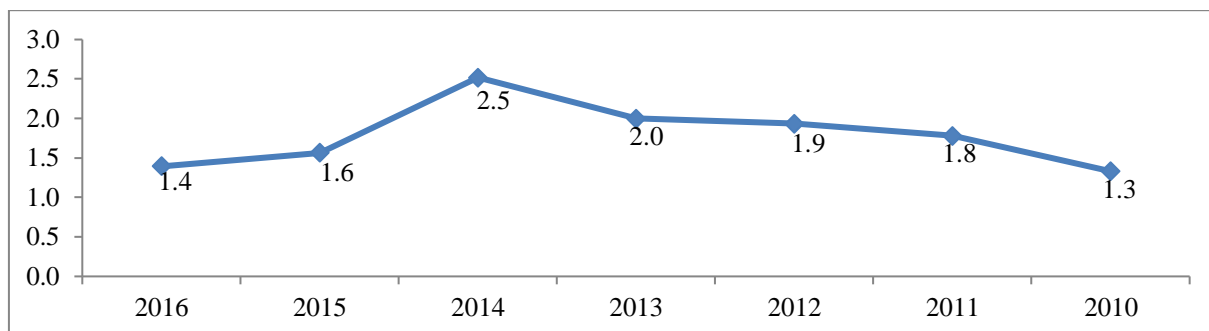
Рисунок 24. Динамика доли общей налоговой нагрузки в выручке ПАО АНК «Башнефть» за 2010–2016 гг.²⁷

Динамику общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО АНК «Башнефть» также можно условно разбить на два периода: 2010–2014 гг. и 2014–2016 гг. (см. Рисунок 25). В период 2010–2014 гг. общая налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. демонстрировала относительно стабильный рост, который обеспечивали

²⁶ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

²⁷ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

плавный рост выручки и налоговых платежей. В период 2014–2016 гг. заметно резкое падение показателя, которое связано с существенным снижением налоговых платежей (прежде всего за счет снижения экспортных пошлин).

Рисунок 25. Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. ПАО АНК «Башнефть» за 2010–2016 гг.²⁸

Целесообразно отметить, что при налогообложении компаний России присутствует региональность. Это также относится к нефтедобывающей отрасли. В целом выделяют федеральные, региональные и местные налоги. В Таблице 1 представлена классификация налогов с учетом предлагаемого нами разделения налогов на корпоративные и отраслевые.

Таблица 1. Классификация налогов и сборов компаний нефтедобывающей отрасли России²⁹

Корпоративные			Отраслевые		
Федеральные	Региональные	Местные	Федеральные	Региональные	Местные
Налог на прибыль	Налог на имущество организаций		НДПИ		
Начисления на ФОТ (Фонд оплаты труда)			Акцизы		
			Экспортные пошлины		

Федеральные налоги и сборы имеют одинаковые ставки на территории России, их размер (налогов и сборов) в каждой компании зависит, скорее, от особенностей определения налогооблагаемой базы. Ставки региональных налогов и сборов определяются законами субъекта РФ и могут различаться в зависимости от региона. Ставки местных налогов могут быть определены как местными органами самоуправления в пределах муниципалитета, так и законами федерального уровня.

²⁸ Составлено автором по отчетам компании за 2010–2016 гг.

²⁹ Составлено автором.

Нами были рассмотрены компании, осуществляющие свою деятельность в следующих регионах: г. Москва, Республика Татарстан, Республика Башкортостан. Важно отметить, что налог на имущество организаций на территории всех трех регионов имеет одинаковую ставку — 2,2% от среднегодовой стоимости имущества.

Таким образом, территориальное расположение компаний не является основным фактором, определяющим величину налоговых платежей по налогу на имущество организаций. Представляется, что в данном случае величина налога в первую очередь зависит от среднегодовой стоимости имущества компаний. Так, например, ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «ЛУКОЙЛ» имеют самые высокие значения показателя среднегодовой стоимости имущества и, соответственно, высокие значения налоговых платежей по налогу на имущество организаций по сравнению с аналогичными показателями других рассмотренных компаний нефтегазовой отрасли России.

Таким образом, представляется возможным выделить ряд особенностей, характерных для большинства анализируемых компаний нефтяной отрасли России.

Во-первых, у всех компаний с 2014 г. наблюдается рост доли НДПИ с одновременным снижением доли экспортных пошлин. Это объясняется как ростом объемов добычи углеводородов, так и ростом ставок НДПИ, постепенным переносом на этот налог задачи изъятия природной ренты [Терехова 2014].

Во-вторых, сравнение тенденций в изменении показателей общей налоговой нагрузки и выручки для всех рассматриваемых компаний нефтяной отрасли России показало наличие схожих трендов. В большей степени схожая динамика наблюдается по выручке и общей налоговой нагрузке, поскольку в России большинство налогов и сборов в нефтяной отрасли прямо или косвенно зависят от выручки или объемов добычи и реализации продукции³⁰.

В-третьих, ранжирование компаний по доле общей налоговой нагрузки в выручке не всегда соответствует их ранжированию по размеру выручки [Жаворонкова 2015]. Поскольку компании могут иметь месторождения, которые попадают под установленные законодательством льготы по налогообложению, это приводит к тому, что объем добычи растет большими темпами, чем налоги. У компаний ПАО «Татнефть» и ПАО АНК «Башнефть» ситуация прямо противоположная. У них мало «льготных» месторождений, соответственно, доля налоговой нагрузки в выручке велика [Воробьев 2014].

---

³⁰ Дайджест: налог на финансовый результат. С. 8 // Docplayer [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/33299543-Daydzhest-tema-vypuska-nalog-na-finansovyy-rezultat.html> (дата обращения: 03.01.2019).

В-четвертых, доля отраслевых налогов в выручке компаний нефтяного сектора России в 5 раз превышает долю корпоративных налогов в выручке³¹. Это связано с тем, что отраслевые налоги в большей степени связаны с объемами добычи углеводородов, экспортом, объемом продаж. В свою очередь, корпоративные налоги в большинстве случаев связаны с финансовыми результатами компаний, которыми в определенной степени можно манипулировать³².

Оценка влияния действующих налоговых режимов на зарубежные нефтяные компании

Для сравнения действующих налоговых режимов для компаний нефтяной отрасли России и налоговых режимов для крупнейших иностранных нефтяных компаний нами была оценена динамика ряда индикаторов для таких компаний, как Royal Dutch Shell, ExxonMobil, BP, Statoil, на основании открытых публичных источников данных за 2010–2016 гг. [Журавлев 2017].

Компания Royal Dutch Shell (далее — Shell) является крупнейшей нефтегазовой компанией в мире. Она специализируется на добыче природного газа, его транспортировке и проч., добыче нефти, переработке нефти, продаже нефтепродуктов биотоплива и серы.

Компания ExxonMobil (далее — Exxon) — американская нефтегазовая компания. Ее основные виды деятельности — добыча нефти и газа, нефтепереработка и реализация нефти и газа, химическая промышленность.

Компания BP — британская нефтегазовая компания, которая ведёт добычу нефти и газа как на суше, так и на шельфе и в открытом море. Кроме того, компания занимается нефтепереработкой и производством нефтехимической продукции, реализует проекты по производству биотоплива.

Компания Statoil — норвежская нефтегазовая компания, которая занимается добычей нефти, газа, реализует проекты в области морских ветров и возобновляемых источников энергии.

Самая высокая налоговая нагрузка характерна для компании Exxon, прежде всего, как и у российских компаний, за счет отраслевых налогов (налоги, кроме налога на прибыль). Компании Shell, Statoil, BP имеют примерно равную налоговую нагрузку

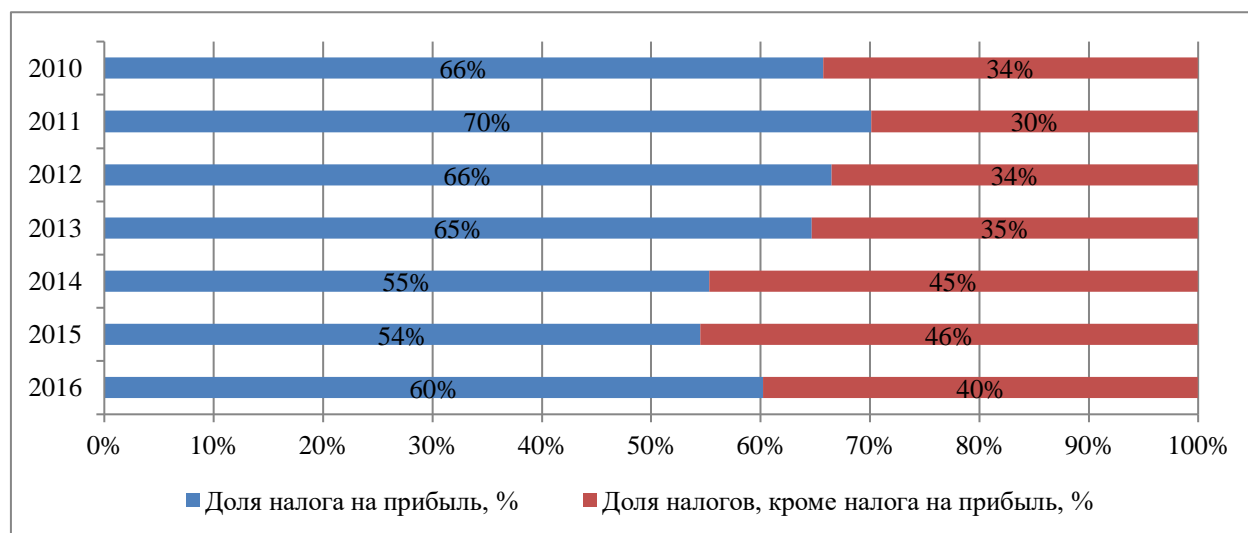
³¹ Хомутов И.А. Налогообложение российской нефтяной отрасли: системный подход к реформированию // ИГ «Петромаркет». URL: http://www.petromarket.ru/public/Publication_2016-08-04.pdf (дата обращения: 03.01.2019).

³² Суслина А. Сложности в достижении бюджета-2015 // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/33685121/sdelat-nevozmozhnoe> (дата обращения: 07.08.2019).

преимущественно за счет высокого налога на прибыль. При этом если для компании Shell высокий налог на прибыль определяется высокой налогооблагаемой базой, то для Statoil высокий налог — это результат высоких ставок налога на прибыль. Так, например, средняя реальная ставка налога на прибыль у компании Statoil в 2010–2016 гг. составляет 41%, у Exxon — 31%, Shell — 34%, у BP — 25%. Разница реальных ставок налога на прибыль у рассматриваемых компаний определяется спецификой налоговых систем стран, налоговыми резидентами которых являются Shell, Exxon, BP, Statoil [Жаворонкова 2015; Бобылева, Жаворонкова, Львова 2015].

Что касается структуры налоговой нагрузки, то, насколько она может быть изучена по имеющейся отчетности, для компаний Shell, Statoil, BP в ней преобладает налог на прибыль. В свою очередь, в структуре налоговой нагрузки Exxon преобладают налоги, за исключением налога на прибыль (отраслевые налоги). Их доля в общей налоговой нагрузке Exxon в период 2010–2016 гг. составляет в среднем 80%.

В среднем за период 2010–2016 гг. доля налога на прибыль в структуре налоговой нагрузки у компаний Shell, Exxon, Statoil, BP составила 65%. В свою очередь, доля налогов, за исключением налога на прибыль, составила в среднем 35% (см. Рисунок 26).

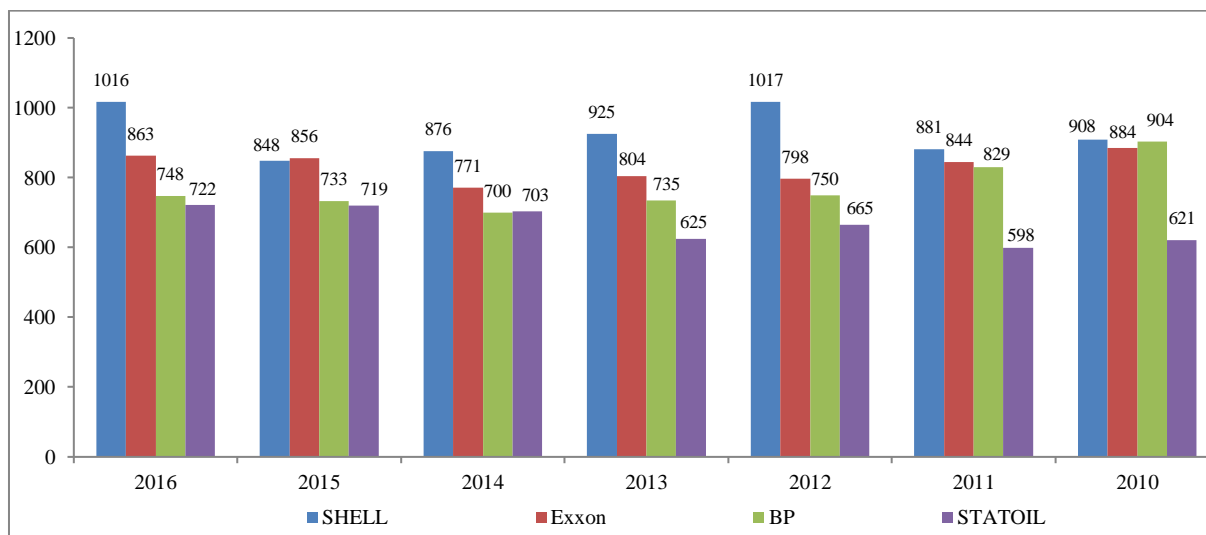

Рисунок 26. Динамика структуры налоговой нагрузки в среднем для крупнейших иностранных нефтяных компаний за 2010–2016 гг., %³³

³³ Составлено автором по отчетам компаний за 2010–2016 гг.

В ходе анализа нами была оценена динамика общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. крупнейших иностранных нефтяных компаний за 2010–2016 гг. (Shell, Exxon, BP, Statoil). На Рисунке 27 представлена динамика показателя совокупной добычи углеводородов крупнейших иностранных нефтяных компаний за 2010–2016 гг.

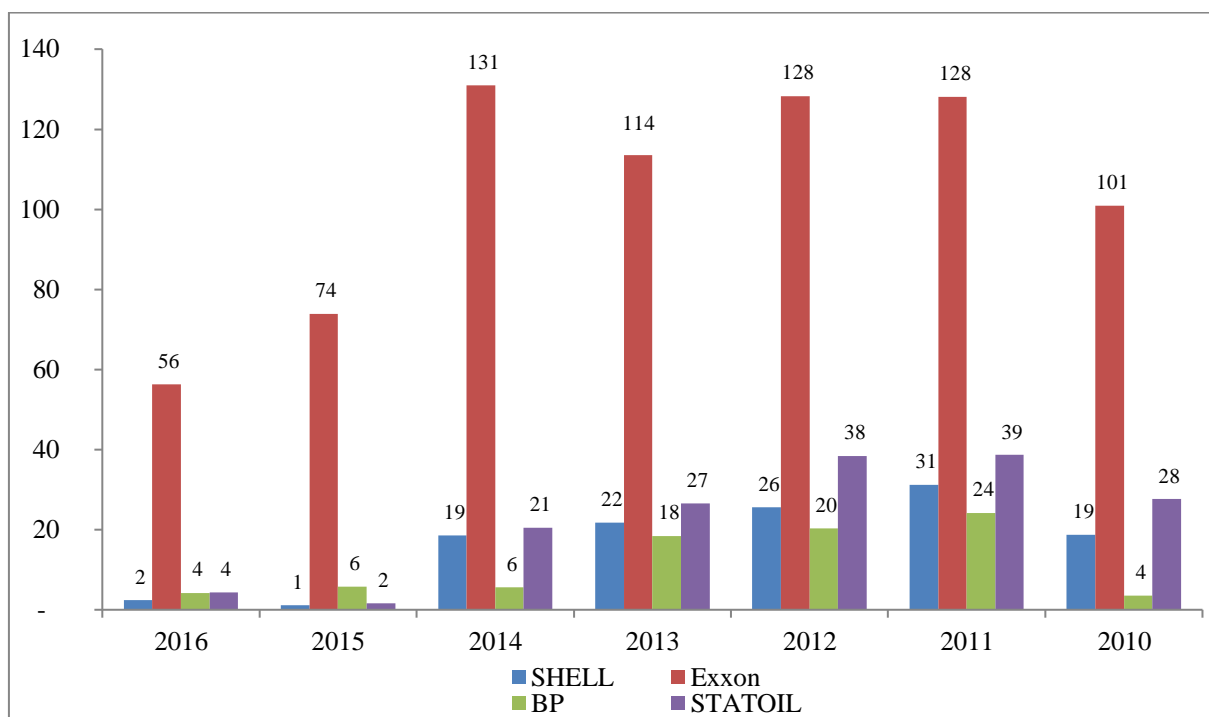

Рисунок 27. Динамика совокупной добычи углеводородов крупнейших иностранных нефтяных компаний за 2010–2016 гг., млн баррелей н.э.³⁴

Представляется возможным отметить, что у всех рассмотренных зарубежных нефтяных компаний за период 2010–2016 гг. практически равные средние темпы прироста добычи углеводородов (около 1%). Объемы добычи, безусловно, разнятся — они определяются размером компаний, регионами их деятельности, техническими возможностями компаний, характеристиками месторождений, физико-химическими свойствами добываемых углеводородов и проч. [Хмелев 2013].

На Рисунке 28 представлена динамика показателя налоговой нагрузки на баррель добычи н.э.

³⁴ Составлено автором по отчетам компаний за 2010–2016 гг.

Рисунок 28. Динамика показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи нефтяного эквивалента крупнейших иностранных нефтяных компаний за 2010–2016 гг., долл. США/баррель н.э.³⁵

Самая высокая налоговая нагрузка на баррель добычи нефтяного эквивалента характерна для Exxon вследствие высокого налогового бремени. В свою очередь, компания BP имеет самое низкое значение показателя общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э., обусловленное относительно низкими налоговыми платежами компании.

Сравнение налоговой нагрузки российских и иностранных нефтяных компаний

При сравнении налоговой нагрузки в качестве одного из индикаторов был выбран показатель доли налогов в выручке российских и иностранных нефтяных компаний. Как отмечалось выше, для российских нефтяных компаний общая налоговая нагрузка включает НДС, акцизы, экспортные пошлины, налог на прибыль, налог на имущество, прочие налоги, из которых к отраслевым налогам и сборам нами были отнесены НДС, акцизы, экспортные пошлины. В большинстве случаев суммы указанных налогов включаются в состав расходов консолидированных отчетов о совокупном доходе компаний.

³⁵ Составлено автором по отчетам компаний за 2010–2016 гг.

Для иностранных нефтяных компаний общая налоговая нагрузка включает налог на прибыль и отраслевые налоги (бонусы, роялти, рентные налоги) [Выгон и др. 2015]. При этом если налог на прибыль включается в состав расходов консолидированных отчетов о совокупном доходе компаний или в формы отчетности 20-F, то отраслевые налоги в составе отчетности не раскрываются. Их суммы в некоторых случаях можно найти в годовых отчетах компаний или в приложениях к финансовой отчетности [Бобылева 2015].

В Таблице 2 приведена динамика показателя доли общей налоговой нагрузки в выручке компаний нефтяного сектора России и зарубежных компаний аналогичной отрасли.

Таблица 2. Показатель доли общих налогов в выручке компаний нефтяного сектора России и крупнейших иностранных нефтяных компаний³⁶

Компания	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
ПАО «НК «Роснефть»	0,41	0,45	0,55	0,53	0,54	0,51	0,47
ПАО «ЛУКОЙЛ»	0,19	0,21	0,25	0,28	0,28	0,29	0,29
ПАО «Газпром нефть»	0,33	0,35	0,43	0,44	0,49	0,47	0,39
ПАО «Татнефть»	0,42	0,50	0,66	0,74	0,72	0,78	0,49
ПАО АНК «Башнефть»	0,60	0,47	0,55	0,43	0,42	0,41	0,40
SHELL	0,01	0,004	0,04	0,04	0,06	0,06	0,05
Exxon	0,21	0,24	0,24	0,21	0,21	0,22	0,23
BP	0,02	0,02	0,01	0,04	0,04	0,05	0,01
STATOIL	0,07	0,03	0,15	0,16	0,20	0,21	0,19

Данные Таблицы 2 показывают, что доля налоговых платежей в выручке компаний нефтяного сектора России существенно выше аналогичного показателя крупнейших иностранных нефтяных компаний. Например, в 2016 г. максимальное значение доли налогов в выручке компаний нефтяного сектора России наблюдалось у компании ПАО АНК «Башнефть» (60% от совокупной выручки), минимальное — у компании ПАО «ЛУКОЙЛ» (19% от совокупной выручки).

Среди зарубежных компаний максимальная доля налогов в выручке приходится на компанию Exxon. Например, в 2016 г. значение данного индикатора у Exxon составил 21% от совокупной выручки. Минимальное значение доли налогов в выручке наблюдается у компании BP. Так, например, в 2016 г. значение данного показателя у компании BP составляло 2%.

³⁶ Составлено автором по отчетам компаний за 2010–2016 гг.

При этом если для российских нефтяных компаний высокая доля налогов в выручке является следствием высоких «отраслевых» налогов (НДПИ, экспортные пошлины, акцизы), то у крупнейших иностранных нефтяных компаний (кроме EXXON) доля «отраслевых» налогов в выручке невелика и составляет 1–2%.

В Таблице 3 представлены показатели общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. При расчете общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. компаний нефтяного сектора России рублевые суммы переведены в доллары США по курсу ЦБ РФ на 31 декабря каждого года.

Таблица 3. Показатель общей налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. компаний нефтяного сектора России и крупнейших иностранных нефтяных компаний (долл. США/баррель н.э.)³⁷

Компания	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
ПАО «НК «Роснефть»	17	17	29	47	56	45	32
ПАО «ЛУКОЙЛ»	19	19	29	47	49	48	36
ПАО «Газпром нефть»	40	34	51	37	45	35	33
ПАО «Татнефть»	19	19	29	54	56	54	39
ПАО АНК «Башнефть»	23	22	39	61	64	55	44
SHELL	2	1	19	22	26	31	19
Exxon	56	74	131	114	128	128	101
BP	4	6	6	18	20	24	4
STATOIL	4	2	21	27	38	39	28

Если в период с 2010–2012 гг. у российских компаний наблюдался рост налоговой нагрузки на баррель н.э., то в период 2013–2016 гг. этот показатель падает, что связано с сокращением налоговой нагрузки при росте объемов добычи углеводородов.

Самая высокая налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. характерна для относительно небольших компаний ПАО АНК «Башнефть» и ПАО «Татнефть» вследствие более низких объемов добычи по сравнению с лидерами отрасли. В среднем за период 2010–2016 гг. для российских нефтяных компаний налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. составляла 38 долл. США/баррель н.э.

Среди зарубежных компаний максимальная налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. приходится на компанию Exxon. Для всех рассмотренных зарубежных компаний в период с 2010–2011 гг. замечен рост налоговой нагрузки на баррель н.э. Постепенное снижение данного показателя происходит в период 2012–2016 гг. (с

³⁷ Составлено автором по отчетам компаний за 2010–2016 гг.

некоторыми колебаниями у Exxon). В среднем за период 2010–2016 гг. для зарубежных нефтяных компаний налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. составляла 39 долл. США/баррель н.э.

Таким образом, российские нефтяные компании имеют налоговую нагрузку на баррель добычи н.э., которая сравнима по значению с аналогичным показателем крупнейших зарубежных нефтяных компаний.

Заключение

Общая динамика объемов налогов и сборов российских и иностранных компаний нефтяной отрасли в 2010–2016 гг. демонстрирует схожие тенденции. Для российских компаний нефтяной отрасли рост налоговых платежей в период 2010–2012 гг. сменяется ее сокращением в 2013–2016 гг. Для рассмотренных зарубежных нефтяных компаний характерен рост налоговых платежей в период 2010–2011 гг., а постепенное сокращение налоговых платежей происходит в 2012–2016 гг.

Средняя налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. иностранных нефтяных компаний в период 2010–2016 гг. составляет 39 долл. США/баррель н.э., что всего на 1 долл. США больше средней налоговой нагрузки на баррель добычи н.э. компаний нефтяной отрасли России. Самая высокая налоговая нагрузка характерна для компании EXXON и составляет в среднем 105 долл. США/баррель н.э. за период 2010–2016 гг., хотя имеет место тренд к ее понижению. Вторая по величине налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. (23 долл. США/баррель н.э. в среднем за период 2010–2016 гг.) характерна для относительно небольшой Statoil вследствие большой величины налогов и относительно низких объемов добычи.

Среди российских компаний нефтяной отрасли самая высокая налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. наблюдается у небольших компаний ПАО АНК «Башнефть» и ПАО «Татнефть» вследствие как более низких объемов добычи по сравнению с лидерами отрасли, так и высоких отраслевых налогов (в частности НДС). Высокую долю НДС в общей налоговой нагрузке ПАО АНК «Башнефть» и ПАО «Татнефть» определяет тот факт, что у данных компаний не так много месторождений, которые облагаются льготными ставками налога или вовсе от него освобождены. В среднем за период 2010–2016 гг. для российских нефтяных компаний налоговая нагрузка на баррель добычи н.э. составляла 38 долл. США/баррель н.э.

Кроме того, изменение российского законодательства в 2013–2014 гг. позволило реализовать планируемые изменения в структуре налоговых поступлений российских нефтяных компаний: в настоящее время преобладают налоговые

поступления от НДС, в то время как в 2010–2013 гг. преобладали поступления от экспортных пошлин. При этом сравнение тенденций в изменении показателей общей налоговой нагрузки, выручки для российских нефтяных компаний показало наличие схожих трендов, поскольку в России большинство налогов и сборов в нефтяной отрасли прямо зависят от выручки или объемов добычи. В то же время ранжирование компаний по доле общей налоговой нагрузки в выручке не всегда соответствует их ранжированию по размеру выручки, поскольку, как отмечалось выше, компании имеют неравноценные месторождения и могут иметь (или не иметь) льгот по налогообложению [Григоренко 2019].

Результат анализа доли отраслевых и корпоративных налогов в выручке российских компаний показал, что доля отраслевых налогов (НДС, акцизы, экспортные пошлины) превышает долю налогов корпоративных (налог на прибыль, налог на имущество, прочие налоги), что отличает Россию от многих других стран. Доля отраслевых налогов в выручке российских компаний в 5 раз превышает долю корпоративных налогов. Это связано с тем, что, в отличие от отраслевых налогов, привязанных к добыче и экспорту, корпоративные налоги в большинстве случаев связаны с финансовыми результатами компаний [Выгон и др. 2013].

Список литературы:

- Абдулкадыров А.С., Ефимова Д.В.* Налоговое стимулирование инновационного развития нефтегазового сектора экономики России // Материалы XII международной научной конференции «Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем». М.: Издательство Московского университета им. С.Ю. Витте. 2016. Т. 3. С. 31–41.
- Бережная Л.И.* К вопросу об инвестиционной привлекательности нефтегазовых активов России // Нефть, газ и бизнес. 2014. № 11. С. 28–32.
- Бережная Л.И., Лившиц Ф.Н.* Некоторые аспекты влияния на экономику России падения экспортных цен на нефть // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2015. № 6. С. 16–22.
- Бобылев Ю.Н.* Налогообложение природной ренты: международная и российская практика налогообложения нефтяной промышленности. М.: Институт Гайдара, 2010.
- Бобылев Ю.Н., Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г.* Экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты: необходимость отмены и сценарный анализ последствий. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
- Бобылева А.З.* Современные инвестиционные и финансовые возможности российских нефтяных компаний // Налоги и налогообложение. 2015. № 3. С. 230–244. DOI: 10.7256/1812-8688.2015.3.14827.

Бобылева А.З., Жаворонкова Е.Н., Львова О.А. Оценка моделей налогообложения нефтяного сектора в России и за рубежом // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 5. С. 22–45.

Буренина И.В. Роль нефтяной промышленности в энергетической стратегии России // Нефтегазовое дело. 2011. № 6. С. 174–187.

Воробьев Ф. Большое будущее для малой нефти? // Нефть России. 2014. № 1-2. С. 20–24.

Выгон Г., Рубцов А., Ежов С. Нефтяные налоговые маневры: что дальше? // VYGON Consulting. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/2af/vygon_consulting_taxmaneuvers.pdf (дата обращения: 07.03.2019).

Выгон Г., Рубцов А., Ежов С., Козлова Д. Система «60-66-90-100» и сценарии развития нефтепереработки в России. М.: Энергетический центр Московской школы управления СКОЛКОВО, 2013.

Григоренко И.В., Коновалова М. Система налогообложения нефтегазового сектора экономики России: проблемы и пути развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 165–168.

Жаворонкова Е.Н. Анализ налоговой нагрузки в нефтяной отрасли в разрезе крупнейших российских и иностранных нефтяных компаний // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 23–46. DOI: 10.24411/2070-1381-2015-00032.

Журавлев Я. Анализ опыта ряда зарубежных стран в сфере налогообложения добычи нефти и газа // Актуальные вопросы современной науки. 2017. № 7. С. 233–241.

Зубарева В.Д., Оздоева А.Х. Проблемы и методические подходы инвестиционной оценки проектов рационального использования попутного нефтяного газа // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2015. № 10. С. 24–29.

Татаренко Н.Н. Налогообложение прибыли хозяйствующих субъектов: инвестиционно-инновационный подход // Налоги и налогообложение. 2013. № 7. С. 525–534.

Терехова Е.В. Некоторые проблемы минерально-сырьевого комплекса и пути их решения (Финансово-правовая характеристика инвестиционной модели) // Финансовое право и управление. 2014. № 4. С. 245–255.

Хмелев И.Б. Роль нефтегазового сектора экономики России в решении задач экономической модернизации // Транспортное дело России. 2013. № 4. С. 70–74.

Дата поступления: 13.11.2019

Zhavoronkova E.N

Tax Payments of Oil Companies in Russia and Abroad

Elena N. Zhavoronkova — PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: javoronkova@spa.msu.ru

Abstract

The article analyzes the tax burden of Russian and foreign oil companies. In Russia, industry tax payments include three components: mineral extraction tax, export duties, excise taxes. These taxes and fees are in most cases related to production, export, and sales volumes and result in significant revenue withdrawals compared to foreign oil companies. In this case, we consider the impact of various factors on the tax burden of oil companies: the rates of taxes, fees and duties, the volume of oil and gas production and processing, the volume of exports, etc. We have selected the following indicators as key indicators for comparing the tax burden of Russian and foreign oil companies: the share of total taxes in revenue, and the tax payments per barrel of oil equivalent production. In the research, the following methods have been used: system analysis, factor analysis, expert assessments, financial analysis, accounting analysis, and statistical analysis. The result of the study shows that, in general, the tax payments on the barrel of oil equivalent production of companies in the Russian oil sector is comparable (and in some cases even lower) to the values of the same indicator of the largest international foreign oil companies. In general, the adjustments that occurred in the Russian legislation in 2013–2014 allowed implementing the planned changes in the structure of tax revenues. In Russian oil companies tax revenues from tax on mineral extraction currently dominate, while in 2010–2013 revenue from export duties prevailed.

Keywords

Taxation, oil industry, tax payments on a barrel of oil equivalent production, profit tax, mineral extraction tax, export duty, excise duty.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10031

References:

- Abdulkadyrov A.S., Efimova D.V. (2016) Innovative Tax Incentives of Oil and Gas Sector of Russian Economy. *Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Sovremennyye problemy upravleniya prirodnymi resursami i razvitiyem sotsial'no-ekonomicheskikh sistem»*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Vol. 3. P. 31–41.
- Berezhnaya L.I. (2014) To a Question of an Assessment of Investment Appeal of Oil and Gas Assets of Russia. *Neft', gaz i biznes*. No. 11. P. 28–32.
- Berezhnaya L.I., Livshits F.N. (2015) Some Aspects of the Effect of Oil Export Prices Fall on the Russian Economy. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. No. 6. P. 16–22.
- Bobylev Yu.N. (2010) *Nalogooblozheniye prirodnoy renty: mezhdunarodnaya i rossiyskaya praktika nalogooblozheniya neftyanoy promyshlennosti* [Taxation of natural resource rents: the international and Russian practice of taxation of the oil industry]. Moscow: Institut Gaydara.
- Bobylev Yu.N., Idrisov G.I., Sinel'nikov-Murylev S.G. (2012) *Eksportnyye poshliny na neft' i nefteprodukty: neobkhodimost' otmeny i stsennarnyy analiz posledstviy* [Export duties on oil and oil products: the need for abolition and a value analysis of the consequences]. Moscow: Institut Gaydara.

and petroleum products: the need to cancel and scenario analysis of the consequences]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.

Bobyleva A.Z. (2015) Sovremennyye investitsionnyye i finansovyye vozmozhnosti rossiyskikh neftyanykh kompaniy [Modern investment and financial opportunities of Russian oil companies]. *Nalogi i nalogoblozheniye*. No. 3. P. 230–244. DOI: 10.7256/1812-8688.2015.3.14827.

Bobyleva A.Z., Zhavoronkova E.N., L'vova O.A. (2015) The Assessment of Taxation Models in the Oil Sector of Russia and Foreign Countries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. No. 5. P. 22–45.

Burenina I.V. (2011) Role of the Oil Industry in Russian's Energy Strategy. *Neftegazovoye delo*. No. 6. P. 174–187.

Grigorenko I.V., Konovalova M. (2019) Sistema nalogoblozheniya neftegazovogo sektora ekonomiki Rossii: problemy i puti razvitiya [System of ordering the oil and gas sector of the Russian economy: problems and ways of development]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 4-2. P. 165–168.

Khmelev I.B. (2013) Role of Oil & Gas Sector of the Russian Economy in Implementation of the Economic Modernization Tasks. *Transportnoye delo Rossii*. No. 4. P. 70–74.

Tatarenko N.N. (2013) Nalogoblozheniye pribyli khozyaystvuyushchikh sub'yektov: investitsionno-innovatsionnyy podkhod [Taxation of profits of economic entities: investment and innovation approach]. *Nalogi i nalogoblozheniye*. No. 7. P. 525–534.

Terekhova E.V. (2014) Nekotoryye problemy mineral'no-syr'yevogo kompleksa i puti ikh resheniya (Finansovo-pravovaya kharakteristika investitsionnoy modeli) [Some problems of the mineral resource complex and ways to solve them (Financial and legal characteristics of the investment model)]. *Finansovoye pravo i upravleniye*. No. 4. P. 245–255.

Vigon G., Rubtsov A., Ezhov S. (2015) Neftnyanye nalogovyye manevry: chto dalshe? [Oil tax maneuvers: what's next?]. *VYGON Consulting*. Available: https://vygon.consulting/upload/iblock/2af/vygon_consulting_taxmaneuvers.pdf (accessed: 07.03.2019).

Vorob'yov F. (2014) Bol'shoye budushcheye dlya maloy nefti? [Big future for small oil?]. *Neft' Rossii*. No. 1-2. P. 20–24.

Vygon G., Rubtsov A., Ezhov S., Kozlova D. (2013) Sistema «60-66-90-100» i stsennariy razvitiya neftepererabotki v Rossii [The «60-66-90-100» system and scenarios for the development of oil refining in Russia]. Moscow: Energeticheskiy tsentr Moskovskoy shkoly upravleniya SKOLKOVO.

Zhavoronkova E.N. (2015) Analysis of Taxation in the Oil Industry in the Context of Major Russian and Foreign Oil Companies. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 50. P. 23–46. DOI: 10.24411/2070-1381-2015-00032.

Zhuravlev YA. (2017) Analiz opyta ryada zarubezhnykh stran v sfere nalogooblozheniya dobychi nefi i gaza [Analysis of the experience of a number of foreign countries in the field of taxation of oil and gas production]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki*. No. 7. P. 233–241.

Zubareva V.D., Ozdoyeva A.Kh. (2015) Problemy i metodicheskiye podkhody investitsionnoy otsenki proyektov ratsional'nogo ispol'zovaniya poputnogo neftyanogo gaza [Problems and methodological approaches to investment evaluation of projects for rational use of associated petroleum gas]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. No. 10. P. 24–29.

Received: 13.11.2019

Журавлев Д.М., Чаадаев К.В.

Модель оценки влияния внешнеторгового оборота субъекта Российской Федерации на производительность труда

Журавлев Денис Максимович — кандидат экономических наук, ведущий специалист Управления информации и медиакоммуникаций, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: molnet2025@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [2455-8832](#)

Чаадаев Кирилл Витальевич — ведущий программист, ООО «Научно-производственное предприятие «Информационные и медийные технологии», Москва, РФ.

E-mail: vchaadaev@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [9161-4750](#)

Аннотация

Цифровизация экономики предполагает в первую очередь наличие инструментария стратегического планирования устойчивого развития социально-экономической системы региона. Поэтому актуальным представляется формирование и практическое применение методологических основ проведения количественной оценки системных экономических процессов. В статье определяется смысловое содержание категории «внешняя торговля», являющейся одной из составляющих фундамента социально-экономической системы региона и оказывающей существенное влияние на показатели ее деятельности. Формализация категории «внешняя торговля» предполагает проведение оценки влияния внешнеторгового оборота субъекта Российской Федерации на производительность труда. В качестве методического аппарата исследования использовались методы сравнительного анализа, экономико-математического моделирования (регрессионного анализа, корреляционного анализа, факторного анализа, индексные методы), статистические методы обработки данных (использовались официальные данные Федеральной государственной службы статистики за период 2007–2018 гг.), а также специально разработанное прикладное программное обеспечение. В процессе исследования решены следующие задачи: с учетом мирового опыта проведена фиксация состава категории «внешняя торговля»; осуществлена компоновка количественных индексов, характеризующих показатели производительности труда и торгового оборота; экспериментальным методом на примере субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, подтверждена работоспособность предложенной модели. Разработанный инструментарий (модель) может быть использован для проведения системного анализа макроэкономических показателей регионов и при выработке рекомендаций по достижению целей устойчивого развития.

Ключевые слова

Внешняя торговля, инструменты стратегического планирования, региональная экономика, производительность труда, социально-экономическая система, управление развитием, экономико-математическая модель.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10032

Введение

Прошедшие экономические кризисы последнего десятилетия показали необходимость опережающего развития национальной экономики в направлении системной модернизации производительных сил и производственных отношений [Шпакова 2019]. «Особое место занимают национальные проекты, связанные с укреплением конкурентоспособности экономики. Эти направления —

производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт — должны обеспечивать ускорение технологического развития, способствовать созданию высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, внедрению цифровых технологий в экономике и социальной сфере. <...> Процесс технологической трансформации и повышения эффективности будет сопровождаться структурными изменениями в экономике. Так, говоря об импортозамещении, необходимо, чтобы создаваемые в России продукты и услуги успешно конкурировали на внешнем рынке» [Медведев 2018, 14–22]. Решение поставленных задач влечет за собой необходимость совершенствования методологических принципов выявления факторов, оказывающих влияние на системные экономические процессы, для обеспечения обоснованности процедур стратегического целеполагания [Глазьев 2019] и системного планирования [Бузгалин 2016, Bryson et al. 2017]. Разработка инструментов, методов и форм управления развитием региона должна проходить в виде реализации комплекса мероприятий, включающих в себя создание баз данных [Пискун и др. 2019], организацию сбора информации, обработку данных на основе доступных эконометрических методов, построение экономико-математических моделей с целью дальнейшей выдачи обоснованных рекомендаций [Кудина 2018] по методам и способам воздействия на выявленные реперные точки региональной экономической системы. В частности, актуальность исследования процессов межрегиональной и международной торговли представляется значимой, поскольку последние оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, представляющих собой основу национальной экономики. Наличие спроса на производимые продукты, товары и услуги формирует предложение, проявляющееся в создании новых рабочих мест, а накладываемые ограничения стимулируют производителей к модернизации производства, внедрению новых технологий, снижению себестоимости.

Целью настоящей работы является формализация категории «внешняя торговля», являющейся одной из составляющих базы социально-экономической системы региона, а также разработка модели и проведение оценки влияния внешнеторгового оборота субъекта Российской Федерации на производительность труда для формирования основ инструментария стратегического планирования развития территории как ключевого инструмента решения задач модернизации национальной экономики.

Методология

В рамках настоящей работы в качестве самого общего ориентира для категоризации процесса внешней торговли региональной экономической системы взята методика Мирового банка¹. Но применительно к субъекту Российской Федерации как трактовка деталей смыслового содержания, так и, естественно, выбор состава, способа использования и формулировка применяемых количественных индексов существенно отличаются от соответствующих подходов в исследовании Мирового банка. Это обуславливается не столько различием основных целей настоящей работы и исследований Мирового банка, сколько спецификой генезиса, а также условий формирования текущего статуса и развития региональных экономических систем субъектов Российской Федерации, являющихся не независимыми субъектами мировых экономических отношений, а субъектами федеративного государства. Кроме того, учитываются возможности (прежде всего в плане наличия необходимых исходных данных) для количественного оценивания факторов (как детализирующих компонентов), потенциально управляемых на уровне субъекта Российской Федерации.

Ниже с учетом приведенных замечаний описан состав и содержательная структура категории «внешняя торговля», при этом особое внимание уделено финансовой трактовке фактора² и индикатора³, используемых для числовой характеристики.

Внешняя торговля рассматривается как система товарно-денежных отношений и представляет собой торговые операции экспорта-импорта как между регионами внутри страны, так и между регионами и зарубежными странами [Сычева 2018]. Внешняя торговля составляет внешнеторговый оборот между всеми ее участниками [Абросимова 2011]. Глобализация современной экономики находит отражение и в российской экономике, проявляясь в усилении взаимной торговой зависимости между субъектами Российской Федерации. На характер и способы производимой в регионах продукции накладывают отпечаток их географическое положение, климатические условия, ресурсная обеспеченность, что естественным образом влияет на их

---

¹ The Global Competitiveness Report 2017-2018 // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

² Фактор — управляемый параметр, характеризующий использование ограниченных материальных, информационных, трудовых и других ресурсов. Управляемое изменение численного значения фактора приводит к достижению стратегических целей социально-экономического развития региона, отслеживаемое через систему индикаторов.

³ Индикатор — результирующий показатель, отображающий изменения экономического процесса вследствие изменения связанного управляемого параметра (фактора).

специализацию и социально-экономическое развитие [Никифоров 2017]. Нивелировать такие различия удастся через развитие торговых [Каргина 2014] и экономических связей, причем наибольший эффект достигается при открытости экономик, что способствует удовлетворению разнообразных потребностей населения, усиливает связи между хозяйствующими субъектами, увеличивает налоговые поступления в бюджет, а в конечном итоге способствует проникновению новых технологий [Красюк, Медведева 2019]. В совокупности все эти факторы ведут к росту производительности региональной экономики [Степанов и др. 2019].

Показатели внешней торговли характеризуют эффективный (приведенный к численности занятых) размер совокупного (внутреннего и внешнего) регионального рынка. В свою очередь, эффективный размер рынка определяет возможности субъекта Российской Федерации использовать механизмы повышения удельной (на одного занятого) производительности труда за счет эффектов масштабирования производств. На это, в частности, указывают результаты анализа (проведенного Мировым банком) обширных эмпирических данных, из которых следует, что рост внешней торговли территориальных субъектов положительно коррелирует с ростом удельной производительности труда, особенно для регионов с небольшими абсолютными объемами внутреннего рынка (экспортно-ориентированная модель).

Указанные соображения, применимы и к российским регионам, но с учетом ряда специфических ограничений. Это, во-первых, условная (ограниченная) открытость торговли, связанная с нормами регулирования внешней торговли на федеральном уровне, причем в привязке к типу внешних партнеров (далее зарубежье, страны Содружества независимых государств, страны Таможенного союза и т.п.). Во-вторых, это объективные различия регионов [Петросян 2015] с точки зрения возможностей для развития внешней торговли, обусловленные существенными различиями в системообразующих типах производств в различных регионах: добыча природных ископаемых ресурсов, электроэнергетика, сельское хозяйство, металлургия, тяжелая промышленность, производство высокотехнологичных товаров и услуг и т.д. В этой связи подход к оценке характеристик размера рынка, основанный на балансе внутренней и внешней торговли (например, используемые в описании экспортно-ориентированных моделей), не может быть эффективно применен для российских регионов. Поэтому в настоящей работе в качестве основы для такой оценки предлагается использовать показатели суммарного внешнеторгового оборота, то есть выраженный в долларах США объем всех годовых экспортно-импортных операций со всеми странами вне зависимости от регламентирования типа партнерства.

Нормирование внешнеторгового оборота на среднегодовую численность занятых позволяет получить индекс, пригодный для универсального использования применительно к региональной экономической системе любых регионов, вне зависимости от их абсолютных объемов внешнеторгового оборота и характера источников его формирования. Таким образом, в качестве фактора для данной категории используется индекс внешнеторгового оборота, определяемый суммарным (по всем типам внешних партнеров), выраженным в долларах США внешнеторговым оборотом региона за год, нормированным на среднегодовую численность занятых. При этом предполагается, что этот фактор может управляться на уровне региона через различные стимулирующие механизмы (например, бюджетное со-инвестирование в экспортно-ориентированные производства, региональные тарифные и налоговые льготы и т.п.).

В исходной статистике⁴ все характеристики внешнеторгового оборота непосредственно задаются в долларах США, поэтому фактор (индекс внешнеторгового оборота) и индикатор (производительность) логично задавать в сопоставимых единицах. Соответственно, в качестве индикатора выбран среднегодовой валютный индекс производительности труда, определяемый как («совокупный», единственно доступный и заданный в млн руб. в исходных данных Росстата) валовый региональный продукт (ВРП), выраженный в долларах США и отнесенный к показателю среднегодовой численности занятых. Следует заметить, что как в случае фактора, так и индикатора используется официальный среднегодовой курс доллара США от Центрального банка РФ, обеспечивающий соответствующую ценовую сопоставимость для статистики разных годов.

Наиболее тесная статистически значимая зависимость рассматриваемого индикатора от выбранного главного фактора, очевидно, имеет место в регионах, где экономическая система находится на этапе целенаправленного перехода от технологической к инновационной модели развития, что надежно подтверждается результатами соответствующих методических исследований. Однозначно также подтверждается и характер зависимости индикатора от фактора — среднегодовой валютный индекс производительности труда всегда имеет положительный тренд при условии роста индекса торгового оборота.

---

⁴ Например, Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2018 год // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B18_14p/Main.htm (дата обращения: 11.02.2020).

Фактор (X) — индекс внешнеторгового оборота ($ИВТО$), долл. США/(чел. год).

$$ИВТО = \frac{СРВТО \times 1000}{СГЧЗ} \times 100,$$

- где:
- $СРВТО$ — суммарный внешнеторговый оборот, млн долл. США;
  - 1000 — числовая нормировка, млн долл. $\rightarrow$ тыс. долл.;
  - $СГЧЗ$ — среднегодовая численность занятых в регионе, тыс. чел.;
  - 100 — переводной коэффициент «от. ед. в проценты», для числовой сопоставимости фактора и индикатора.

Суммарный внешнеторговый оборот ($СРВТО$) определяется по формуле:

$$СРВТО = ЭСНГ + ИСНГ + ЭСДЗ + ИСДЗ$$

- где:
- $ЭСНГ$ — объем годового экспорта в страны СНГ, млн долл. США;
  - $ИСНГ$ — объем годового импорта в страны СНГ, млн долл. США;
  - $ЭСДЗ$ — объем годового экспорта в страны дальнего зарубежья (СДЗ), млн долл. США;
  - $ИСДЗ$ — объем годового импорта в СДЗ, млн долл. США.

Индикатор (Y) — среднегодовой валютный индекс производительности труда ($СГВПТ$), долл США/(чел. год).

$$СГВПТ = \frac{ВРП \times 1000}{СГЧЗ \times СГКД}$$

- где:
- $ВРП$ — валовый региональный продукт, млн руб.;
  - $СГЧЗ$ — среднегодовая численность занятых в регионе; тыс. чел.;
  - $СГКД$ — среднегодовой курс доллара США⁵, руб./долл.;
  - 1000 — числовая нормировка, млн руб. $\rightarrow$ тыс. руб.

Для исследования экономической модели предполагается парная линейная аппроксимация зависимости индикаторов от управляемых факторов с аддитивным учетом случайной компоненты:

$$Y = b_0 + bX + e = a + bX$$

- где:
- Y — скалярный индекс-индикатор, результирующий признак категории, характеризующий состояние исследуемого экономического процесса;
  - X — скалярный индекс-фактор, объясняющий (управляемый) параметр, изменение которого приводит к управляемому изменению экономического процесса;
  - a — скалярный свободный член парной линейной аппроксимации, аддитивно

⁵ Курс доллара берется по данным Центрального Банка Российской Федерации.

включающий в себя среднее значение индикатора при отсутствии влияния (изменения) фактора (b_0), а также случайную аддитивную компоненту оценки Y , (e), обусловленную иными неоцениваемыми факторами и ошибками измерений;

- b — коэффициент парной линейной регрессии, определяющий *среднее* изменение индикатора при изменении фактора на одну установленную единицу измерения.

Количественные характеристики качества (статистическая значимость, сила и теснота связи и т.п.) построенной аппроксимации в целом и по отдельным параметрам оцениваются на основе стандартного набора показателей корреляционно-регрессионного анализа, применяемых для случая построения парной линейной регрессии [Shuling et al. 2014]. Поскольку использование стандартных критериев корреляционно-регрессионного анализа основано на предположениях о том, что выборочный набор e_i составляют независимые случайные величины с нулевым средним значением, имеющие одинаковую постоянную дисперсию и нормальное распределение, задача регрессионного анализа предполагает проверку указанных предпосылок с целью соответствия оценок параметров построенной регрессии определенным критериям, а именно — несмещенности, состоятельности и эффективности. В частности, соответствие этим критериям обуславливается выполнением ряда условий (так называемых условий Гаусса-Маркова), сводящихся к выполнению следующих требований к характеру зависимости e_i от значений фактора X_i и оценок индикатора $\hat{Y}_i$ [Dougherty 2011]:

- 1) случайный характер величин e_i , соответствующий их фактической независимости от оценок $\hat{Y}_i$.
- 2) наличие нулевой средней величины набора e_i , а также независимости e_i от X_i , то есть математическое ожидание случайной величины $M(e_i) = 0$ для всех наблюдений, и случайные (неконтролируемые) факторные отклонения в среднем не оказывают влияния на зависимую переменную Y .
- 3) наличие гомоскедастичности остатков, означающее в том числе постоянство дисперсий e_i^2 для всех значений X_i .
- 4) отсутствие автокорреляции остатков, то есть e_i как случайные величины должны иметь независимое друг от друга распределение.

- 5) e_i как случайные величины должны подчиняться нормальному закону распределения (распределение Гаусса).

Результаты

Доказательство правильности формализации пары «фактор-индикатор» категории «внешняя торговля» было проведено экспериментальным методом и включало в расчеты показатели субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, с использованием правила, приведенного в Таблице 1.

Таблица 1. Правило для проведения количественной оценки⁶

Математический параметр	Значение
Коэффициент корреляции, r_{xy}	$\geq 0,7$
Коэффициент детерминации, R^2	$\geq 0,5$
Число степеней свободы, df	≥ 5
F -критерий (критерий Фишера)	$F_{\text{факт}} > F_{\text{табл}}$
T -критерий (критерий Стьюдента)	$ t < t_{\text{табл}}$
Средняя ошибка аппроксимации, $\bar{A}$	$\leq 15\%$
Условия Гаусса-Маркова	Выполнение условий

Расчеты проводились с помощью специального разработанного программного приложения, в качестве информационной базы были взяты данные Росстата за период 2007–2018⁷ гг.

Результаты методических исследований формализации пар «фактор-индикатор» категории «внешняя торговля» для региональной экономической системы субъекта Российской Федерации представлены в Таблице 2.

⁶ Составлено авторами.

⁷ Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/folder/10705> (дата обращения: 11.02.2020).

Таблица 2. Результаты методических исследований⁸

Наименование региона	Категория «Внешняя торговля»					
	Итог	r_{xy}	R^2	F-критерий	$\bar{A}$	df
1	2	3	4	5	6	7
Сибирский федеральный округ						
Республика Алтай	✓	0,84	0,71	12,25	5,02	6
Республика Тыва	∅	0,42	0,18	1,67	17,49	10
Республика Хакасия	✓	0,74	0,58	8,42	9,86	8
Алтайский край	✓	0,77	0,59	8,49	11,78	7
Красноярский край	✓	0,82	0,68	12,23	7,05	7
Иркутская область	✓	0,94	0,87	62,88	5,127	10
Кемеровская область	∅	0,47	0,20	2,29	14,86	10
Новосибирская область	✓	0,80	0,64	15,12	9,09	9
Омская область	✓	0,70	0,49	6,77	12,09	8
Томская область	✓	0,71	0,50	9,03	13,66	10
Дальневосточный федеральный округ						
Республика Бурятия	✓	0,79	0,60	7,69	8,18	6
Забайкальский край	✓	0,73	0,53	6,79	14,52	7
Республика Саха (Якутия)	✓	0,91	0,82	30,12	7,24	10
Камчатский край	✓	0,78	0,60	8,12	09,28	10
Приморский край	✓	0,77	0,59	13,20	11,85	10
Хабаровский край	✓	0,74	0,54	8,30	9,31	8
Амурская область	✓	0,74	0,55	11,00	10,86	10
Магаданская область	✓	0,80	0,64	16,12	11,72	10
Сахалинская область	✓	0,97	0,95	143,43	5,24	9
Еврейская АО	∅	0,14	0,02	0,10	17,28	10
Чукотский АО	✓	0,80	0,64	12,59	11,39	8

⁸ Составлено авторами. Числовые значения коэффициента корреляции r_{xy} показывают значимость связи между фактором X и индикатором Y; например, на пересечении столбца 3 и строки «Республика Алтай» значение $r_{xy} = 0,83$, что означает доказанную взаимосвязь фактора X (индекс внешнеторгового оборота) с индикатором Y (среднегодовой валютный индекс производительности труда); аналогичным образом интерпретируются значения коэффициента детерминации, F-критерия, средней ошибки аппроксимации и числа степеней свободы; в столбце 2 итоговое решение правильности формализации пар «индикатор-фактор», знаком «✓» отмечено положительное решение, знаком «∅» — отрицательное; итоговое решение, значение «✓» устанавливается в случае доказуемости статистически значимости пары «фактор-индикатор», то есть полного соответствия правилу (см. Таблицу 1); итоговое решение, значение «∅» не означает, что для исследуемой категории пара «фактор-индикатор» для конкретной региональной экономической системы имеет другую формализацию; это означает, что процесс имеет какие-либо отклонения объективного и/или субъективного характера от общепринятых тенденций.

Далее, в качестве примера проиллюстрируем количественную оценку категории «внешняя торговля» социально-экономической системы Камчатского края.

В Таблице 3 представлены данные регрессионного и дисперсионного анализа, в Таблице 4 приведены расчетные значения фактора *ИВТО* — индекса внешнеторгового оборота — и индикатора *СГВПТ* — среднегодового валютного индекса производительности труда — в динамике, модельные характеристики категории представлены на Рисунке 1 и 2.

Таблица 3. Данные регрессионного и дисперсионного анализа категории «внешняя торговля» для Камчатского края⁹

Регрессионный анализ		Дисперсионный анализ	
Число наблюдений, n	11	Дисперсия, X	1154828,16
Число степеней свободы, df	9	Среднеквадратичное отклонение, X	957,36
Коэффициент детерминации, R^2	0,60	Дисперсия, Y	8764652,71
Коэффициент корреляции, r_{xy}	0,78	Среднеквадратичное отклонение, Y	2824,65
Критерий Фишера ($F_{табл} = 5.32$)	8,12	Случайная ошибка, a	2357,89
Коэффициент, a	12612,08	Предельная ошибка, a	5218,62
Коэффициент, b	1,92	Случайная ошибка, b	0,612
t-фактор a (2.2622)	5,04	Предельная ошибка, b	1,504
t-фактор b (2.2622)	2,86	Случайная ошибка, r_{xy}	0,232
Коэффициент эластичности, E	0,37	Случайная ошибка, Y	2254,26

⁹ Составлено авторами.

Таблица 4. Расчетные значения фактора и индикатора¹⁰

Год	Значение фактора <i>ИВТО</i> , долл. США/(чел. год).	Значение индикатора <i>СГВПТ</i> , долл. США/(чел. год)
2007	1316,089	14325,240
2008	1627,117	17671,348
2009	3393,598	16774,317
2010	3948,274	19161,555
2011	3984,746	21631,903
2012	4556,413	23205,836
2013	3967,440	23329,426
2014	3428,630	21375,543
2015	3426,842	15859,828
2016	3753,504	16710,687
2017	4739,118	20205,758
2018	5939,56	23034,12

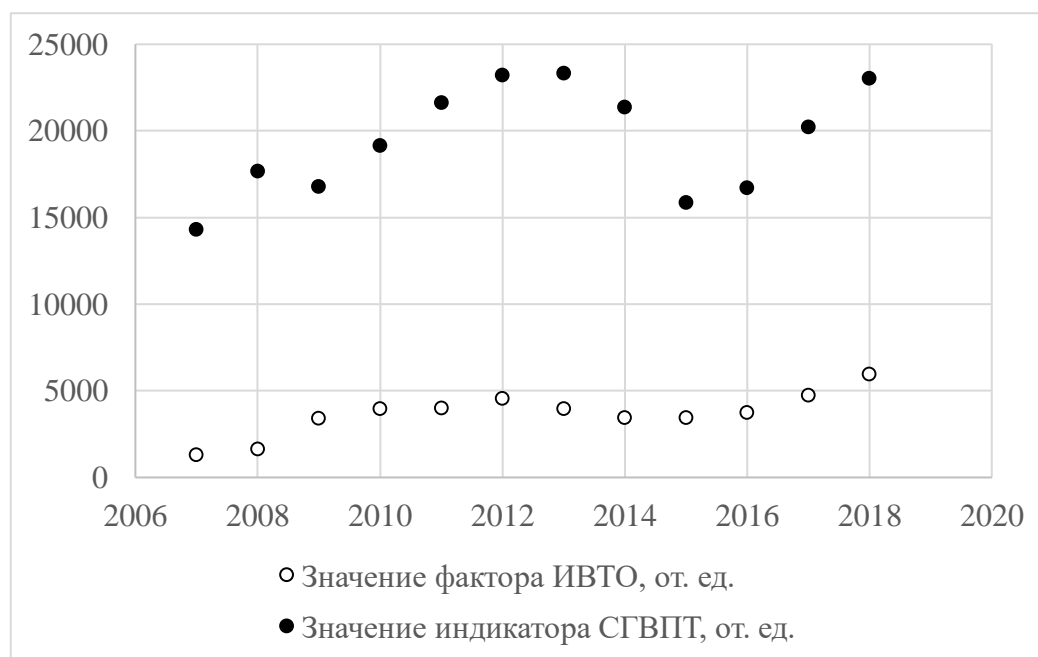
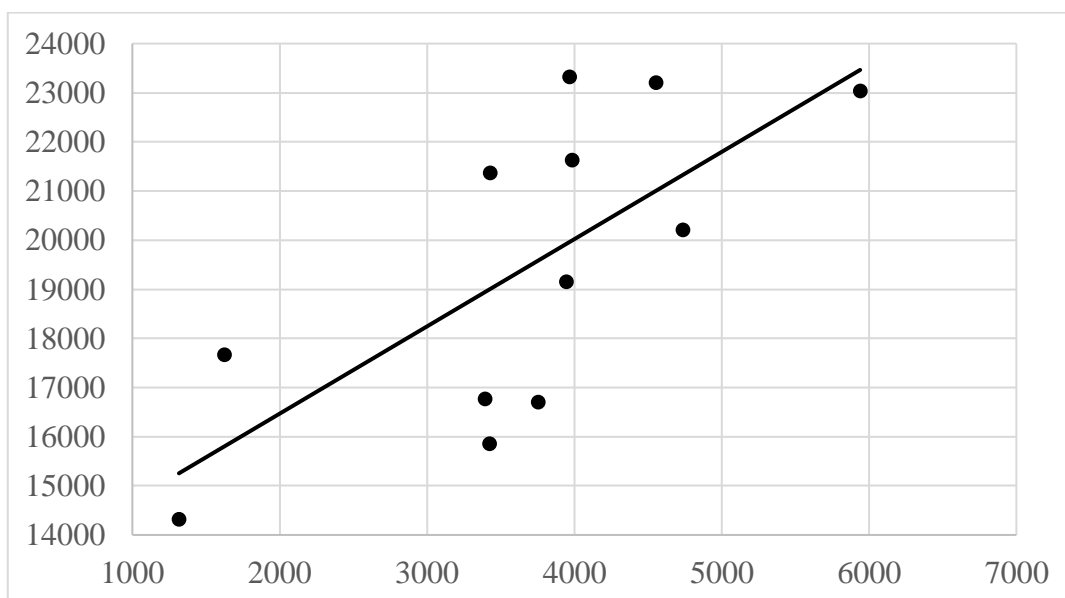

Рисунок 1. Числовые значения фактора *X* и индикатора *Y* в динамике¹¹

¹⁰ Составлено авторами. ИВТО — индекс внешнеторгового оборота, СГВПТ — среднегодовой валютный индекс производительности труда.

¹¹ Составлено авторами.

Рисунок 2. Эконометрическая модель категории «внешняя торговля»¹²

Оценка категории «внешняя торговля» для Камчатского края свидетельствует о способности органов власти и управления обеспечить необходимый импульс для поступательного развития социально-экономической системы региона за счет наращивания производства конкурентоспособных товаров и услуг, организации новых рабочих мест и создания необходимых стимулов для привлечения квалифицированной рабочей силы. Это находит подтверждение в соответствии динамики среднегодового валютного индекса производительности труда (индикатора Y) его целевому назначению (росту), сопровождающейся положительной динамикой индекса внешнеторгового оборота (фактора X), то есть процесс определяется прямым влиянием фактора на индикатор. Для сохранения темпов роста рекомендуется увеличение значения фактора (текущий средний коэффициент эластичности, определяющий характер процесса, равен $E = 0,37$, то есть при изменении значения фактора на 1% значение индикатора увеличится на 0,4%).

Заключение

Задача анализа макроэкономических показателей региона состоит в формировании его экономического профиля, определении места и роли в национальной экономике, а также в адекватной оценке достигнутого уровня развития и определении наиболее значимых направлений роста. В настоящей работе одним из таких направлений был взят суммарный внешнеторговый оборот субъекта Российской Федерации. Нормирование на среднегодовую численность занятых позволило получить

¹² Составлено авторами.

индекс, пригодный для его универсального использования применительно к экономическим системам любых регионов вне зависимости от их абсолютных объемов торговых отношений и характера источников его формирования. Детальный анализ сформированной модели зависимости производительности труда от внешнеторгового оборота позволяет осуществлять процедуры регионального стратегирования, соотнести имеющиеся ресурсы с целями и задачами опережающего развития региона. Применение на практике теоретических и методологических подходов к оценке уровня эффективности принимаемых управленческих решений позволит обоснованно формировать долгосрочные целевые программы, подкрепленные соответствующими организационно-техническими мероприятиями.

В целом предложенный инструментарий может быть востребован при проведении системного анализа макроэкономических показателей субъектов Российской Федерации и выработке рекомендаций по достижению целей устойчивого развития в качестве механизма независимого анализа социально-экономического развития территорий и проведения публичной экспертизы деятельности региональных органов власти.

Список литературы:

- Абросимова Е.А.* Организаторы торгового оборота и их функциональное значение // Государство и право. 2011. № 10. С. 109–112.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80.
- Глазьев С.Ю.* Приоритеты опережающего развития Российской экономики в условиях смены технологических укладов // Экономическое возрождение России. 2019. № 2(60). С. 12–16.
- Каргина Л.А.* Электронный маркетинг как инструмент повышения конкурентоспособности компании // Вестник Академии. 2014. № 4. С. 70–74.
- Красюк И.А., Медведева Ю.Ю.* Концептуальные основы формирования модели инновационного развития торгово-технологических систем // Проблемы современной экономики. 2019. № 1(69). С. 22–25.
- Кудина М.В.* Экономика знаний как основа инновационного развития // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 5. С. 111–119.
- Медведев Д.А.* Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-5-28>.

Никифоров В.А. Тенденции развития сложноструктурных комплексов норм, создаваемых для регулирования мирового торгового оборота // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2(75). С. 53–58.

Петросян А.Д. Совершенствование организации управления внешнеторговой деятельностью в региональном промышленном комплексе // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 1. С. 398–403.

Пискун Е.И., Хохлов В.В., Каруна К.И. Методологические аспекты управления развитием регионов в условиях цифровизации // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 1(460). С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.17.1.4>.

Степанов Е.А., Килина И.П., Постаушкина К.Ю. Оценка внешнеторгового потенциала регионов дальневосточного федерального округа России // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7(429). С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10708>.

Сычева К.Г. Система государственного управления в сфере российского экспорта: пути совершенствования // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. С. 177–197. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00062.

Шпакова Р.Н. Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 311–336. DOI: <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10030>.

Bryson J.M., Edwards L.H., Van Slyke D.M. Getting Strategic about Strategic Planning Research // Public Management Review. 2017. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1285111>.

Dougherty C. Introduction to Econometrics. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Shuling Wang S., Zheng L., Dai J. Empirical Likelihood Diagnosis of Modal Linear Regression Models // Journal of Applied Mathematics and Physics. 2014. № 2. P. 948–952. DOI: doi.org/10.4236/jamp.2014.210107.

Дата поступления: 19.11.2019

Zhuravlev D.M., Chaadaev K.V.

Model for Assessing Impact of Russian Federal Subjects Foreign Trade Turnover on Labor Productivity

Denis M. Zhuravlev — PhD, Leading Specialist, Information and Media Communications Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: molnet2025@gmail.com

Kirill V. Chaadaev — Leading Programmer, “Scientific Production Enterprise “Information and Media Technologies”, Moscow, Russian Federation.

E-mail: vchaadaev@yandex.ru

Abstract

Digitalization of the economy requires availability of sustainable development planning tools. In this regard, it seems relevant to formulate the methodological foundations for conducting a quantitative assessment of economic processes. The article formalizes the content of the «external market» category, which is one of the constituents of the basis for the regional economic system and has a significant impact on its performance. Fixing the category involves conducting a study which evaluates the impact of the region's foreign trade on labor productivity. The methodological apparatus of the study used methods of comparative analysis, economic and mathematical modeling (regression analysis, correlation analysis, factor analysis, index methods), statistical data processing methods, as well as a specially developed application. In the research process, the following tasks were solved: taking into account world experience, the composition of the category «external market» was fixed; the layout of quantitative indices characterizing the indicators of labor productivity and trade was performed; the experiment on a number of subjects of the Russian Federation confirmed the efficiency of the proposed model. The developed tools can be used to conduct a systematic analysis of macroeconomic indicators and develop recommendations for achieving sustainable development goals.

Keywords

Development management, economic and mathematical model, foreign trade, labor productivity, regional economy, socio-economic system, strategic planning tools.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10032

References:

- Abrosimova E.A. (2011) The Organizers of Trade — Commercial Organizers and Its of Functional Purpose. *Gosudarstvo i pravo*. No. 10. P. 109–112.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2016) Planification: Potential and Role in XXI Century Market Economy. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. P. 63–80.
- Glazev S.Y. (2019) Priorities of the Russian Economy's Accelerated Development during the Transition to a New Technological Mode. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. No. 2(60). P. 32–37.
- Kargina L.A. (2014) Internet Marketing as a Tool to Enhance the Competitiveness of the Company. *Vestnik akademii*. No. 4. P. 70–74.
- Krasjuk I.A., Medvedeva Yu.Yu. (2019) The Model of Innovative Development of Trade-And-Technology Systems: Conceptual Foundations of Formation. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. No. 1(69). P. 22–25.

- Kudina M.V. (2018) Knowledge Economy as Innovative Development Fundament. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 5. P. 111–119.
- Medvedev D.A. (2018) Russia-2024: The Strategy of Social and Economic Development. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 5–28. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-5-28>.
- Nikiforov V.A. (2017) Tendencies of Development of Complex Structural Complexes of Norms Created for Regulation of the World Trade Turnover. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. No. 2(75). P. 53–58.
- Petrosyan A.D. (2015) Improvement of the Organization of Management of the Foreign Trade Activity in the Regional Industrial Complex. *Audit i finansovyy analiz*. No. 1. P. 398–403.
- Piskun E.I., Khokhlov V.V., Karuna K.I. (2019) Methodological Aspects of Regional Development Management during the Digitization. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. Vol. 17. No. 1(460). P. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.17.1.4>.
- Stepanov E.A., Kilina I.P., Potaushkina K.U. Assessment of Foreign Trade Potential of the Regions (on the Example of Far Eastern Federal District Subjects). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7(429). P. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10708>.
- Sycheva K.G. (2018) System of Public Administration in the Sphere of Russian Exports: Ways to Improve. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 69. P. 177–197.
- Shpakova R.N. (2019) General Targets for Strategic Development Russian Federation Regions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 77. P. 311–336. DOI: <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10030>.
- Bryson J.M., Edwards L.H., Van Slyke D.M. (2017) Getting Strategic about Strategic Planning Research. *Public Management Review*. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1285111>.
- Dougherty C. (2011) *Introduction to Econometrics*. Oxford: Oxford University Press.
- Shuling Wang S., Zheng L., Dai J. (2014) Empirical Likelihood Diagnosis of Modal Linear Regression Models. *Journal of Applied Mathematics and Physics*. 2014. No. 2. P. 948–952. DOI: doi.org/10.4236/jamp.2014.210107.

Received: 19.11.2019

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.

**Регулирование экономической деятельности в ЕАЭС:
тенденции и перспективы сотрудничества**

Молчанов Игорь Николаевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; профессор департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

E-mail: INMolchanov@fa.ru

SPRIN-код в РИНЦ: [1300-2679](#)

Молчанова Наталья Петровна — доктор экономических наук, доцент, профессор департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

E-mail: NPMolchanova@fa.ru

SPRIN-код в РИНЦ: [2983-2353](#)

Аннотация

В данной статье исследуется современное состояние регулирования экономических и социальных процессов в рамках единого экономического пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), складывающегося под влиянием регионализации и интеграции. Рассмотрены работы ряда авторов по проблемам межгосударственного сотрудничества участников ЕАЭС, других экономических союзов и партнерств. Выполнен анализ различных аспектов взаимодействия и интеграции государств-членов ЕАЭС. Выявлены причины, обусловленные особенностями национального законодательства и нормативно-правовой базы стран-участников ЕАЭС, вследствие которых осложняется развитие кооперации и хозяйственных связей между ними, и названы пути преодоления существующих несовершенств. В результате раскрыто влияние применяемых информационно-коммуникационных технологий и формируемой цифровой инфраструктуры на эффективность экономической деятельности Союза. Авторами обосновывается необходимость более активного позиционирования преимуществ евразийской экономической интеграции и единого рынка ЕАЭС посредством организации научных и общественных мероприятий в различных формах в целях повышения интереса и создания дополнительных возможностей для сотрудничества. Проанализирован российский опыт, и представлены предложения о возможностях воздействия на отраслевые, территориальные и социальные пропорции, применения экономических методов и инструментов для развития предпринимательства, особенно в отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, и улучшения финансового регулирования посредством применения налоговых и неналоговых методов в деятельности хозяйствующих субъектов государств-членов Союза. Проведенный анализ позволил сформулировать рекомендации по активизации сотрудничества на взаимовыгодной основе, созданию общего финансового рынка в ЕАЭС в составе фондового, страхового и банковского секторов. Кроме того, обосновывается целесообразность взаимодействия в подготовке кадров, реформировании Всемирной торговой организации и других продуктивных вариантов межгосударственного партнерства на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова

Межгосударственное сотрудничество, финансово-экономическое регулирование, отраслевые и территориальные пропорции, улучшение социальной структуры, макрорегиональные приоритеты.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10033

Введение

Для начала XXI века характерно усиление процессов трансрегионализации, которые способствуют активизации взаимовыгодного экономического сотрудничества отдельных групп государств в некоторых сферах деятельности и основываются на определенных институциональных предпосылках. Среди важных причин появления подобных тенденций называются стремление, во-первых, к национальному протекционизму в стратегически важных отраслях экономики — промышленности (прежде всего в машиностроении) и сельском хозяйстве — и распространение присущих ему практик¹; во-вторых, к преодолению несовершенств Всемирной торговой организации (ВТО) как глобального регулятора мировой торговли, связанных с процедурами согласования интересов всеми ее членами².

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — это «типичная международная организация региональной экономической интеграции, которая включает в себя таможенный союз и общий рынок с наднациональным регулирующим органом» [Глазьев и др. 2019, 19]. Исследователи относят ЕАЭС к числу активно функционирующих трансрегиональных альянсов [Хейфец 2018, 28]. «Именно согласованные экономические интересы и соответствующие межгосударственные договоренности определяют эффективность такого взаимодействия, тогда как экономическая роль географического соседства в условиях развития новых видов транспортных сетей и других коммуникаций отходит на второй план» [Хейфец 2016, 22]. Партнерства как новая форма интеграции, предполагающая либерализацию условий торговли товарами, услугами, предоставления государственных инвестиций, а также обмена информацией, развития бизнеса (малого и среднего), применения стандартов в сферах занятости, экологии и др., выступают в качестве перспективной конструкции формирующихся по экономическим интересам межгосударственных объединений.

ЕАЭС как международная организация региональной экономической интеграции обладает международной правосубъектностью и учреждена соответствующим нормативным правовым документом³. В отличие от ЕС, который

---

¹ Для протекционизма характерны: приоритетность внутреннего субсидирования, ограничения на иностранные инвестиции, введение дискриминационных процедур в государственных закупках.

² В настоящее время в ВТО насчитывается 164 участника, в числе 158 международно признанных государств-членов ООН, частично признанный Тайвань, 2 зависимые территории (Гонконг и Макао) и Европейский союз (данные по состоянию на 3 декабря 2019 года).

³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред от 15.03.2018) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.12.2019).

«является единственным интеграционным объединением, вовлеченным в международные взаимодействия в качестве полноправного субъекта мировой политики и международных экономических отношений», ЕАЭС⁴ имеет «фрагментарные функции субъектности, распространяющиеся на различные сферы сотрудничества» [Мешкова и др. 2019, 21]. Критериями, на которых выстроен ЕАЭС, являются «добровольность интеграции, принцип равенства, экономический прагматизм, невмешательство во внутренние дела друг друга, уважение суверенитета и неприкосновенность государственных границ» [Зиядуллаев, Зиядуллаев 2017, 130–131]. Актуальность темы исследования состоит в необходимости поиска путей и средств для организации плодотворного взаимодействия стран-участниц ЕАЭС⁵, создания преференций по поддержанию свободного передвижения товаров и услуг, капитала и рабочей силы, организации скоординированного, согласованного проведения мер экономической политики и регулирования хозяйственной деятельности, а по ряду направлений сотрудничества — единой политики в отдельных отраслях национального хозяйства.

Методология исследования

Исследование базируется на диалектическом методе познания, законах и категориях современной экономической теории; в его основу положены официальные нормативные правовые документы, регламентирующие сотрудничество стран-участниц ЕАЭС⁶, в процессе работы применялись методы анализа и синтеза, системный и эволюционный подходы, метод экспертных оценок.

Анализ результатов выполненного исследования

Приоритеты межгосударственного экономического взаимодействия и регулирования макрорегиональных процессов в государствах-членах ЕАЭС

---

⁴ Целями образования ЕАЭС стали всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик входящих в него государств, создание условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения.

⁵ В настоящее время в состав членов ЕАЭС входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.12.2019); «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 // Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%92%D0%95%D0%AD%D0%A1%20%E2%84%9612_%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B8%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1.pdf (дата обращения: 10.12.2019); [Аналитический отчет 2018].

складываются под влиянием регионализации и интеграции, которые являются характерными для современного периода мирового развития. На перманентно протекающий процесс распространения информационно-коммуникационных технологий разнонаправленное влияние оказывают различные ограничения, затрудняющие продвижение прогрессивных преобразований, в том числе и развитие цифровой экономики, — как общие правовые, так и специфические отраслевые. Правовые ограничения обуславливаются законодательной базой участников ЕАЭС и вытекающими из этого особенностями организации экономической деятельности и государственного регулирования. Каждая страна имеет устоявшуюся отраслевую структуру и сложившиеся хозяйственные связи. Изучение официальных документов позволяет выделить некоторые принципиальные моменты, которые влияют на эффективность межгосударственного сотрудничества в рамках данного Союза.

По информации из официальных источников, до настоящего времени в странах-партнерах по ЕАЭС регулирование отношений, основанных на применении цифровых технологий и формировании цифровой инфраструктуры, «осуществляется неоднородно и непропорционально», а национальные юрисдикции «усиливают свою конкурентную привлекательность для учреждения и ведения цифрового бизнеса на их территории посредством резкого ослабления регулирования, контрастного предложения преимуществ и льгот для ведения такого бизнеса на своей территории» [Аналитический отчет 2018, 4].

Недостаточная согласованность работы по обеспечению должного уровня гармонизации и синхронизации правового регулирования ЕАЭС предопределила акцент в Обращении Президента В.В. Путина к главам государств-членов (в связи с принятым Россией с 1 января 2018 года председательством в органах Союза) на необходимости внутренней «донастройки» совместной работы в целях выполнения всеми участниками «союзных норм и взятых на себя обязательств, даже если это предполагает корректировку национальных законодательств»⁷. При этом особое внимание было уделено достижению общего понимания того, что «только посредством унификации нормативно-правовых баз государства-члены могут обеспечить правильное и эффективное функционирование единых рынков, гарантировать свободу

---

⁷ Обращение Президента России к главам государств-членов Евразийского экономического союза (18 января 2018 года) // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 05.12.2019).

передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы»⁸. По итогам председательства России в 2018 году потенциал ЕАЭС существенно вырос. Эксперты уязывают данное обстоятельство «не только с темпами его экономического развития (к сожалению, темпы роста российского ВВП оказались ниже ожидаемых), но и с совершенствованием механизмов Союза. По объективным причинам Россия смогла достичь лишь ограниченного прогресса в повышении эффективности в деятельности органов Союза и устранении существующих барьеров, в том числе в торговле, разработке правил честной конкуренции и пр.» [Белов 2019, 18].

Новые векторы развития межгосударственного сотрудничества

Позитивные итоги принесли усилия России по учету не только собственных национальных интересов, но и интересов и потребностей партнеров по ЕАЭС. В 2018 году Высший Евразийский экономический совет подготовил и одобрил документ, регламентирующий отношения ЕАЭС с третьими странами, международными организациями и интеграционными объединениями⁹, утвердил «Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2019 год». В этом документе внимание было сконцентрировано на приоритетности международной деятельности с государствами СНГ, не являющимися членами ЕАЭС, а также на необходимости «популяризации идеи евразийской экономической интеграции путем проведения конференций, форумов, презентаций, круглых столов и других мероприятий, посвященных тематике евразийской экономической интеграции в контексте дополнительных возможностей, которые открывает единый рынок Союза»¹⁰. Тематика взаимодействия на экспертном уровне была существенно расширена за счет включения таких новых направлений, как защита прав потребителей, таможенное администрирование, защита конкуренции и антимонопольное регулирование. Внимание уделено работе по реализации совместных инфраструктурных проектов (в первую очередь транспортных), урегулированию экономических и торговых споров, организации функционирования внутреннего рынка, фитосанитарного контроля и обращения лекарственных средств. Целеустремленное председательство России

---

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018). (Статьи 3 и 5) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.12.2019).

⁹ Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298047/ (дата обращения: 11.12.2019).

¹⁰ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 19 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72023310/> (дата обращения: 12.12.2019).

позволило сформировать три институциональных формата взаимоотношений ЕАЭС с внешними партнерами. Это относится к разработке соглашения о зоне свободной торговли, подготовке непреференциальных соглашений¹¹ о торговом и экономическом сотрудничестве, различного рода меморандумов с международными организациями и третьими странами. В 2019 году работа по активизации деятельности ЕАЭС была продолжена, определены перспективы развития международного сотрудничества на 2020 год¹².

Высокой актуальностью отличаются проблемы цифровизации на едином экономическом пространстве ЕАЭС. Вследствие того, что многие вопросы развития цифровой экономики не относятся к компетенции ЕАЭС, на практике осуществляется автономное регулирование соответствующих правоотношений между государствами-членами¹³. Согласно установленному порядку, государства-члены ЕАЭС самостоятельно проектируют и предусматривают механизмы исполнения национальной политики в данной сфере¹⁴. Соответствующие компетенции распространяются на ключевые области цифровой экономики, а именно: связь и информатизацию. Одним из приоритетов деятельности ЕАЭС становится создание единой правовой платформы со странами БРИКС на основе передовых цифровых технологий. Для этого, согласно рекомендациям, требуется скоординированная работа по приведению национальных законодательств в области интеллектуальной собственности всех стран-участников к единой правовой системе¹⁵.

¹¹ Непреференциальные правила применяются при отсутствии торговых преференций и используются, например, при взимании антидемпинговых и компенсационных пошлин, администрировании тарифных квот, требований к маркировке, при торговых эмбарго или количественных ограничениях.

¹² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 19 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2020 год» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702574/> (дата обращения: 12.12.2019).

¹³ Цифровая экономика как часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий, не отнесена к компетенции ЕАЭС.

¹⁴ «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 // Сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%92%D0%95%D0%AD%D0%A1%20%E2%84%9612_%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B8%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1.pdf (дата обращения: 10.12.2019).

¹⁵ Странам БРИКС и ЕАЭС необходима единая правовая платформа // АНО «РАПСИ» [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/legal_market_news/20180416/282510760.html (дата обращения: 18.12.2019).

Представляет интерес позиция ЕС по участию в интеграционных проектах в «Большой Евразии», которая представлена в концептуальном документе Европейской комиссии, подготовленном для саммита «Азия — Европа» (19 сентября 2018 г.)¹⁶. «Согласованные правила и выровненные стандарты, по мнению Евросоюза, — необходимые условия как для доступа на европейский рынок, так и для организации подобного порядка передвижения товаров, услуг, капиталов и людей через национальные границы Евразии. Для ЕС имеют принципиальное значение высокие экологические и социальные стандарты, адекватное планирование, а также финансовые гарантии совместных инфраструктурных и прочих проектов, чтобы минимизировать риск их долгового бедствия ...» [Кондратьева 2018, 16].

Гармонизация правового регулирования в рамках ЕАЭС происходит с учетом различий сложившихся систем хозяйствования и влияния ряда основополагающих факторов. К ним относится в первую очередь создание благоприятных условий для соблюдения национальных интересов каждого из государств-членов, с учетом уровней их экономического развития, характеристик национальных рынков, применяемых технологий и состояния цифровой инфраструктуры. Помимо этого, принимается во внимание степень достижения соответствия проводимых мер сложившимся системам государственного регулирования секторов и отраслей экономики, а также целесообразность сохранения отраслевой специфики хозяйства каждого из государств-членов данной организации. Значение придается также необходимости соблюдения международных договоров. Данная рекомендация предполагает сохранение заинтересованности не только стран-участников, но и третьих сторон.

Необходимость финансово-экономического регулирования и учета интересов бизнес-сообщества

На деятельность хозяйствующих субъектов государств-партнеров по ЕАЭС влияют разнообразные факторы. В их составе выделяется группа финансово-экономических факторов, которые с определенной степенью условности можно разделить на факторы внутреннего и внешнего характера. В числе внутренних финансово-экономических факторов ключевое место занимает устойчивое финансово-экономическое положение хозяйствующего субъекта на рынке, которое, в свою очередь, в каждом конкретном случае зависит от состояния внутренней и внешней

---

¹⁶ Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy. 2018 // European Union External Action [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en (дата обращения: 15.12.2019).

среды организации. К внешним финансово-экономическим факторам относятся условия кредитования, инфляция, изменение ставок налогов, сборов, курсов валют, таможенных пошлин, платежная дисциплина заказчика. Все эти факторы находятся в зависимости от стабильности экономической системы и ее подсистем: финансовой, налоговой, валютной, денежно-кредитной.

В официальных источниках подчеркивается необходимость учета позиции бизнес-сообщества по актуальным вопросам экономического сотрудничества. Например, представители крупного и среднего бизнеса акцентируют внимание на негативном влиянии отраслевых правовых ограничений на ведение предпринимательской деятельности. Кроме этого, обращается внимание на необходимость совершенствования применяемого терминологического аппарата. Так, в качестве недостатка указывается, что в действующем таможенном законодательстве крайне редко используется термин «данные». Более того, определение этого понятия в таможенном законодательстве отсутствует. Основным объектом регулирования в таможенных правоотношениях выступает «информация». Однако при этом нет четкого указания, что при обмене и обработке данных применяются международные стандарты. В качестве следующего важного обстоятельства рассматривается пробел в правовой базе ЕАЭС в отношении нормативной регламентации понятия «цифровые финансовые услуги», а также отсутствие методического описания общих подходов к их предоставлению [Аналитический отчет 2018, 6].

Анализ результатов выполненного исследования приводит к выводу о необходимости подключения всех потенциальных возможностей как научных организаций, так и полномочных органов по управлению деятельностью ЕАЭС для координации усилий по подготовке единой методологической базы и общих рекомендаций, а также проведению согласованных действий в области регулирования экономического взаимодействия. Такие меры востребованы прежде всего в сфере оборота электронных денежных средств, поскольку в национальных правовых системах государств-членов ЕАЭС имеют место определенные ограничения. Например, сохраняются препятствия для распространения единой системы расчетов; не используются в полной мере возможности для привлечения лиц, ведущих деятельность на территории государств-членов ЕАЭС к проведению идентификации, а также в качестве банковских платежных агентов; не урегулированы правовые вопросы создания интегрированной национальной цифровой платформы внешней и внутренней

электронной коммерции. Сохраняют актуальность вопросы урегулирования потребностей бизнеса в цифровых услугах на наднациональном уровне, что обусловлено различиями в законодательной базе государств-членов ЕАЭС.

Вместе с тем позитивные сдвиги наблюдаются в отношении финансовой сферы: к 2025 году предполагается завершить создание общего финансового рынка в ЕАЭС. Согласно экспертному мнению, это «задача комплексная, многогранная и синтетическая, включающая в себя и банковский сектор со всей своей спецификой, и страховой со своими особенностями, и, наконец, рынок ценных бумаг, который сам по себе состоит из внушительного количества важнейших интеграционных элементов, будь то биржевая интеграция, информационная, электронная, не говоря уже о гармонизированной политике по отношению к эмитентам, инвесторам, профессиональным посредникам и инфраструктурным институтам» [Жаксылыков 2018, 12]. В этой связи предусматривается принятие обязательств государствами-членами по гармонизации своего законодательства в отношении регулирования финансового рынка в соответствии с международным договором в рамках ЕАЭС и Протоколом по финансовым услугам¹⁷. Однако сохраняется актуальность вопросов оперативного управления и планирования. Значение имеет выработка общих подходов к методам и инструментам государственного регулирования финансового рынка, а также согласованных позиций в отношении технологии саморегулирования финансового рынка и состава его участников — институтов и саморегулируемых организаций.

Одним из эффективных способов сглаживания неблагоприятных последствий макроэкономической нестабильности является финансовое регулирование как один из видов государственного регулирования¹⁸. Основными объектами финансового регулирования выступают отраслевая структура, территориальные пропорции в развитии, социальная структура занятых работников. В целях поддержания конкуренции на экономическом пространстве ЕАЭС мерами финансового регулирования возможно предусматривать равные условия для разных типов

---

¹⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе. Протокол по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору). (Статьи 70 и 103) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.12.2019).

¹⁸ Финансовое регулирование представляет собой воздействие на экономические и социальные процессы, направленное на предотвращение возможных или устранение имеющихся диспропорций, обеспечение развития передовых технологий и социальной стабильности путем концентрации финансовых ресурсов в одних сегментах рынка и ограничения роста финансовых ресурсов в других.

хозяйствующих субъектов. В то же время для придания импульса развитию определенных отраслей значение имеет подготовка рекомендаций для поддержки малого и среднего бизнеса, преференций для крупных корпораций, содействие в создании институтов развития.

Целесообразность финансового воздействия на территориальные пропорции направлена на «выравнивание территорий» соседствующих государств по обеспечению транспортной доступности. Для стран-участниц ЕАЭС именно этот аспект имеет приоритетное значение в силу целого ряда условий, определяющих специфику хозяйствования (исторических традиций, климатических особенностей, неравномерности размещения природных ресурсов и населения), вследствие которых наблюдаются серьезные диспропорции в обеспечении факторами производства между отдельными макрорегионами и административно-территориальными образованиями. Учитывая масштабы территории ЕАЭС, более обоснованным представляется подход к решению транспортных проблем в России на уровне макрорегионов окружного типа — федеральных округов. Преодоление диспропорций в размещении производительных сил и расселении населения по территории страны входит в число задач государственной политики регионального развития Российской Федерации¹⁹ и опосредованно оказывает влияние на состояние транспортной инфраструктуры, развитость которой является одним из критериев для выделения бюджетных инвестиций. Каждая из стран-членов ЕАЭС может в рамках своего финансового законодательства осуществлять финансовое регулирование приемлемыми методами и инструментами.

Например, в России финансовая поддержка хозяйствующих субъектов осуществляется с применением налоговых и неналоговых методов финансового регулирования. К основным налоговым методам относятся налоговые вычеты, освобождения, пониженные ставки (при прямом и косвенном налогообложении). К основным неналоговым методам относятся социальные выплаты, бесплатное или льготное предоставление услуг, субсидирование стоимости нефинансовых услуг, субсидирование процентных ставок и страховых тарифов, поддержка социально ориентированных негосударственных организаций. Источниками финансирования выступают публичные фонды (бюджетные средства и средства социального

---

¹⁹ «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (дата обращения: 02.12.2019).

страхования). Для стимулирования инвестиционной деятельности применяются льготы по таможенным тарифам, бюджетные инвестиции, субсидирование процентной ставки по кредитам, государственные гарантии, взносы в уставный капитал институтов развития, смешанный метод финансирования (за счет бюджетных средств компенсируются ранее уплаченные налоги). Прогрессивным способом является проектное финансирование (кредитование инвестиционных проектов под обеспечение исходящего потока). Крупные инфраструктурные проекты финансируются, как правило, с участием публично-правовых образований или непосредственно за счет бюджетных инвестиций. Селективное применение в практике государственного регулирования партнеров по ЕАЭС названных мер будет способствовать возникновению синергетического эффекта и достижению весомых положительных результатов в международном экономическом сотрудничестве.

Сложность и разноплановость всей совокупности актуальных для дальнейшего развития ЕАЭС вопросов требуют глубокой проработки предложений, инициаторами которых выступают различные институциональные структуры, организации, представители бизнес-сообщества, Евразийская экономическая комиссия и органы государственной власти государств-членов Союза. Нуждаются в детальной проработке инициативы, на которые целесообразно ориентироваться странам-участницам при введении различных новшеств в сферах сотрудничества ЕАЭС. Так, предложения должны представлять интерес для государств-членов, обеспечивать достижение целей цифровой повестки, использовать инновационные бизнес-модели, обеспечивать связность евразийских цифровых инфраструктур, опираться на достаточно зрелые разработки, способствовать получению по результатам проектировок модернизационных эффектов, быть направленными на обеспечение экономического роста и поддержку конкурентоспособности экономик государств-членов в ходе цифровых трансформаций.

Взаимодействие стран-партнеров по ЕАЭС ограничивается преимущественно экономическими вопросами в некоторых отраслях экономики. Характерно, что «экономическая политика в сфере технологического развития и космоса, налоговая политика, социальная политика, экономическое, социальное и территориальное сплочение, окружающая среда, здравоохранение и образование не отнесены к сферам экономического сотрудничества ЕАЭС» [Аналитический отчет 2018, 9]. Из этого следует, что для рассмотрения и реализации различных инициатив, выходящих за пределы общей, согласованной или скоординированной политики в рамках Союза, необходимо вносить изменения в действующий Договор о ЕАЭС. Одним из

приемлемых путей является заключение новых либо корректировка ранее заключенных международных договоров в рамках Союза.

Межгосударственное сотрудничество в подготовке кадров

Одним из направлений развития сотрудничества на долгосрочную перспективу вполне закономерно становится подготовка специалистов и повышение квалификации кадров. Работа в условиях цифровой экономики инициирует возникновение новых профессий и требует постоянного обновления знаний, приобретения актуальных компетенций. На необходимость согласованного рассмотрения названных вопросов обратил внимание Президент России В.В. Путин: успешность развития социально-гуманитарной сферы государств-членов ЕАЭС зависит от «оказания содействия высшим учебным заведениям в налаживании межвузовских связей, реализации совместных учебных и научных программ, расширении студенческих обменов, повышении академической мобильности»²⁰.

Проблема эффективности образовательной деятельности приобретает новое качество в свете поставленной задачи о недопущении снижения качественных характеристик человеческого потенциала, которая координируется с инновационными изменениями в сфере образования и повышением его доступности. На целесообразность комплексного подхода к ее решению обращается внимание в Стратегии экономической безопасности России²¹. Совершенствование программно-целевого управления влияет на порядок разработки и практику финансирования программ развития образования (государственных, целевых и ведомственных). Трансформация приоритетов образовательной деятельности происходит на различных ступенях профессионального образования: применительно к среднему профессиональному образованию — посредством обеспечения равного доступа мужчин и женщин к недорогому и качественному техническому образованию; применительно к высшему образованию — посредством повышения качества обучения по различным направлениям и профилям подготовки специалистов. Разнообразие подходов к организации образовательной деятельности в период перехода к цифровой

---

²⁰ Обращение Президента России к главам государств-членов Евразийского экономического союза (18 января 2018 года) // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 10.12.2019).

²¹ «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения: 19.11.2019).

экономике проявляется в целях достижения соответствия полученной обучающимися квалификации нуждам формирующегося нового технологического уклада.

Перспективы развития международного сотрудничества ЕАЭС с интеграционными объединениями

Двух- и многостороннее сотрудничество России с региональными объединениями и отдельными странами может иметь различные форматы. Например, применительно к странам Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки приоритеты целесообразно выстраивать, основываясь на принципах «нового регионализма», которые характеризуются вовлечением в интеграционные процессы стран с недостаточно развитыми институциональными структурами, разным уровнем развития, вследствие чего акцент в отношениях смещается на экономическую мотивацию участников, создание зон свободной торговли, межправительственное взаимодействие при принятии решений [Россия в современных интеграционных процессах 2014, 12]. Некоторыми исследователями предлагается «концепт Евразийской политики соседства, призванной способствовать усилению целостности и взаимосвязанности постсоветского экономического пространства, реализации совместных кооперационных программ и проектов» [Спартак, Воронова 2018, 5]. Авторы данного концепта вполне обоснованно полагают, что предлагаемый формат, вследствие своей направленности на взаимопроникновение позиций ЕАЭС и СНГ, позволит задействовать такие инструменты политики соседства, как соглашения о расширенном экономическом партнерстве между ЕАЭС и заинтересованными странами СНГ вне ЕАЭС, другими близлежащими странами, секторальные соглашения между ними (высокую актуальность приобретает сфера технического регулирования) с ожидаемыми быстрыми эффектами.

В долгосрочной перспективе интерес представляет поиск оптимальных подходов к региональному торговому и инвестиционному сотрудничеству, создание Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, поддержка проектов межгосударственной значимости, и особенно китайской инициативы «Один пояс — один путь»²², во взаимосвязи с деятельностью ЕАЭС. «Для этого, наряду с наращиванием взаимной торговли, необходимо расширять производственную

---

²² «Один пояс — один путь» — это выдвинутое в 2010-х годах Китайской Народной Республикой предложение объединить два проекта: «Экономический пояс Шёлковый путь» и «Морской Шёлковый путь XXI века»; это национальный «механизм мягкой силы» Китая, обладающий определенной гибкостью.

кооперацию, стимулировать создание совместных предприятий, поощрять инвестиционное сотрудничество» [Глазьев и др. 2019, 15]. Президенты России и Китая заявили о совместном намерении по выстраиванию сопряжения и сотрудничества между проектом ЕАЭС и инициативой «Один пояс — один путь»²³. Наиболее перспективными в данном контексте являются энергетика и высокотехнологичные производственные отрасли — авиационная промышленность и транспорт, в которых уже реализуются совместные масштабные инвестиционные проекты. По согласованному экспертному мнению, «механизм китайско-российского финансового сотрудничества несовершенен. Финансовые рынки обеих стран недостаточно открыты. Внешние угрозы санкций существенно сдерживают кредитование и предоставление банковских услуг, а следовательно, и процессы стимулирования двусторонней торговли и внешних инвестиций.... Китай и Россия не имеют эффективных платежных и клиринговых каналов в условиях санкций со стороны стран ЕС и США» [Там же, 20].

Одним из продуктивных выходов на расширение возможностей для экономического сотрудничества является создание и развитие инфраструктуры как наиболее важное условие для торгового сопряжения. Поскольку намечаемые для строительства инфраструктурные объекты отличаются масштабностью и имеют международное значение, необходимы совместные усилия по достижению консенсуса, соблюдению правил ВТО, соответствию международным стандартам проектирования, технологий, товаров и услуг и созданию условий для материальной заинтересованности всех стран, участвующих в реализации проектов. В связи с необходимостью обеспечения проектируемых инфраструктурных объектов финансовыми ресурсами сформулировано предложение о создании «евразийских инвестиционных консорциумов с наднациональной системой управления, которые могли бы функционировать как надежный административный институт» [Там же, 23].

Актуальным для России и ЕАЭС в целом является реформирование ВТО. Консолидированную позицию экспертного сообщества целесообразно было бы сформулировать по вопросам, относящимся к следующим сферам: обновление правил международной торговли с учетом изменений в глобальной экономике; достижение согласованности в системе контроля ВТО; упорядочение системы урегулирования споров между членами данной организации; заключение всеобъемлющего соглашения между ЕС и ЕАЭС и др. «Договор может охватывать множество предметных областей:

---

²³ Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 04.12.2019).

от торговли товарами и услугами до свободы передвижения капитала и труда и безвизовых режимов, развития трансграничной и транзитной инфраструктуры, институциональной конвергенции, защиты прав интеллектуальной собственности и других вопросов нормативного регулирования» [Мешкова и др. 2019, 25–26]. Дальнейшее расширение рамок предполагает выход за пределы экономических категорий и продвижение различных аспектов евразийской интеграции, что становится возможным в случае нормативно-идеологической трансформации²⁴ и укрепления международного статуса ЕАЭС.

Заключение

Приоритетного внимания в рамках ЕАЭС требуют целенаправленно предпринимаемые действия по формированию общего финансового рынка и единого рынка услуг, по подготовке законоположений для координации налоговой и валютной политики, созданию условий для свободного перемещения рабочей силы, продуктивной занятости населения и развития предпринимательства, принятию мер по поощрению и защите инвестиций, эффективной охране прав интеллектуальной собственности.

Исследование вопросов функционирования механизмов отраслевой и территориальной государственной межстрановой координации и интеграции в странах-членах ЕАЭС имеет широкий общественный резонанс и отличается актуальностью. Обусловленная различными причинами макроэкономическая нестабильность инициирует разработку новых форм и методов государственного экономического и финансового регулирования. Заслуживают внимания разрабатываемые меры по сближению законодательной и нормативной правовой базы соседствующих государств как потенциальных участников интеграционных объединений. Кроме того, возрастает роль Евразийской экономической комиссии как координационного центра совместной деятельности стран-членов ЕАЭС. Повышение заинтересованности в развитии межгосударственного сотрудничества в конечном итоге направлено на укрепление конкурентоспособности хозяйствующих субъектов и поддержание высоких устойчивых темпов экономического роста.

---

²⁴ Нормативно-идеологическая трансформация предполагает имплементацию в законодательство ЕАЭС норм, отражающих верховенство закона, политический плюрализм, народовластие, права и свободы человека, существенное укрепление международного статуса Союза.

Список литературы:

Аналитический отчет о проведенных консультациях с бизнес-сообществом по приоритетным инициативам в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС, а также по проекту «дорожной карты» по гармонизации в рамках законодательства государств-членов-ЕАЭС в цифровой сфере, выявлению существующих правовых ограничений для развития цифровых экономик государств-членов в праве ЕАЭС, потребностей на урегулирование (дерегулирование) на наднациональном уровне соответствующих правоотношений. Москва, 2018 // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/url?sa> (дата обращения: 01.12.2019).

Белов В. Итоги председательства России в ЕАЭС в 2018 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2. С. 13–20.

Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Ван Вэнь, Ян Цинцин, Джон Росс, Гуань Чжаоюй, Чжан Тинтин. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал. 2019. № 3. С. 13–30.

Жаксылыков Т. «Надо решить, кого облагать»: интервью министра ЕЭК о перспективах регулирования электронной торговли в ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал. 2018. № 1(23). С. 9–12.

Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. 25 лет СНГ и Евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 2(77). С. 123–136.

Кондратьева Н.Б. Условия участия Европейского Союза в Большом евразийском партнерстве // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 15–20.

Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7–33.

Россия в современных интеграционных процессах: коллективная монография / под ред. С.А. Афонцева, М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014.

Спартак А.Н., Воронова Т.А. Перспективы и ограничения Евразийской политики соседства // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 4(16). С. 5–20.

Хейфец Б.А. Метаморфоза экономической глобализации. М.: Институт экономики РАН, 2018.

Хейфец Б.А. Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 19–42.

Дата поступления: 03.11.2019

Molchanov I.N., Molchanova N.P.

Regulation of Economic Activity in the EAEU: Trends and Prospects of Cooperation

Igor N. Molchanov — DSc (Economics), Professor, Professor of Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Professor of Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: INMolchanov@fa.ru

Natalya P. Molchanova — DSc (Economics), Associate Professor, Professor of Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: NPMolchanova@fa.ru

Abstract

In this article, the current state of economic and social processes regulation within the EAEU common economic space, emerging under the influence of regionalization and integration, is investigated. The works of a number of authors on the problems of interstate cooperation of the EAEU members, other economic unions and partnerships are considered. An analysis of various aspects of the interaction and integration of the EAEU member states has been provided. The research unveils the reasons determined by peculiarities of the national legislation and the regulatory framework of the EAEU member countries, which make the development of cooperation and economic relations between them complicated, and identifies ways to overcome existing imperfections. The influence of the applied information and communication technologies and the emerging digital infrastructure on the effectiveness of the economic activity of the Union is disclosed. The need for more active positioning of the benefits of Eurasian economic integration and the EAEU single market through the organization of scientific and public events in various forms, in order to increase interest and create additional opportunities for cooperation, is justified. Russian experience and proposals on the possibilities of influencing sectorial, territorial and social proportions, the application of economic methods and tools for the development of entrepreneurship, especially in industries, agriculture, transport and improving financial regulation through the application of tax and non-tax methods in the activities of business entities of the Member States Union are presented and analysed. The authors give recommendations on enhancing cooperation on a mutually beneficial basis, creating a common financial market in the EAEU as part of the stock, insurance and banking sectors. The feasibility of cooperation in training personnel, reforming the WTO and other productive options for interstate partnership for the long term is justified.

Keywords

Interstate cooperation, financial and economic regulation, sectorial and territorial proportions, improvement of social structure, macro-regional priorities.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10033

References:

Afontsev S.A., Lebedeva M.M. (eds.) (2014) *Rossija v sovremennyh integracionnyh processah* [Russia in modern integration processes: a collective monograph]. Moscow: MGIMO-Universitet.

Analiticheskij otchet o provedennyh konsul'tacijah s biznes-soobshhestvom po prioritetnym iniciativam v ramkah realizacii cifrovoj povestki EAJeS, a takzhe po proektu «dorozhnoj karty» po garmonizacii v ramkah zakonodatel'stva gosudarstv-chlenov-EAJeS v cifrovoj sfere, vyjavleniju sushhestvujushhih pravovyh ogranichenij dlja razvitija cifrovyyh jekonomik gosudarstv-chlenov v prave EAJeS, potrebnostej na uregulirovanie (deregulirovanie) na nadnacional'nom urovne sootvetstvujushhih pravootnoshenij (2018). [An analytical report on consultations with the business community on priority initiatives in the framework of the implementation of the EAEU digital agenda, as well as on the draft “road map” for harmonization within the legislation of the EAEU member states in the digital sphere, identification of existing legal restrictions for the development of digital economies Member States in the law of the EAEU, needs for the settlement (deregulation) at the supranational level of relevant legal relations]. Moscow // Eurasian Economic Commission [Internet resource]. Available: <https://www.google.com/url?sa> (accessed: 01.12.2019).

Belov V. (2019) Itogi predsdatel'stva Rossii v EAES v 2018 g. [The results of Russian chairmanship in EAEU in 2018]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No. 2. P. 13–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220191319>.

Glaziev S.Yu., Arkhipova V.V., Ageev A.I., Ershov M.V., Mitjajev D.A., Nagorny A.A., Wen Wang, Qingqing Yang, Ross John, Zhaoyu Guan, Tingting Zhang. (2019) Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the “Belt and Road” Initiative between China and Russia. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika. Mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal*. No. 3. P. 13–30.

Kheifets B.A. (2016) Transregionalization of the Global Economic Space. *Obshchestvo i ekonomika*. No. 6. P. 19–42.

Kheifets B.A. (2018) *Metamorphosis of Economic Globalization*. Moscow: Institut ekonomiki RAN.

Kondratyeva N.B. (2018) Guidelines for a participation of the European Union in the Great Eurasian partnership. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No. 5. P. 15–20.

Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner Yu.K. (2019) The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities for International Cooperation. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. Vol. 21. No. 1. P. 7–33.

Spartak A.N., Voronova T.A. (2018) Prospects and Limitations of the Eurasian Neighborhood Policy. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. No. 4(16). P. 5–20.

Zhaksylykov T. (2018) «Nado reshit', kogo oblagat'»: interv'ju ministra EJeK o perspektivah regulirovaniya jelektronnoj trgovli v EAJeS [“It is necessary to decide whom to tax”: an interview by the Minister of the EEC on the prospects for regulating electronic commerce in the EAEU]. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika. Mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal*. No. 1(23). P. 9–12.

Ziyadullaev N.S., Ziyadullaev U.S. (2017) 25 years of CIS and Eurasian Integration Projects: Expectations, Disappointments and Perspectives. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 2(77). P. 123–136.

Received: 03.11.2019

Правовые и политические аспекты управления

Головин М.С., Кудрявцева О.В.

Государственная политика по развитию отрасли транспортного биотоплива в Европейском Союзе¹

Головин Максим Сергеевич — аспирант, экономический факультет, кафедра агроэкономики, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: maks_golovin@inbox.ru
SPIN-код РИНЦ: [1470-5594](https://elibrary.ru/1470-5594)

Кудрявцева Ольга Владимировна — доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, кафедра экономики природопользования, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: olgakud@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: [9064-4420](https://elibrary.ru/9064-4420)

Аннотация

Актуальность исследования биотопливной отрасли обусловлена возрастающим вниманием к тенденции роста эмиссии парниковых газов, в первую очередь углекислого газа, и её взаимосвязи с обострением проблемы глобального потепления и изменения климата. Развитые страны уже несколько десятилетий реализуют государственные программы по декарбонизации собственных экономик, в частности энергетического сектора. Наиболее заметных успехов в данном направлении добились страны Европейского Союза (ЕС).

С помощью системного анализа авторы исследуют инструменты государственного регулирования производства и потребления транспортного биотоплива в ЕС, выделяют основные инструменты и отмечают отсутствие подобных аналогов в Российской Федерации (РФ). Исследование показывает сложность и многообразие мультипликативных экономических эффектов, возникающих в смежных отраслях в результате стимулирования биотопливной отрасли. К положительным эффектам относятся снижение эмиссии парниковых газов транспортным сектором, диверсификация энергопоставок, развитие сельскохозяйственной отрасли и сферы утилизации отходов. К отрицательным эффектам относятся негативные эффекты в структуре землепользования, заключающиеся в конверсии естественных экосистем под землю сельскохозяйственного назначения, рост антропогенного воздействия на окружающую среду.

Результаты экономико-математической оценки введения в РФ обязательной нормы содержания биотоплива в топливных смесях свидетельствуют о положительных экономических эффектах, заключающихся в снижении эмиссии углекислого газа в транспортном секторе. При этом исследователями отмечено, что в среднесрочной перспективе без осуществления системной государственной политики в данной области потенциал развития биотопливной отрасли ограничен. Сдерживающими факторами являются обеспеченность России традиционными энергоносителями, фрагментарность политики по снижению выбросов парниковых газов и более высокая себестоимость производства транспортного биотоплива по сравнению с бензином и дизельным топливом.

Ключевые слова

Транспортное биотопливо, энергетика, биотопливо, альтернативная энергетика, государственное регулирование энергетического сектора.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10034

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-010-00974 А «Разработка модели управления ресурсным потенциалом территорий».

Введение

Последние десятилетия внимание международного сообщества приковано к проблеме достижения устойчивого экономического развития, наиболее важные элементы которого подразумевают снижение уровня антропогенного воздействия на окружающую среду. В результате все большее распространение получают новые модели экономики: зеленая, низкоуглеродная, циркулярная и др., подразумевающие достижение баланса между экономическим ростом, социальным развитием и экологической устойчивостью [Бобылев 2019, Пахомова и др. 2013].

Рамочная конвенция ООН об изменении климата, принятая в 2015 году, поставила перед международным сообществом задачу ограничения роста парниковой эмиссии и глобальной температуры на 2°C². Данный документ является последовательной попыткой решить проблему глобального потепления, развить принципы, заложенные в Киотском протоколе 1992 года.

Реализация столь сложной задачи невозможна без повышения энергоэффективности и внедрения климатически-нейтральных технологий во всех сферах хозяйственной деятельности человека, в том числе в сфере транспорта, эмитирующего до 14% совокупных выбросов парниковых газов [Climate Change 2014, 9]. Осознание данного факта находит своё прикладное отражение в предпринимаемых отдельными странами усилиях по развитию экологически чистых, возобновляемых источников энергии, способных решить проблему роста потребления традиционных углеводородных энергоносителей в транспортном секторе.

Важным элементом данного направления государственной экономической политики является стимулирование производства и потребления транспортного биотоплива. Биотопливная отрасль появилась в Бразилии еще в начале XX столетия и до 1990-х гг. развивалась лишь в нескольких странах, рассматриваясь в качестве локального и достаточно узкого инструмента диверсификации энергопоставок, стимулирования экономики агропромышленного комплекса и улучшения экологической обстановки в городских агломерациях. В последние три десятилетия, благодаря реализации системной государственной политики более чем в 60 странах мира, отрасль транспортного биотоплива продемонстрировала высокие темпы роста и уверенно заняла нишу экологически безопасных топливных добавок.

---

² Рамочная конвенция об изменении климата (12 декабря 2015 года) // ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/l09r.pdf> (дата обращения: 30.11.2019).

По оценкам специалистов Международного энергетического агентства, доля биотоплива в совокупном мировом энергопотреблении транспортного сектора достигла в 2017 году 3%, а к 2040 году может увеличиться до 6%³. Лидирующие мировые позиции в производстве и потреблении транспортного биотоплива, наряду с США и Бразилией, занимает Европейский Союз (ЕС).

В Российской Федерации (РФ) производство и потребление транспортного биотоплива не осуществляются (за исключением незначительных поставок растительных масел и жировых отходов пищевой промышленности на рынок ЕС). При этом показатель эмиссии углекислого газа в РФ составляет 11,9 тонн на 1 человека в год, что на 1,2 тонны превышает средний показатель эмиссии в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития, на 3 тонны — показатель эмиссии в Германии, на 7,3 тонны — показатель эмиссии во Франции и т.д.⁴ В целом развитие чистой энергетики способно благотворно сказываться на благосостоянии населения, сохранять его здоровье и повышать степень технологической гибкости энергетического сектора [Бобылев и др. 2013, 36].

В связи с этим представляется крайне актуальным исследование накопленного опыта применения основных инструментов государственной политики по развитию биотопливной отрасли в качестве элемента стратегии по снижению выбросов парниковых газов и диверсификации энергопотребления.

Цель данного исследования — обобщить опыт стран Европейского Союза в области государственной политики по стимулированию производства и потребления транспортного биотоплива, выделить основные механизмы стимулирования и отразить их эволюцию за последнее десятилетие. Полученные результаты могут быть применены при разработке стратегии декарбонизации транспортного сектора РФ.

Становление отрасли и актуализация проблемы косвенных изменений структуры землепользования

Вплоть до начала 2000-х гг. производство и потребление транспортного биотоплива в странах ЕС носили локальный характер и были обусловлены государственными программами развития отрасли, действующими в отдельных странах. Основным видом биотоплива являлся биодизель, объемы потребления

---

³ World Energy Outlook 2018. P. 526 // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2018> (дата обращения: 30.11.2019).

⁴ Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update. P. 98–101 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

которого в 2000 г. составляли 577,6 млн литров, при этом практически весь спрос удовлетворялся за счет внутреннего производства⁵. Производство биоэтанола составляло порядка 542 млн литров, при этом в качестве моторного топлива он практически не использовался⁶. Основные объемы производства и потребления биотоплива были сосредоточены во Франции, Германии, Испании и Австрии⁷.

В 2003 году данная ситуация резко изменилась. Принятие Европейской Комиссией директивы Directive 2003/30/EC (RED I) закрепило за странами-участницами объединения долгосрочные обязательства по достижению целевых показателей потребления биотоплива в совокупной структуре потребления транспортного топлива:

- к 31 декабря 2005 года уровень потребления биотоплива должен был составить 2% от совокупного потребления транспортного топлива;
- к 31 декабря 2010 года уровень потребления биотоплива должен был составить 5,75% от совокупного потребления транспортного топлива⁸.

Принятие данной директивы на наднациональном уровне закрепляло за странами-участницами объединения обязательства, но оставляло право индивидуального выбора инструментов государственной поддержки отрасли, направленных на их достижение. Анализ многочисленных исследований, посвященных данной проблематике, позволяет выделить следующие три категории данных инструментов: поддержка конечного производства (output-related assistance), поддержка факторов производства (support for factors of production) и поддержка дистрибуции и потребления (distribution and use support) [Harmer 2009, 4].

Наиболее распространенными применяемыми инструментами в рамках данных категорий являются:

---

⁵ OECD-FAO Agricultural Outlook 2019–2028 // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=HIGH_AGLINK_2019 (дата обращения: 30.11.2019).

⁶ OECD-FAO Agricultural Outlook 2019–2028 // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=HIGH_AGLINK_2019 (дата обращения: 30.11.2019).

⁷ Statistical Review of World Energy 2017 // BP [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения: 30.11.2019).

⁸ DIRECTIVE 2003/30/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 8 May 2003 // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003L0030&from=EN> (дата обращения: 30.11.2019).

- нормы обязательного минимального содержания биотоплива в топливной смеси с традиционными энергоносителями и субсидирование производителей биотоплива (поддержка конечного производства);
- инструменты тарифной и нетарифной защиты внутреннего рынка от импорта (поддержка конечного производства);
- государственная поддержка фундаментальных исследований, прикладных разработок и пилотных проектов (поддержка факторов производства);
- субсидирование поставщиков сырья, используемого в производстве биотоплива (поддержка факторов производства);
- субсидирование инфраструктуры дистрибуции биотоплива (поддержка дистрибуции и потребления);
- налоговые льготы, повышающие потребительскую привлекательность биотоплива по сравнению с традиционными видами транспортного топлива (поддержка дистрибуции и потребления).

Основополагающим механизмом развития отрасли является административно установленная норма обязательного минимального содержания биотоплива в топливной смеси с традиционными энергоносителями (бензин, дизельное топливо). На начальном этапе осуществления системной политики по развитию отрасли в ЕС нормы обязательного минимального содержания биотоплива в топливных смесях с традиционными энергоносителями были распространены повсеместно и варьировались от 1% до 5%. В данный момент эти показатели существенно выше (Таблица 1), при этом в отдельных странах прослеживается тенденция к переходу от системы «квотирования» потребления биотоплива к системе налогообложения выбросов углекислого газа.

Таблица 1. Нормы обязательного содержания биотоплива в топливных смесях в отдельных странах ЕС⁹

Страна	Минимальный объем содержания биотоплива в топливной смеси (на 2019 г.)
Швеция	<ul style="list-style-type: none"> • 2,6% содержания биоэтанола в топливной смеси с бензином; • 20% содержания биодизеля в топливной смеси с дизельным топливом.
Испания	<ul style="list-style-type: none"> • 7% биотоплива в топливной смеси в 2019 г.; • 8,5% биотоплива в топливной смеси в 2020 г.
Австрия	<ul style="list-style-type: none"> • 3,4% содержания биоэтанола (либо альтернативного биотоплива) в топливной смеси с бензином; • 6,3% содержания биодизеля в топливной смеси с дизельным топливом.
Франция	<ul style="list-style-type: none"> • премиальные марки бензина (SP 95 и SP 98) должны содержать 8% биоэтанола в 1 литре топливной смеси; • премиальная марка бензина SP95-E10 должна содержать 10% биоэтанола в 1 литре топливной смеси; • дизельное топливо должно содержать 8% биодизеля в 1 литре топливной смеси.
Польша	<ul style="list-style-type: none"> • минимальное содержание биотоплива в топливных смесях в 2019 г. — 8%; • минимальное содержание биотоплива в топливных смесях в 2020 г. — 8,5%.

Невыполнение поставщиками топлива требований о минимальном содержании биотоплива приводило к штрафам и ограничению оборота топливной смеси на внутренних рынках стран, использующих данный инструмент регулирования. Аналогичная ситуация наблюдается и в настоящее время.

Другим важным инструментом развития отрасли является таможенно-тарифное регулирование импорта как сырьевой базы, используемой при производстве биотоплива, так и самого биотоплива (Таблица 2).

Таблица 2. Импортные пошлины на биотопливо в ЕС¹⁰

Таможенный код	Продукт	Ставка импортной пошлины
3826001	FAME 96.5-100%	6,5% (плюс адвалорные и компенсационные пошлины против большинства компаний США и Канады)
38260090	FAME ниже 96.5%	6,5% (плюс адвалорные и компенсационные пошлины против большинства компаний США и Канады)
271020	B30 и ниже 30%	3,5%
220710	Неденатурированный этанол	0,192 евро за литр
220720	Денатурированный этанол	0,102 евро за литр

Кроме мер, обозначенных выше, то есть мер защиты внутреннего рынка, страны ЕС в течение длительного времени активно применяли антидемпинговые пошлины против поставщиков биодизеля из Аргентины и Индонезии¹¹.

⁹ Составлено авторами на основе Compare policies // RES LEGAL Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.res-legal.eu/compare-policies/> (дата обращения: 30.11.2019).

¹⁰ Источник: EU Biofuels Annual 2017. 6/21/2017, NL7015. P. 14 // USDA [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/report/downloadreportbyfilename?filename=Biofuels%20Annual%20The%20Hague%20EU-28%206-19-2017.pdf> (дата обращения: 30.11.2019).

¹¹ European Union — anti-dumping measures on biodiesel from Argentina // WTO [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/473abr_e.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

Нормы обязательного содержания биотоплива в топливной смеси и инструменты защиты внутреннего рынка относятся к категории поддержки конечного производства, носят фундаментальный характер и их применение позволило странам ЕС:

- сформировать рыночный спрос на энергоноситель, отличающийся несовершенной технологической сопряженностью с существующими технологиями энергопотребления дорожного транспорта и более высокой себестоимостью по сравнению с бензином и дизельным топливом;
- защитить внутреннего производителя от конкуренции с зарубежными поставщиками и усилить инвестиционную привлекательность отрасли.

Применение других инструментов позволяло решать отдельные задачи, препятствующие развитию отрасли, в первую очередь:

- ускорять темпы введения в действие производственных мощностей;
- нивелировать влияние высокой себестоимости биотоплива на конечного потребителя;
- модернизировать инфраструктуру дистрибуции биотоплива конечному потребителю.

Оценка совокупных экономических затрат, сопровождающих применение данных инструментов, является весьма нетривиальной задачей, поскольку на рыночное равновесие воздействуют многочисленные регулирующие нормы. Но отметим, что, по оценкам экспертов, в 2006 г. совокупные субсидии в биотопливной отрасли ЕС составляли 3,7 млрд евро [Kutas et al. 2007, 1], в 2011 г. они выросли до 5,5–6,9 млрд евро¹², а в период 2011–2020 гг. их ежегодный минимальный объем оценивается в 8,4 млрд евро¹³.

---

¹² Charles C., Gerasimchuk I., Bridle R., Moerenhout T., Asmelash E., Laan T. Biofuels — At What Cost? A review of costs and benefits of EU biofuel policies // International Institute for Sustainable Development [Электронный ресурс]. URL: https://www.iisd.org/gsi/sites/default/files/biofuels_subsidies_eu_review.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

¹³ Bourguignon D. EU biofuels policy. Dealing with indirect land use change // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/545726/EPRS_BRI%282015%29545726_RE_V1_EN.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

Результатом реализации директивы Directive 2003/30/EC стало резкое увеличение роста производства и потребления биоэтанола и биодизеля. Уже в 2009 г. потребление биодизеля составляло 11,3 млрд литров (при внутреннем производстве в объеме 10 млрд литров, экспорте в 490 млн литров и импорте в 2 млрд литров), потребление биоэтанола — 6 млрд литров (при внутреннем производстве в объеме 4,6 млрд литров, экспорте в 248 млн литров и импорте в 1,5 млрд литров)¹⁴.

При этом стремительное развитие отрасли сопровождалось тем, что основными видами транспортного биотоплива стали биоэтанол и биодизель первого поколения (производство которых основано на сельскохозяйственном сырье). Это, в свою очередь, вызвало многочисленные дискуссии, касающиеся дилеммы «топливо вместо еды» и негативных эффектов изменения структуры землепользования (ILUC).

Критики биотопливной отрасли подчеркивали эффекты роста спроса на сельскохозяйственную продукцию со стороны энергетического сектора, влияющего на рост цен и обострение проблемы голода в наименее обеспеченных регионах планеты, и роста темпов введения в сельскохозяйственный оборот земель, ранее занятых естественными экосистемами. Наиболее остро проблема изменения структуры землепользования ощущалась в странах Юго-Восточной Азии и Бразилии, где рост спроса на биодизель и биоэтанол на внутреннем рынке ЕС привел к масштабной конверсии тропических лесов под сельскохозяйственную пашню, используемую для культивации масличной пальмы и сахарного тростника.

Результаты глубокого анализа данных проблем, обладающих трансграничным характером, предопределили коррекцию государственной политики в области развития биотопливной отрасли и принятие директивы Directive 2009/28/EC.

Коррекция государственной политики и развитие биотоплива второго поколения

Директива Directive 2009/28/EC (RED II) была направлена, с одной стороны, на увеличение потребления транспортного биотоплива, а с другой — на обеспечение устойчивости и антропогенной нейтральности производства данного энергоносителя. К 2020 году каждое государство-член ЕС должно достигнуть определенной индикативной доли потребления энергии из возобновляемых источников:

---

¹⁴ OECD-FAO Agricultural Outlook 2019–2028 // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=HIGH_AGLINK_2019 (дата обращения: 30.11.2019).

- доля возобновляемой энергии в совокупной структуре энергопотребления должна составить 20%;
- доля возобновляемой энергии в совокупном энергопотреблении транспортного сектора должна составить 10%;
- доля возобновляемой энергии в структуре энергопотребления авиационного транспорта должна составить 6,18%¹⁵.

В данный момент каждое государство-член ЕС установило следующие целевые показатели потребления биотоплива в транспортном секторе (Таблица 3).

Таблица 3. Целевые показатели потребления биотоплива в транспортном секторе (индикаторы к 2020 году, V — объем, E — энергетическое содержание)¹⁶

Страна	Этанол	Биодизель	Общие требования
Австрия	3,4%	6,3%	8,75%
Бельгия	8,5% (V)	6% (V)	
Болгария	10% (V)	6% (V)	
Хорватия	1%	7,49%	8,81% (E)
Чехия	4,1% (V)	6% (V)	10% (E)
Дания			5,75% (E)
Финляндия			20% (E)
Франция	7,5% (E)	7,7% (E)	
Германия	2,8%	4,4%	6,25%
Греция			10% (V)
Венгрия	4,9%	4,9%	4,9% (E)
Ирландия			8,695% (E)
Италия			10% (E)
Нидерланды			10% (E)
Польша			8,5% (E)
Португалия			10% (E)
Румыния	8% (V)	6,5% (V)	10% (V)
Словакия	7% (V)	11,5% (V)	8,5% (V)
Словения			7,5% (E)
Испания			8,5% (E)
Швеция			10%, показатель достигнут и превышен
Великобритания			9,75% (V)

¹⁵ Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0028&from=EN> (дата обращения: 30.11.2019).

¹⁶ Источник: Biofuel Mandates in the EU by Member State in 2017. 6/1/2017, GM17017. P. 4–13 // USDA [Электронный ресурс]. URL: https://www.fueleurope.eu/wp-content/uploads/2015/06/Graphs_FUELS_EUROPE-2017_-48.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

Существовавшие на момент принятия директивы инструменты государственного регулирования были расширены механизмами сертификации биотоплива и новыми способами субсидирования производителей.

Сертификация биотоплива является инструментом достижения параметров устойчивости и принципиально отличает отраслевую политику в ЕС от других стран, реализующих программы по развитию производства и потребления биотоплива. Данная сертификация является как инструментом стимулирования перехода отрасли на сырье второго поколения (не являющегося сельскохозяйственной культурой и не способствующего негативным эффектам в области продовольственной безопасности и экологической устойчивости естественных экосистем), так и инструментом защиты внутреннего рынка (планируемый запрет на использование в производстве биотоплива пальмового масла).

Критерии устойчивости в первую очередь включают требования к эффектам сокращения парниковой эмиссии от использования биотоплива и биожидкостей, которые должны составлять по меньшей мере 35%, при этом:

- с 1 января 2017 года эффект сокращения парниковой эмиссии должен составлять 50%;
- с 1 января 2018 года эффект сокращения парниковой эмиссии должен составлять не менее 60% для биотоплива и биожидкостей, произведенных на мощностях, созданных с 1 января 2017 года¹⁷.

Дополнительные критерии устойчивости касаются ограничения негативных эффектов в структуре землепользования. Биотопливо и биожидкости не должны быть произведены из сырья, полученного от использования земли с высокой ценностью биоразнообразия, а именно от использования земли, которая имела следующий статус на январь 2008 года:

- а) первичные (девственные) леса и другие земли, занятые лесом, где нет значимой хозяйственной деятельности человека и нет нарушений экологических процессов;
- б) территории, которые находятся под законодательной защитой в целях защиты окружающей среды и отведены для защиты редких

---

¹⁷ Biofuel Mandates in the EU by Member State in 2017. 6/1/2017, GM17017. P. 4–13 // USDA [Электронный ресурс]. URL: https://www.fuelseurope.eu/wp-content/uploads/2015/06/Graphs_FUELS_EUROPE-2017-48.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

- животных, находящихся под угрозой исчезновения, или находящиеся под угрозой исчезновения экосистемы;
- в) луга с высоким уровнем биоразнообразия;
  - г) водно-болотные угодья;
  - д) лесные зоны, включающие территории более 1 га при высоте деревьев выше 5 метров и лесным пологом, покрывающим 30% территории, либо деревьями, способными достигнуть таких показателей *in situ*;
  - е) земельные участки площадью более 1 га, с деревьями выше 5 метров и лесным пологом, покрывающим от 10 до 30% территории, либо если деревья способны достигнуть такого показателя *in situ*¹⁸.

В случаях, когда поставщик биотоплива не подтверждает соответствие продукции критериям устойчивости, на такую продукцию не распространяются механизмы государственной поддержки. В частности, такое биотопливо облагается обычными ставками налоговых сборов.

Уникальным по своему характеру инструментом субсидирования биотопливной отрасли является механизм торговли квотами на выбросы парниковых газов (Emission Trading System, ETS). С конца 1990-х гг. данный механизм представлял собой государственную компенсацию производителям за «эффект сокращения» эмиссии тонны CO₂: от 186 до 299 евро за тонну при производстве этанола из сахарной свеклы, от 669 до 1422 евро за тонну при производстве этанола из зерна, от 263 до 347 евро за тонну при производстве биодизеля из рапса¹⁹. В настоящее время данный механизм усовершенствован и представляет собой полноценно действующий биржевой механизм, в рамках которого производители биотоплива продают квоты на выбросы углекислого газа (полученные в результате эффекта снижения парниковой эмиссии) третьим компаниям, выбросы которых превышают нормированные показатели²⁰.

Применение механизма торговли квотами на выбросы парниковых газов является инструментом стимулирования перехода в производстве биотоплива от сырья первого поколения (сельскохозяйственные культуры) к сырью второго поколения

---

¹⁸ Biofuel Mandates in the EU by Member State in 2017. 6/1/2017, GM17017. P. 4–13 // USDA [Электронный ресурс]. URL: https://www.fuelseurope.eu/wp-content/uploads/2015/06/Graphs_FUELS_EUROPE-2017-48.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

¹⁹ Ibid.

²⁰ EU Emissions Trading System (EU ETS) // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/ets_en (дата обращения: 30.11.2019).

(целлюлозное сырье, отходы). Происходит это благодаря большому эффекту сокращения парниковой эмиссии у биотоплива второго поколения. Так, например, биодизель из соевого масла обладает эффектом сокращения парниковой эмиссии на 50% по отношению к традиционному дизельному топливу, а эффект сокращения парниковой эмиссии у биодизеля из отработанного пищевого масла составляет 84%²¹.

В данный момент отдельные страны, например Германия, осуществляют политику по повышенному налогообложению выбросов углекислого газа. В 2015 году законодательное требование по минимальному содержанию биотоплива в топливной смеси в данной стране было заменено требованиями к показателям эмиссии парниковых газов от используемого топлива²². С 2015 года показатели эмиссии CO₂ от используемого топлива должны быть снижены на 3,5%, с 2017 года — еще на 4 %, с 2020 года — еще на 6%. Превышение установленных показателей эмиссии ведет к штрафу в размере 0,47 евро за 1 кг CO₂, накладываемому на поставщика транспортного топлива. Данная мера напрямую стимулирует поставщиков топлива добавлять в топливные смеси более углеродно-нейтральное биотопливо, а также косвенно способствует распространению электромобилей.

Реализация директивы 2009/28/ЕС укрепила тенденцию к росту производства и потребления транспортного биотоплива на территории стран ЕС. В 2018 г. объемы потребления биодизеля составили 15,1 млрд литров (при внутреннем производстве в объеме 13,5 млрд литров, экспорте в 1,1 млрд литров и импорте в 3,4 млрд литров), потребление биоэтанола — 6,9 млрд литров (при внутреннем производстве в объеме 6,8 млрд литров, экспорте в 427 млн литров и импорте в 518 млн литров)²³. При этом благодаря механизмам сертификации странам ЕС удалось сдержать темпы роста импорта биодизеля из пальмового масла, снизить объемы импорта биоэтанола из сахарного тростника, нарастить производство биодизеля из жировых отходов пищевой и перерабатывающей промышленности.

---

²¹ Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0082.01.ENG&toc=OJ.L:2018:328:TOC (дата обращения: 30.11.2019).

²² Biofuel Quota // RES LEGAL Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.res-legal.eu/search-by-country/germany/single/s/res-t/t/promotion/aid/biofuel-quota-3/lastp/135/> (дата обращения: 30.11.2019).

²³ OECD-FAO Agricultural Outlook 2019–2028 // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=HIGH_AGLINK_2019 (дата обращения: 30.11.2019).

Следует обратить внимание, что действующая редакция директивы Directive 2018/2001 (RED III), принятая в 2018 году, предполагает к 2030 году постепенный запрет потребления биодизельного топлива, произведенного из сельскохозяйственных культур, культивация которых сопровождается негативными эффектами в структуре землепользования²⁴. Данное требование ограничивает использование в производстве транспортного биотоплива сельскохозяйственного сырья, выращенного на землях, ранее занятых естественными экосистемами, в частности тропическими лесами. При этом доля транспортного биотоплива первого поколения в совокупном энергопотреблении транспортного сектора не должна превышать 7%, а доля транспортного биотоплива второго и третьего поколения в совокупном энергопотреблении транспортного сектора должна будет составить 3,5% к 2030 году.

Текущая ситуация и перспективы развития отрасли транспортного биотоплива в РФ

В Российской Федерации системная государственная политика по развитию производства и потребления транспортного биотоплива не осуществляется. Отсутствуют аналоги основных инструментов развития отрасли, применяемые в ЕС, а механизмы субсидирования сельского хозяйства не имеют взаимосвязи с производством транспортного биотоплива. В определенной степени это обусловлено обеспеченностью страны традиционными энергоносителями и наличием единой энергосистемы [Кудрявцева и др. 2019]

При этом в нашей стране происходят активные процессы автомобилизации и роста энергопотребления в транспортном секторе. Данные тенденции наблюдаются на фоне недостаточного внимания к проблемам «устойчивого развития», развития «низкоуглеродной, зеленой экономики», сфокусированности государственной экологической политики преимущественно на утилизации вторичных ресурсов и отходов, использовании очистного оборудования [Бобылев и др. 2017, 37]. Распространение альтернативных источников энергии, по сравнению с развитыми странами, находится только на начальном этапе, а развитие получили лишь солнечная и ветровая электрогенерация [Маликова, Златникова 2019, 25].

---

²⁴ Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0082.01.ENG&toc=OJ.L:2018:328:TOC (дата обращения: 30.11.2019).

Техническое регулирование в области транспортного биотоплива не обязывает поставщиков бензина и дизельного топлива добавлять в топливные смеси биоэтанол и биодизель, но при этом допускает их наличие в небольших объемах (этанола в качестве оксигената не более 5% объема автомобильного бензина, биодизеля не более 7% объема дизельного топлива)²⁵.

Федеральный закон от 28.11.2018 N 448-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”» создает предпосылки для развития производства и потребления биоэтанола, поскольку выводит данный продукт из-под действия акциза на алкогольную продукцию, но не является достаточным условием формирования экономических стимулов для производства биоэтанола в промышленных масштабах.

Причина, по которой биотопливо не получило широкого распространения в Российской Федерации, заключается в более высокой себестоимости производства 1 литра топлива, эквивалентного по энергетическому содержанию бензину либо дизельному топливу. По нашим расчетам, в российских условиях и при текущем уровне цен на сырье полная себестоимость производства 1 литра биоэтанола на 50–60% выше полной себестоимости производства эквивалентного по энергетическому содержанию 1 литра автомобильного бензина. Полная себестоимость производства 1 литра биодизеля, в свою очередь, выше полной себестоимости производства эквивалентного по энергетическому содержанию 1 литра дизельного топлива на 90–100%. В результате любые начинания по развитию производства транспортного биотоплива неизбежно сталкиваются с характерными для «зеленых» проектов проблемами высокой капиталоемкости и низкой рентабельности, ограничивающих потенциал привлечения частных инвестиций [Потравный и др. 2019].

В то же время производство и потребление транспортного биотоплива может оказать положительное влияние на снижение выбросов углекислого газа от транспортного сектора. На 2016 год совокупные показатели эмиссии CO₂ в РФ

---

²⁵ ТР ТС 013/2011 “О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту” // Евразийская Экономическая Комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsouz.ru/KTS/KTS32/Documents/P_826_1.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

составляли 1438,6 млн тонн²⁶. Доля совокупной эмиссии транспортного сектора в данном показателе составляла 16,7%, или 240,2 млн тонн²⁷.

По оценкам экспертов, совокупное потребление бензина в 2018 г. находится на уровне 42,8 млрд литров, дизельного топлива (только грузовым и пассажирским дорожным транспортом) — на уровне 5,9 млрд литров²⁸. Средние показатели выбросов CO₂ при сжигании 1 литра бензина составляют 2,3 кг (по данным Natural Resource Canada — 2,3 кг/л²⁹, по данным U.S. Environmental Protection Agency — 2,32 кг/л³⁰). Средние показатели выбросов CO₂ при сжигании 1 литра дизельного топлива составляют 2,7 кг (по данным Natural Resource Canada — 2,66 кг/л³¹, по данным U.S. Environmental Protection Agency — 2,69 кг/л³²). В совокупности потребление данных энергоносителей привело к эмиссии 114,37 млн тонн CO₂ (98,44 млн тонн за счет потребления бензина и 15,93 млн тонн за счет потребления дизельного топлива дорожным транспортом).

В научной литературе существует множество результатов оценки влияния биотоплива на эмиссию углекислого газа от транспортного топлива. Конечный эффект влияния на эмиссию зависит от исходного сырья, используемого при производстве транспортного биотоплива, и от технологий их производства. В данном анализе использованы результаты оценки эффекта сокращения эмиссии CO₂, применяемые в данный момент на территории стран ЕС и основанные на методологии анализа жизненного цикла биоэтанола из зерна и биодизеля из соевого масла. Эффект снижения эмиссии углекислого газа при применении биоэтанола из зерна составляет 38% по сравнению с аналогичными показателями у бензина, эффект снижения эмиссии при

---

²⁶ CO₂ EMISSIONS FROM FUEL COMBUSTION (2018 edition). P. II.341 // OECDiLibrary [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/energy/co2-emissions-from-fuel-combustion-2019_2a701673-en (дата обращения: 30.11.2019).

²⁷ Там же.

²⁸ Russian Federation. Biofuels Update 2017. 6/9/2017, RS1737. P. 6 // USDA [Электронный ресурс]. URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/report/downloadreportbyfilename?filename=Biofuels%20Annual_Moscow_Russian%20Federation_6-9-2017.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

²⁹ Learn the facts: Fuel consumption and CO₂, 2014 // Minister of Natural Resources Canada [Электронный ресурс]. URL: https://www.nrcan.gc.ca/sites/www.nrcan.gc.ca/files/oe/pdf/transportation/fuel-efficient-technologies/autosmart_factsheet_6_e.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

³⁰ Emission Factors for Greenhouse Gas Inventories, 4 April 2014 // EPA [Электронный ресурс]. URL: https://www.epa.gov/sites/production/files/2015-07/documents/emission-factors_2014.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

³¹ Learn the facts: Fuel consumption and CO₂, 2014 // Minister of Natural Resources Canada [Электронный ресурс]. URL: https://www.nrcan.gc.ca/sites/www.nrcan.gc.ca/files/oe/pdf/transportation/fuel-efficient-technologies/autosmart_factsheet_6_e.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

³² Emission Factors for Greenhouse Gas Inventories, 4 April 2014 // EPA [Электронный ресурс]. URL: https://www.epa.gov/sites/production/files/2015-07/documents/emission-factors_2014.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

применении биодизеля из соевого масла составляет 50% по сравнению с аналогичными показателями у дизельного топлива³³.

Результаты оценки потенциала сокращения эмиссии углекислого газа при введении 5% нормы обязательного содержания биотоплива в транспортном топливе приведены в Таблице 4.

Таблица 4. Потенциал сокращения эмиссии CO₂ при производстве и потреблении транспортного биотоплива в РФ³⁴

	Потребление транспортного топлива в 2018 г., млрд литров	Средние показатели выбросов CO ₂ при сжигании 1 литра топлива, кг	Совокупные показатели выбросов CO ₂ , млн тонн	Эффект снижения эмиссии CO ₂ при замещении 5% традиционного топлива биотопливом, млн тонн
Бензин	42,8	2,3	98,44	1,87036
Дизельное топливо (только грузовой и пассажирский дорожный транспорт)	5,9	2,7	15,93	0,438075

При текущем уровне потребления бензина и дизельного топлива совокупный эффект снижения эмиссии CO₂ может достигнуть 2,3 млн тонн. Данный показатель составляет 0,96% эмиссии CO₂ от потребления традиционных видов топлива транспортным сектором в РФ.

При этом следует отметить, что отдельные виды биотоплива, производимые не из сельскохозяйственного сырья (например, биодизель из жировых отходов пищевой и перерабатывающей промышленности), позволяют достигать больших эффектов сокращения эмиссии углекислого газа. Анализ потенциала производства данных видов биотоплива является перспективным направлением дальнейших исследований.

Выводы

В последние несколько десятилетий в странах ЕС осуществляется системная государственная политика по развитию производства и потребления транспортного биотоплива. Данная государственная политика является частью стратегии, направленной на декарбонизацию экономики и диверсификацию энергопотребления.

³³ Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0082.01.ENG&toc=OJ.L:2018:328:TOC (дата обращения: 30.11.2019).

³⁴ Рассчитано авторами.

Основополагающим инструментом государственного регулирования является законодательно установленная обязательная норма содержания биотоплива в топливных смесях с традиционными энергоносителями (бензин, дизельное топливо), широко распространенная в ЕС и отсутствующая в РФ. Дополнительные инструменты позволяют нивелировать отрицательные эффекты, связанные с производством биотоплива из сельскохозяйственного сырья.

В Российской Федерации отсутствует системная государственная политика по развитию отрасли транспортного биотоплива. При этом введение нормы обязательного минимального содержания биотоплива в топливных смесях с традиционными энергоносителями перспективно с точки зрения снижения эмиссии углекислого газа транспортным сектором.

Список литературы:

- Бобылев С.Н.* Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3(61). С. 23–29.
- Бобылев С.Н., Власов Ю.С., Кирюшин П.А.* Влияние экологизации энергетики на развитие человеческого потенциала // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2013. № 1. С. 36–46.
- Бобылев С.Н., Горячева А.А., Немова В.И.* «Зеленая» экономика: проектный подход // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 34–44.
- Кудрявцева О.В., Митенкова Е.Н., Маликова О.И., Головин М.С.* Развитие альтернативной энергетики в России в контексте формирования модели низкоуглеродной экономики // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2019. № 4. С. 122–139.
- Маликова О.И., Златникова М.А.* Государственная политика в области развития возобновляемой энергетики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72. С. 5–30.
- Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б.* Стратегия устойчивого развития и переход к зеленой экономике: обновление приоритетов и механизмов // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2013. Вып. 4. С. 35–54.
- Потравный И.М., Яшалова Н.Н., Гассий В.В., Чавез Феррейра К.Йе.* Проектный подход в управлении экологически ориентированным развитием экономики региона // Экономика региона. 2019. Том 15. Вып. 3. С. 806–821.
- Climate Change 2014. Mitigation of Climate Change. Working Group III Contribution to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by Ottmar Edenhofer, Ramón Pichs-Madruga et al. New York: Cambridge University Press,

2014. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ipcc_wg3_ar5_frontmatter.pdf
(дата обращения: 30.11.2019).

Harmer T. Biofuels subsidies and the law of the WTO // Global Platform on Climate Change, Trade Policies and Sustainable Energy, 2009. Issue Paper No. 20. URL: <https://www.ictsd.org/sites/default/files/research/2012/02/biofuels-subsidies-and-the-law-of-the-wto.pdf> (дата обращения: 30.11.2019).

Kutas G., Lindberg C., Steenblik R. Biofuels — at what cost? Government support for ethanol and biodiesel in the European Union. Geneva: Global Subsidies Initiative, 2007. URL: https://www.iisd.org/gsi/sites/default/files/subsidies_to_biofuels_in_the_eu_final.pdf
(дата обращения: 30.11.2019).

Дата поступления: 19.10.2019

Golovin M.S., Kydryavtseva O.V.

State Policy for Transport Biofuel Industry Development in the European Union

Maksim S. Golovin — postgraduate student, Faculty of Economics, Department of Agricultural Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: maks_golovin@inbox.ru

Olga V. Kudryavtseva — DSc (Economics), Professor, Faculty of Economics, Department of Environmental Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: olgakud@mail.ru

Abstract

The relevance of biofuel industry study is determined by increasing attention to the growing trend of greenhouse gas emissions, primarily carbon dioxide, and its relationship with the exacerbation of global warming and climate change problem. Developed countries have been implementing state programmes aimed at creating low-carbon economy for several decades. The most successful countries in this area are the EU countries.

Using a system analysis, the authors examine the tools of state regulation of transport biofuels production and consumption in the EU, highlight the main tools and note the absence of such analogues in the Russian Federation. The research shows complexity and diversity of economic effects that arise in close spheres as a result of biofuel development. The positive results are reducing of greenhouse gas emission by transport sector, diversification of energy supply, agricultural sector and wastes utilization developing. The negative results are negative effects in the structure of land-use, i.e. conversion of natural ecosystems to agricultural goals, growth of human influence on the environment.

The results of the economic and mathematical assessment of introducing a mandatory norm for the volume of biofuel in fuel mixtures in the Russian Federation indicate positive economic effects, which include a reduction in carbon dioxide emissions in the field of road transport. Moreover, it is noted that in the midterm biofuel development is limited without system state policy. The main constraining factors are that Russia has enough traditional energy recourses, greenhouse gas emission policy isn't sufficiently developed, production of transport biofuel is much more expensive than petrol and diesel.

Keywords

Transport biofuels, energy, biofuels, alternative energy, government regulation of the energy sector.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10034

References:

- Bobylev S.N. (2019) New Economic Models and Indicators of Sustainable Development. *Ekonomicheskoye vrozhdeniye Rossii*. No. 3(61). P. 23–29.
- Bobylev S.N., Goryacheva A.A., Nemova V.I. (2017) Project Management in Green Economy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 64. P. 34–44.
- Bobylev S.N., Vlasov Yu.S., Kiryushin P.A. (2013) Influence of Ecologization of Energy Sector on Human Development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*. No. 1. P. 36–46.
- Edenhofer Ottmar, Pichs-Madruga Ramón et al. (eds.) (2014) *Climate Change 2014. Mitigation of Climate Change*. Working Group III Contribution to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. New York: Cambridge University Press. Available: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ipcc_wg3_ar5_frontmatter.pdf (accessed: 30.11.2019).
- Harmer T. (2009) Biofuels subsidies and the law of the WTO. *Global Platform on Climate Change, Trade Policies and Sustainable Energy*. Issue Paper No. 20. Available: <https://www.ictsd.org/sites/default/files/research/2012/02/biofuels-subsidies-and-the-law-of-the-wto.pdf> (accessed: 30.11.2019).
- Kudryavtseva O.V., Mitenkova E.N., Malikova O.I., Golovin M.S. (2019) Development of Alternative Energy in Russia in the Context of a Low-Carbon Economy Model. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*. No. 4. P. 122–139.
- Kutas G., Lindberg C., Steenblik R. (2007) *Biofuels — at what cost? Government support for ethanol and biodiesel in the European Union*. Geneva: Global Subsidies Initiative. Available: https://www.iisd.org/gsi/sites/default/files/subsidies_to_biofuels_in_the_eu_final.pdf (accessed: 30.11.2019).
- Malikova O.I., Zlatnikova M.A. (2019) State Policy for the Development of Renewable Energy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 72. P. 5–30.
- Pakhomova N.V., Richter K.K., Malyshkov G.B. (2013) Sustainable Development Strategy and Transition to the Green Economy: Modernization of Priorities and Rules. *Vestnik SPbGU. Ser. 5. Issue 4*. P. 35–54.
- Potravny I.M., Yashalova N.N., Gassiy V.V., Chavez Ferreira K.J. (2019) The Project Approach for Managing the Environmentally Oriented Development of the Regional Economy. *Ekonomika regiona*. Vol. 15. No. 3. P. 806–821.

Received: 19.10.2019

Степанов А.А.

«Молодая гвардия Единой России» в общественно-политической жизни РФ 2000–2013 годов

Степанов Артемий Андреевич — аспирант, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: stepanovartemij135@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: [8482-9321](https://elibrary.ru/authors/8482-9321)

Аннотация

Молодежная политика в РФ является одним из ключевых направлений, так как от успешной социализации молодежи во многом зависит политическая стабильность. В связи с этим изучение опыта молодежного отделения «Единой России» представляет не только научный, но и практический интерес. В этом исследовании была изучена роль «Молодой гвардии Единой России» (МГЕР) в политической системе 2000–2013 гг. Она была не только кадровым резервом партии власти, но и противостояла оппозиционным организациям в периоды политической турбулентности. В статье оценивается эффективность работы МГЕР в этих направлениях и определяется роль, которую сыграла эта организация в обновлении политической системы. Был использован историко-генетический подход, компаративистский метод, системный анализ и контент-анализ. Кроме того, привлекаются теории ненасильственного протеста Дж. Шарпа, концепции социального пространства П. Бурдьё, а также теория популизма Я.-В. Мюллера. В результате исследования были сделаны следующие выводы: во-первых, МГЕР является первой из молодежных организаций постсоветской России, которая хотя бы частично смогла омолодить власть; во-вторых, статус молодежного отделения партии власти обеспечил ей прочные позиции в политической системе и преимущество перед ее главным конкурентом — движением «Наши»; в-третьих, «молодогвардейцы» смогли мобилизоваться для противостояния оппозиции в 2011–2012 гг., тем самым лишив ее монополии на уличную политику; в-четвертых, МГЕР так и не смогла расширить свое влияние на российскую молодежь даже за счет сетевых проектов.

Ключевые слова

Молодая гвардия Единой России, Единая Россия, молодежь, партия власти, праймериз.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10035

Введение

В последние годы правительство России проводит активную молодежную политику, связанную с интеграцией молодых людей в социально-политическую жизнь страны. В связи с этим возросла важность изучения опыта таких молодежных организаций, как «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР). Целью данного исследования является определение роли МГЕР в политической системе РФ в 2000–2013 гг. и сопутствующая этому оценка ее эффективности как кадрового резерва и как организации, отстаивающей интересы власти в кризисные периоды.

Наша исследовательская гипотеза заключается в том, что МГЕР занимала устойчивое положение в политической системе РФ за счет своей аффилированности с «Единой Россией», однако она так и не смогла распространить свое влияние на широкие массы молодых людей. По сравнению с движением «Наши» она стала

реальным, а не декларативным социальным лифтом для заметного числа своих сторонников. В то же время МГЕР не смогла обрести популярность среди молодежи, оказать на нее заметное влияние и вовлечь в социально-политическую жизнь страны. Однако организации удалось мобилизовать свой актив во время протестов 2011–2012 гг. и тем самым лишить оппозиционеров монополии на уличную политику.

Сегодня существует не так много публикаций, посвященных прокремлевским молодежным организациям. В своем большинстве исследователи рассматривают провластные молодежные проекты в их совокупности. Работы о какой-либо отдельной организации встречаются крайне редко и затрагивают отдельные аспекты их деятельности. Чтобы заполнить эту лакуну, в рамках данного исследования мы выделили основные этапы развития МГЕР в выбранный период. Эта организация представляет научный интерес, потому что является молодежным отделением партии, находящейся у власти более 20 лет. Другой причиной интереса являются крупные кадровые проекты молодогвардейцев — «Политзавод-2006» и «Молодежный праймериз-2011».

В ходе исследования был проведен анализ эффективности МГЕР как социально-политической организации с помощью оценки итогов и способов реализации наиболее значимых акций и проектов. Особое внимание было уделено результатам работы данной организации как социального лифта.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: выделены основные этапы становления и развития МГЕР на основе научной литературы, документов самой организации, а также материалов периодической печати; определены главные направления деятельности МГЕР; прослежено изменение общественного мнения об организации на основе данных социологических опросов; оценена эффективность наиболее значимых проектов; проанализирована работа МГЕР как социального лифта; исследованы отношения этого объединения с другими политическими организациями; изучен опыт противостояния «молодогвардейцев» т.н. несистемной оппозиции; изучена роль МГЕР в нейтрализации протестов 2011–2012 гг.

Методология исследования

Базовым методом исследования является историко-генетический анализ на основе публикаций российских политологов, изучения документов и материалов организации, публикаций электронных СМИ. К этому подходу мы обратились в связи с фактическим отсутствием полноценных работ, специально посвященных истории МГЕР.

Особое место в исследовании занимает системный анализ Д. Истона, который предписывает рассматривать политическую систему как «черный ящик», реагирующий на поступающие в него импульсы после их обработки, затем получающий последствия своей реакции из окружающей среды [Easton 1957]. Многие действия МГЕР мы рассматривали в контексте реакции системы в целом, частью которой является эта организация. Затем мы изучали реакцию внешней среды на этот ответ. В ходе исследования использовалась одна из работ главного теоретика современной уличной политики Дж. Шарпа, методы которого применяют не только оппозиционеры, но и лоялисты [Sharp 1973]. Кроме того, была использована теория социального пространства П. Бурдьё [Бурдьё 2007]. Полезной для нашей работы оказалась и концепция популизма Я.-В. Мюллера [Мюллер 2018].

Не менее важным подходом является компаративизм: на протяжении всего исследования МГЕР сопоставляется со своим главным конкурентом — движением «Наши». Такой объект для сравнения был выбран потому, что «Наши» — единственное лоялистское объединение, сопоставимое с МГЕР по численности, ресурсам и влиянию. Остальные прокремлевские организации оказывали гораздо меньшее воздействие на политическую ситуацию, поэтому не были включены в анализ.

Ряд важных выводов был сделан благодаря статистическому анализу количественных показателей, причем не только данных соцопросов, но и выраженной в цифрах реакции интернет-аудитории на агитацию МГЕР. Отметим, что контент-анализ широко применяется в современном политическом пиаре для оценки эффективности продвижения проектов.

Обзор литературы

Одной из немногих работ, специально посвященных развитию МГЕР, является исследование С.А. Мосоликова «Молодежная организация “Молодая гвардия Единой России”», в которой автор уделил особое внимание региональному и организационному аспектам [Мосоликов 2016]. В работе В.В. Егорова описаны основные подходы политической социализации молодежи, применяемые МГЕР. Данная монография также содержит ценные статистические данные [Егоров 2016].

Статья К.А. Котовой является исследованием эволюции молодежного участия в формировании гражданского общества России [Котова 2012]. Именно в этом контексте были изучены молодежные провластные организации постсоветского периода.

Книга В.А. Савельева «Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты» представляет собой один из первых обзоров российских молодежных организаций начала «нулевых», среди которых было описано «Молодежное единство» [Савельев 2006]. Книга П. Данилина «Новая молодежная политика 2003–2005» является одним из первых исследований молодежных организаций первой половины «нулевых» годов, где изучены как оппозиционные, так и лоялистские объединения [Данилин 2006]. В статье О. Сорокина «Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи» представлены результаты анализа опросов разных групп, включая активистов МГЕР, которым были заданы вопросы о политике, в том числе об их политическом участии [Сорокин 2007].

В исследовании И.И. Назарова были рассмотрены механизмы омоложения власти, в числе которых был изучен «Политзавод» [Назаров 2016]. А.В. Шарапов в статье «Формы омоложения политической и государственной элиты РФ в 2000-е гг.» изучил проекты МГЕР «Политзавод» и «Молодежный праймериз — 2011» [Шарапов 2019].

Были также использованы исследования, освещающие деятельность «молодогвардейцев» в Интернете. А.М. Волкова проанализировала методы и результаты работы проекта МГЕР «МедиаГвардия», целью которого является борьба с противоправным контентом в Интернете [Волкова 2017]. Н.А. Афонасьева и З.Ф. Хубецова сравнили информационное агентство «молодогвардейцев» «Связка» с медиа-ресурсами КПРФ и ЛДПР, что также позволило оценить позиции «молодогвардейцев» в Сети [Афонасьева, Хубецова 2016].

Итак, приведенные работы о МГЕР либо посвящены отдельным аспектам ее деятельности, либо их авторы рассмотрели эту организацию в широком контексте. Поэтому в данном исследовании изучены все значимые аспекты деятельности МГЕР, оценена ее эффективность и проведено достаточно подробное сопоставление «молодогвардейцев» с движением «Наши» сразу по нескольким параметрам, что делает исследование актуальным.

Провал «Молодежного единства» как прокремлевского проекта

Любые политические организации стараются взаимодействовать с активными социальными группами, в особенности с молодежью — ценным источником кадров. Вместе с провластными проектами в 1990-е гг. появлялись и их молодежные отделения: Молодежный союз «Демократический Выбор России», а затем Молодежное

общественно-политическое движение «Наш Дом — Россия» (НДР). Как правило, они воспроизводили «материнские» структуры в организационном и в идеологическом планах. Численность этих объединений была сравнительно небольшой. Так, в молодежном отделении НДР к 1997 г. состояли всего 21,5 тыс. чел. [Котова 2012, 28]. Невысокой была и их активность: в основном члены этих объединений участвовали в митингах и распространяли агитационные материалы во время предвыборных кампаний.

Создатели блока «Единство» (с 2003 г. — «Единая Россия») не собирались повторять ошибок своих предшественников, не уделявших должного внимания молодежи. С начала 2000-х гг. политика в области провластного партийного строительства и привлечения молодежи стала более системной. В российском обществе сформировался запрос на государственную поддержку политических молодежных организаций. Согласно опросу ФОМ 2001 г., 77% граждан высказались за господдержку объединений молодежи, против — лишь 8%¹. Вскоре после появления «Единства» — новой партии власти — 27 апреля 2000 г. было учреждено ее молодежное отделение: Общероссийская общественная организация «Молодежное Единство».

Вовлечение молодежи в построение демократического и социально справедливого общества в качестве основной цели провозглашалось в принятом на учредительном съезде «Молодежного единства» уставе². При этом сам документ был крайне формализован и содержал гораздо больше пунктов, касающихся организационных, нежели идеологических вопросов.

«Молодежное Единство» редко проводило уличные акции и концентрировалось на социальных, образовательных, благотворительных, экологических и спортивных, патриотических проектах [Савельев 2006, 70–74]. По нашему мнению, это было слабой стороной организации. Главным же направлением работы «Молодежного единства» было воспитание лояльных политиков: организация помогала развитию молодежного парламентаризма и устраивала дискуссионные площадки, где школьники и студенты могли получить представление о политической

---

¹ «Идущие вместе» и молодежная политика // База данных ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd011834#tb011812> (дата обращения: 02.02.2020).

² Устав. С. 4 // Архив сайта «Молодежного единства» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20041204025303/http://www.moledin.ru/docs.shtml> (дата обращения: 02.02.2020).

деятельности³. Ее целью было не только формирование кадрового резерва «Единства», но и улучшение имиджа партии через позитивное взаимодействие с максимально широким кругом россиян.

Если «Идущие вместе» с самого начала устраивали акции против оппозиции, то борьба с оппонентами не входила в функционал «Молодежного единства». По этой причине многие СМИ, часто фокусирующиеся на негативной повестке, обращали на эту организацию куда меньше внимания. «Молодежное единство» было весьма многочисленным (70 тыс. чел.) и имело разветвленную структуру из 86 региональных отделений [Там же, 69–70]. В августе 2005 г. в ходе опроса Левада-центра⁴ его вспомнили 12% респондентов наравне с «Соколами Жириновского», в то время как наибольшей известностью пользовались «скинхеды» (32%) и национал-большевики (25%). «Идущие вместе» незначительно опережали «Молодежное единство»: их знали 13%.

Помимо невысокой узнаваемости, слабой чертой этой организации было отсутствие реальных перспектив для подавляющего большинства ее членов, что ранее отмечал П. Данилин: «“Молодежное Единство”, безусловно, не могло оказаться удачным проектом, т.к. ни о какой вертикальной мобильности в рамках движения и речи идти не могло, равно как и о самостоятельных действиях членов движения» [Данилин 2006, 3].

Итак, можно назвать несколько причин несостоятельности «Молодежного единства» как прокремлевского проекта:

- 1) неспособность привлечь к своей деятельности внимание общества;
- 2) отсутствие работающих социальных лифтов для членов организации, что неминуемо сказывалось на его популярности и численности.

В силу этих причин на основе «Молодежного единства» была учреждена новая организация. Ей удалось частично решить вышеназванные проблемы и стать гораздо более известной.

---

³ Методические материалы // Архив сайта «Молодежного единства» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20030923203149/http://www.moledin.ru/docs/index05.shtml> (дата обращения: 02.02.2020).

⁴ Политические молодежные организации // Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2005/09/04/politicheskie-molodezhnye-organizatsii/> (дата обращения: 02.02.2020).

МГЕР как кузница кадров и социальный лифт для молодежи

16 ноября 2005 г. на основе «Молодежного единства» была создана новая молодежная организация — «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР). Учредительный съезд проходил в г. Воронеж. Это место выбрали для того, чтобы изменить отношение прессы к городу после резонансного убийства перуанского студента местными расистами, а также привлечь внимание Москвы к проблеме отечественного авиапрома⁵. На съезде был избран координационный совет из 15 человек. В него вошли телеведущий И. Демидов, кинорежиссер Ф. Бондарчук, теннисист А. Южный и вице-президент Санкт-Петербургского предприятия «Холдинговая компания Ленинград» А. Турчак⁶. Как видно, тактика «громких имен» применялась не только в большой, но и в молодежной политике. После обновления организации устав существенно не изменился по сравнению с предыдущей версией, за исключением появления нового пункта с более четкой поддержкой курса «Единой России»⁷.

С самого начала между МГЕР и движением «Наши», созданными и реорганизованными почти одновременно, возникла конкуренция. Это признал и сам И. Демидов в интервью «Эху Москвы» в 2006 г. Он заявил, что «Наши» позиционируют себя как общественная антифашистская организация, которая не ставит политических целей, тогда как МГЕР дает молодежи шанс занять политические должности благодаря 20%-ой квоте, выделенной «Единой Россией» в списках партии на выборах всех уровней⁸. Причиной конкуренции было не только то, что обе организации были прокремлевскими, но и то, что они выражали интересы разных элитных групп. Движение «Наши» напрямую контактировало с администрацией президента, было авторским проектом В.Ю. Суркова и потому зависело от него лично. МГЕР, в свою очередь, зависело не от отдельных людей, а от устойчивого института — партии власти, частью которой она является и сегодня. Именно поэтому молодежный резерв «Единой России» изначально обладал более прочными позициями. В свою очередь, движение «Наши» было упразднено за ненадобностью в 2013 г. — сразу после того, как революционная угроза миновала.

---

⁵ Медвежата дочитали Александра Фадеева // Коммерсантъ (Воронеж) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/625484> (дата обращения: 02.02.2020).

⁶ «Медведи» пришли к выводу // Новая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2005/11/17/23770-medvedi-prishli-k-vyvodku> (дата обращения: 02.02.2020).

⁷ Устав ВОО "Молодая Гвардия Единой России" // Официальный Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <http://mger.tatarstan.ru/rus/ustav.htm> (дата обращения: 02.02.2020).

⁸ Нужна ли молодежи политика? Нужна ли политике молодежь? // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/43780/> (дата обращения: 02.02.2020).

Сравнивая МГЕР и «Наших», обратим внимание на различия их социального состава. На сегодняшний день в открытом доступе нет точных данных, которые позволили бы сделать однозначные выводы о том, кто состоял в этих организациях в исследуемый период. В связи с этим стоит обратиться к оценкам специалистов. В. Прибыловский так охарактеризовал участников МГЕР и их конкурентов «Наших»: «Дело в том, что в “Молодой гвардии”, в основном, дети, племянники, двоюродные племянники начальников, крупных чиновников и бизнесменов. Актив “Наших” — это, в основном, выходцы из социально неустроенных семей, во многом даже иногда просто низов общества»⁹. Он также заметил, что в МГЕР есть ставленники высших чинов, в том числе В.В. Володина и Б.В. Грызлова. Интересно, что далеко не все «молодогвардейцы» хотели продолжить работу в партии. Согласно опросу 2006 г. Института социально-политических исследований РАН, проведенному в чувашском региональном штабе МГЕР, лишь 33% хотели заниматься партийной деятельностью в будущем [Сорокин 2007, 50]. При этом, по данным этого же исследования, 48% работали в органах самоуправления вузов [Там же, 52]. По нашему мнению, такие данные говорят о том, что значительная часть членов МГЕР пользовалась возможностью получить опыт и обзавестись связями, в то время как карьера в партии и политическая деятельность были интересны далеко не всем.

Перед думскими выборами 2007 г. руководство «Единой России» выделило 20%-ую квоту для молодежи в партийном списке, о чем упоминалось выше. За весь постсоветский период это было первой существенной мерой по инкорпорированию во власть лоялистов, не достигших 28 лет [Назаров 2016, 23]. Для отбора кандидатов МГЕР организовала программу «Политзавод», в которой за 2006 г. приняли участие более 2 тыс. чел. из 24 регионов¹⁰. «Политзавод» работал как на федеральном, так и на региональном уровнях. По результатам работы «Политзавода — 2006» несколько десятков членов организации стали депутатами разного уровня по спискам «Единой России»¹¹. Но в список из 600 кандидатов в Госдуму попали всего 11 кремлевских активистов, причем С. Белоконев и Р. Шлегель из движения «Наши»

---

⁹ Прокремлята собираются на съезд // Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/2255766.html> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁰ «Молодая гвардия Единой России». История организации // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvardia.ru/history-organization> (дата обращения: 02.02.2020).

¹¹ «Молодой Гвардии Единой России» 12 лет // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2017/11/16/93356> (дата обращения: 02.02.2020).

заняли гораздо более выгодные позиции, чем «молодогвардейцы»¹², и в результате были избраны. Так или иначе, с тех пор «Политзавод» стал регулярной практикой партии и МГЕР.

МГЕР против оппозиции: акции, перехват повестки и тренинги

Уличная активность МГЕР по-прежнему была значительно ниже, чем движения «Наши», что сказывалось на ее позициях в медиа-сфере и на известности среди населения. Это продемонстрировал опрос ВЦИОМ 2007 г., в ходе которого у респондентов спросили, какие молодежные организации они знают¹³. Лидерами стали «Наши», которых назвали 12% опрошенных, тогда как МГЕР вместе с «Соколами Жириновского» заняли лишь шестое место — 2%, уступив НБП, «Идущим вместе» и скинхедам.

Обычно «молодогвардейцы» выходили на акции во время федеральных выборов и связанной с ними политической нестабильности. Первый пик их активности пришелся на кампанию перед выборами в Госдуму 2007 г., которая затем перетекла в президентскую гонку. Так, 14 апреля 2007 г. они провели «Марш согласия» в Москве¹⁴, который должен был стать альтернативой «Маршу несогласных». Мероприятие позиционировалось как политический манифест МГЕР, выражающий мнение большинства граждан, не желавших повторения «оранжевой революции» в России. Звучавшие там лозунги по своему содержанию совпадали с тем, что декларировали «Наши» на подобных мероприятиях, хотя по форме были менее радикальными. Была весьма схожа и символическая составляющая: демонстранты несли плакаты с изображениями оппозиционеров и западных политиков наряду с международными террористами, которые затем бросали на землю¹⁵. Эта акция иллюстрировала противопоставление «истинного народа», обладающего моральным превосходством, небольшой группе недовольных. Я.-В. Мюллер отмечал, что «главное утверждение популистов состоит в том, что тот, кто не поддерживает популистскую партию, не

---

¹² Политзавод «Единой России» обанкротился // Новая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2007/10/11/31578-politzavod-edinoy-rossii-obankrotilsya> (дата обращения: 02.02.2020).

¹³ Молодёжь и Политика. Опрос 6–7 октября 2007 г. // Сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3272> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁴ "Марш согласия" станет ответом на "попытки политмаргиналов спровоцировать хаос" // Newsru.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/russia/08apr2007/gold.html> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁵ Марш согласия // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wu3EwktYj4A&list=PL2664B2917E2709BE&index=2> (дата обращения: 02.02.2020).

является частью «истинного народа»» [Мюллер 2018, 38]. И это является одним из часто используемых практически по всему миру популистских приемов.

Примечательно, что некоторые элементы «молодогвардейцы» переняли у националистов: среди плакатов и флагов МГЕР периодически мелькал черно-желто-белый («имперский») флаг, а со сцены неоднократно звучал любимый ультраправыми лозунг «Слава России!»¹⁶. Такие заимствования не удивительны: в «нулевые» националистические и великодержавные идеи пользовались определенной популярностью, и власть время от времени делала попытки перехватить эту повестку у правого крыла оппозиционного движения на чисто символическом уровне. Впрочем, МГЕР не ограничилась одной лишь символикой: в 2008 г. «молодогвардейцы» провели пикеты у отделений ФМС в 16 регионах, на которых требовали уменьшить квоты для трудовых мигрантов, под лозунгом «Наши деньги — нашим людям!»¹⁷.

В борьбе с оппонентами власти МГЕР использовали ненасильственные методы типа пикетирования и контрагитации. Все виды акций молодежного крыла ЕР соответствовали современным стандартам ненасильственного политического действия, подробное методическое описание которых можно найти в работах Дж. Шарпа [Sharp 1973, 357–435]. Типичной акцией «молодогвардейцев» стал пикет концертного зала «Измайлово» в 2007 г., где планировалось проведение съезда «Другой России»¹⁸. Аналогичные акции проводились в Санкт-Петербурге и других крупных городах. В рамках реализуемого в том же году проекта «Фактор гвардии», целью которого было добавить от 1,5% до 5% голосов «Единой России», предвыборные штабы МГЕР не только агитировали за партию власти, но и против СПС, «Справедливой России» и «Другой России»¹⁹.

Своеобразным ответом «оранжистам» стал третий съезд МГЕР в 2008 г., который проводился в необычном формате. Перед зданием правительства РФ на набережной Т. Шевченко «молодогвардейцы» разбили палаточный лагерь²⁰, судя по

---

¹⁶ Андрей Турчак, Марш Согласия. 14 апреля 2007 г. // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aCeYB9L2YbI&list=PL2664B2917E2709BE&index=4> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁷ Наши деньги — нашим людям!!! // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgwardia.ru/nextday/2008/10/31/2522> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁸ «Молодогвардейцы» пикетируют съезд "Другой России": "Россия — все, "Другая" — ничто!" // Newsru.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/russia/30sep2007/dref.html> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁹ «Молодая гвардия» поработает за проценты. С. 4 // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/747090> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁰ «Молодая гвардия» вышла на улицу // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/politics/2008/6/27/181829.html> (дата обращения: 02.02.2020).

всему, скопировав палаточный городок Майдана в 2004 году. Если обратиться к теории П. Бурдые, активисты МГЕР продемонстрировали на символическом уровне готовность противодействовать оппозиции «на ее же поле», заняв место предполагаемой дислокации противника и превентивно вытеснив их в социально-символическом пространстве [Бурдые 2007].

На съезде был принят Манифест «Молодой Гвардии Единой России»-2008²¹. Основной акцент был сделан на успехах ее проектов и, в частности, «Политзавода», благодаря которому «молодогвардейцы» стали депутатами региональных законодательных собраний, помощниками депутатов и представителями исполнительных органов власти субъектов РФ. Авторы особо подчеркнули, что молодогвардейцы «не намерены бронзоветь и останавливаться на достигнутом». Организация гарантировала молодежи непосредственное участие в модернизации страны, которая должна стать сильной и независимой от мнения запада. В документе говорится, что, несмотря на победы над оппозицией, МГЕР не уйдет с улиц и будет готовить молодых политиков для участия в выборах разных уровней.

Для того, чтобы поддерживать репутацию МГЕР как источника возможностей для молодежи, Кремлю было необходимо «включать» кадровые лифты и инкорпорировать «молодогвардейцев» во власть не только в период федеральных выборов. В конце «нулевых» для региональных ячеек МГЕР одним из важнейших направлений стало выдвижение кандидатов на региональных и муниципальных выборах, во многих регионах были созданы молодежные избирательные штабы. Иногда участие молодых кандидатов от власти давало положительный эффект: на муниципальных и региональных выборах 11 марта 2007 г. средняя явка увеличилась на 5%, а средний результат ЕР улучшился на 3–4% [Егоров 2016, 94–95]. В первую очередь на политические вершины продвигались руководители организации. А. Турчак, возглавивший движение в 2006 г., в 2007 г. был избран членом Совета Федерации от Псковской области, а в 2009 г. по предложению В.В. Путина он возглавил этот регион. В этом же году руководитель Центрального штаба МГЕР А. Борисов стал сенатором от того же субъекта федерации²². Эти факты отражены на официальном сайте как главные события 2009 г., что говорит об особой важности таких историй успеха в ее имидже и идеологии, в которой карьера и самореализация

---

²¹ С Новой Гвардией! // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvardia.ru/node/15248> (дата обращения: 02.02.2020).

²² О гвардии // Сайт «Молодой гвардии Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <https://mger.ru/gvardiya/> (дата обращения: 02.02.2020).

занимают главное место. В следующем году еще один лидер МГЕР стал примером быстрой социальной мобильности: Р. Гаттаров, который ранее был депутатом заксобрания Челябинской области, был избран в Совет Федерации²³.

Подготовка МГЕР к политическим вызовам нового десятилетия

В период 2009–2010 гг. МГЕР реализовывала целый ряд крупных проектов. Среди них стоит выделить форум «Гвардия — 2020» (2009 г.) в Липецкой области, составивший альтернативу «Селигеру» объединения «Наши», которое в значительной мере растеряло свой политический потенциал. Мероприятие собрало более тысячи участников для «доработки новой идеологической платформы МГЕР — ценностной базы для молодежи России»²⁴. Как и «Селигер», «Гвардия — 2020» включала в себя, помимо развлечений, спортивную и образовательную программы. С лекциями выступили шеф-редактор портала [Фонда эффективной политики kreml.org](http://kreml.org) П. Данилин и политолог М. Жаров, который рассказал «молодогвардейцам» о ведении информационных войн. Тематика лекций говорила о том, что по мере приближения выборов 2011–2012 гг. МГЕР стали готовить к более интенсивной борьбе с противниками власти, чем ранее.

С началом нового десятилетия власть стала активнее использовать «молодогвардейцев» для противодействия уличным акциям оппозиционеров. Именно тогда отрабатывалась широко применяемая в последующие годы схема несогласования протестных мероприятий по причине проведения в том же месте и в то же время согласованных акций, причем обычно социально-благотворительной направленности. На Триумфальной площади, где оппозиция регулярно проводила митинги в защиту свободы собраний, 31 мая 2010 г. милиция задержала 150 участников «Марша несогласных». По версии правоохранителей, «несогласные» пытались сорвать акцию МГЕР и «России молодой» по добровольной сдаче крови, приуроченную ко Дню защиты детей²⁵. Разгон митинга вызвал общественный резонанс, действия милиционеров осудили уполномоченные по правам человека в России и Москве А. Музыкантский и В. Лукин²⁶.

---

²³ Гаттаров Руслан Усманович // Сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/structure/persons/220/> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁴ «Гвардия-2020». Как это было // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvaridia.ru/nextday/2009/08/03/8554> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁵ На участников "марша несогласных" в Москве составлено 150 протоколов // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20100601/240993959.html> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁶ ОМОН жестко разогнал "несогласных" после беседы Ю. Шевчука с В. Путиным // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/05/2010/5703daab9a79470ab50213c2> (дата обращения: 02.02.2020).

В 2011 г. МГЕР активно готовилась к парламентской и президентской предвыборным кампаниям, выполняя свою главную функцию — поставляя новые кадры партии власти. «Молодогвардейцы» действовали не только в связке с «материнской организацией», как на всех предыдущих выборах, а в рамках более широкой коалиции — Общероссийского народного фронта (ОНФ). Летом 2011 г. активисты МГЕР вместе с другими членами ОНФ прошли политтехнологическую подготовку в рамках ОН-форума в Липецке, изучив основы визуальной пропаганды и принципы контрпропаганды²⁷.

Главным мероприятием по подготовке к выборам стал проект «Единой России» «Молодежный праймериз — 2011», организацией которого занималось ее молодежное отделение. Праймериз проходил в формате публичного конкурса по отбору «наиболее достойных, профессиональных, популярных в молодежной среде» представителей молодежных организаций, входящих в ОНФ²⁸. Все действия участников проекта освещались на специальном ресурсе²⁹, где также проходило интернет-голосование. Каждый конкурсант в возрасте от 21 до 35 лет должен был собрать подписи за свою кандидатуру, провести встречу с избирателями и организовать несколько массовых мероприятий. Победителей утверждал координационный совет МГЕР, затем они участвовали в «Народном предварительном голосовании» по отбору кандидатов в Государственную Думу от «Единой России» и получали «золотые звезды». Победители, не прошедшие второй этап, получали «серебряные звезды» — возможность войти в региональные и муниципальные списки после внутрипартийного голосования. А.В. Шарапов привел следующие цифры, которые дают некоторое представление о масштабах проекта в регионах: в Алтайском крае в праймериз приняли участие 23 молодых человека, победителей оказалось семь (пять золотых звезд и две серебряные звезды); в Новосибирской области — 16 чел. (две золотых звезды, одна серебряная звезда); в Кемеровской области — 16 чел. (четыре золотых), Томской области — 28 чел. (золотая, две серебряных), Республике Алтай — 6 чел. (никто не получил золотых и серебряных звезд)» [Шарапов 2019, 118]. Нельзя сказать, что в праймериз приняло участие много молодых людей. Тем не менее омоложение депутатского корпуса «Единой России» в результате работы «Молодежного

---

²⁷ В Липецке продолжает работу федеральный ОН-форум // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/07/13/reg-roscentr/forum-anons.html> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁸ О проекте // Праймериз 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://mp2011.ru/about/> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁹ Победители конкурса // Молодежные Праймериз 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://mp2011.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

праймериз — 2011» оказались существеннее, чем «Политзавода — 2006»: 6 «молодогвардейцев» стали депутатами Госдумы, 10 прошли в региональные законодательные собрания. К концу 2011 г. депутатами разных уровней стали более 10 тыс. членов МГЕР³⁰.

Стоит рассмотреть широкую кампанию, которую развернули для освещения «Праймериз — 2011». Для привлечения внимания в конце апреля 2011 г. «молодогвардейцы» провели митинг на Болотной площади, призвав молодежь «не бояться идти во власть». Кампания велась не только в традиционных СМИ³¹, но и в Интернете. Так, для продвижения проекта на Youtube, который в начале 2010-ых стремительно набирал популярность, был создан специальный канал, где выкладывались агитационные ролики. Однако стоит отметить, что по меркам политического youtube-контента они набрали не так много просмотров: максимум собрал официальный ролик³² — чуть более 12 тыс., тогда как на каждое видео из оставшихся 8 записей пришлось в среднем по 1,2 тыс. просмотров за все время с момента их размещения. Согласно данным исследовательской компании TNS, на апрель 2011 года месячный охват YouTube составлял 42% российской интернет-аудитории, или более 18 млн уникальных пользователей, из них более 50% — в возрасте от 18 до 34 лет³³. Такие цифры свидетельствуют о невысоком интересе интернет-аудитории (в основном молодёжной) к «Праймериз — 2011», на которую и был ориентирован проект.

Тем не менее МГЕР пыталась приспособиться под новый формат и говорить с широкими массами молодых людей на их языке. Об этом свидетельствует принятый в 2011 г. новый программный документ «Призыв молодогвардейца»³⁴. Текст призыва был краток: в нем изложены общие принципы организации: «дело, дерзость, доверие и долг». О каждом принципе написано буквально одно–два лишенных конкретики предложения, вся суть которых сводится к тому, что МГЕР — патриотическая организация молодежи, меняющая страну с помощью конкретных проектов. Примечательно, что «Призыв...» содержит не только текст, но и агитационные видео,

---

³⁰ Гвардия // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <https://mger.ru/gvardiya/> (дата обращения: 02.02.2020).

³¹ Молодежные праймериз 2011 // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kXrXZh7JRfw> (дата обращения: 02.02.2020).

³² Молодежные праймериз 2011. Официальный клип // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mz4b9Kx2X-0> (дата обращения: 02.02.2020).

³³ Рекламные возможности YouTube // Официальный блог продуктов Google для бизнеса на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://adwords-ru.googleblog.com/2011/07/youtube.html> (дата обращения: 02.02.2020).

³⁴ Призыв молодогвардейца // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mger2020.ru/nextday/2011/11/16/37377> (дата обращения: 20.11.2019).

где активисты излагают эти же идеи и рассказывают о проектах, которые реализуются благодаря партии «Единая Россия». Такая нарочитая простота говорит о том, что документ ориентирован на рядового интернет-пользователя, до которого требуется максимально быстро и доступно донести информацию и не утруждать чтением длинного и сложного текста.

Участие МГЕР в предвыборной кампании не ограничилось «Молодежным праймериз — 2011». Другим важным направлением стало составление «Народной программы»³⁵ ОНФ. Активисты за лето 2011 г. собрали более 1 млн предложений граждан, частью программы стал ряд проектов самих «молодогвардейцев»³⁶. Информационная политика МГЕР не сильно выбивалась за рамки дискурса самой партии власти, хотя контрагитация против ее оппонентов иногда была жестче³⁷.

Роль молодогвардейцев в нейтрализации протестов 2011–2012 годов

В 2011 г. МРЕГ наряду другими прокремлевскими организациями принимала активное участие в уличных акциях в Москве и других городах России. Кремлю потребовалось мобилизовать своих сторонников в первые дни после выборов в Госдуму, так как в столице шли достаточно массовые протесты: уже 5 декабря митинг движения «Солидарность» собрал около 2 тыс. человек³⁸. В ответ МГЕР и ОНФ организовали митинг под лозунгом «Чистая победа» на Площади Революции в честь победы «Единой России», в котором приняли участие 5–6 тыс. человек³⁹. Такая быстрая мобилизация удалась благодаря тому, что столичная ячейка МГЕР всегда была ключевой по сравнению с региональными, а ее руководители всегда были готовы вывести на улицы в среднем от 50 до 1 тыс. человек в случае выступлений оппозиции [Мосоликов 2016, 107]. В тот же день аналогичные акции прошли и в других городах, например в Саратове, где митинг собрал более 3 тыс. человек⁴⁰.

---

³⁵ Программа народных инициатив // Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/news/64014/> (дата обращения: 02.02.2020).

³⁶ Главные достижения МГЕР в 2011 году // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://mger2020.ru/nextday/2011/12/30/39070> (дата обращения: 02.02.2020).

³⁷ Жириновский обманывает своих избирателей // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvardia.ru/curious/2011/10/19/36293> (дата обращения: 02.02.2020).

³⁸ Митинг оппозиционеров на Чистопрудном бульваре в Москве продолжен уличным шествием // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/220276> (дата обращения: 02.02.2020).

³⁹ На Площади Революции единороссы отпраздновали победу // Актуальные комментарии [Электронный ресурс]. URL: http://actualcomment.ru/na_ploshchadi_revolyutsii_edinorossy_otprazdnovali_pobedu.html (дата обращения: 02.02.2020).

⁴⁰ Молодогвардейцы и единороссы Саратова отметили победу на выборах // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2011/12/05/38123> (дата обращения: 02.02.2020).

6 декабря 2011 г. «молодогвардейцы» совместно с «Нашими», дружинниками и полицией перекрывали протестующим проходы к памятнику Маяковскому со стороны Триумфальной площади⁴¹. Это действие соответствует «ненасильственному блокированию», перечисленному среди других 198 методов ненасильственных действий Дж. Шарпа [Sharp 1973, 387]. Однако отметим, что МГЕР намного реже, чем «Наши», использовали «бархатные технологии» в контрреволюционных целях, так как борьба с оппозицией была для них второстепенной задачей, но на время т.н. «Снежной революции» она стала первостепенной.

Следуя курсу «материнской» организации, МГЕР безоговорочно поддержала выдвижение В.В. Путина от «Единой России» на третий срок в ноябре 2011 г. «Молодогвардейцы» участвовали в церемонии в Лужниках, размахивая флагами и выкрикивая имя будущего президента⁴². В преддверии президентских выборов 2012 года организация запустила проект «Я за честные выборы!»⁴³, каждый участник которого должен был высказаться в поддержку любого кандидата на камеру, а затем разместить видео на сайте. Задачей проекта провозглашалось обеспечение прозрачности выборов, что было явной попыткой перехвата повестки у оппозиции, которая ставила под сомнение результаты как прошедших, так и грядущих выборов. На записях [youtube-канала](#), который был создан на старте «Я за честные выборы!», абсолютно все респонденты высказались в поддержку В.В. Путина и выразили свое доверие избирательной системе при полном отсутствии альтернативных мнений. Такие результаты в период политической нестабильности говорят о том, что реальной задачей проекта было не обеспечение прозрачности выборов, а демонстрация безоговорочной народной поддержки главного кандидата. При этом на выборах 2012 г. В.В. Путин набрал 63.6%⁴⁴, а не все 100%, и мнение части электората, таким образом, никак не было представлено в проекте «Я за честные выборы!».

---

⁴¹ «Теперь страдайте» // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/06_a_3861454.shtml (дата обращения: 02.02.2020).

⁴² Победа с кулаками // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/11/25_a_3848190.shtml (дата обращения: 02.02.2020).

⁴³ Я за честные выборы! // Web-archive [Электронный ресурс]. URL: <http://web-archive.ru/view2?time=20130824003042&url=http%3A%2F%2Fchestnye-vybory.ru%2Fpage%2Fabout.html> (дата обращения: 02.02.2020).

⁴⁴ Выборы Президента РФ 04 марта 2012 г. // Сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100031793509&vrm=100100031793505&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100031793509&type=226 (дата обращения: 02.02.2020).

Как и практически все остальные сетевые проекты МГЕР, «Я за честные выборы!» не смог привлечь большого внимания сетевой аудитории: за все время своего существования канал набрал всего 4,3 тыс. просмотров.

После победы В.В. Путина на президентских выборах МГЕР параллельно с «Нашими» организовали акции в его поддержку. Заметим, что в день голосования 4 марта «молодогвардейцы» митинговали отдельно на Площади Революции, собрав 200–300 человек⁴⁵, тогда как стотысячное мероприятие «Наших» проходило на соседней Манежной площади. Скорее всего, такое рассредоточение было связано не с конкуренцией двух организаций, а с необходимостью занять точки возможного сбора оппозиции, которая была еще активна и выступила уже на следующий день. С помощью МГЕР и «Наших» Кремлю удалось показать само наличие лояльных граждан на улицах, что было важно для сохранения системы, особенно на пике протеста.

Возвращение к «мирной жизни»

К 2012 г. численность МГЕР составила около 170 тыс. активистов, а ее организационная структура разрослась до 85 региональных и 1638 местных отделений⁴⁶. Однако после стабилизации политической обстановки активность «молодогвардейцев» снизилась. По словам Д. Давыдова, возглавившего организацию в 2014 г., в 2012–2017 гг., они не проводили совместно с «Единой Россией» крупных форумов и сосредоточилась на работе со студенческой средой⁴⁷. Причиной тому стало отсутствие авторитетных организаций и профсоюзов в студенческой среде.

В последний год исследуемого периода МГЕР создала еще несколько заслуживающих внимания проектов. Интерес представляет «Школа политического лидерства». Эту программу начали реализовывать в рамках системы партийных школ, создание которой поддержал Д.А. Медведев в 2012 г.⁴⁸ Задачей этих учреждений является подготовка кадров, включая руководителей первичных организаций. Оставаясь кадровым резервом партии власти, МГЕР стала главным организатором такого процесса в силу наличия опыта в этой сфере.

---

⁴⁵ «Молодая гвардия “Единой России”» собрала на площади Революции свой митинг в поддержку Путина // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/234179> (дата обращения: 02.02.2020).

⁴⁶ Присоединяйся! // Сайт «Молодой гвардии “Единой России”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgwardia.ru/call> (дата обращения: 22.02.2020).

⁴⁷ «Единая Россия» разрабатывает план против молодежных митингов // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3298840> (дата обращения: 01.12.2019).

⁴⁸ Медведев поддерживает идею создания партшкол // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20120616/674549363.html> (дата обращения: 02.02.2020).

МГЕР сделала целый ряд шагов для расширения своего влияния в Интернете. Специально для информационного обеспечения деятельности организации в 2012 г. было создано информационное агентство «Связка». Оно по сей день занимается ведением сайта МГЕР, который превосходит по показателям интерактивности аналогичные ресурсы других парламентских партий, например, КПРФ и ЛДПР [Афонасьева, Хубецова 2016, 81]. Внимания заслуживает и «[МедиаГвардия](#)» (2012 г.), направленная на обнаружение интернет-ресурсов с противоправным контентом. Это вторая по счету негосударственная структура после созданной в 2011 г. «Кибердружины», которая оказывает содействие Роскомнадзору в контроле за рунетом по сей день. Так, в 2015–2016 гг. активисты проекта обнаружили более 20 тыс. ссылок, содержащих противоправный контент, 7 тыс. из них — экстремистский [Волкова 2017, 117].

Заключение

«Молодая гвардия Единой России» стала первой молодежной структурой в постсоветской России, которая оказалась способной выполнять кадровую функцию. МГЕР создавалась для воспитания партийных функционеров и провластных политиков, что сделало ее в своем роде незаменимой, в отличие от движения «Наши», ориентированного на противостояние с несистемной оппозицией.

Долгое время слабой стороной МГЕР была ее невысокая узнаваемость среди широких слоев граждан России. Она была кадровым резервом партии власти и остается им по сей день, поэтому не нуждалась в постоянном проведении громких и скандальных акций. Статус кадрового резерва «Единой России» обеспечил ей устойчивые позиции в политической системе РФ.

За период 2005–2013 гг. МГЕР во многом удалось решить проблему социальной мобильности своих членов. За весь постсоветский период эта организация стала единственной, кому удалось реально, а не декларативно инкорпорировать молодых лоялистов во власть. Практики молодежных праймериз стали регулярными, и в 2011 г. поспособствовали омоложению органов власти разного уровня.

Противостояние несистемной оппозиции было второстепенной функцией «молодогвардейцев». Организация неоднократно пыталась перехватить повестку у оппозиции. Как и другие политические объединения по всему миру, она прибегала и к популистским приемам. В период т.н. «Снежной революции» 2011–2012 гг. активисты МГЕР активно участвовали в уличном противостоянии с антиправительственными демонстрантами. Они успешно использовали современные методики, изложенные в

работах Дж. Шарпа, и не дали оппозиции получить монополию на уличную активность. Выполнив свою задачу в период политической турбулентности, МГЕР вернулась к своему основному (рутинному) виду деятельности.

МГЕР смогла адаптироваться к работе в современном информационном пространстве и приспособила свою агитацию под рядового интернет-пользователя. Тем не менее ее трудно назвать популярной среди широких масс молодых людей, о чем свидетельствует анализ реакции аудитории на ее сетевые проекты.

Актуальным направлением дальнейших изысканий является изучение деятельности МГЕР в различных субъектах РФ, особенно в столице и Санкт-Петербурге. На сегодня опубликованы лишь несколько отдельных исследований, посвященных работе этой организации в регионах и небольших городах. Прояснение регионального аспекта работы МГЕР было бы ценно как в чисто научном, так и практическом плане.

Список литературы:

- Афонасьева Н.А., Хубецова З.Ф.* Современные российские партийные СМИ в интернете: стратегии вовлечения аудитории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 28(240). С. 77–83.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. М., СПб.: Алетейя, 2007.
- Волкова А.М.* Противодействие распространению противоправного контента среди молодежи в новых медиа. Опыт проекта "МедиаГвардия" // Вестник науки и образования. 2017. № 1(25). С. 116–120.
- Данилин П.* Новая молодежная политика 2003–2005. М.: Европа, 2006.
- Егоров В.В.* «Молодая гвардия единой России» в поиске путей преодоления аполитичности современной российской молодежи // Современное общество и наука: социально-экономические проблемы в исследованиях преподавателей вуза. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. С. 92–98.
- Котова К.А.* Участие молодежи в молодежных политических организациях как инструмент развития гражданского общества: эволюционный аспект // PolitBook. 2012. № 2. С. 21–33.
- Мосоликов С.А.* Молодежная организация «Молодая гвардия Единой России»: структура, этапы развития, направления деятельности // Постсоветский материк. 2016. № 4(12). С. 104–114.
- Мюллер Я.-В.* Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Назаров И.И. Модель формирования кадрового резерва административно-политической элиты постсоветской России: роль «партии власти» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Т. 2. Вып. 4(8). С. 20–26.

Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. М.: Кванта, 2006.

Сорокин О. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 48–52.

Шарапов А.В. Формы омоложения политической и государственной элиты РФ в 2000-е гг. // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 1. С. 113–122.

Easton D. An Approach to the Analysis of Political System // World Politics. 1957. Vol. 9. Is. 3. P. 383–400.

Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Boston: Porter Sargent, 1973.

Дата поступления: 18.12.2019

Stepanov A.A.

“The Young Guard of United Russia” in the Russian Federation Socio-Political Life in 2000–2013

Artemy A. Stepanov — postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: stepanovartemij135@gmail.com

Abstract

Youth policy in the Russian Federation is one of the key areas, since political stability largely depends on the successful socialization of the youth. In this regard, the study of the “United Russia” youth department experience is of not only scientific, but also practical interest. In this study, the role of the “Young Guard of United Russia” (MGER) in the political system in 2000–2013 was studied. It was not only the personnel reserve for the party of power, but also opposed to the opposition organizations during periods of political turbulence. The author evaluated the effectiveness of the MGER in these areas and defined the role that this organization played in updating the political system. The historical genetic approach, the comparative method, system analysis and content analysis were used. The author also applied the theory of non-violent protest by J. Sharpe, the concept of social space of P. Bourdieu, as well as the theory of populism by J.-V. Mueller. As a result of the study, several main conclusions were made. First, MGER is the first of the youth organizations of post-Soviet Russia, which at least partially was able to “rejuvenate” the government. Secondly, the status of the youth branch of the party in power provided it with a strong position in the political system and an advantage over its main competitor, the «Nashi» movement. Thirdly, the Young Guards were able to mobilize to confront the opposition in 2011–2012, thereby depriving it of a monopoly on the “street politics”. Fourth, MGER was not able to expand its influence on Russian youth even through network projects.

Keywords

Young Guard of United Russia, United Russia, youth, party of power, primaries.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10035

References:

- Afonaszeva N.A., Khubetsova Z.F. (2016) Modern Russian Party Media in the Internet: Strategies of Audience Involvement. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. No. 28(240). P. 77–83.
- Bourdieu P. (2007) *Sociologie de l'espace social*. St. Petersburg: Aleteia.
- Danilin P. (2006) *Novaya molodezhnaya politika 2003–2005* [New Youth Policy 2003–2005]. Moscow: Evropa.
- Easton D. (1957) An Approach to the Analysis of Political System. *World Politics*. Vol. 9. Is. 3. P. 383–400.
- Egorov V.V. (2015) «Molodaya gvardiya edinoy Rossii» v poiske putey preodoleniya apolitichnosti sovremennoy rossiyskoy molodezhi [“The Young guard of the United Russia” in search of ways of overcoming of political apathy of modern Russian youth]. *Sovremennoye obshchestvo i nauka: sotsial'no-ekonomicheskiye problemy v issledovaniyakh prepodavateley vuza. Sbornik nauchnykh statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Rostov-na-Donu: Feniks. P. 92–98.
- Kotova K.A. (2012) Participation of Youth in Youth Political Organizations as an Instrument of Civil Society Development: Evolutional Aspect. *PolitBook*. No. 2. P. 21–33.
- Mosolikov S. (2016) Youth Organization "Young Guard of the United Russia": it Structure, Stages of Evolution, Activities. *Postsovetskiy materik*. No. 4(12). P. 104–114.
- Muller J.-W. (2018) *What is populism?* Moscow: Izd.dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Nazarov I.I. (2016) Model of Personnel Reserve Formation of Administrative-Political Elite of Post-Soviet Russia: The Role of “Power Party”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. seriya politicheskie nauki i pravo*. Vol. 2. Is. 4(8). P. 20–26.
- Savel'yev V.A. (2006) *Goryachaya molodezh' Rossii. Lidery. Organizatsii i dvizheniya. Taktika ulichnykh bitv. Kontakty*. [Hot Russian youth. Leaders. Organizations and movements. Tactics of street battles. Contacts]. Moscow: Kvanta.
- Sharapov A.V. (2019) Forms of Rejuvenation of the Russian Federation Political and State Elite in the 2000s. *Society and Security Insights*. Vol. 2. No. 1. P. 113–122.
- Sharp G. (1973) *The Politics of Nonviolent Action*. Boston.
- Sorokin O. (2007) The Specific Features in Development of Political Consciousness among Modern Russian Youths. *Vlast'*. No. 8. P. 48–52.
- Volkova A.M. (2017) Protivodeystviye rasprostraneniyu protivopravnogo kontenta sredi molodezhi v novykh media. Opyt proyekta “MediaGvardiya” [Countering the spread of illegal content among young people in new media. The experience of the project “Media Guard”]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. No. 1(25). P. 116–120.

Received: 18.12.2019

Проблемы управления: теория и практика

Галынис К.И., Мияо Х.

Опыт партисипаторного бюджетирования Китайской Народной Республики

Галынис Кирилл Игоревич — кандидат социологических наук, Хулунбуирский университет, район Хайлар, Хулунбуир, КНР.

E-mail: rapid-leopard@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [9078-4890](https://elibrary.ru/9078-4890)

Мияо Хонлиан — кандидат экономических наук, Хулунбуирский университет, район Хайлар, Хулунбуир, КНР.

E-mail: ideafree2004@hotmail.com

Аннотация

Предметом исследования являются модели вовлечения населения в бюджетный процесс, практикуемые в Китайской Народной Республике. Цель данного исследования — выявление особенностей применяемых моделей и рассмотрение перспектив внедрения данного опыта в российской практике. Метод, использованный при написании статьи, — анализ теоретической базы. Источники данных — научные статьи из базы РИНЦ, Google Scholar, национальной базы знаний Китая (CNKI), официальные нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики, Российской Федерации. Анализ научной литературы, проведенный ранее нами в сфере инициативного бюджетирования, показал, что теоретическая база данного механизма пока еще развивается, дискутируется и ориентирована прежде всего на отечественную практику. Зарубежный опыт, как правило, отражается фрагментарно и без последующего рассмотрения перспектив для нововведений в России. В связи с этим авторами рассмотрены модели вовлечения населения в бюджетный процесс, практикуемые в Уси, Чэнду, Яньцзине, Мэйлане. Существенное внимание уделено также смежной практике совещательной демократии, возникшей в Вэньлине. В результате анализа выявлено, что рассмотренные модели имеют разные способы вовлечения населения в бюджетный процесс, но в большинстве из них важную роль играют сельские, городские комитеты, аналогами которых в России являются территориальное общественное самоуправление (ТОС) и сходы граждан. Использование ТОСов по примеру КНР может приводить к игнорированию интересов части жителей муниципальных образований. Перспективным, на наш взгляд, является использование опыта Яньцзиня и Вэньлина для изменения практик партисипаторного бюджетирования, Мэйлана для введения отдельных новшеств в программу поддержки местных инициатив.

Ключевые слова

Партисипаторное бюджетирование, общественное участие, инициативное бюджетирование, местные инициативы, кредитные ресурсы.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10036

Введение

Привлечение населения к процессу выбора приоритетов расходования части общественных финансов (иногда сопровождаемому софинансированием со стороны граждан) в последнее время получает существенное развитие как в России, так и за рубежом. Причем в первом случае такая практика распространяется под общим названием «инициативное бюджетирование», а во втором наиболее распространенным является понятие «партисипаторное бюджетирование».

Ранее нами был проведен подробный обзор российской научной литературы в сфере инициативного бюджетирования и сделан вывод, что теоретическая база этого механизма находится в стадии разработки и является предметом активных дискуссий [Галынис 2019, 12–13]. При этом среди практического инструментария в регионах наблюдается незначительная представленность проектов партисипаторного бюджетирования (без софинансирования со стороны граждан) и преобладание программ поддержки местных инициатив, требующих финансового вклада граждан [Галынис, Тумунбаярова 2019, 31–65]. Можно также отметить, что в российской научной литературе, безусловно, отдается приоритет рассмотрению отечественной специфики и слабое внимание уделяется развитию данного инструмента за рубежом. Хотя анализ иностранной практики может предоставить полезный опыт и инструменты для внедрения в собственной стране. Особенно примечательным может быть опыт стран, отличающихся высоким экономическим ростом. Одной из таких является Китайская Народная Республика, исследования которой в данной сфере представлены незначительным количеством работ. В частности, В.В. Вагин и С.В. Романов достаточно емко отражают опыт Цзэгуо, упоминая об эксперименте 2005 года, и Чэнду, не совсем корректно указывая на финансирования проектов только кредитными ресурсами [Вагин, Романов 2017, 119]. Е.А. Захарчук, А.А. Некрасов, А.Ф. Пасынков несколько детализируют описание модели Чэнду, упоминая о возможности выбора вариантов финансирования проектов [Захарчук и др. 2019, 125]. Кроме этого, отдельные зарубежные тренды в сфере партисипаторного бюджетирования рассматриваются Н.В. Гавриловой на примере Вэньлина (формирование бюджета с учетом гендерных аспектов) и Чэнду (запуск инновационных практик на базе классического партисипаторного бюджетирования) [Гаврилова 2016, 124]. Опираясь на опыт Вэньлина, Н.Ш. Розе отражает преимущества и недостатки партисипаторного бюджетирования в Китае, а также факторы, способствующие и препятствующие внедрению зарубежного опыта в региональную практику Башкортостана [Розе 2017, 57–59]. Однако развитие данной формы активности населения характеризуется достаточно большим разнообразием, и, прежде чем приступить к рассмотрению её специфики, стоит отметить особенности бюджетной системы Китая. Конституция страны закрепляет следующее административное деление:

- страна разделяется на провинции, муниципалитеты с прямым подчинением центральному правительству, автономные районы;
- провинции и автономные районы разделяются на автономные префектуры, уезды, автономные уезды и города;
- уезды и автономные уезды разделяются на волости, национальные волости и поселки;
- муниципалитеты, подчиненные правительству, и крупные города разделяются на районы и уезды;
- автономные префектуры разделяются на уезды, автономные уезды и города¹.

При этом согласно Закону о бюджете Китайской Народной Республики в стране действует пятиуровневая бюджетная система: бюджет центрального правительства, провинций, автономных районов, муниципалитетов, подчиненных непосредственно центральному правительству; бюджеты городов, разделенных на районы, и автономных префектур; бюджеты уездов, автономных уездов, городов, не разделенных на районы, и городских районов; бюджеты волостей, национальных волостей и поселков².

Проекты бюджетов на всех уровнях составляют и реализуют исполнительные органы власти (госсовет для центрального уровня, местное правительство для остальных уровней), а законодательная власть принимает бюджет (в лице собраний народных представителей) и следит за ходом его исполнения, периодически внося поправки (в лице постоянных комитетов собраний народных представителей, за исключением пятого уровня бюджетной системы). В рамках такой структуры и развиваются практики вовлечения граждан в бюджетный процесс, причем чем выше уровень управления, тем меньше встречается примеров развития данного явления [He 2011, 123].

Как отмечает В. Не, несмотря на формальное внедрение опыта партисипаторного бюджетирования по примеру Бразилии в конце 90-х годов, уже с начала 90-х годов китайские сельские жители, представители деревень контролировали

---

¹ Конституция Китайской Народной Республики // Chinalaw. center [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 10.12.2019).

² 中华人民共和国预算法 // Ministry of Finance of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://jdjc.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/faguizhidu/201509/t20150908_1452983.html (дата обращения: 10.12.2019).

бюджетирование с целью гарантирования того, что сельские руководители соберут средства на общественные блага, справедливо их распределят, эффективно инвестируют деньги деревни. Сами модели бюджетирования с участием граждан в Китае варьируются в зависимости от используемых методов и инструментов.

Так, В. Не отмечает по этому поводу, что проекты партисипаторного бюджетирования могут быть классифицированы в зависимости от ключевых процессов: генерация доходов, распределение расходов, бюджетный мониторинг. И если деревенские проекты включают в себя все три процесса, то на уровне городов чаще всего применяется только распределение расходов [Ibid., 126].

Д. Ма выделил две крупные модели, которые появились в Китае одними из первых: демократическое обсуждение бюджета, практикуемое, в частности, в Вэньлине (Wenling), и бюджетирование в стиле участия, практикуемое в Уси (Wuxi) [Ma 2009, 66].

С течением времени их количество возрастало, приобретая достаточно уникальные характеристики и особенности, которые могут быть в перспективе использованы и в российской практике. Рассмотрим часть из данных моделей более подробно, начав с более ранних — Вэньлина и Уси.

Модель Вэньлин

Вэньлин является уездным городом, расположенным в прибрежной юго-восточной провинции Чжэцзян (Zhejiang), и включает в себя 5 подрайонов (Тайпинг (Taiping), Чэндон (Chengdong), Чэнси (Chengxi), Чэнбэй (Chengbei), Хэнфэн (Hengfeng)) и 11 городов (поселков) (Даси (Daxi), Цзэгуо (Zeguo), Синхэ (Xinhe), Жуохэн (Ruoheng), Сонмэнь (Songmen), Вэньцяо (Wenqiao), Угэн (Wugen), Чэннань (Chengnan), Шицяотоу (Shiqiaotou), Бинхай (Binhai), Шитан (Shitang)). Он отличается развивающейся экономикой, которая в основном представлена пятью отраслями промышленности. Благодаря активному росту промышленности городское население смогло улучшить свое социально-экономическое положение более быстрыми темпами, чем в среднем по стране, но быстрый рост привел к усилению напряженности между различными категориями населения (фермеры, рабочие, частные предприниматели) [Yan, Xin 2016, 221]. Для её снижения и решения народных проблем местным партийным органам пришлось обеспечить институциональный канал, через который граждане могли более активно участвовать в процессе выработки политики. Так, с конца 1990-х годов в городе начала формироваться новая система управления «демократическое совещание» (minzhu kentan), в рамках которой чиновники

привлекали граждан к принятию решений, связанных с местными общественными вопросами [Ma 2009, 66]. В целом за период с 1999 по 2005 год на уровне поселков было проведено 190 консультативных встреч, на уровне деревень — 1190, в которых приняли участие около 400 тысяч человек, что позволило собрать более 38 тысяч мнений [Yan, Xin 2016, 224].

В 2005 году практика демократических совещаний была распространена на бюджетный процесс двух крупных городов Вэньлина, в которых реализовывались разные модели участия населения. В частности, уникальной по своим характеристикам стала совещательная модель бюджетирования города Цзэгуо. В 2005 году здесь был проведен совещательный опрос населения с целью определения приоритетных для реализации проектов [The Search for Deliberative Democracy in China 2006, 232]. Причина такого шага была во многом обусловлена сокращением финансирования на городское планирование и строительство объектов окружающей среды и инфраструктуры почти более чем в три раза, что потребовало определения приоритетов среди подготовленных правительством заранее тридцати проектов. Тем не менее объем средств был достаточно внушительным (около 30 % городского бюджета). Кроме этого, фактом, способствующим данному эксперименту, являлась относительная самостоятельность местного бюджета и, как следствие, возможность распоряжаться частью своих доходных источников самостоятельно.

Уникальным в модели города Цзэгуо стал механизм отбора граждан для участия в обсуждении проектов: случайный отбор и формирование репрезентативной выборки по таким критериям, как образование, пол, семейное положение, возраст, вид деятельности. Для проведения эксперимента выборка составила 275 человек старше 18 лет, из которой 269 заполнили первоначальный опросник. Собственно в день обсуждения зарегистрировалось 257 человек, из которых 235 завершили проект. Сам эксперимент проходил в два этапа: первоначальное заполнение опросника, предполагающего оценку проектов по 10 бальной шкале, в марте и заполнение того же опросника в конце дня обсуждения (уже в апреле). Для облегчения работы в день обсуждения участники были произвольно разделены на 16 групп, каждую из которых курировал обученный модератор. В ходе дискуссии участники знакомились с брифинг-материалами по всем подготовленным проектам, высказывались за и против, могли задавать вопросы экспертам, подготовившим материалы по проектам, на пленарных заседаниях [Ibid., 234]. В конечном счете народный конгресс Цзэгуо одобрил 12 проектов, выбранных гражданами в качестве официальной бюджетной политики.

Успешность данного эксперимента во многом была обусловлена рядом факторов. Прежде всего, работа над рассмотрением проектов опиралась на традиционную форму «беседы по душам» (в китайском варианте *kentan*). Достаточно существенным было материальное стимулирование участников: им предоставлялось бесплатное питание, бесплатный автобус, плата в размере 50 юаней. Официальные лица широко информировали население через официальные каналы коммуникации. Выбранные в качестве участников жители воспринимали этот факт как честь и обязанность представлять мнение своих соседей. Сам график обсуждения отражал китайский образ жизни (обед в традиционное время) [Ibid., 238].

Модель получила достаточно существенные отличия от предыдущих общественных консультаций, практикуемых в Вэньлине. В частности, в отличие от ранее применяемого подхода к широкому представительству различных элит на городских собраниях (депутатов, представителей деревень, сельских комитетов), использована случайная выборка из всех граждан, что позволило существенно снизить вероятность сговора и продвижение своих идей узкой групп лиц. Кроме того, улучшилась информированность участников относительно рассматриваемых проектов. Сбор общественного мнения получил научно обоснованный инструментарий и, как следствие, повысил качество реализуемой политики. Технология работы в малых группах и общем собрании позволила уйти от недостатков прошлых лет, когда на консультативных совещаниях в течение двух часов собиралось 100–200 человек, что не давало достаточно времени для детальной дискуссии. Отстраненность должностных лиц от работы в малых группах в качестве председателей и работа специально обученных модераторов из состава школьных учителей позволили добиться равенства возможностей в высказывании своих позиций и препятствовать доминированию в дискуссиях со стороны нескольких участников [Ibid., 240].

Со временем модель Цзэгуо эволюционировала и развивалась. В 2006 году случайным образом было отобрано 237 жителей для участия в однодневном обсуждении расходования годового бюджета инфраструктурного развития города. Причем участники были разделены на две группы (экспериментальную и контрольную) с целью исследования совещательного потенциала граждан. В первой группе модераторы играли активную роль, заключающуюся в стимулировании и активном развитии дискуссии (обобщение аргументов, побуждение к формированию контраргументов и т.д.). В частности, они были обучены для достижения трех ключевых целей в процессе работы группы: стимулировать способности участников выражать и отражать свои мнения; ориентировать участников на выслушивание

позиций друг друга; синтезировать конкурирующие взгляды участников. Последним предлагалось оспаривать свои предвзятые взгляды, выработать общую позицию по отношению к общественным интересам. В контрольной группе роль модераторов была значительно уже и сводилась лишь к выполнению процедур дискуссии, в частности предоставлению равных возможностей в высказывании своих точек зрения в порядке очередности и соблюдению регламента. В результате экспериментальная группа показала более разнообразные аргументированные мнения и характеризовалась более высокой мерой реагирования (реакция участников на другие мнения, готовность пересматривать свои позиции) в сравнении с контрольной. Кроме этого, в данный год увеличилась представленность женщин в группе (41,8 %), а участники получили не только подробную информацию о проектах, но и возможность посетить объекты. Для повышения эффективности расходования средств была сформирована ревизионная группа из случайно отобранных депутатов для контроля реализации выбранных проектов [He 2019, 148].

В 2008 году прошел еще один эксперимент, в котором приняли участие 197 случайно отобранных человек, и в данном случае представителям общественности предоставили возможность рассмотреть весь бюджет и предложить свои идеи. Для ознакомления с проектом финансового документа была подготовлена брошюра на 48 страниц с подробным описанием различных видов расходов [Ye 2018, 90]. Для лучшего понимания формирующегося общественного мнения и улучшения взаимодействия депутатов и граждан был также введен ряд новшеств. В частности, делегация из 20–30 случайно отобранных депутатов местного собрания народных представителей (МСНП), а также 15 местных чиновников, курирующих вопросы партисипативного бюджетирования в других городах Вэньлина, наблюдала за всем процессом обсуждения. Позже 10 из 197 участников были выбраны случайным образом для наблюдения за обсуждением бюджета на заседании МСНП. В 2009 году состоялся четвертый эксперимент, участниками которого стали лица, состоявшие в выборке 2008 года. В данном году они получили не только копии всего городского бюджета, информационных материалов, но и доклад о ходе реализации проектов (с объяснениями причин не завершения отдельных работ) прошлого бюджетного цикла. Причем в этом случае цель эксперимента состояла в обсуждении не всего бюджета, а лишь одного раздела (образования) в силу сложности рассмотрения целого бюджета за один день. Кроме этого, была сформирована отдельная дискуссионная группа из 10 трудящихся мигрантов для обсуждения бюджетных вопросов, что позволило учесть голос и данной категории граждан [He 2019, 149].

В 2010 году Цзэгуо начал внедрять смешанный метод обсуждения бюджета. В частности, на данный момент в городе формируется три группы представителей общественности. Первая группа, численностью 100 человек, отбирается старым методом (случайная репрезентативная выборка), вторая группа, той же численности, отбирается случайным образом из состава бывших общественных представителей, формируется из кадрового резерва местных экспертов (приблизительно 4000 человек), имеющих рабочие связи с владельцами предприятий, учителями, успешными фермерами и т.д. В панельных дискуссиях принимают участие также депутаты МСНП и от 20 до 30 представителей правительства [Ye 2018, 90].

Сам процесс формирования бюджета включает три этапа:

- на первом финансовым департаментом составляется проект бюджета;
- на втором проходит участие общественности в совещании, которое проводится обычно за месяц до собрания МСНП. Причем перед совещанием участники проходят обучение у депутатов или приглашенных ученых, рассматривают проект бюджета, готовят свои аргументы. Обсуждение проходит сначала в малых группах, а потом на большом собрании. После сбора всех мнений правительство пересматривает проект бюджета и предоставляет его на утверждение МСНП.
- на третьем этапе происходит рассмотрение и утверждение бюджета на ежегодной сессии МНСП [Ibid., 90].

Важно также отметить, что в 2016 году в городе был введен метод электронного голосования вместо поднятия рук, что затруднило чиновникам контроль за процессом голосования [He 2019, 147].

В 2005 году вместе с Цзэгуо эксперимент был проведен в городе Синхэ, однако он отличался рядом особенностей. В частности, здесь по задумкам реформаторов нужно было соединить совещательное обсуждение и бюджетный надзор со стороны МСНП. Причем граждане участвовали по принципу самовыдвижения, а не путем статистически обоснованной выборки. Обсуждение бюджета проходит ряд этапов:

- перед созывом ежегодной сессии МСНП его финансово-экономический подкомитет организует группы, охватывающие различные секторы экономики, для обсуждения проекта местного бюджета (первоначально их было 3, а позже количество групп выросло до 12) [Yan, Xin 2016, 224].

Данный этап предполагает добровольное посещение гражданами совещаний в данных группах и выдвижений своих мнений;

- далее проходит ежегодная сессия МСНП, где рассматривается и утверждается проект бюджета. Причем сессию в качестве делегатов могут посещать и граждане, не имеющие право голоса. В рамках данного этапа местное правительство представляет проект бюджета вместе с общественными предложениями, полученными на предыдущем этапе [Wu, Wang 2012, 127].

Депутаты также могут обсудить проект с главой города и его заместителем. После этого обычно проект бюджета пересматривается с учетом замечаний общественности и готовится для дальнейшего рассмотрения в небольших депутатских группах. Если корректировки принимаются, то резолюция по бюджету выносится на пленарное заседание МСНП. Если в рамках групп возникают какие-то разногласия, то депутаты могут предлагать поправки (при поддержке не менее 5 депутатов).

Важным моментом для развития участия граждан в бюджетном процессе данного города является проведение перед сессией МСНП ежегодного обучения по вопросам государственных финансов и бюджетирования.

Эксперименты, реализованные в Цзэгоу и Синхэ, дали толчок к развитию практик вовлечения населения в бюджетный процесс других городов Вэньлина. Так, в 2008 году бюджетная реформа начала реализовываться в Бинхай, Даси, Сонмэнь, Жуохэн [Ibid., 130].

Например, в Жуохэн бюджетный процесс предполагает проведение двух предварительных обзорных совещаний между представителями общественности и депутатами МСНП до созыва официальной сессии МСНП [Zhu, Zhang 2016, 865]. В 2010 году практика была распространена на оставшиеся города, часть из которых трансформировали механизмы работы с населением. Например, город Угэн ограничил роль представителей общественности в обсуждении бюджета, изменил структуру участников обсуждения. В частности, основными участниками обсуждения бюджета в рамках данного города стали представители чиновников (65 человек) и депутаты МНСП (50 человек). Кроме того, 20 человек выбираются случайным образом из кадрового резерва в 100 человек, 30 представителей общественности выбираются из пула в 800 человек, куда в основном входят сельские жители, зачастую являющиеся бывшими сельскими старостами. При этом нет широкого информирования о

проведении бюджетного обсуждения, что снижает осведомленность прочих граждан о бюджетной реформе. Существует также фактор фильтрации вопросов, которые будут задаваться во время рассмотрения бюджета. Информация о бюджете раскрывается фрагментарно [Ye 2018, 93].

В целом развернутые в городе Вэньлине реформы были не раз отмечены наградами и удостоены внимания. Однако, несмотря на это, местная политика официально не была одобрена центральным правительством. Но все же постепенно целый ряд городов Китая без вмешательства со стороны центрального правительства начал реализовывать идеи бюджетирования, учитывая передовой опыт данного уездного города [Zhu 2017, 276].

Модель Уси

Город Уси (Wuxi) расположен в провинции Цзянсу (Jiangsu) и включает два города Цзианинь (Jiangyin), Исин (Yixing) и семь районов Хишань (Xishan), Хуэйшань (Huishan), Чонань (Chongan), Бейтан (Beitang), Наньчан (Nanchang), Бинху (Binhu), Синьцзюй (Xinqiu). Партисипативное бюджетирование здесь начало вводиться в 2006 году с экспериментальных площадок в районах Бинху и Бейтан и общим бюджетом в 3 млн юаней. В 2007 году 16 общин уже в пяти районах приступили к реализации реформ, включив 32 капитальных проекта на общую сумму в 25,06 млн руб. В 2008 году в проекте участвовали уже 22 общины, реализовавшие 36 капитальных проектов с бюджетом в 30,63 млн юаней [Wu, Wang 2012, 129].

Успех проекта в Уси во многом был связан с рядом факторов. Прежде всего, поддержка со стороны руководства правительства. В частности, значительную роль в продвижении сыграл секретарь муниципального партийного комитета Вэйз Ян, в проекте реформ которого содержались задачи повышения транспарентности бюджета, надлежащего исполнения обязанностей и открытости для общественного контроля. Важным фактом стала поддержка проекта извне, например со стороны Исследовательского фонда развития Китая — общенациональной организации, созданной исследовательским центром Государственного совета Правительства Китая. Так, реформа в Уси стала для данной организации исследовательским проектом на два года. Весомую роль в данном процессе сыграло быстрое экономическое развитие территории, вылившееся в рост гражданского общества и налогового потенциала города, что позволило правительству Уси реализовать партисипативное бюджетирование и привлечь население к данному процессу [Wu, Wang 2011, 272].

Сама модель Уси включает в себя четыре этапа. На первом осуществляется подготовка, предполагающая создание руководящей группы, включающей руководителей партии и правительства города, директора муниципального финансового бюро, руководителей районов и других ведомств. В рамках такой структуры осуществляется проработка целей, содержания, процедур бюджетирования и установление коммуникационных контактов между ведомствами. В течение этого же этапа происходит активное освещение проекта в средствах массовой информации для разъяснения новых идей и стратегий, а также пропаганды ценностей партисипативного бюджетирования. На втором шаге осуществляется выбор проектов для финансирования. С этой целью предварительно происходит отбор представителей общественности на основе рекомендаций соседских комитетов и самопрезентации. Данные представители осуществляют подомовой опрос населения с целью сбора потенциальных проектов. Эти идеи наряду с предложенными соседскими комитетами с учетом требований к социальному развитию собирает руководящая группа, созданная на предыдущем этапе. Собранные проекты рассматриваются и отбираются в процессе голосования представителями общественности на общем собрании. На третьем шаге происходит оценка проектов на осуществимость, а также их реализация через выбранных посредством процедуры закупок исполнителей. Причем в ходе данных работ осуществляется контроль как со стороны руководящей группы соответствующих департаментов, так и отдельных жителей. По завершении реализованные проекты проходят оценку со стороны экспертов, представителей резидентов и финансовых аудиторов, что служит инструментом для оценки результативности и эффективности профинансированного общественного выбора [Wu, Wang 2011, 273].

В рамках дальнейшего развития модель Уси столкнулась с рядом проблем. Прежде всего, отстраненность населения от законодательной ветви власти (МСНП), поскольку оно участвует в процессе составления бюджета при работе правительства, а не в ходе работы МСНП, где идет утверждение бюджета.

Кроме этого, исполнительная власть сама разрабатывает процедуры участия населения, размер средств доступных для финансирования проектов граждан, а в условиях отсутствия институционализации в форме нормативно-правового акта это привносит существенные риски дальнейшей реализации в силу ротации руководящих кадров [Ibid., 276].

Модель Чэнду

Уникальной по своим характеристикам стала также модель партисипативного бюджетирования, начавшаяся в 2009 году в Чэнду (Chengdu), городе суб-провинциального префектурного уровня, являющемся также столицей провинции Сычуань (Sichuan). Его население включает не только около 9 млн городских, но и около 5 млн сельских жителей [Cabannes, Ming 2014, 260].

Специфика данной модели обусловлена рядом фактов: она стала эндогенным процессом, минимально опирающимся как на международную информационную, так и финансовую поддержку; характеризуется высоким уровнем институционализации и набором установленных правил; охватывает все сельские поселения города, а как следствие, всех сельских жителей.

Развитие практики вовлечения граждан в бюджетный процесс стало логичным следствием решения ряда существующих в городе проблем: сохраняющегося разрыва между городским и сельским населением не только по доходам, но и по уровню оказываемых услуг; концепции общинной сельской автономии и стремления сельских жителей к местной демократии; рисков нарушения прав сельских жителей при землепользовании из-за расширения территории городов. В частности, основу для партисипативного бюджетирования заложил ряд фактов:

- выделяемые каждой сельской общине с 2008 года гранты в размере 200 тыс. юаней на общественные услуги. С момент осуществления данная сумма сначала была удвоена, а затем утроена [Frenkiel, Lama-Rewal 2019, 115].
- создание нового органа управления на уровне деревень (сельского совета), избираемого из состава местных жителей, который в дальнейшем формирует группу по управлению финансами и группу надзора за бюджетом. Данный орган позволил сельским жителям участвовать в принятии решений, мониторинге и оценке проектов оказания государственных услуг [The Rise of Progressive Cities East and West 2019, 146].
- экспериментальная реформа прав сельских граждан на землю, предоставившая фермерам право самостоятельно распоряжаться земельными наделами, защитив их от рисков приватизации и урбанизации [Cabannes, Ming 2014, 262].

В настоящее время проекты, реализуемые в рамках Чэнду, разделяются на четыре основные категории: культура, грамотность и спорт; основные услуги и инфраструктура для местного экономического развития; сельскохозяйственная подготовка; сельское управление.

Кроме этого, деревни могут привлечь кредитные ресурсы от инвестиционной компании малого города Чэнду в размере, превышающем в 7 раз предоставляемый грант [Ibid., 264]. Срок погашения такого займа составляет 7 лет.

Бюджетный процесс в населенных пунктах Чэнду не одинаковый, но чаще всего предполагает три этапа:

- сбор предложений от домохозяйств с последующей их классификацией сельским советом. Кроме этого, проходит информационное освещение реализуемой программы бюджетирования;
- на втором этапе происходит отбор проектов, которые будут реализованы в следующем году. Данную функцию обычно выполняет сельский совет, но может также и собрание всех граждан старше 18 лет. После отбора предложений сельский совет сообщает о принятых решениях местному правительству, где предложения изучаются с технической точки зрения и в конечном счете ратифицируются. Работы выполняют подрядчики, выбранные в рамках процедуры закупок.
- третий этап предполагает мониторинг и оценку реализации отобранных проектов. Данную задачу выполняют группа управления финансами, группа бюджетного надзора и сельский совет [Ibid., 268].

Модель Мэйлан

Еще одна модель партисипаторного бюджетирования реализуется в районе Мэйлан (Meilan) города Хайкоу (Haikou) провинции Хайнань (Hainan). Данная административно-территориальная единица разделена на 9 субрайонов и 4 поселка. Эксперимент был начат 8 декабря 2016 году на территории двух субрайонов: Жэньмин (Renmin) и Хайдян (Haidian). Для проведения пилотной реформы было выделено 6 млн юаней, 3,15 из которых были предоставлены Жэньмин (1,15 млн юаней — для проектов на уровне субрайона, 2,1 млн юаней — для проектов 7 общин под юрисдикцией Жэньмин), 2,85 млн юаней — Хайдян (1,05 млн юаней — для проектов уровня субрайона, 1,8 млн юаней — 6 общинам) [项 2019, 47].

Если оставить за скобками первый этап запуска пилотной программы, сопровождаемый организационной подготовкой и обучающими семинарами, то в целом цикл бюджетирования в данном случае включал пять стадий. Первая предполагала сбор проектных предложений, которые могут быть связаны с вопросами окружающей среды, транспортом, общественным строительством и т.д., в рамках установленных в стране бюджетных полномочий. Причем для концентрации идей использовались шесть разных каналов коммуникаций: каждый соседский общинный комитет создал информационный стенд и ящик для предложений, где жители могли оставить свои мнения; пункт сбора предложений создавался также в местах с большой проходимостью, где люди могли оставить предложения в свободное время; сбор мнений осуществляли волонтеры; проекты предлагались и обсуждались на форуме в соседском комитете общины в рамках мозгового штурма; предложения принимались через Интернет; рекламная информация, рекомендации по формулировке и сбору предложений размещались на досках объявлений, а ящики по сбору предложений — в отделе по управлению имуществом. Причем при составлении реестра предложений учитывалась не только конкретная информация о проекте, но и возможность реализации совместного предложения [项 2019, 48]. На следующей стадии проходит интеграция и отбор проектов. Так, предложения обычно отклоняют в силу следующих причин: не относится к общественным интересам; имеет других ответственных субъектов в рамках полномочий; включено в национальную политику, нормативные акты; дублирует реализуемые проекты или предложенные правительством; технически не осуществимо; превышает бюджетный лимит. Такая предварительная фильтрация осуществляется на уровне субрайонов, причем критерии отбора могут предлагать общины. Сам отбор проектов осуществляется в рамках конференции жителей, которые делятся на группы для обсуждения проектов на предмет масштабов, ожидаемого эффекта от их реализации, и после групповых обсуждений участники голосуют за выдвигаемые проекты. Количество голосов является основной для ранжирования проектов. Отобранные проекты поступают на уровень субрайона, где проходит еще один отбор, но уже с технической стороны. То есть в рамках данного процесса проект модифицируется под влиянием объединения мнений сотрудников функциональных подразделений и экспертных групп районного правительства. В рамках такой работы часть проектов может быть отклонена в силу технических особенностей реализации. Далее происходит оценка бюджетных квот на оставшиеся отобранные проекты таким образом, чтобы их сумма превышала в 1,5–2 раза средства, выделяемые на реализацию

проектов на уровне субрайона или общины. Причем часть проектов, имеющих схожие цели, могут быть скомбинированы функциональными подразделениями районного правительства для финансирования из средств субрайона и общины.

На следующей стадии проходит этап голосования, в рамках которого жители получают два списка проектов на голосование (субрайона, общины). Затем происходит подсчет голосов, и жители могут проконтролировать данный процесс в любое время. На основании подсчета голосов формируется рейтинг проектов, и победившими считаются проекты, которые не превышают выделяемый бюджет. В конце происходит исполнение бюджета, надзор и оценка эффективности.

Схожая реформа была запущена также в 2017 году в районе Сиху (Xihu) города Наньчан (Nanchang) провинции Цзянси (Jiangxi) [周 2019].

Модель Яньцзинь

Своеобразная модель реализуется в уезде Яньцзинь (Yanjīn) города Чжаотон (Zhaotong) провинции Юньнань (Yunnan). Экспериментальная реформа бюджетирования здесь начала проводиться в 2012 году на территории двух поселков, а впоследствии охватила большее число поселений [林 2014, 67]. Ключевую роль в данной реформе играют народные советники, которые избираются сроком на три года двумя способами. Если рассмотреть в качестве электоральной единицы деревню, то два советника избираются двумя сельскими комитетами из своего состава независимо от величины деревни. Формируется также квота для избрания советников путем случайного отбора. Квота зависит от численности проживающего населения в деревне и равна 0,05%. Кандидатуры для отбора могут выдвигать группы граждан численностью не менее 5 человек, а сам отбор проходит на собрании, организуемом сельскими комитетами [Ibid., 68]. После избрания советники проходят обучение для понимания сущности бюджетирования и своей роли в данном процессе. Далее происходит выдвижение проектов (не более двух от одного советника), которые могут быть сформированы делегатами при проведении исследований своей территории проживания, общении с жителями [Ibid., 77]. Кроме этого, проекты может выдвигать и правительство поселков. Собранные проекты поступают на предварительное рассмотрение в руководящую реформой группу на уровне уезда, которая организует техническую и политическую оценку выдвинутых предложений, в ходе которой часть проектов может быть отклонена. Оставшиеся проекты выносятся на обсуждение и голосование собрания советников, проводимых в поселках. Повестка дня таких

собраний включает: информирование об осуществлении, оценке эффективности проектов предыдущего года; информирование об итогах рассмотрения проектов на уровне уезда; обсуждение оставшихся проектов, голосование. Причем такие собрания проводятся два раза в год: в начале года для принятия бюджета и затем для внесения изменений в бюджет [马2014, 15]. В ходе голосования побеждают проекты, получившие большинство голосов, с учетом бюджетной квоты. Причем максимальный объем средств для реализации проектов предварительно устанавливается правительством поселков. Важно также отметить, что, помимо финансирования из бюджета, для реализации выбранных проектов привлекаются также и частные инвестиции граждан в форме трудовых затрат и денежных вложений [Ibid., 26].

Далее список проектов в рамках бюджета утверждает МСНП поселка, и начинается их реализация. Причем советники непосредственно участвуют в реализации рекомендованного проекта и несут ответственность за надзор за процессом реализации [林 2014, 80].

Заключение

Таким образом, можно отметить, что механизмы вовлечения населения варьируются от модели к модели, но во многих из них не малую роль играют городские и сельские комитеты, зачастую называемые также соседскими, чей статус как низовых массовых организаций самоуправления закреплён в ст. 111 Конституции КНР и детализирован в законе «Об организации комитетов сельского населения»³ от 04 ноября 1998 и законе «Об организации комитетов городского населения»⁴ от 26 декабря 1989 года. Аналогами данных организаций в российской практике, по мнению О.В. Сивинцевой, С.Р. Титовой, являются сходы граждан и территориальное общественное самоуправление (ТОС) [Сивинцева, Титова 2016, 90]. Последнее, в свою очередь, несмотря на достаточно значительное количество существующих проблем, отмеченных подробно в статье Е.Ф. Никитской, М.А. Валишвили, И.А. Горбачевой, получают развитие в том числе и в рамках инициативного бюджетирования [Никитская

---

³ 中华人民共和国村民委员会组织法 (2018年修订本) //司法部信息中心 [Электронный ресурс]. URL: <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=406473&Query=中华人民共和国村民委员会组织法&IsExact=> (дата обращения: 28.12.2019).

⁴ 中华人民共和国城市居民委员会组织法 //司法部信息中心 [Электронный ресурс]. URL: <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=406478&Query=中华人民共和国城市居民委员会组织法&IsExact=> (дата обращения: 28.12.2019).

и др. 2019, 47]. В частности, с 2014 года в Вологодской области действует проект «Народный бюджет ТОС» [Галынис, Тумунбаярова 2019, 32]. Отчасти данные организации могут быть использованы по примеру модели Яныцзиня или Уси для делегирования лиц, участвующих в выдвижении, выборе проектов и последующей их реализации за счет средств муниципалитета в виде грантов, однако в данном случае возникает риск игнорирования интересов ряда жителей муниципальных образований в силу достаточно неравномерного развития данного института в субъектах Российской Федерации. Так, по данным Общенациональной Ассоциации территориального общественного самоуправления, на 01.03.2019 г. среди регионов РФ выделяются субъекты как с полным отсутствием ТОСов (Чукотский автономный округ, Амурская область, Мурманская область), так и с полным охватом ТОСами всех территорий муниципальных образований региона (Краснодарский край)⁵.

Стоит также отметить опыт Чэнду в рамках инструмента кредитования проектов с длительным сроком погашения займа, который теоретически может быть использован для ТОС. Однако здесь возникает проблема, связанная с тем, что большинство данных организаций не регистрируются как юридические лица (на 01.03.2019 г. из 33042 ТОСов 2541 зарегистрированы в качестве юридических лиц). Фактически это может создавать препятствия не только для участия ТОС в программах по получению дополнительного финансирования, реализуемых органами государственной власти и местного самоуправления, что отмечается в докладе Е.С. Шугриной, К.А. Ивановой [Шугрина, Иванова 2018, 68], но и для привлечения прочих, не запрещенных законом поступлений, к которым могут быть отнесены кредитные ресурсы (п. 1, ст. 26 ФЗ №7 «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996)⁶.

Перспективным, на наш взгляд, может быть использование раннего опыта Цзэгуо (Вэньлин) для корректировки применяемых в ряде регионов практик партисипаторного бюджетирования. В рамках данного инструмента участники бюджетной комиссии, предлагающей и выбирающей проекты для реализации, выбираются путем жеребьевки из состава желающих участвовать в бюджетировании

---

⁵ Развитие ТОС в России на 01.03.2019 г. // Общенациональная Ассоциация территориального общественного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dropbox.com/s/oqfd91hdssfw1u1/Развитие%20ТОС%20в%20России%20на%2001.03.2019г..pdf> (дата обращения: 06.01.2020).

⁶ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 06.01.2020).

граждан. Такая специфика отбора может приводить к игнорированию интересов целого ряда жителей, и решением данной проблемы может быть формирование репрезентативной случайной выборки делегатов от населения. Причем для снижения издержек, связанных со случайным отбором участников из генеральной совокупности, их обучением, консультированием, рациональным может быть наделение их полномочиями по формулировке проектов, отбору данных проектов в рамках предоставляемой бюджетной квоты на срок более года (по примеру Янцзиня). Однако в силу сопутствующих затрат подобный проект может быть реализован в относительно самодостаточных муниципалитетах.

Интересной для отечественной практики является также модель Мэйлан, отдельные черты которой могут быть встроены в рамках программ поддержки местных инициатив, реализуемых на территории муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением. В частности, перспективным является выдвижение проектов, охватывающих по значимости как само крупное муниципальное образование, так и отдельные составляющие единицы (поселения, внутригородские районы), с последующим выбором проектов для реализации из двух списков на основе голосования граждан.

Список литературы:

- Вагин В.В., Романов С.В.* Инициативное бюджетирование в странах БРИКС // Финансовый журнал. 2017. № 4. С. 113–121.
- Гаврилова Н.В.* Зарубежные тренды в сфере партисипаторного бюджетирования // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 118–125.
- Галынис К.И.* Тенденции развития инициативного бюджетирования в регионах Дальневосточного федерального округа // Вестник университета. 2019. № 8. С. 12–19.
- Галынис К.И., Тумунбаярова Ж.Б.* Тенденции и перспективы развития инициативного бюджетирования в муниципалитетах Забайкальского края // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 24–47.
- Захарчук Е.А., Некрасова А.А., Пасынков А.Ф.* Бюджетирование на основе общественного участия: зарубежный опыт и практика применения в России // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 1. С. 122–132.
- Никитская Е.Ф., Валишвили М.А., Горбачева И.А.* Территориальное общественное самоуправление как институт инновационной деятельности на муниципальном уровне // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2019. № 2. С. 36–54.

Розе Н.Ш. Анализ зарубежного опыта использования партисипаторных практик и механизмов инициативного бюджетирования // В сборнике научных трудов ГАНУ «Института стратегических исследований Республики Башкортостан». Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. С. 50–61.

Сивинцева О.В., Титова С.Р. Местное самоуправление как институт публичного участия: траектория развития в России и Китае // Власть. 2016. № 12. С. 87–92.

Шугрина Е.С., Иванова К.А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спецдоклад. М: Проспект, 2018.

Cabannes Y., Ming Z. Participatory Budgeting at Scale and Bridging the Rural — Urban Divide in Chengdu // Environment and Urbanization. 2014. Vol. 26. Issue 1. P. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956247813509146>.

Frenkiel E., Lama-Rewal T.S. The Redistribution of Representation through Participation: Participatory Budgeting in Chengdu and Delhi // Politics and Governance. 2019. Vol. 7. Issue 3. P. 112–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/pag.v7i3.2139>.

He B. Civic Engagement through Participatory Budgeting in China: Three Different Logics at Work // Public Administration and Development. 2011. Vol. 31. Issue 2. P. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.1002/pad.598>.

He B. Deliberative Participatory Budgeting: A Case Study of Zeguo Town in China // Public Administration and Development. 2019. Vol. 39. Issue 3. P. 144–153. DOI: <https://doi.org/10.1002/pad.1853>.

Ma J. Dilemma of Developing Financial Accountability without Election — A Study of China's Recent Budget Reform // The Australian Journal of Public Administration. 2009. Vol. 68. Issue 1. P. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8500.2009.00622.x>.

The Rise of Progressive Cities East and West / ed. by M. Douglass, R. Garbaye, K.C. Ho. Singapore: Springer, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-0209-1>.

The Search for Deliberative Democracy in China / ed. by E.J. Leib, B. He. New York: Palgrave Macmillan, 2006. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780312376154>.

Wu Y., Wang W. Does Participatory Budgeting Improve the Legitimacy of the Local Government?: A Comparative Case Study of Two Cities in China // The Australian Journal of Public Administration. 2012. Vol. 71. Issue 2. P. 122–135. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8500.2012.00771.x>.

Wu Y., Wang W. The Rationalization of Public Budgeting in China: A Reflection on Participatory Budgeting in Wuxi // Public Finance and Management. 2011. Vol. 11. Issue 3. P. 262–283.

Yan X., Xin G. Participatory policy making under authoritarianism: the pathways of local budgetary reform in the People's Republic of China // Policy & Politics. 2016. Vol. 44. Issue 2. P. 215–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1332/147084414X14024918243748>.

Ye J. No Money, No Representation: A Case Study of Zeguo Town in China // Politics & Society. 2018. Vol. 46. Issue 1. P. 81–99. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329218754511>.

Zhu X. Inter-regional diffusion of policy innovation in China: A comparative case study // Asian Journal of Political Science. 2017. Vol. 25. Issue 3. P. 266–286. DOI: <https://doi.org/10.1080/02185377.2017.1339619>.

Zhu X., Zhang P. Intrinsic Motivation and Expert Behavior: Roles of Individual Experts in Wenling Participatory Budgeting Reform in China // Administration & Society. 2016. Issue 48(7). P. 851–882. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095399713519092>.

林慕华 参与式预算中的群众议事员：舞台、角色与演绎——基于盐津案例的实证研究 // 公共行政评论. 2014 年. 第 5 期. 第页. 66–87. (Lin Mu Hua. Public councilors in participatory budget: stage, role and performance. Empirical Study Based on the case of Yanjin // Public administration review. 2014. Issue 5. P. 66–87).

项皓 全民提案与全民决议：海口美兰区参与式预算的制度创新 // 兰州学刊. 2019 年. 05 期. 第页. 45–56. (Xiang Hao. Proposals and resolutions of the whole people: Institutional Innovation of participatory budget in Meilan District, Haikou // Lanzhou Journal. 2019. Issue 5. P. 45–56).

周杨康 基于南昌市西湖区参与式预算改革案例研究 // 管理观察. 2018 年. 22 期. 第页. 148–150. (Zhou Yang Kang. A case study of participatory budget reform in Xihu District of Nanchang City // Management Observer. 2018. Issue 22. P. 148–150).

马骏 盐津县“群众参与预算”：国家治理现代化的基层探索 // 公共行政评论. 2014 年. 第 5 期. 第页. 5–34. (Ma Jun. "Mass participation budget" in Yanjin County // Public administration review. 2014. Issue 5. P. 5–34).

Дата поступления: 09.12.2019

Galynis K.I., Miao H.

Participatory Budgeting: Experience of the People's Republic of China

Kirill I. Galynis — Phd, Hulunbuir university, Hailar District, Hulunbuir, People's Republic of China.

E-mail: rapid-leopard@yandex.ru

Hongliang Miao — Phd, Hulunbuir university, Hailar District, Hulunbuir, People's Republic of China.

E-mail: ideafree2004@hotmail.com

Abstract

The subject of the study is the models of population involvement in the budget process, practiced in the People's Republic of China. The purpose of this study is to identify the features of the models and to consider the prospects for implementing this experience in Russian practice. The method used in the research is the theoretical base analysis. Data sources are scientific articles from the RSCI database, Google Scholar, the national knowledge base of China (CNKI), official legal acts of the People's Republic of China and the Russian Federation. The analysis of the scientific literature conducted earlier in the field of initiative budgeting has shown that the theoretical basis of this mechanism is still being developed, discussed and focused primarily on domestic practice. Foreign experience is usually reflected in fragments and without further consideration of the prospects for innovations in Russia. In this regard, the authors consider the models of population involvement in the budget process, practiced in Wuxi, Chengdu, Yanjing, Meilan. Considerable attention is also paid to the related practice deliberative democracy emerged in Wenling. The main result is that the considered models have different ways of involving the population in the budget process, but rural and city committees have significant role in most of them. Analogues of ones are Territorial Public Self-Government (TPSG) and gatherings of citizens in Russia. Using TPSG, following the example of the PRC, can lead to ignoring the interests of some residents of municipalities. In our opinion, it is perspective to use the experience of Yanjin and Wenling to change the practices of participatory budgeting, Meilan to implement certain innovations in the program of support for local initiatives.

Keywords

Participatory budgeting, public participation, initiative budgeting, local initiatives, credit resources.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10036

References:

- Cabannes Y., Ming Z. (2014) Participatory Budgeting at Scale and Bridging the Rural — Urban Divide in Chengdu. *Environment and Urbanization*. Vol. 26. Issue 1. P. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956247813509146>.
- Douglass M., Garbaye R., Ho K.C. (eds.) (2019) *The Rise of Progressive Cities East and West*. Singapore: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-0209-1>.
- Frenkiel E., Lama-Rewal T.S. (2019) The Redistribution of Representation through Participation: Participatory Budgeting in Chengdu and Delhi. *Politics and Governance*. Vol. 7. Issue 3. P. 112–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/pag.v7i3.2139>.
- Galynis K.I. (2019) Trends in the Development of the Initiative Budgeting in the Regions of the Far Eastern Federal District. *Vestnik universiteta*. No. 8. P. 12–19.

- Galynis K.I., Tumunbayarova Zh.B. (2019) Trends and Prospects of Initiative Budgeting Development in Municipalities of the Transbaikal Region. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 75. P. 24–47.
- Gavrilova N.V. (2016) The Current Trends in Participatory Budgeting. *Finansovyy zhurnal*. No. 2. P. 118–125.
- He B. (2011) Civic Engagement through Participatory Budgeting in China: Three Different Logics at Work. *Public Administration and Development*. Vol. 31. Issue 2. P. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.1002/pad.598>.
- He B. (2019) Deliberative Participatory Budgeting: A Case Study of Zeguo Town in China. *Public Administration and Development*. Vol. 39. Issue 3. P. 144–153. DOI: <https://doi.org/10.1002/pad.1853>.
- Leib E.J., He B. (eds.) (2006) *The Search for Deliberative Democracy in China*. New York: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780312376154>.
- Ma J. (2009) Dilemma of Developing Financial Accountability without Election — A Study of China's Recent Budget Reform. *The Australian Journal of Public Administration*. Vol. 68. Issue 1. P. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8500.2009.00622.x>.
- Nikitskaya E.F., Valishvili M.A. Gorbacheva I.A. (2019) Territorial Public Self-Government as an Institution of Innovation Development at the Municipal Level. *Uchenyye zapiski Rossiyskoy akademii predprinimatel'stva*. No. 2. P. 36–54.
- Roze N.Sh. (2017) Analiz zarubezhnogo opyta ispol'zovaniya partisipatornykh praktik i mekhanizmov initsiativnogo byudzhetrovaniya [Analysis of foreign experience of using participatory practices and mechanisms for proactive budgeting]. *Sbornik nauchnykh trudov GANU «Instituta strategicheskikh issledovaniy Respubliki Bashkortostan»*. Ufa: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Aeterna». P. 50–61.
- Shugrina E.S., Ivanova K.A. (2018) *O sostoyanii territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii (k 30-letiyu pervykh rossiyskikh TOS)* [About the state of territorial public self-government in the Russian Federation (to the 30th anniversary of the first Russian territorial public self-government)]. Moscow: Prospekt.
- Sivintseva O.V., Titova S.R. (2016) Local Self-Government as Institute of Public Participation: Russian and Chinese Trajectories of Development. *Vlast'*. No. 12. P. 87–92.
- Vagin V.V., Romanov S.V. (2017) Budgeting Initiative in the BRICS Countries. *Finansovyy zhurnal*. No. 4. P. 113–121.

- Wu Y., Wang W. (2011) The Rationalization of Public Budgeting in China: A Reflection on Participatory Budgeting in Wuxi. *Public Finance and Management*. Vol. 11. Issue 3. P. 262–283.
- Wu Y., Wang W. (2012) Does Participatory Budgeting Improve the Legitimacy of the Local Government?: A Comparative Case Study of Two Cities in China. *The Australian Journal of Public Administration*. Vol. 71. Issue 2. P. 122–135. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8500.2012.00771.x>.
- Yan X., Xin G. (2016) Participatory policy making under authoritarianism: the pathways of local budgetary reform in the People's Republic of China. *Policy & Politics*. Vol. 44. Issue 2. P. 215–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1332/147084414X14024918243748>.
- Ye J. (2018) No Money, No Representation: A Case Study of Zeguo Town in China. *Politics & Society*. Vol. 46. Issue 1. P. 81–99. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329218754511>.
- Zakharchuk E.A., Nekrasova A.A., Pasynkov A.F. (2019) Participatory Budgeting: International and Russian Experience. *Finansy: teoriya i praktika*. Vol. 23. No. 1. P. 122–132.
- Zhu X. (2017) Inter-regional diffusion of policy innovation in China: A comparative case study. *Asian Journal of Political Science*. Vol. 25. Issue 3. P. 266–286. DOI: <https://doi.org/10.1080/02185377.2017.1339619>.
- Zhu X., Zhang P. (2016) Intrinsic Motivation and Expert Behavior: Roles of Individual Experts in Wenling Participatory Budgeting Reform in China. *Administration & Society*. Issue 48(7). P. 851–882. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095399713519092>.
- 林慕华 (2014 年) 参与式预算中的群众议事员: 舞台、角色与演绎——基于盐津案例的实证研究. 公共行政评论. 第 5 期. 第页. 66–87. [Lin Mu Hua (2014) Public councilors in participatory budget: stage, role and performance. Empirical Study Based on the case of Yanjin. *Public administration review*. Issue 5. P. 66–87].
- 项皓 (2019年) 全民提案与全民决议:海口美兰区参与式预算的制度创新. 兰州学刊. 05期. 第页.45–56. [Xiang Hao (2019) Proposals and resolutions of the whole people: Institutional Innovation of participatory budget in Meilan District, Haikou. *Lanzhou Journal*. Issue 5. P. 45–56].
- 周杨康 (2018年) 基于南昌市西湖区参与式预算改革案例研究. 管理观察. 22期.第页. 148–150. [Zhou Yang Kang (2018) A case study of participatory budget reform in Xihu District of Nanchang City. *Management Observer*. Issue 22. P. 148–150].

马 骏 (2014 年) 盐津县 “群众参与预算”: 国家治理现代化的基层探索. 公共行政评论. 第 5 期. 第页. 5–34. [Ma Jun (2014) "Mass participation budget" in Yanjin County. *Public administration review*. Issue 5. P. 5–34].

Received: 09.12.2019

Соколов А.О.

Создание Евразийской компании: опыт Европейского союза

Соколов Алексей Олегович — аспирант, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: a.o.sokolov94@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [1655-9919](https://elibrary.ru/1655-9919)

Аннотация

В статье рассматривается опыт создания Европейских компаний (Societas Europaea, SE) как особой организационно-правовой формы юридических лиц, действующих на территории Европейского союза и Европейской экономической зоны, а также возможность имплементации практики создания наднациональных бизнес-структур в условиях Евразийского экономического союза. Описана нормативно-правовая база функционирования SE, законодательно предусмотренные способы и условия создания Европейских компаний. На основании базы данных SE Европейского института профсоюзов проанализирована динамика регистраций, отраслевая и страновая структура зарегистрированных и реально функционирующих SE, а также выявлены особенности деятельности Европейских компаний, ограничения и преимущества организационно-правовой формы SE. Основными ограничениями развития Европейских компаний являются высокий уровень уставного капитала и затрат на получение статуса SE; большое количество компаний, регистрирующихся в качестве SE как «временно не включенные в конкретную сферу»; возможность создания наднациональных структур только в форме публичного акционерного общества, что ограничивает перспективы развития общеевропейского малого и среднего бизнеса. В числе преимуществ можно указать возможность осуществлять хозяйственную деятельность на всей территории ЕС без формирования дополнительных организационных структур, на основе единой системы правил и отчетности и связанное с этим снижение административных издержек; право изменения места нахождения штаб-квартиры в пределах ЕС; снижение внутренней конкуренции; повышение международного имиджа компании; рост качества управления и социальной ответственности бизнеса; повышение рыночной стоимости компании, получивших статус SE. В заключение обоснована возможность учета положительного и отрицательного европейского опыта при разработке организационно-правовой формы Евразийской компании.

Ключевые слова

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Европейский союз (ЕС), Евразийская компания, Societas Europaea (SE), слияние, холдинг, дочерняя SE, корпоративная мобильность.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10037

Введение

В настоящий момент в Евразийской экономической комиссии совместно с правительствами стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) изучается вопрос перспектив гармонизации норм корпоративного права стран-участниц с целью введения организационно-правовой формы Евразийской компании. Предполагается, что Евразийская компания будет представлять собой наднациональную форму организации юридического лица на пространстве ЕАЭС, имеющую право вести бизнес во всех государствах-членах Союза без отдельного прохождения процедур предоставления национального режима в каждой из них. На заседании Совета по

промышленной политике Евразийского экономического союза, состоявшемся 9 июля 2019 г., было принято решение о подготовке к реализации пилотных проектов в формате Евразийской компании. В частности, планируется создание предприятий по производству инновационных накопителей электроэнергии и сельскохозяйственной техники¹. Предполагается, что образование таких компаний будет способствовать промышленной кооперации, максимально эффективному использованию лучших компетенций, повышению трансграничной мобильности и гибкости бизнес-структур как внутри Союза, так и в рамках более широкого евразийского экономического пространства. Однако механизм создания Евразийских компаний и нормативная правовая база пока еще не проработаны. В этой связи представляет интерес изучение опыта функционирования подобного рода компаний в других интеграционных объединениях.

В качестве примера наднационального юридического лица можно рассмотреть Европейскую компанию (Societas Europaea, SE). Это особая форма публичных компаний, регистрируемых в соответствии с корпоративным правом Европейского союза (ЕС) и Постановлением Совета ЕС «Регламент об Уставе Европейской Компании № 2157/2001»².

Европейская компания: создание и нормативно-правовое регулирование

Вопрос необходимости создания наднациональных структур, обладающих правом ведения бизнеса на территории всех стран, входящих в формирующееся Европейское экономическое сообщество, был поднят вскоре после заключения Римского договора (1957 г.), однако воплотить эту идею на практике оказалось достаточно сложно. Первый проект положения о Статуте Европейского публичного общества с ограниченной ответственностью был подготовлен только к 1970 г., но лишь спустя 30 лет удалось выработать и согласовать единые принципы и порядок функционирования европейских компаний. Важно отметить, что были урегулированы далеко не все вопросы. В частности, так и не удалось сформулировать единые подходы к налогообложению, однако детально были урегулированы вопросы участия работников³.

---

¹ В ЕАЭС реализуют пилотные проекты в сфере производства инновационных накопителей электроэнергии и высокоэффективной сельхозтехники // ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-07-2019-1.aspx> (дата обращения: 10.11.2019).

² Statute for a European Company (Societas Europaea, SE) Council Regulation (EC) No. 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European company (SE) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/2157/oj> (дата обращения: 10.11.2019).

³ History of the European Company Statute (ECS) // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/History> (дата обращения 11.10.2019).

Постановлением Совета ЕС № 2157/2001 от 8 октября 2001 года был утвержден «Регламент об Уставе Европейской Компании № 2157/2001»⁴ и Директива № 2001/86/ЕС по вопросам участия работников в управлении SE»⁵. В соответствии с Регламентом, начиная с 8 октября 2004 г. стало возможным образование компаний, обладающих организационно-правовым статусом *Societas Europaea*. Предполагалось, что до 8 октября 2004 г. все государства ЕС успеют включить положения о возможности создания SE в соответствии с утвержденными Уставом и Директивой SE в национальные законодательства, сформировать компетентные органы, уполномоченные решать вопросы, связанные с функционированием SE (например, органы, проверяющие законность учреждения SE, надзорные органы и др.), и уведомить об этом Европейскую комиссию и другие государства-члены ЕС (ст. 68 Регламента).

Европейская компания является аналогом акционерных обществ (публичных компаний) национального права. Она регистрируется в соответствии с национальным законодательством государства, на территории которого находится штаб-квартира компании. Согласно ст. 7 Регламента зарегистрированное местонахождение и центральная администрация компании должны находиться в одном и том же месте. Это требование связано с необходимостью недопущения конкуренции между национальными законодательствами в части наиболее благоприятного правового и налогового режима функционирования SE.

Капитал SE должен быть поделён на акции. Минимальный размер уставного капитала определен в размере 120 тыс. евро, причем в том случае, если законодательство государства, на территории которого зарегистрирована компания, предполагает формирование более высокого уставного капитала для отдельных видов деятельности, это требование должно быть соблюдено (ст. 4 Регламента).

Зарегистрированная SE включается в национальный реестр, после чего сведения о компании публикуются в порядке, предусмотренном Первой Директивой

---

⁴ Statute for a European Company (*Societas Europaea*, SE) Council Regulation (EC) No. 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European company (SE) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/2157/oj> (дата обращения: 10.11.2019).

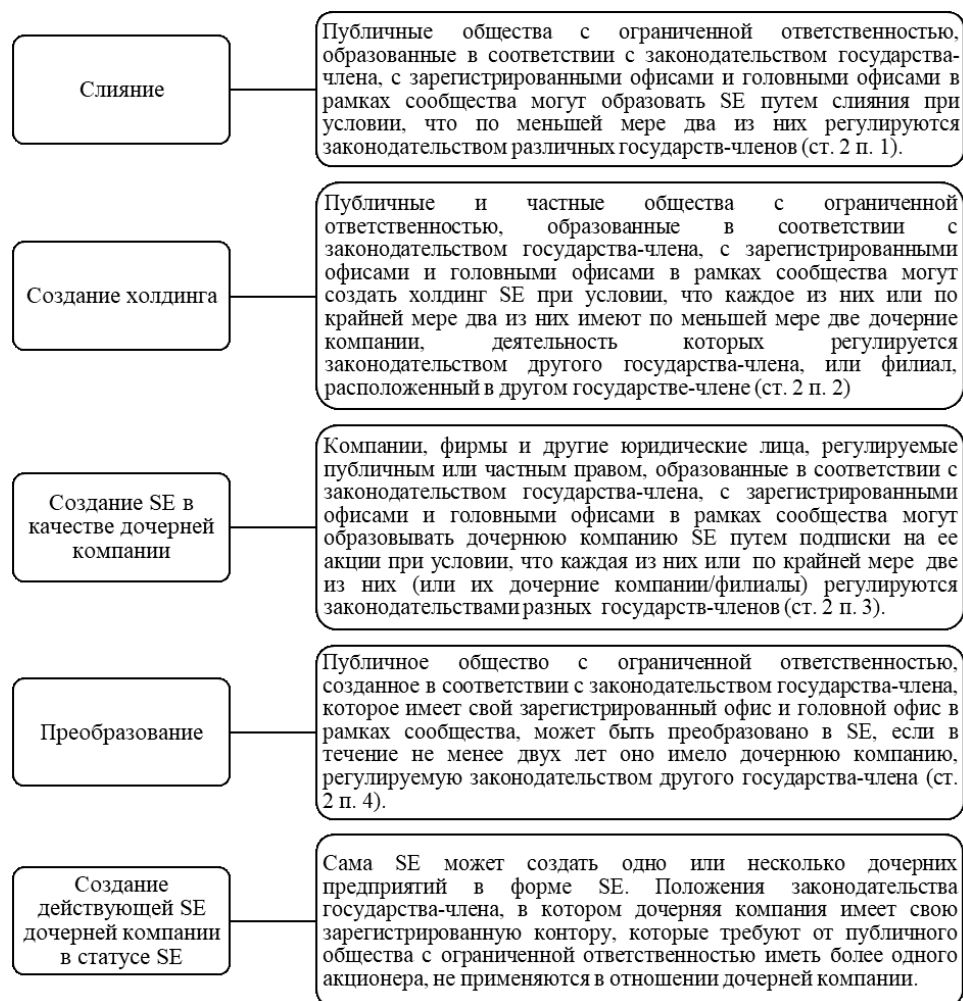
⁵ Worker involvement in the European Company (*Societas Europaea*, SE) Council Directive 2001/86/EC of 8 October 2001 supplementing the Statute for a European company with regard to the involvement of employees // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32001L0086> (дата обращения: 11.02.2020).

Совета № 68/151/ЕЕС от 1968 года⁶. В соответствии со статьей 14 Регламента уведомление о регистрации и об исключении такой SE публикуется в официальном журнале ЕС, однако на сайте Евростата агрегированная информация о SE не раскрывается. Единственным источником данных о создании, преобразовании и ликвидации Европейских компаний является сайт [Европейского института профсоюзов](#), на котором представлена информация обо всех действующих SE, включающая официальное название, дату и место регистрации, основной вид деятельности, форму учреждения, информацию о переносе компании, если таковая имела место, и другие сведения. Помимо этого, представлены база данных ликвидированных SE и информация о компаниях, подавших заявку на регистрацию в качестве SE.

Допустимые способы учреждения SE перечислены в статье 2 Регламента: слияние, создание холдинга, преобразование действующей компании, создание дочерней компании, имеющей статус SE. Предусмотрена также возможность создания SE в качестве дочерней компании другой, уже зарегистрированной Европейской компании (см. Рисунок 1).

---

⁶ Первая Директива 68/151/ЕЭС Совета от 9 марта 1968 г. о координации гарантий, которые требуются в государствах-членах от хозяйственных обществ в значении второго абзаца статьи 58 Договора для защиты интересов их участников и третьих лиц, с целью сделать эти гарантии эквивалентными // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА [Электронный ресурс]. URL: <https://eulaw.edu.ru/pervaya-direktiva-68-151-ees-soveta-ot-9-marta-1968> (дата обращения: 10.11.2019).

Рисунок 1. Способы создания SE⁷

Поскольку предполагается, что статус SE будет приобретаться только теми компаниями, которые ведут бизнес в нескольких государствах Европейского Союза, Регламент предусматривает возможность слияния и создания холдинга SE только для хозяйствующих субъектов, расположенных по крайней мере в двух разных государствах ЕС. Аналогичная норма предусмотрена и для других способов создания SE. Так, юридические лица могут создать дочернюю компанию, имеющую статус SE, только в том случае, если их деятельность регулируется законодательством разных государств-членов ЕС. Приобрести статус SE путем преобразования также может только компания, имеющая дочернюю компанию, регулируемую законодательством другого государства-члена ЕС. Иначе говоря, Европейская компания может быть создана только в случае, если структурные подразделения одной компании или группы

⁷ Составлено автором на основании требований Регламента об Уставе Европейской Компании № 2157/2001: Statute for a European Company (Societas Europaea, SE) Council Regulation (EC) No. 2157/2001 of 8 October 2001 on the Statute for a European company (SE) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/2157/oj> (дата обращения: 10.11.2019).

компаний находятся в разных юрисдикциях, а главной целью формирования SE является потребность в преодолении противоречий между нормами корпоративного права разных государств-членов ЕС⁸.

Единственным исключением является возможность создания действующей Европейской компанией дочернего предприятия, имеющего статус SE, причем такая дочерняя компания вправе иметь всего одного акционера, даже если нормами корпоративного права государства, в котором зарегистрирована штаб-квартира дочерней SE, предусмотрено, что публичные общества с ограниченной ответственностью должны иметь более одного акционера.

В создании Европейской компании могут участвовать только компании из стран-членов ЕС, но допускается и возможность участия государств, входящих в общую Европейскую экономическую зону (ЕЭЗ). Это положение было закреплено решением Совета ЕЭЗ № 93 от 25 июня 2002 г., а также внесением поправок в приложение XXII (корпоративное право) соглашения ЕЭЗ от 3 октября 2002 г. На момент принятия Регламента об Уставе Европейской компании в состав ЕС входило 15 государств, а еврозона была представлена 18 государствами — страны ЕС, а также Исландия, Лихтенштейн и Норвегия. Условием регистрации SE для компаний этих стран является поддержание постоянной и реальной связи с экономикой по крайней мере одного из государств ЕС. Наибольшую активность из всех стран еврозоны проявляет Лихтенштейн. По данным на 01.10.2019, в этой стране зарегистрировано 13 SE. Четыре Европейских компании действуют в Норвегии.

Функционирование Европейских компаний

Уже в 2004 г., то есть в течение первых трех месяцев после введения в действие Регламента 2157/2001 и Директивы 2001/86/ЕС, было открыто 8 Европейских компаний, а к концу 2012 г. — 568 SE. После этого динамика появления новых компаний снижается (см. Рисунок 2).

---

⁸ Уржумов И. Наднациональные юридические лица как новые организационно-правовые формы ведения бизнеса в ЕС // DIA LAW International [Электронный ресурс]. URL: http://www.advokatyra.ru/articles/supranational_entities (дата обращения 10.11.2019).

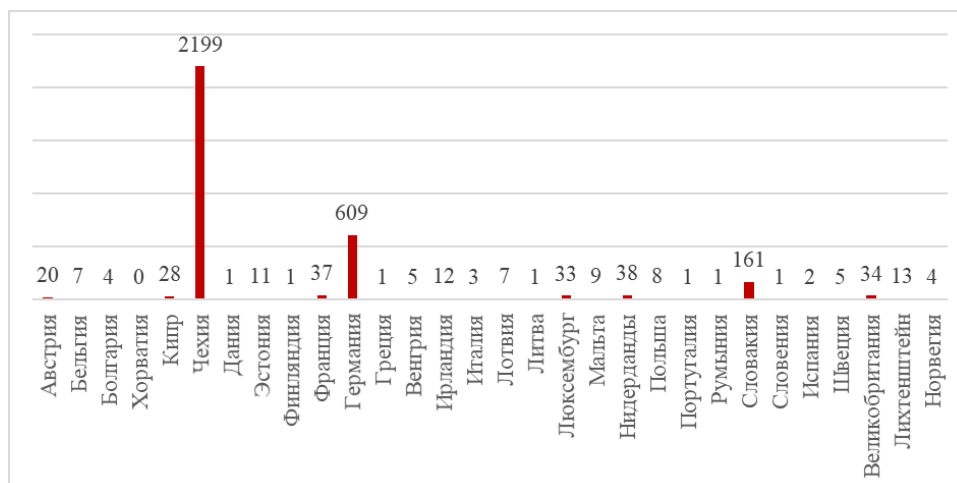

Рисунок 2. Динамика регистрации Европейских компаний⁹

Всего за период с 08.10.2004 по 01.10.2019 было зарегистрировано 3560 компаний. За этот же период были лишены регистрации 240 компаний, 63 компании изменили организационно-правовую форму или были трансформированы. Таким образом, можно констатировать достаточно высокую устойчивость SE.

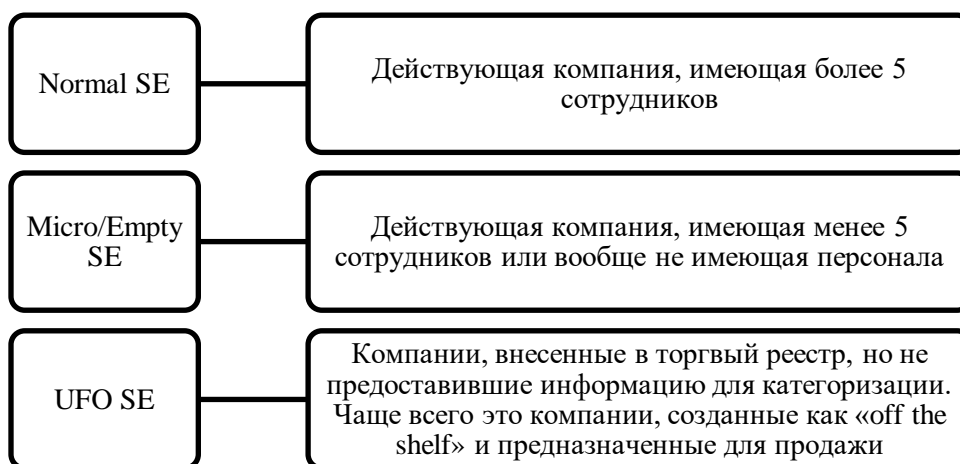
По данным на 01.10.2019, в Европейском Союзе и государствах ЕЭЗ зарегистрированы 3257 SE, заявлены к регистрации и будут открыты в 2019 г. еще 27 компаний. Наибольшее количество компаний зарегистрировано в Чехии — 2199. Второе место по числу SE занимает Германия — 609 компаний. По крайней мере одна SE есть во всех государствах ЕС, за исключением Хорватии (см. Рисунок 3).

⁹ Составлено автором на основании EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

Рисунок 3. Количество зарегистрированных SE в государствах ЕС и ЕЭЗ на 01.10.2019 г.¹⁰

Большое количество компаний, зарегистрированных в ряде стран Восточной Европы, прежде всего в Чехии, не является признаком сверх высокой деловой активности. Дело в том, что все SE разделяются на три основные категории: Normal SE; Micro/Empty SE; UFO (см. Рисунок 4).

Рисунок 4. Основные категории зарегистрированных SE¹¹

¹⁰ Составлено автором на основании SE: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

Большинство SE, зарегистрированных в Чехии и Словакии, а также некоторых других государствах ЕС, относятся именно к категории «off the shelf». Так, например, по данным, которые приводит Г. Мартынив, в 2011 г. в Чехии было зарегистрировано 384 SE, из них реально осуществляли предпринимательскую деятельность только 28 компаний (7,3%), в Словакии было зарегистрировано к этому же времени 30 SE, из них реально действовало только 2 (6,7%) [Мартынив 2012].

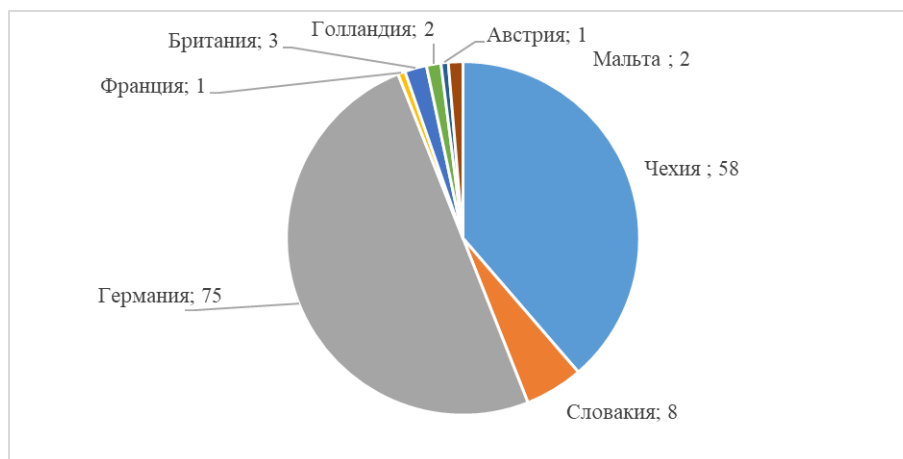
Анализ актуальной на 01.10.2019 базы данных показывает, что из 2199 чешских SE фактически действующими являются 73 (3,3%), а из 161 словацкой — 9 (5,6%). Поэтому при оценке деятельности SE и их влияния на европейский бизнес следует учитывать, что общее число компаний, «временно не включенных в конкретную сферу», составляет в общей сложности около 85% от общего числа зарегистрированных.

Отметим также, что рынок предлагаемых на продажу SE постепенно перенасыщается. Если в период с 2008 по 2018 гг. подавляющее большинство регистрируемых SE приходилось на Чехию, то за первые 9 месяцев 2019 г. доля Чехии составила уже только 40%, а 51,7% регистраций осуществлено в Германии (см. Рисунок 5). Подтверждает этот вывод и страновая структура заявок на регистрацию SE (см. Рисунок 6).

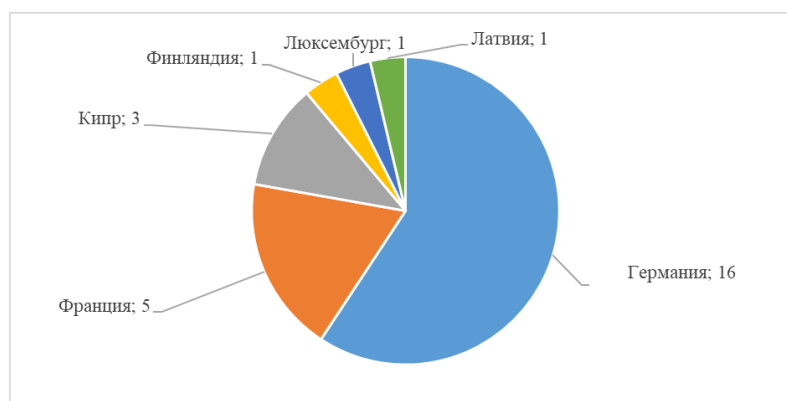
---

¹¹ Составлено автором на основании Societas Europea: Latest developments update // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/About-WP/What-s-new/Societas-Europaea-latest-developments-update-by-Anders-Carlson-Workers-Participation-Europe-Network> (дата обращения 18.01.2020). Shelf-компании — это компании, создаваемые как «off the shelf», что означает «временно не включенные в конкретную сферу». Такие виды компаний чаще всего предлагаются специализированными агентствами на продажу [The European Company Statute 2009]. Среди причин популярности услуги по продаже «шельфовых» компаний можно назвать возможности для покупателя сэкономить время на регистрацию новой компании, обойти ограничения на участие в торгах по контрактам и при получении кредитов в тех случаях, когда в число условий включено время присутствия компании на рынке.

Рисунок 5. Страновая структура SE, зарегистрированных за первые 9 месяцев 2019 г.¹²

Рисунок 6. Страновая структура компаний, подавших заявку на регистрацию в статусе SE на 01.10.2019 г.¹³

Абсолютным лидером по числу реально действующих SE является Германия [Köstler, Pütz 2013]. На ее долю приходится 260 из 487 компаний, причем число таких фирм продолжает расти. Из 27 SE, которые планируются к открытию в ближайшие месяцы (2019–начало 2020 гг.), 16 будут иметь штаб-квартиру в Германии.

В Чехии реально осуществляют предпринимательскую деятельность 73 компании. На третье место по числу SE в 2020 г. выйдет Франция: к 26 действующим компаниям к началу следующего года добавятся 5 новых (см. Рисунок 7).

¹² Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

¹³ Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

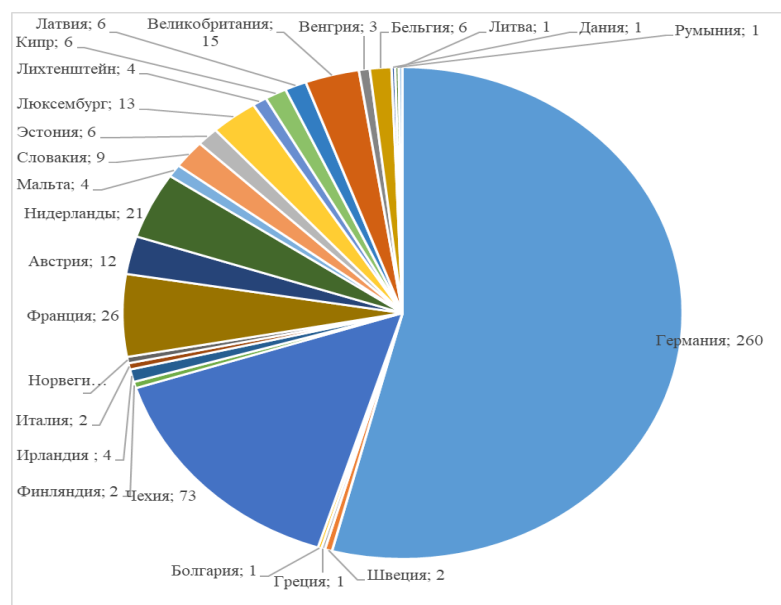

Рисунок 7. Страновая структура реально действующих SE на 01.10.2019 г.¹⁴

Реже всего Европейские компании регистрируются в государствах Южной Европы. Так, в Италии зарегистрировано всего 3 SE, в Испании — 2 SE, в Португалии и Греции по 1 SE, из них реально осуществляют предпринимательскую деятельность только две итальянские и одна греческая компания.

Представляет интерес активность Великобритании по созданию SE. Всего с 2004 по 2019 г. в этой стране были зарегистрированы штаб-квартиры 34 SE (реально действующих — 15), при этом с 2004 по июнь 2016, то есть за двенадцать с половиной лет действия Регламента SE, было зарегистрировано 19 компаний, а после референдума о выходе Британии из ЕС, то есть за три года, — уже 15 компаний. Можно предположить, что представители британского бизнеса планируют воспользоваться возможностью переноса компании в другие государства ЕС без перерегистрации, сохранив таким образом доступ на общеевропейский рынок.

Отраслевая структура действующих Европейских компаний достаточно разнообразна. В соответствии с List of NACE codes, SE представлены практически во всех видах деятельности, однако больше всего европейских компаний специализируется на оказании финансовых услуг (код 64), страховании (код 65), производстве машин и оборудования (код 28). Растет доля компаний, специализирующихся в области программирования, консультирования и сопутствующей деятельности в IT-сфере (код 62). В 2019 г. статус SE имеют 27 таких

¹⁴ Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

компаний, или 5% от общего числа реально действующих Европейских компаний (см. Рисунок 8).

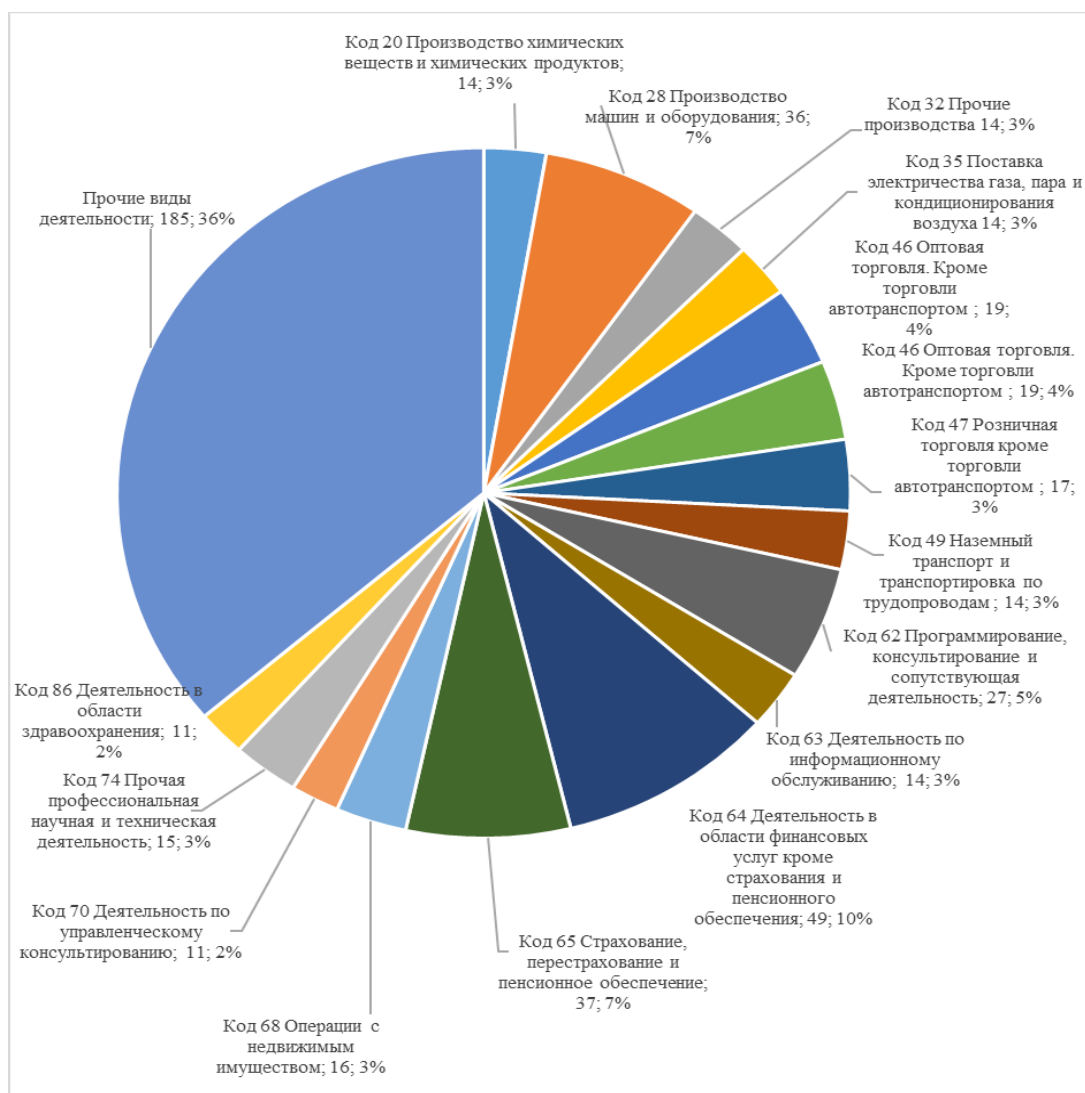

Рисунок 8. Структура всех зарегистрированных SE по видам деятельности¹⁵

Если мы проанализируем весь объем зарегистрированных SE, то увидим, что чаще всего такая компания создается как дочерняя (78,7% от общего числа регистраций) (см. Рисунок 9), но при рассмотрении реально действующих предпринимательских структур картина меняется (см. Рисунок 10).

¹⁵ Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

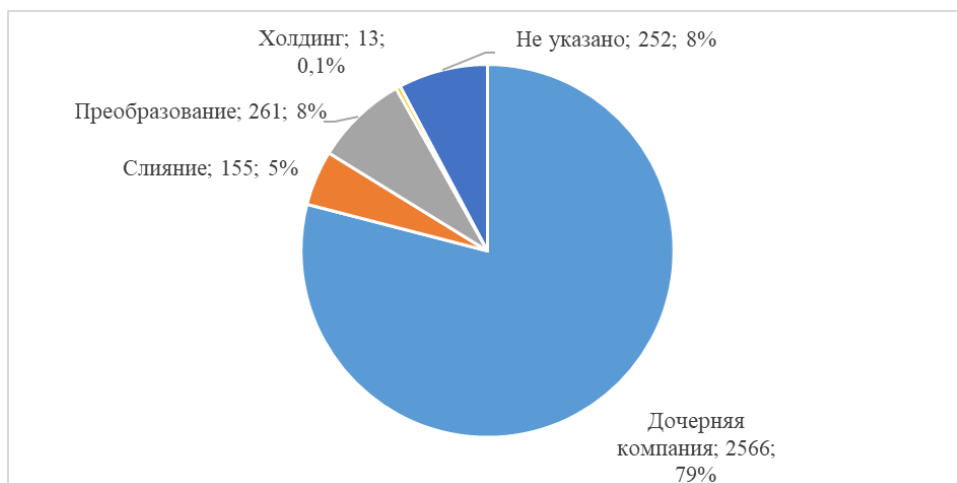

Рисунок 9. Структура всех зарегистрированных SE по способу образования¹⁶

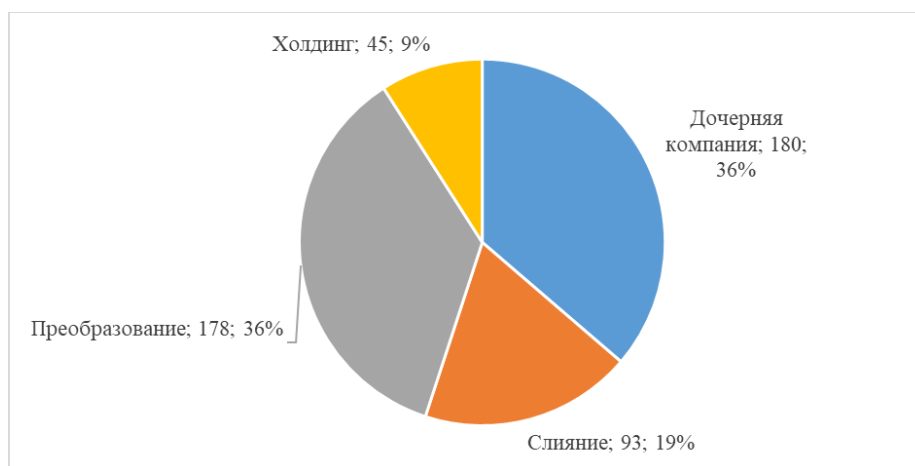

Рисунок 10. Структура реально действующих SE по способу образования¹⁷

Наиболее популярными способами образования являются в равной степени создание дочерних компаний и преобразование действующих фирм — по 36% SE. В 19 % случаев SE образуется путем слияния, а в 9 % — в результате формирования холдинга. Однако именно в результате слияния и построения холдингов были созданы наиболее крупные и известные Европейские компании, такие как Airbus, Allianz, BASF, Fresenius, SAP.

По данным на 2019 г., девять из 50 крупнейших компаний еврозоны, входящих в ведущий индекс Еврозоны «Евро Stoxx 50», действуют в статусе Европейских компаний, в том числе 5 компаний, имеющих штаб-квартиру в Германии (Allianz SE,

¹⁶ Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁷ Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

BASF SE, E. ON SE, Fresenius SE, & Co. KGaA), три — во Франции (LVMH Moët Hennessy-Louis Vuitton SE, Schneider Electric SE, Unibail-Rodamco-Westfield SE) и одна — в Голландии (Airbus SE).

Как правило, при анализе деятельности такой организационно-правовой формы, как Европейская компания, аналитики обращаются именно к опыту наиболее крупных корпораций. Действительно, сама идея создания общеевропейских бизнес-структур была во многом обусловлена желанием европейцев создавать крупные транснациональные компании (ТНК), способные выдержать конкуренцию с американскими и японскими ТНК [Cremers et al. 2013]. Попытка выработать универсальные правила функционирования наднациональных бизнес-структур в Европейском союзе не привела к успеху, поэтому было принято решение разрабатывать правовой статус для разных типов компаний: европейских публичных обществ с ограниченной ответственностью (SE), европейских кооперативов (SCE), европейских частных компаний (SPE).

Порядок учреждения и функционирования Европейских компаний был установлен в 2001 г., европейских кооперативов — в 2003 г.¹⁸ Работа над документами, регламентирующими деятельность частных компаний, продолжается до сих пор¹⁹. Однако следует обратить внимание на те возможности, которые открывает статус Европейской компании именно для предприятий среднего и малого бизнеса:

- возможность для компаний, учрежденных и зарегистрированных в разных странах-членах ЕС, сливаться и действовать на всей территории ЕС на основании единой системы правил и единой системы отчетности, что избавляет от необходимости достаточно трудоемкого и затратного создания сети дочерних компаний в разных странах;
- возможность экономии административных и правовых затрат. По данным Competitiveness Advisory Group of Industrialists, действующие SE позволяют экономить в целом по еврозоне до 30 млрд евро в год²⁰;

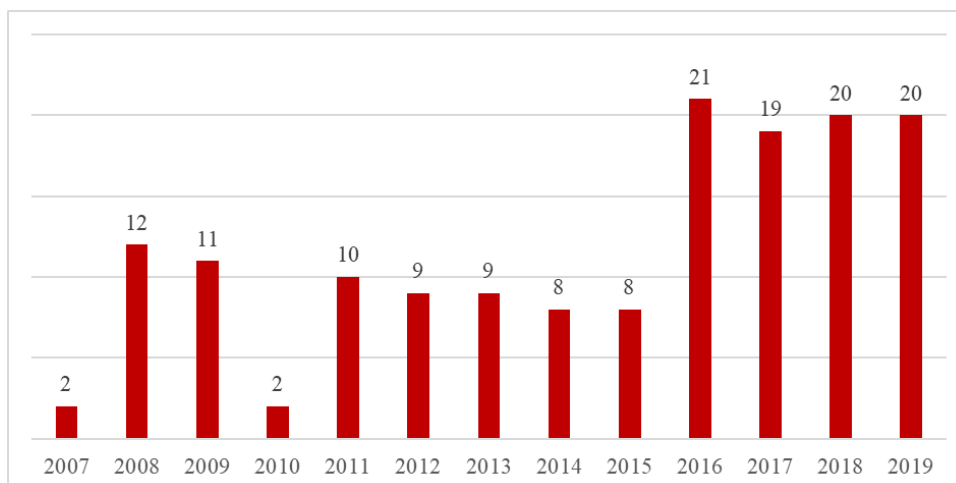
¹⁸ Council Regulation (EC) No. 1435/2003 of 22 July 2003 on the Statute for a European Cooperative Society (SCE) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2003/1435/oj> (дата обращения 10.11.2019).

¹⁹ History of the European Private Company (SPE) Statute // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/European-Private-Company-SPE/History> (дата обращения 10.11.2019).

²⁰ Европейская компания // DKLex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dklex.ee/publikatsii/evropejskaya-kompaniya.html> (дата обращения: 10.11.2019).

- простота доступа на рынок любой страны, входящей в интеграционное объединение;
- возможность изменять своё место нахождения, то есть переносить юридический адрес (и, соответственно, центральное управление) из одного государства в другое. Единственным условием «переноса» является предварительная публикация о планируемом переезде (не позже, чем за два месяца).

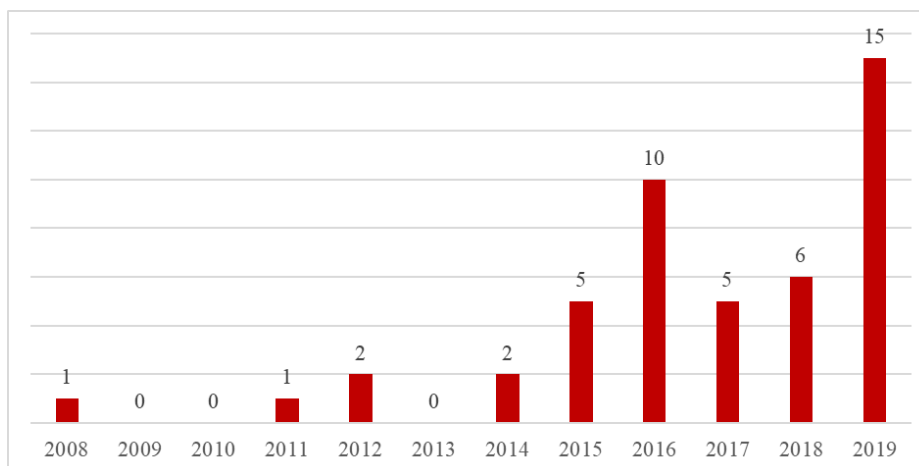
За период с 2004 по 2019 гг. возможностью изменения места нахождения воспользовались 152 компании, причем в последние годы SE стали переносить свои штаб-квартиры чаще (см. Рисунок 11).

Рисунок 11. Число случаев переноса Европейской компанией своей штаб-квартиры²¹

В определенной степени показатели естественной трансграничной активности по перемещению SE в рамках Европейского союза искажает Великобритания, на долю которой пришлось свыше 30% таких трансферов, причем всплески активности по перемещению штаб-квартир SE из Британии в другие государства ЕС приходятся на 2016 год (референдум о выходе из состава ЕС) и 2019 год (планируемая дата выхода) (см. Рисунок 12).

²¹ Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

Рисунок 12. Число случаев переноса Европейской компанией штаб-квартиры из Великобритании в другие государства ЕС²²

Однако для более чем 100 европейских фирм, зарегистрированных в других странах ЕС, такой перенос оказался экономически выгоден и позволил стимулировать дальнейшее развитие бизнеса.

Подобная мобильность для крупных компаний ограничена определенными рамками, так как национальные власти вправе выступить против такого переноса на том основании, что это противоречит государственным интересам (ст. 8), но для относительно небольших компаний возможность изменения месторасположения в ряде случаев может быть достаточно удобна и, как показывает анализ европейской практики, востребована.

Создание наднациональной компании позволяет упростить корпоративную структуру, так как нет необходимости создавать дополнительные юридические лица, что, в свою очередь, ведет к снижению корпоративных издержек [Усов и др. 2016]. Интегрированное регулирование в некоторых отраслях, например в банковской и страховой сферах, способствует существенному повышению качества управления [Kirshner 2014].

В числе других преимуществ можно отметить возможность упрощения процедуры трансграничных слияний и поглощений, так как они осуществляются при опоре на единое законодательство и не требуют согласования норм корпоративного права разных государств. Многие компании, имевшие большое количество дочерних предприятий, использовали возможность создания SE для их легального поглощения и оптимизации своих структур [Ibid].

²² Составлено автором на основании: EUROPEAN COMPANY (SE) DATABASE — THE ONLINE SE INVENTORY // ETUI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worker-participation.eu/European-Company-SE/SE-Database-ECDB> (дата обращения: 01.10.2019).

В условиях Европейского союза при выработке норм, регламентирующих порядок функционирования Европейских компаний, основной акцент был сделан на недопущении для SE больших привилегий, чем для других компаний, действующих на территории того или иного европейского государства [Cremers, Vitols 2016], однако определенное пространство для маневра европейские компании все же получили, например возможность выбора страны инкорпорации, законодательство которой позволяет минимизировать издержки.

В целом такой организационно-правовой институт, как Европейская компания, нельзя оценить однозначно, однако необходимо признать, что в условиях европейской модели интеграции он закрепился и значительная часть компаний, имеющих статус SE, действует достаточно эффективно.

Перспективы создания Евразийской компании

Представляется, что формат Евразийской компании может оказаться не менее перспективным, при этом необходимо учесть как позитивный, так и негативный опыт Европейского союза, а также особенности евразийского интеграционного объединения.

Так, по нашему мнению, для ЕС, включающего 28 государств-членов, потребность поиска организационного решения, позволяющего компаниям работать в нескольких государствах, каждое из которых обладает своими особенностями регулирования корпоративной деятельности, чрезвычайно высока. Но этот аргумент не так актуален для обширного, но менее разделенного пространства ЕАЭС, включающего всего 5 государств-членов.

Вместе с тем анализ функционирования крупных европейских компаний показывает, что такая организационно-правовая форма оказывается эффективным инструментом устранения внутренней конкуренции. Крупные европейские ТНК, получившие статус SE, имеют возможность развиваться без отвлечения на внутренние проблемы, более успешно конкурируя с аналогичными компаниями, действующими на внешнем для Европы рынке. Для многих компаний в государствах, входящих в ЕАЭС, перспективы снижения внутренней конкуренции могут оказаться достаточно весомым доводом в пользу подобной формы организации бизнеса.

В ряде исследований отмечается повышение качества управления [Рейнгольд, Долотов 2017] и социальной ответственности при ведении бизнеса в статусе SE [Vitols 2013], что также исключительно важно для бизнес-структур Евразийского экономического пространства.

Чрезвычайно привлекательным фактором для европейских бизнес-структур при получении статуса SE является усиление международного имиджа компании. В ряде исследований было доказано, что создание компании в форме SE способствует не только росту репутации, но и ведет к повышению рыночной стоимости бизнеса [Hornuf et al. 2019]. Можно с уверенностью предположить, что при создании института Евразийской компании будет достигнут аналогичный эффект.

Не менее важно при разработке модели Евразийской компании учитывать и перспективы развития малого и среднего бизнеса. Так, например, быстрый рост числа компаний ИТ-сектора, стремящихся к получению статуса SE, свидетельствует об эффективности именно такой формы организации бизнеса в отрасли. Но далеко не всегда компании, специализирующиеся в области разработки программного обеспечения, информационного обслуживания, обработки данных и др., требуют создания публичного акционерного общества и высокого уровня уставного капитала. В этой связи представляется целесообразным при определении основ функционирования института Евразийской компании предусмотреть возможность формирования разных уровней минимального уставного капитала.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в условиях углубления региональной интеграции формирование наднациональных бизнес-структур, обладающих правом свободного осуществления хозяйственной деятельности на территории всех стран, входящих в интеграционное объединение, является одним из важных инструментов «скрепления», определяющих новое качество общего интеграционного механизма. Этот процесс требует выработки определенных правил, процедур, детализации способов функционирования. Как показывает опыт Европейского союза, достижение консенсуса в этой сфере представляет определенные сложности. Более того, создание института наднациональных компаний предполагает учет специфических черт тех государств, которые входят в региональное объединение, их потребностей и возможностей. В то же время формирование таких «общих» для формирующегося союза компаний способствует экономическому развитию и повышает заинтересованность в интегрировании на микроуровне. В этой связи представляется, что формирование института Евразийской компании может стать важным фактором углубления евразийской интеграции.

Список литературы:

Мартынов Г. Европейская компания: создание и краткая характеристика // Вестник РГГУ. Серия: Экономика, Управление, Право. 2012. № 3(83). С. 184–192.

Рейнгольд В., Дологов В. Европейская компания: новые возможности наднационального юридического лица // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 105–113.

Усов А., Воронкова А., Берман А. Бизнес-глобализация по-европейски // Нефть России. 2016. № 5-6. С. 34–35.

Cremers J., Vitols S. Conclusion. An Analysis of Workers' Rights under EU Directive on Takeover Bids // Takeovers with or without Worker Voice: Workers' Rights under the EU Takeover Bids Directive. Jan Cremers, Sigurt Vitols (eds.). Brussels: European Trade Union Institute, 2016. P. 243–248.

Hornuf L., Mohamed A., Schweinbacher A. The Economic Impact of Forming a European Company // Journal of Common Market Studies. 2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2837009 (дата обращения 10.11.2019).

Kirshner J.A. «An Ever Closer Union» in Corporate Identity? A Transatlantic Perspective on Regional Dynamics and the Societas Europaea // St. John's Law Review. 2010. Vol. 84. No. 4.

URL: https://scholarship.law.stjohns.edu/lawreview/vol84/iss4/2/?utm_source=scholarship.law.stjohns.edu%2F%2Fvol84%2Fiss4%2F2&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 10.11.2019).

Köstler R., Pütz L. Neueste Fakten zur SE und zur grenzüberschreitenden Verschmelzung — Mitbestimmte Unternehmen sind zufrieden // Die Aktiengesellschaft. 2013. No. 12. P. 180–181.

The European Company Statute: A New Approach to Corporate Governance / M. Gold, A. Nikolopoulos, Dr. N. Kluge (eds.). Bern: Peter Lang, 2009.

Vitols S. European Corporate Governance. Is There an Alternative to Neo-liberalism? // Resilient Liberalism in Europe's Political Economy. Vivien Schmidt/Mark Thatcher (eds.). New York, NY: Cambridge University Press, 2013. P. 257–285.

Дата поступления: 27.11.2019

Sokolov A.O.

Creating Eurasian Company: Societas Europaea Experience

Alexey O. Sokolov — postgraduate student, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: a.o.sokolov94@gmail.com

Abstract

The article analyzes the experience of creating “European companies” (Societas Europaea (SE)) as a special legal form of entities that operates in the European Union and the European Economic Area, as well as the possibility of implementing the practice of creating supranational business structures in the conditions of the Eurasian Economic Union. It describes the regulatory frameworks of SE functioning, the legally prescribed methods and conditions of European companies creation. Based on the SE database of the European Institute of Trade Unions, the dynamics of registrations, the sectoral and country structure of registered and actually functioning SEs are analyzed. The features of European companies activities, the limitations and advantages of the legal form of SE are described. The main restrictions on the development of European companies are the high level of authorized capital and the costs of obtaining SE status; a large number of companies registering as SE “temporarily not included in a specific area”, the possibility of creating supranational structures only in the form of a public joint-stock company, which limits the prospects for the development of Pan-European small and medium-sized businesses. Among the advantages are the ability to carry out business activities throughout the EU without the forming additional organizational structures, on the basis of a unified system of rules and reporting and the related reduction of administrative costs; the right to change location of headquarters within the EU; decreasing of internal competition; rising of a company's brand value; improvement quality of management and social responsibility of a business; rising company's market price that has received SE status. In conclusion the possibility of using positive and negative European experience in the development of new legal form “Eurasian company” is shown.

Keywords

Eurasian Economic Union (EAEU), European Union (EU), Eurasian company, Societas Europaea (SE), merger, holding, subsidiary SE, corporate mobility.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10037

References:

- Martinyv G. (2012) European Company: Formation and Brief Description. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika, Upravleniye, Pravo*. No. 3(83). P. 184–192.
- Reyngold V., Dolotov V. (2017) Evropeyskaya kompaniya: novyye vozmozhnosti nadnatsionalnogo yuridicheskogo litsa [European company: new supranational legal entities]. *Yuridicheskaya nauka*. No. 3. P. 105–113.
- Usov A., Voronkova A., Berman A. (2016) Bisness-globalizatsiya po-evropeysky [Business globalization in a European way]. *Neft' Rossii*. 2016. No. 5-6. P. 34–35.
- Cremers J., Vitols S. (2016) Conclusion. An Analysis of Workers' Rights under EU Directive on Takeover Bids. In: Jan Cremers/Sigurt Vitols (eds.). *Takeovers with or without Worker Voice. Workers' Rights under the EU Takeover Bids Directive*. Brussels: European Trade Union Institute. P. 243–248.

Hornuf L., Mohamed A., Schweinbacher A. (2019) The Economic Impact of Forming a European Company. *Journal of Common Market Studies*. Available: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2837009 (accessed: 10.11.2019).

Kirshner J.A. (2010) «An Ever Closer Union» in Corporate Identity? A Transatlantic Perspective on Regional Dynamics and the Societas Europaea. *St. John's Law Review*. Vol. 84. No. 4.

URL: https://www.researchgate.net/publication/241825369_An_Ever_Closer_Union_in_Corporate_Identity_A_Transatlantic_Perspective_on_Regional_Dynamics_and_the_Societas_Europaea (accessed: 10.11.2019).

Köstler R., Pütz L. (2013) Neueste Fakten zur SE und zur grenzüberschreitenden Verschmelzung — Mitbestimmte Unternehmen sind zufrieden. *Die Aktiengesellschaft*. No. 12. P. 180–181.

Gold M., Nikolopoulos A., Dr. Kluge N. (eds.) (2009) *The European Company Statute: A New Approach to Corporate Governance*. Bern: Peter Lang.

Vitols S. (2013) European Corporate Governance. Is There an Alternative to Neo-liberalism? In: Vivien Schmidt/Mark Thatcher (eds.). *Resilient Liberalism in Europe's Political Economy*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 257–285.

Received: 27.11.2019

Социология управления

Силуянова Ю.А.

Религиозные и культурные предпосылки формирования каналов торговли людьми из Нигерии в Россию и страны ЕС¹

Силуянова Юлия Александровна — аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: zernovaju@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3391-9684](https://elibrary.ru/3391-9684)

Аннотация

Международное сообщество достигло согласия в отношении определения понятия «торговля людьми», но мы все еще не имеем полного представления о том, какова природа и истоки этой проблемы. Исследователи рассматривают множество экономических и социальных факторов в качестве предикторов траффинга. Сегодня принято считать, что бедность и безработица представляют собой выталкивающие факторы, формирующие исходящие потоки торговли людьми, а возможность трудоустройства и получения стабильного дохода — важный фактор притяжения, определяющий ситуацию с входящим траффингом в конкретной стране. Рассматривая примеры, мы сталкиваемся с тем, что социально-экономическая модель не в состоянии объяснить, почему среди схожих стран ситуация с траффингом сильно отличается. При прочих равных условиях в одном случае объемы траффинга могут быть катастрофическими, а в другом торговля людьми будет иметь незначительный масштаб. Объяснение этого феномена лежит за пределами эконометрических моделей и кроется в культурных особенностях сообществ. Показательным примером, подтверждающим эту гипотезу о важности культурных предпосылок, является Нигерия. Сегодня эта страна лидирует по уровню траффинга среди прочих Африканских государств. Рост потока «живого товара» из Нигерии мы можем наблюдать как в ЕС, так и в России. В основном жертвами являются женщины и девочки, подвергающиеся сексуальной эксплуатации. Исследуя особенности нигерийского траффинга, в данной статье мы приходим к выводу, что огромную значимость в становлении традиции торговли людьми в Нигерии играют культурные факторы, важнейшим из которых является использование африканских религиозных практик для легитимации эксплуатации, контроля над жертвами и обеспечения устойчивости преступных сетей.

Ключевые слова

Торговля людьми, траффинг, религия, миграция, эксплуатация, современное рабство, религия, вуду, джуджу, Африка, Нигерия, скрытая миграция, международная преступность, теневая экономика, криминальная экономика, права человека, неравенство.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10038

Введение

В последние десятилетия проблема траффинга все чаще оказывается в фокусе внимания международного сообщества и национальных правительств. Одной из важнейших вех в институционализации проблемы торговли людьми стало принятие в 2000 году Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протокола о предупреждении и пресечении торговли

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90020.

людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее². К 2012 году 134 страны, в том числе Россия, ратифицировали протокол и модифицировали национальные уголовные законодательства, внося в них нормы, криминализирующие траффинг³. Так, в Уголовном кодексе РФ появились статья 127.1 «Торговля людьми»⁴ и статья 127.2 «Использование рабского труда»⁵.

Оценить масштабы торговли людьми в мире и в отдельных странах — непростая задача, учитывая высокую латентность данного вида преступности. По мнению некоторых исследователей, эксплуатация женщин и девочек в современном мире усиливается и этому способствует гендерная дискриминация и терпимость к насилию в отношении женщин [Jeffreys 2009].

Сегодня мы имеем представление о масштабах этого преступного бизнеса, основанное на данных международных организаций и национальных правоохранительных органов.

В глобальном масштабе число жертв торговли людьми увеличивается с каждым годом. В 2016 году, согласно статистике Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), было выявлено почти 25 тысяч жертв, это почти вдвое больше, чем аналогичные показатели 2007 и 2008 годов (см. Рисунок 1).

---

² Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 10.01.2020).

³ UNODC 2012. Global Report on Trafficking in Persons. P. 88 // UNODC [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/Trafficking_in_Persons_2012_web.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

⁴ УК РФ Статья 127.1. Торговля людьми // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4a5e2bbfdd061dde65a55bb65d36d4b4a7fe8e7/ (дата обращения: 10.01.2020).

⁵ УК РФ Статья 127.2. Использование рабского труда // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d9997ad420efb5277afbab009c87f15895214cf/ (дата обращения: 10.01.2020).

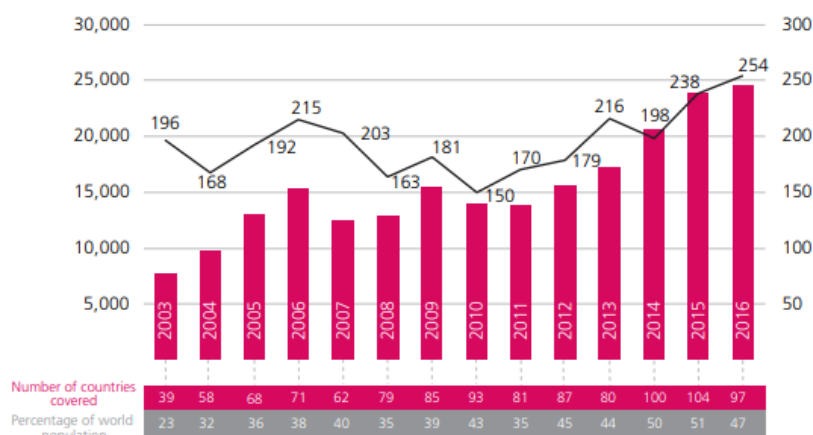

Рисунок 1. Общее количество обнаруженных жертв в период с 2003 по 2016 год⁶

Попытку оценить прибыльность криминального бизнеса от торговли «живым товаром» предприняли эксперты Международной организации по миграции (МОМ). Они пришли к выводу, что суммарная годовая прибыль траффикеров составляет 150 млрд долларов. При этом 99 млрд — прибыль от сексуальной эксплуатации, 51 млрд — от трудовой. В отчете МОМ также рассчитывается годовая прибыль от каждой жертвы эксплуатации: 21800 долларов в среднем приносит жертва принудительной проституции, и 4800 долларов составляет доход с одного человека в таких отраслях, как строительство, производство, добыча минерального сырья⁷.

В данной работе Нигерия рассматривается как страна-донор, исследуется феномен нигерийского траффкинга и определяется его специфика. Для этого необходимо проследить динамику развития торговли людьми в Нигерии за последние годы, углубиться в культурные аспекты, способствующие траффкингу и затрудняющие борьбу с ним. В соответствии с ранее обозначенной методологией исследования [Силуянова 2019], мы проанализируем материалы международного научного сообщества, изучим данные из практики российских правоохранительных органов, материалы уголовных дел, а также включим в исследование глубинные интервью с жертвами траффкинга и представителями правоохранительных органов.

⁶ UNODC 2018 Global Report on Trafficking in Persons // UNODC [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2018/GLOTiP_2018_BOOK_web_small.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

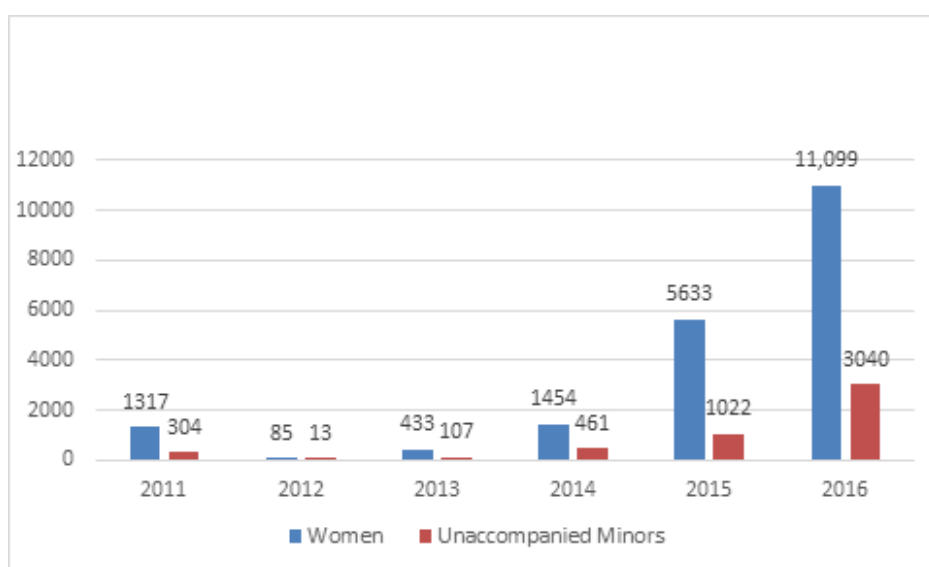
⁷ ILO 2014. Profits and poverty: The economics of forced labour // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/ilo-bookstore/order-online/books/WCMS_243391/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.12.2019).

Нигерийский траффинг в Европе

Особое место в системе современного международного траффинга принадлежит Нигерии. Эта богатая природными ресурсами страна, занимающая лидирующую позицию по добыче нефти среди африканских государств [Kaufmann, Banerjee 2014], по оценкам исследователей, также входит в список беднейших стран [Odeh, Christie 2014]. В 2017 году при населении более 190 млн человек⁸ Нигерия имела показатель ВВП на душу населения 1969 долларов и занимала 143 место в рейтинге ООН⁹.

В последние десятилетия поток траффинга из Нигерии стремительно нарастает, причем основной мишенью преступных группировок становятся женщины и девочки, которых вывозят из страны для сексуальной эксплуатации.

По оценкам МОМ, только в период с 2011 по 2016 год число потенциальных жертв траффинга из Нигерии, прибывающих в Европу по морю, увеличилось почти на 600 %¹⁰ (см. Рисунок 2).

Рисунок 2. Количество нигерийских женщин и девочек, прибывающих в Италию ежегодно в период с 2011 по 2016 год

⁸ Population total // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 20.12.2019).

⁹ Country Profile // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/CountryProfile> (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁰ UN Migration Agency Issues Report on Arrivals of Sexually Exploited Migrants, Chiefly from Nigeria // IOM [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iom.int/news/un-migration-agency-issues-report-arrivals-sexually-exploited-migrants-chiefly-nigeria> (дата обращения: 20.12.2019).

Начало становления нигерийского траффинга в его современном виде ученые датируют второй половиной 90-х годов XX века, когда тысячи нигерийцев стали просителями убежища в Европе [Kara 2011].

Исследования показывают, что за последнее десятилетие нигерийские жертвы были переправлены в 33 страны, а в данный момент наиболее популярными среди траффикеров стали такие страны, как Италия, Франция, Германия, Испания [Leman, Janssens 2013].

В 2016 году МОМ оказала помощь 768 жертвам торговли людьми в Европейском Союзе. Большинство из них имели нигерийское гражданство (59%), за ними следовали Болгария (11%), Румыния (8%), Венгрия (3%) и Таиланд (2%)¹¹.

В 2017 году нигерийское Национальное агентство по противодействию торговле людьми (NAPTIP) сообщило о 654 расследованиях, 24 судебных процессах и 23 обвинительных приговорах за преступления, связанные с траффингом, по сравнению с 507 расследованиями, 32 судебными процессами и 24 обвинительными приговорами за 2016 год¹². Опираясь на эту статистику, мы можем заключить, что власти страны на сегодняшний день не в состоянии взять под контроль проблему траффинга, несмотря на наличие специального законодательства и специализированных государственных структур, уполномоченных расследовать подобного рода преступления. И хотя предпринимаются попытки пресекать и расследовать случаи траффинга, обвинительных приговоров выносится мало, и траффикеры остаются на свободе.

Одна ячейка траффикеров, организующая доставку завербованных женщин в другие страны, может включать одного или нескольких человек. Для упрощения организации существует распределение функций между участниками схемы. Так, заказчик в стране назначения отправляет запрос и предлагает вознаграждение за привоз новой жертвы. Вербовщик в стране отправления ищет потенциально подходящих женщин и предлагает им переезд. В схеме часто задействованы также посредники, которые занимаются оформлением документов и виз.

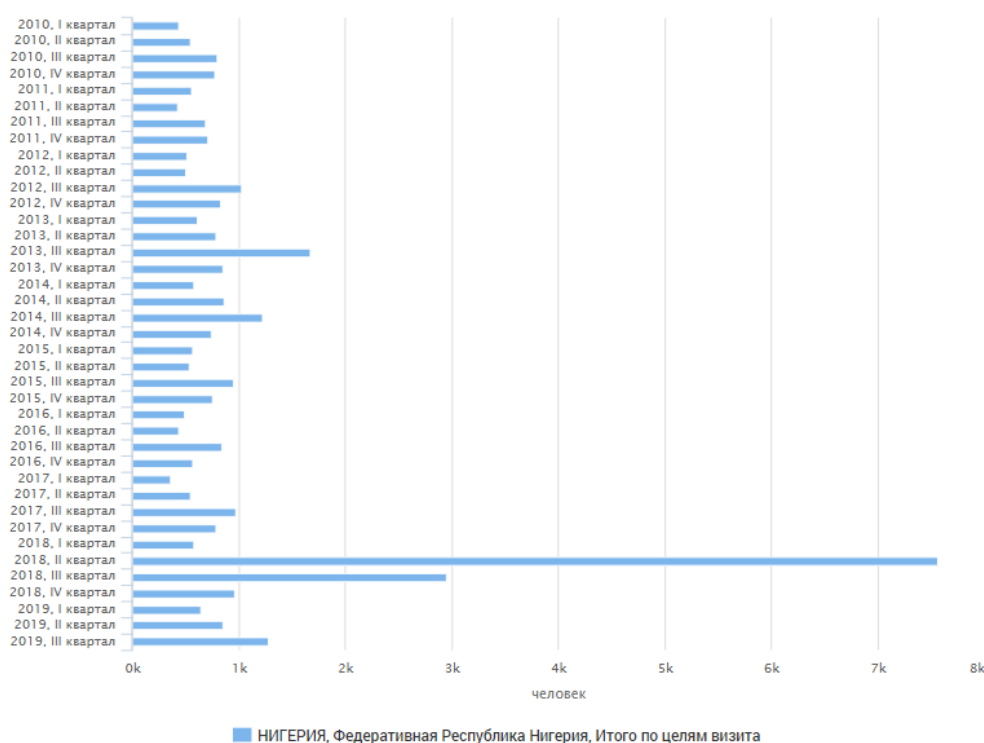
¹¹ Human trafficking through the central mediterranean route: data, stories and information collected by the international organization for migration // IOM [Электронный ресурс]. URL: https://italy.iom.int/sites/default/files/news-documents/IOMReport_Trafficking.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

¹² Trafficking in Persons Report 2017 // US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/271339.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).

Чаще всего вербовщики предлагают женщинам работу или учебу за границей, обещая не только стабильный высокий доход и перспективы роста, но и возможность легально остаться в стране назначения. На момент вербовки многие жертвы не понимают, что стали мишенью торговцев людьми и им предстоит заниматься проституцией. Однако известны случаи, когда женщины осведомлены о своей будущей «профессии». Они соглашаются, полагая, что смогут заработать таким образом деньги на содержание семьи в Нигерии. И, наконец, третья категория завербованных — это девушки, которых вербовщикам отдали или продали собственные родители.

Нигерийский траффинг в России

Столкнуться с проблемой нигерийского траффинга в последние годы пришлось и России. По данным Пограничной службы Федеральной службы безопасности, в Россию с 2010 по 2017 год ежегодно прибывало в среднем 2800–2900 нигерийцев. В 2018 году в период отмены визового режима в связи с проведением чемпионата мира по футболу число нигерийцев, прибывших в Россию, составило более 12 тысяч человек (см. Рисунок 3).

Рисунок 3. Въезд в Россию граждан Нигерии в период с 2010 по 2019 год¹³

¹³ Въезд иностранных граждан в РФ // ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 20.12.2019).

До 2018 года численность въезжающих нигерийцев оставалась относительно стабильной. В 2013 году в одном из интервью посол Нигерии в России Ассам Еканем Ассам заявил, что ежемесячно в Российскую Федерацию ввозят не менее 200 нигерийских девушек с целью дальнейшей сексуальной эксплуатации¹⁴. При этом, по словам дипломата, только 240 женщин отправили домой в течение последнего года, а, следовательно, большая часть жертв осталась необнаруженной.

Поскольку факт траффинга трудно доказуем, уголовных дел в отношении сутенеров не заводилось, единственной мерой пресечения в период до 2018 года была депортация жертв на родину. В случае, если у сутенеров не было проблем с документами, никакие санкции к ним не применялись.

Важно понимать, что ввоз «живого товара» из Нигерии осуществляется практически без участия российской или иных сторон: этим занимаются сами нигерийцы. Единственное исключение, требующее вовлечения в схему российских граждан, — визовый вопрос.

В период до 2018 года ввоз жертв на территорию России осуществлялся преимущественно через оформление частных, рабочих или учебных виз. Примечательно, что последние чаще всего выдавались не коммерческими, а государственными учебными заведениями. Таким образом, можно констатировать, что российская система образования является уязвимым местом, чем успешно пользуются траффикеры для ввоза женщин в страну.

Ознакомившись с материалами, полученными в ходе полицейских рейдов на несколько нигерийских борделей в Москве в 2017 году, мы обнаруживаем, что из 18 учебных виз, по которым въехали обнаруженные там женщины, только 4 выданы по приглашению коммерческих вузов.

Одно из приглашений мы изучили подробно и провели интервью с девушкой, которая приехала по этому приглашению. Текст приглашения стандартный, в нем оговорено, что девушка будет принята в качестве студентки в государственный университет при условии, что своевременно оплатит обучение на подготовительных курсах и проживание.

На момент обнаружения девушки, документы которых мы изучили, пробыли в России в среднем более двух лет. Минимальный срок составил около года,

---

¹⁴ 200 Nigerian girls trafficked to Russia monthly — Ambassador // The Premium Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/139193-200-nigerian-girls-trafficked-to-russia-monthly-ambassador.html> (дата обращения: 20.12.2019).

максимальный — более 5 лет. Все это время они подчинялись сутенерам и отрабатывали «долг» в размере от 40 до 50 тысяч долларов, занимаясь проституцией.

Как мы уже упоминали выше, значимым моментом стал чемпионат мира по футболу, поскольку Россия фактически открыла границы, и этим незамедлительно воспользовались траффикеры.

Летом 2018 года, почти сразу после начала чемпионата, в Москве полиция и социальные службы обнаружили более 200 нигерийских мужчин, которых обманым путем переправили в Россию и оставили без средств к существованию. По итогам интервью с одним из потерпевших нам стало известно, что в Нигерии накануне чемпионата появились «агенты», которые предлагали за вознаграждение от 1100 долларов оформить мужчинам документы на въезд в Россию, где они смогут найти работу и остаться проживать на постоянной основе. Наши респонденты рассчитывали таким образом стать профессиональными футболистами и заключить контракт с российским футбольным клубом либо устроиться рабочими на заводы.

Поняв, что никакой работы в России они получить не могут, и израсходовав все средства за несколько недель, потерпевшие были вынуждены попрошайничать и ночевать на улицах, кроме того, их обратные билеты оказались аннулированы «агентами», оформлявшими покупку билетов. По указу президента Республики Нигерия 240 пострадавших нигерийцев отправили обратно на родину за счет средств нигерийского бюджета¹⁵.

Одновременно в ходе полицейских рейдов во время чемпионата, по наблюдениям сотрудников МВД, было зафиксировано увеличение числа нигерийских женщин, вовлеченных в проституцию¹⁶. Так, в июле–августе 2018 года в Москве были обнаружены и ликвидированы более 10 борделей, в каждом из которых обнаружили от 3 до 18 женщин, приехавших в Россию с паспортом болельщика. Позднее оперативникам и следователям удалось обнаружить ячейку траффикеров и завести первое в России уголовное дело в отношении нигерийских сутенеров по статье 127.1 (Торговля людьми)¹⁷. Фигурантами дела стали гражданка Нигерии и гражданин России нигерийского происхождения, которые попытались продать одну из принадлежащих им женщин за 35 тысяч долларов. После задержания подозреваемых были обнаружены

---

¹⁵ Nigeria: Govt Evacuates 230 Stranded Nigerians in Russia // AllAfrica [Электронный ресурс]. URL: <https://allafrica.com/stories/201807200191.html> (дата обращения: 20.12.2019)

¹⁶ Интервью с сотрудниками ГУ МВД по г. Москва, сотрудниками окружных управлений ЮЗАО, ЮВАО.

¹⁷ Уголовное дело № 11901450087000345.

две съемные квартиры, где содержались другие нигерийки, которые должны были выкупать свою свободу у сутенеров, занимаясь проституцией. Одной из них на момент вовлечения в сексуальную эксплуатацию было менее 18 лет.

После окончания безвизового периода именно нигерийцы составили большинство иностранцев, не выехавших из России: по данным МВД, на момент начала 2019 года почти 2 тысячи граждан этой страны «исчезли» в России¹⁸.

Ранее мы подсчитали, что ежегодно эксплуатация одной девушки в Москве приносит нигерийским сутенерам годовой доход от 23,4 тысяч долларов и более [Силуянова 2019]. Мы также проанализировали оперативные данные полиции о 10 борделях, обнаруженных на территории Москвы в 2018 году. Количество женщин, содержащихся в одной ячейке траффинга, составляло от 3 до 18, медианный показатель равен 5. Опираясь на него, можно вычислить, что средний доход одного звена траффинга в России составляет 117 тысяч долларов в год. При этом риски для сутенеров по-прежнему очень низки и в основном сводятся к депортации из России женщин, принуждаемых к проституции.

Национальные и религиозные аспекты нигерийского траффинга

Нигерия — многонациональное государство, на территории которого проживает множество народностей и практикуются различные верования. По данным МОМ, самый проблемный регион Нигерии, откуда вывозят большинство жертв и где сосредоточено большинство вербовщиков и траффикеров, — это город Бенин Сити и провинция Эдо на юго-западе страны, где проживают народности, говорящие на языке эдо¹⁹.

Исследователи отмечают, что из 2000 женщин, проданных в Италию, около 60 % составляют нигерийки, причем большинство из них (80 %) — выходцы из штатов Эдо и Дельта [Omorodion 2009].

Среди жертв, обнаруженных в России, также большая часть родом из штата Эдо. Часто встречаются жительницы Лагоса, где этническое большинство составляют представители народности Йоруба. Из 18 женщин, чьи документы оказались в нашем распоряжении, 12 родились в Бенин Сити и его окрестностях, и 5 — в Лагосе.

---

¹⁸ Почти две тысячи нигерийцев остались в России после ЧМ-2018 по футболу // РИА Новости. Спорт [Электронный ресурс]. URL: <https://rsport.ria.ru/20190131/1550165282.html> (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁹ Theatre Helps Raise Awareness on Human Trafficking in Most Affected Regions in Nigeria // IOM [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iom.int/news/theatre-helps-raise-awareness-human-trafficking-most-affected-regions-nigeria> (дата обращения: 20.12.2019).

Многие жертвы траффинга происходят из сельских районов, их привлекают вербовщики, которые хорошо знакомы с семьями девушек. Эти вербовщики предлагают помощь и возможность изменить свою жизнь, улучшить материальное положение, выбраться из нищеты и спасти семью, находящуюся зачастую в отчаянном положении, от голода²⁰. Помимо социально-экономических проблем, толкающих людей на доверие вербовщикам, в Нигерии существует еще один очень важный элемент, благодаря которому траффинг процветает и жертвы в большинстве своем не оказывают сопротивления и не просят о помощи, полностью отрабатывая суммы, требуемые с них сутенерами.

Этим элементом является подстройка траффинга под религиозные традиции региона и злоупотребление религиозными и культурными системами убеждений местных жителей. Опыт Нигерии показывает, что в условиях низкой грамотности и слабо развитого правосознания манипуляции с использованием религиозного культа стали чрезвычайно эффективным механизмом контроля для торговцев людьми, занимающихся вербовкой и сексуальной эксплуатацией женщин.

Опорой для подобных манипуляций в отношении жертв стали традиционные верования, характерные для упомянутых выше народностей Эдо, Йоруба и других. Эти верования основаны на разнообразных модификациях культа вуду, который до сих пор имеет в Нигерии серьезный авторитет.

Вуду и торговля людьми

Согласно отчету ЦРУ, в 2001 году около 50% населения Нигерии составляли мусульмане, населяющие северную часть страны, около 40% — христиане, находящиеся на юге. Порядка 10% населения придерживались местных традиционных культов²¹.

Самые проблемные регионы, где вербуют жертв торговли людьми, находятся в христианской части государства. Христианство здесь не представлено каким-то отдельным доминирующим течением: жители региона практикуют католицизм, англиканство, баптизм, иеговизм, пятидесятничество, также существует множество мелких локальных христианских сект.

Большинство нигерийцев, которые относят себя к христианам, продолжают практиковать традиционные культы, регулярно обращаются к жрецам и колдунам,

---

²⁰ Carling J. Trafficking in women from Nigeria to Europe // MPI [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=318> (дата обращения: 20.12.2019).

²¹ International Religious Freedom Report // US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2001/5687.htm> (дата обращения: 20.12.2019).

используют фетиши и амулеты [Houessou-Adin 2009, 694]. Некоторые исследователи иронично отмечают, что на изучаемой территории может быть любое соотношение числа христиан и мусульман, но непременно будет 100 % адептов культа вуду [Бабаев 2012].

Важным преимуществом традиционных культов в глазах африканцев является возможность мгновенного магического воздействия на мир, получение чудодейственного средства от всех болезней и проблем. Жрецы, которых в Нигерии называют «native doctors», воспринимаются как всемогущие врачи и колдуны [Дэвидсон 1975, 104]. Прибегая к магии, можно гораздо быстрее добиваться своих целей: заказать у жреца амулет, пройти ритуал и сразу же получить желаемое. Один из респондентов исследования религиозных культов Африки объяснил соотношение религий таким образом: «Христианский бог не дает такой гарантии, и могут пройти годы, прежде чем пожелание исполнится. Но зато вуду не только дает — он и забирает что-то у человека. Только этого иногда не видно. Даст тебе здоровье, но убьет твоего брата, так бывает. А христианский бог добрый, он помогает всем и бескорыстно» [Бабаев 2012, с 32].

Ортодоксальные католики и протестанты относятся к магии критически. Однако в африканских странах исторически христианские течения ради набора паствы были готовы закрыть глаза на подобные практики. Со временем стерлись малейшие противоречия между магическим культом и христианской религией. Несмотря на то, что в колониальную и постколониальную эпоху жители и выходцы из Африки массово крестились, они нашли способ сохранить своих божеств, «спрятав» их за образами христианских святых. Так, Дева Мария стала Эрзили — покровительницей красоты и плодородия, а Святой Петр — Папой Легба, проводником между миром живых и мертвых [Herskovits 1937]. Помимо старых богов, в христианском регионе Нигерии сохранились и культовые места. Например, недалеко от Бенин Сити расположены небольшие города Акуре (Akure), Эбеле (Ebelle) — своего рода вудуистская Мекка, где проживают жрецы, находятся многочисленные святилища и проводятся обряды.

Еще один важный элемент в системе локальных верований — это джуджу. По сути джуджу представляет собой магию, связанную с изготовлением и использованием амулетов и фетишей, известных в массовой культуре как «куклы вуду».

Происхождение термина исследователи объясняют по-разному. Одни предполагают, что он произошел от французского «joujou», «jouet», что обозначает «игрушка», отсюда же возникает интерпретация, связанная с куклами (Ellis 2016).

Другие считают, что термин произошел от «jojo» (что на языке Йоруба означает «танец») и «djudju» (в переводе с языка Хауса означает «фетиш») [Taliani 2016].

Помимо изготовления и применения артефактов, джуджу включает в себя обширный церемониал обрядов принесения клятв. Некоторые из них прочно интегрировались в повседневные бытовые практики. Так, например, существуют брачные клятвы. Во время традиционной церемонии бракосочетания проводятся обряды «клятв на крови», когда один из супругов делает надрез на руке, а другой клянется в верности на его крови. Такие ритуалы принято проводить в святилище или на берегу реки или ручья. Традиционные клятвы приносятся также в доказательство невинности после обвинения в неверности, для предотвращения неверности [Nwauche 2008].

В контексте проводимого исследования интерес представляет другая категория клятв, которая в некотором смысле заменяет гражданско-правовые договоренности в некоторых районах Нигерии. Пройдя обряд, человек поднимает на себя проклятие и соглашается быть наказанным, если не выполнит условия договора. Обряд заключения договора проводится жрецом и скрепляется специальным ритуалом с изготовлением амулета, который остается «в заложниках» у жреца. Если поклявшийся нарушит слово, то в течение года его постигнет кара: тяжелая болезнь, смерть, бесплодие, гибель близких, пресечение рода, безумие и так далее [Guillemaut 2008].

Именно такую клятву должны принести женщины, которых впоследствии отправят за границу для занятия проституцией. После того, как жертва соглашается поехать работать или учиться в другую страну, вербовщик ведет ее в святилище, где в ходе церемонии жрец объявляет ей, какую именно работу и на каких условиях придется выполнять. Во время обряда жрец также устанавливает сумму, которую женщина должна выплатить для того, чтобы выкупить свою свободу и снять проклятие. Обряд и клятва пугают женщин и девушек, внушая им священный трепет перед древним колдовством и обеспечивая их последующее молчание и послушание.

Несмотря на усилия властей, международные группировки, занимающиеся торговлей людьми, успешно используют проклятия джуджу в качестве инструмента принуждения, лишая жертв возможности обратиться за помощью или сотрудничать с правоохранительными органами, ведь разглашение тайны обряда тоже является нарушением клятвы и влечет «активацию» проклятия [Dunkerley 2018]. В ходе ритуала жертвы клянутся не раскрывать личности торговцев и сутенеров, беспрекословно выполнять любые приказания и платить «долги».

Девушка, обнаруженная в одном из нигерийских борделей в Москве, описывает церемонию наложения проклятия следующим образом: «Принесли курицу, убили, отрезали голову, вылили кровь в стакан с алкогольным напитком. Еще принесли голубя, убили, смешали кровь с куриной. Смешали с водкой, и я выпила. Баба Лау сказал: «Если не заплатишь 40 тысяч долларов или сбежишь, зло будет преследовать тебя». Потом Баба Лау поставил отметку у меня на теле».

Во время церемонии жертвы должны отдать жрецу свои личные вещи для создания артефакта. У женщин берут нижнее белье, частички кожи, волосы, ногти, кровь, слюну, менструальную кровь. Весь этот материал смешивается и заворачивается в лоскут ткани. Именно он представляет собой фетиш, «куклу вуду», посредством воздействия на которую можно якобы причинить вред поклявшемуся [Aghatise 2005, 140].

Для народности Эдо джуджу представляет собой могущественную магию, которая используется для изменения реального мира посредством сверхъестественных сил²². Вера эта настолько сильна, что представляет собой существенную угрозу. Именно поэтому джуджу в Нигерии — запрещенное черное колдовство. Большая часть населения боится колдунов и заклятий, слепо веря в черную магию. Государство предпринимает попытки оградить население от власти колдунов и систематических злоупотреблений. Так, нигерийский уголовный кодекс содержит отдельные главы (Часть 4, Глава 19 «Преступления, связанные с религиозным культом», Глава 20 «Пытки, колдовство, Джуджу и криминальные амулеты»), где устанавливаются наказания за колдовство, владение и хранение предметов джуджу, а также за принуждение человека к исполнению чужой воли посредством магии²³.

Статья 210 уголовного кодекса устанавливает двухгодичное тюремное заключение для любого лица, своими заявлениями или действиями представляющего себя ведьмой или колдуном, а также всех, кто участвует в распространении заклинаний, всех, кто своими действиями внушает гражданам свою волю и побуждает их совершать навязанные ими поступки. Все лица, производящие и распространяющие магические артефакты, фетиши и прочую атрибутику, подлежат аресту и попадают в тюрьму на 5

---

²² Sustenance of Sex Trafficking in Edo State; the Combined Effects of Oath Taking, Transnational Silence and Migration Imaginaries on Trafficked Women from Edo State // IFRA-Nigeria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifra-nigeria.org/files/54/IFRA-E-papers/149/Sustenance-of-Sex-Trafficking-in-Edo-State;-the-combined-effects-of-Oath-Taking,-Transnational-Silence-and-Migration-Imaginaries-on-Trafficked-Women-from-Edo-State.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).

²³ The Criminal Code // ICFNL [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nigeria-law.org/Criminal%20Code%20Act-PartIII-IV.htm> (дата обращения: 20.12.2019).

лет (ст. 213), а любое помещение или иное место, где проводились ритуалы, подлежит немедленному уничтожению (ст. 212).

Наличие в уголовном законодательстве подобных мер указывает на то, что проблема суеверий крайне остра в Нигерии. Проклятие, обеспечивающее молчание и послушание жертв, играет роль самоисполняющегося пророчества. Рассуждая с позиций социальных и психологических эффектов применения вуду, мы можем найти подтверждение теоремы Томаса: событие, воспринимаемое реально, реально по своим последствиям [Thomas, Thomas 1928, 571–572]. Именно благодаря использованию таких форм принуждения современная торговля людьми и рабство практически не нуждаются в применении физического насилия. Из-за отсутствия явных механических признаков контроля и ограничения эксплуатация сегодня гораздо менее заметна и очевидна, чем в ее ранних исторических формах [Dando, et al. 2016, 1].

Сегодня правовые механизмы контроля не справляются с проблемой траффинга в Нигерии, поэтому в борьбу включаются другие силы: в 2018 году верховный жрец Нигерии Оба Эвуарэ II, практикующий белую магию и осуждающий ритуалы джужду, публично проклял торговцев людьми, эксплуатирующих женщин, и приказал отпустить их на свободу и вернуть документы²⁴. Это спровоцировало бурную реакцию некоторых «заколдованных» женщин, что привело к вспышкам насилия. Однако большинство жертв об этом так и не узнали, будучи лишены доступа к информационным ресурсам.

Ситуация усугубляется тем, что, попадая в новую культурную среду, нигерийцы не ассимилируются. Их диаспоры остаются очень закрытыми, и контакты с посторонними жестко регламентируются неписанными нормами и традициями. Прекрасно зная о том, каким образом функционируют каналы траффинга и механизмы принуждения, нигерийцы смотрят на торговлю людьми как на нечто само собой разумеющееся, считают ее традиционной неизбежной частью жизни женщин. Более того, сексуальная эксплуатация ими воспринимается как нечто нормальное и даже положительное, поскольку, если жертва сможет выжить и выкупиться, она сама сможет стать сутенершей либо начать получать доход, работая на себя.

Таким образом создается порочный круг, где пострадавшие не сопротивляются из страха быть уничтоженным проклятием, а те, кто находится рядом и принадлежит к

---

²⁴ A Voodoo Curse on Human Traffickers // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/24/opinion/sunday/voodoo-curse-human-traffickers.html> (дата обращения: 20.12.2019).

диаспоре, не предпринимают никаких мер, чтобы помочь, мотивируя это тем, что африканцы должны поддерживать свою культуру и традиции, где бы они ни находились [Agazue 2013].

В материалах вышеупомянутого уголовного дела в отношении нигерийских сутенеров, задержанных в Москве, содержится запись диалога, где сутенерша говорит жертве о проклятии: «Если ты будешь прилагать больше усилий на работе, быстро выплатишь 50 тысяч долларов. Прекрати быть такой медленной и отработывай больше тысячи долларов в месяц, и очень скоро ты будешь свободна. Когда Элла (девушка, сбежавшая от сутенеров незадолго до момента беседы) была здесь, она много работала и отработывала 6000, 5000, 4000 долларов в месяц, и скоро она освободилась бы. Это страх и ее глупая мать заставили ее не выплачивать долг, поэтому она убежала. Они разрушили ее карьеру и жизнь. Элла никогда не сможет вернуться и расплатиться: я накладываю проклятие на нее, где бы она ни была. Она будет страдать, потому что я прокляла ее».

Как мы упоминали выше, нигерийские девушки, попавшие в сексуальное рабство, страдают многочисленными заболеваниями и часто подвергаются насилию в результате агрессии клиентов и сутенеров. Никакого лечения жертвы не получают, иногда их состояние резко ухудшается. В этих случаях жертва становится непригодной для дальнейшей эксплуатации, и ее выгоняют из квартиры, где содержатся другие девушки под присмотром сутенеров. Другим жертвам увечья и гибель таких девушек преподносят как следствие непослушания и замыслов побега, якобы пострадавших настигло наложенное на них проклятие.

Другое обстоятельство, осложняющее ситуацию жертв, — это непонимание механизма функционирования нигерийского траффинга в странах-реципиентах. Закрытые диаспоры не дают никаких объяснений, сами жертвы часто молчат, правоохранительные органы воспринимают любое упоминание колдовства и проклятий как абсурд. Это приводит к тому, что состав преступления и вину сутенеров очень сложно доказать и обосновать, при этом жертвы вместо помощи получают наказание.

Кроме того, неуязвимость нигерийских преступных группировок, занимающихся торговлей людьми, обеспечивается за счет децентрализованного, матричного характера организации. Звенья сети траффикеров небольшие, между собой формально они связаны очень слабо, у них отсутствует централизованная иерархическая система управления. Безусловно, они подчиняются авторитетам, входящим в диаспору, и выплачивают им долю криминального дохода. Однако

напрямую руководители в процесс траффинга не вовлечены и непосредственно с преступниками не взаимодействуют. Таким образом, ликвидация одного звена цепочки траффинга не всегда приводит к разоблачению других преступников и их покровителей из диаспоры. При этом неформальный контакт между всеми участниками преступной схемы осуществляется постоянно и регулярно, координация налажена очень хорошо. Например, в Москве, по данным полиции²⁵, существуют клубы и бары, где регулярно собирается вся диаспора, включая траффикеров. Кроме того, в городе функционирует нигерийская религиозная организация РЦХВЕ, где траффикеры имеют возможность встречаться еженедельно.

Противодействие нигерийскому траффингу

В настоящий момент научное сообщество и органы правопорядка в европейских странах приходят к лучшему пониманию проблемы. Если ранее упоминания о вуду расценивались как обман или следствие «промывания мозгов» и внушения, то теперь эксперты сходятся на том, что в случае Нигерии торговлю людьми следует рассматривать с точки зрения системы убеждений жертв, которая уходит корнями в традиционные верования [Ikeora 2016].

Сегодня Нигерия входит в пятерку лидеров по ввозу «живого товара» на территорию ЕС. По данным Европола, в 2013 году 18% жертв сексуальной эксплуатации, обнаруженных в Европе, имели нигерийское гражданство²⁶. При этом раскрываемость дел, связанных с нигерийским траффингом, постепенно растет благодаря лучшему изучению и пониманию проблемы. Ежегодно правоохранительные органы европейских стран проводят операции по ликвидации борделей и освобождению нигерийских женщин, находящихся в сексуальной эксплуатации. Итогами этих операций становятся десятки арестов участников преступных группировок и спасение сотен жертв²⁷.

---

²⁵ Интервью с сотрудниками МВД г. Москвы.

²⁶ Trafficking in human beings in the EU (Europol) // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/situational_report_trafficking_in_human_beings-europol.pdf (дата обращения: 20.12.2019). С. 3, 31.

²⁷ 25 arrests and 16 victims safeguarded in operation against sexual exploitation of women // Europol [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/25-arrests-and-16-victims-safeguarded-in-operation-against-sexual-exploitation-of-women> (дата обращения: 20.12.2019); Joint action to tackle west African human trafficking networks // Europol [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/joint-action-to-tackle-west-african-human-trafficking-networks-1> (дата обращения: 20.12.2019); Europol coordinates EU-wide hit on trafficking in human beings for sexual exploitation // Europol [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/europol-coordinates-eu-wide-hit-trafficking-in-human-beings-for-sexual-exploitation> (дата обращения: 20.12.2019); Trafficked by voodoo threats: one of the largest operations in Europe rescues 39 Nigerian women // Europol [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/trafficked-voodoo-threats-one-of-largest-operations-in-europe-rescues-39-nigerian-women> (дата обращения: 20.12.2019).

По мере роста диаспоры в России, в Москве и других крупных городах проблема нигерийского траффинга становится острее. В России начали появляться также святилища и жрецы. В некоторых случаях, согласно свидетельствам спасенных жертв, женщины проходят ритуал вуду уже после прибытия в страну. В квартирах, где проживают сутенеры и женщины, иногда можно обнаружить самодельные алтари. При этом большинство нигерийских сутенеров в Москве официально исповедуют христианство.

Раскрываемость в России преступлений, связанных с торговлей «живым товаром» из Нигерии, до недавнего времени была нулевой. Незнание полицией английского языка, отказ жертв идти на сотрудничество с силовиками и закрытость диаспоры в целом приводили к тому, что пострадавших не рассматривали как пострадавших, а преступление не воспринималось как преступление. В последние годы ситуация начала улучшаться, огромным достижением московских правоохранителей стало возбуждение упомянутого выше уголовного дела за торговлю людьми в отношении нигерийских сутенеров. Решения суда по нему пока не принято. В случае, если будет вынесен обвинительный приговор, можно будет с уверенностью констатировать, что в российской практике начался качественно новый этап борьбы с траффингом. Немаловажно, что в материалах уголовного дела раскрывается суть колдовского обряда и его важная роль в организации траффинга из Нигерии. Таким образом, создается важный прецедент учета религиозного культа в качестве меры подавления и принуждения.

Заключение

Торговля людьми — сложный феномен, имеющий множество предикторов и предпосылок, среди которых присутствуют демографические, социальные, экономические факторы. Рассмотрев пример Нигерии, мы убедились в том, что, помимо разнообразных эконометрических показателей, на формирование потоков траффинга воздействуют культурные факторы. Они сложно измеримы и в общем виде практически не видны. Тем не менее в конкретных случаях они могут стать решающими в вопросе, будет ли страна с тяжелыми социально-экономическими условиями страной-донором «живого товара». Именно поэтому анализ и учет таких факторов критически важен для понимания траффинга и борьбы с ним.

По своей природе культурные факторы плохо поддаются количественному анализу, кроме того, произвести сравнение стран с их учетом часто невозможно в принципе. Методологически изучение влияния культурного контекста на торговлю

людьми необходимо производить для каждой страны или региона в отдельности, используя качественные методы для выявления важных и ключевых аспектов.

На примере Нигерии мы смогли убедиться в том, что культурный контекст может играть системообразующую роль в становлении и развитии траффинга. Мы рассмотрели основные свойства религиозного культа джуджу, который преступники интегрировали в свою деятельность, тем самым создав прочную и стабильную систему. Без учета этой особенности невозможно определить причину, сделавшую Нигерию одним из лидеров по экспорту «живого товара» в Европу.

Не менее важно изучение культурных предпосылок становления каналов торговли людьми для успешной и эффективной борьбы с этим видом преступности. Как и в Европе, в России ключом к пониманию траффинга, организованного нигерийской диаспорой, стало понимание роли обрядов вуду. Именно рассмотрение религиозных верований как средства манипуляций и принуждения дало возможность полиции и следователям собрать целостную и логичную доказательную базу против траффикеров.

Для России, где борьба с торговлей людьми находится сегодня на стадии становления и институционализации, особенно важно продолжать изучение данной темы в рамках различных дисциплин: от криминалистики до общественных наук. Методологически обоснованное, логичное и полное понимание траффинга как социального и культурного явления имеет важное значение для профилактики данного вида преступности, выработки более эффективных механизмов обнаружения жертв, расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, выявления и ликвидации преступных группировок, осуществляющих траффинг.

Список литературы:

- Бабаев К.В.* Традиционные культы и христианство в представлении современных жителей Западной Африки // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 2. Р. 28–37.
- Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в историю культуры. М.: Наука, 1975.
- Силуянова Ю.А.* Факторы, способствующие развитию индустрии торговли людьми в России и в мире // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 84–110. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10019.
- Agazue C.* The Role of a Culture of Superstition in the Proliferation of Religion Commercial Pastors in Nigeria. Huddersfield: AuthorHouse, 2013.
- Aghatise E.* Réalités et cadre légal de la traite de Nigérianes et d'Européennes de l'Est en Italie // Alternatives sud 2005. Vol. XII. No. 3. P. 135–164.

- Dando C.J., Walsh D., Brierly R.* Perceptions of Psychological Coercion and Human Trafficking in the West Midlands of England: Beginning to Know the Unknown // PLOS ONE. 2016. No. 11(5). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153263>.
- Dunkerley A.W.* Exploring the Use of Juju in Nigerian Human Trafficking Networks: Considerations for Criminal Investigators // Police Practice and Research. 2018. Vol. 19. No. 1. P. 83–100. DOI: <https://doi.org/10.1080/15614263.2017.1347786>.
- Ellis S.* This Present Darkness: A History of Nigerian Organized Crime. New York: Oxford University Press, 2016.
- Guillemaut F.* Sexe, juju et migrations. Regard anthropologique sur les processus migratoires de femmes africaines en France // Recherches sociologiques et anthropologiques. 2008. No. 39–1. P. 11–26. DOI: [10.5153/sro.4158](https://doi.org/10.5153/sro.4158).
- Herskovits M.J.* African Gods and Catholic Saints in New World Negro Belief // American Anthropologist. 1937. No. 39(4). P. 635–643.
- Houessou-Adin T.* Vodou in Benin // Encyclopedia of African Religion. Asante M.K., Mazama A. (eds.). Los Angeles; London: Sage, 2009.
- Ikeora M.* The Role of African Traditional Religion and 'Juju' in Human Trafficking: Implications for Anti-trafficking // Journal of International Women's Studies. 2016. No. 17(1). P. 1–18. URL: <http://vc.bridgew.edu/jiws/vol17/iss1/1> (дата обращения: 20.12.2019).
- Kara S.* Supply and Demand: Human Trafficking in the Global Economy // Harvard International Review. 2011. No. 33(2). P. 66–71.
- Kaufmann R., Banerjee S.* A Unified World Oil Market: Regions in Physical, Economic, Geographic, and Political Space // Energy Policy. 2014. No. 74. P. 235–242. DOI: [10.1016/j.enpol.2014.08.028](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2014.08.028).
- Leman J., Janssens S.* Creative Adaptive Criminal Entrepreneurs from Africa and Human Trafficking in Belgium: Case Studies of Traffickers from Nigeria and Morocco // International Journal of Criminology and Sociology. 2013. No. 2. P. 153–162.
- Nwauche E.S.* Law Religion and Human Rights in Nigeria // African Human Rights Law Journal. 2008. Vol. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=1342668> (дата обращения: 20.12.2019).
- Odeh M., Christie O.* Poverty Reduction Policy and Youth Unemployment in Nigeria // Public Policy and Administration Research. 2014. No. 4(3). P. 92–103.
- Omorodion F.I.* Vulnerability of Nigerian Secondary School to Human Sex Trafficking in Nigeria // African Journal of Reproductive Health. 2009. No. 13(2). P. 33–48.

Taliani S. Calembour de choses dans le vaudou italien: Corps-fétiche et principes d'inégalité devant les dieux // Social Compass. 2016. Vol. 63. No. 2.
DOI: <https://doi.org/10.1177/0037768616628790>.

Thomas W.I., Thomas D.S. The Child in America: Behavior Problems and Programs. New York: Knopf, 1928.

Дата поступления: 09.10.2019

Siluyanova Yu.A.

Anthropological and Cultural Background for the Formation of Human Trafficking Channels from Nigeria to Russia and the EU

Yulia A. Siluyanova — postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: Zernovaju@gmail.com

Abstract

The international community has a clear understanding of human trafficking definition, but we still have only a partial understanding of this problem nature and origins. Researchers consider many economic and social factors as predictors of human trafficking trends. It is generally accepted that poverty and unemployment are the push factors that form the outgoing flows of human trafficking, and job opportunities are an important factor of attraction that determines the situation with incoming traffic in a particular country. However, looking at specific examples, we face the fact that the socio-economic model is not able to explain why among very similar countries one has a huge volume of traffic, and in other countries human trafficking flow is small. The explanation for this phenomenon lies beyond econometric models and roots in the cultural characteristics of communities. A good example to support this hypothesis is Nigeria. In terms of human trafficking this country is a leader among other African countries. We can see the growth of victims' flow from Nigeria both in the EU and in Russia. Exploring the features of Nigerian trafficking, in this article we have come to the conclusion that cultural factors play a huge role in the formation of human trafficking tradition in Nigeria. The most important of those factors is the use of African religious practices to legitimize trafficking, control victims and ensure the stability of criminal networks.

Keywords

Human trafficking, modern slavery, religion, voodoo, juju Edo, Africa, Nigeria, hidden migration, international crime, shadow economy, criminal economy, human rights, inequality.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10038

References:

- Agazue C. (2013) *The Role of a Culture of Superstition in the Proliferation of Religion Commercial Pastors in Nigeria*. Huddersfield: AuthorHouse.
- Aghatise E. (2005) Réalités et cadre légal de la traite de Nigérianes et d'Européennes de l'Est en Italie. *Alternatives sud*. Vol. XII. No. 3. P. 135–164.
- Babaev K.V. (2012) Traditsionnyye kul'ty i khristianstvo v predstavlenii sovremennykh zHITELEY Zapadnoy Afriki [Traditional cults and Christianity in modern Western Africa]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. Vol. 5. No. 2. P. 28–37.

- Dando C.J., Walsh D., Brierly R. (2016) Perceptions of Psychological Coercion and Human Trafficking in the West Midlands of England: Beginning to Know the Unknown. *PLOS ONE*. No. 11(5). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153263>.
- Davidson B. (1975). *The Africans: An Entry to Cultural History*. Moscow: Nauka.
- Dunkerley A.W. (2018) Exploring the Use of Juju in Nigerian Human Trafficking Networks: Considerations for Criminal Investigators. *Police Practice and Research*. Vol. 19. No. 1. P. 83–100. DOI: <https://doi.org/10.1080/15614263.2017.1347786>.
- Ellis S. (2016) *This Present Darkness: A History of Nigerian Organized Crime*. New York: Oxford University Press, USA.
- Guillemaut F. (2008) Sexe, juju et migrations. Regard anthropologique sur les processus migratoires de femmes africaines en France. *Recherches sociologiques et anthropologiques*. No. 39–1. P. 11–26. DOI: [10.5153/sro.4158](https://doi.org/10.5153/sro.4158).
- Herskovits M.J. (1937) African Gods and Catholic Saints in New World Negro Belief. *American Anthropologist*. No. 39(4). P. 635–643.
- Houessou-Adin T. (2009) Vodou in Benin. In: *Encyclopedia of African Religion*. Asante M.K., Mazama A. (eds.). Los Angeles; London: Sage.
- Ikeora M. (2016) The Role of African Traditional Religion and 'Juju' in Human Trafficking: Implications for Anti-trafficking. *Journal of International Women's Studies*. No. 17(1). P. 1–18. Available: <http://vc.bridgew.edu/jiws/vol17/iss1/1> (accessed: 20.12.2019).
- Kara S. (2011) Supply and Demand: Human Trafficking in the Global Economy. *Harvard International Review*. No. 33(2). P. 66–71.
- Kaufmann R., Banerjee S. (2014) A Unified World Oil Market: Regions in Physical, Economic, Geographic, and Political Space. *Energy Policy*. No. 74. P. 235–242. DOI: [10.1016/j.enpol.2014.08.028](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2014.08.028).
- Leman J., Janssens S. (2013) Creative Adaptive Criminal Entrepreneurs from Africa and Human Trafficking in Belgium: Case Studies of Traffickers from Nigeria and Morocco. *International Journal of Criminology and Sociology*. No. 2. P. 153–162.
- Nwauche E.S. (2008) Law Religion and Human Rights in Nigeria. *African Human Rights Law Journal*. Vol. 2. Available: <https://ssrn.com/abstract=1342668> (accessed: 20.12.2019).
- Odeh M., Christie O. (2014) Poverty Reduction Policy and Youth Unemployment in Nigeria. *Public Policy and Administration Research*. No. 4(3). P. 92–103.
- Omorodion F.I. (2009) Vulnerability of Nigerian Secondary School to Human Sex Trafficking in Nigeria. *African Journal of Reproductive Health*. No. 13(2). P. 33–48.

Siluyanov Yu.A. (2019) Factors Contributing to the Development of Human Trafficking Industry in Russia and in the World. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 77. P. 84–110. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10019.

Taliani S. (2016) Calembour de choses dans le vaudou italien: Corps-fétiche et principes d'inégalité devant les dieux. *Social Compass*. Vol. 63. No. 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/0037768616628790>.

Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Knopf.

Received: 09.10.2019

Шестакова Е.Е.

На пути реформирования пенсионных систем: новые технологии и старые проблемы

Шестакова Елена Евгеньевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономки РАН, Москва, РФ.

E-mail: EEShestakowa@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [8503-3161](#)

Аннотация

В статье анализируются наиболее актуальные вопросы реформирования пенсионных систем западных стран и России, введение условно накопительных и балльных технологий, применяемые механизмы автоматической корректировки различных параметров пенсионных систем. Общей тенденцией государственной политики большого числа высокоразвитых стран становится стремление снизить пенсионные ожидания граждан в отношении обязательного государственного страхования, прежде всего в тех государствах, где обеспечивается наиболее высокий уровень замещения пенсий средних трудовых доходов. Традиционные солидарные пенсионные системы перестраиваются в соответствии с критериями обеспечения долгосрочной устойчивости и адаптивности. Уровень, который ранее гарантировался застрахованным обязательным государственным пенсионным страхованием, в среднесрочной перспективе предлагается достигать на основе участия в частных и корпоративных пенсионных схемах. В исследовании основной акцент сделан на запланированных реформах по повышению пенсионного возраста и унификации пенсионных режимов во Франции, которые вызывают активные протесты населения. Пример Франции интересен в связи с определенными параллелями, которые можно провести между Россией и этой страной ЕС, в частности в отношении использования балльной системы учета пенсионных прав или необходимости сокращения большого количества льготных категорий работников, включенных в особые схемы обязательного пенсионного страхования. Рассматривается различный подход Франции и ряда других стран к выбору механизмов достижения финансовой устойчивости пенсионного обеспечения, правил валоризации накопленных пенсионных прав и самих пенсий. Делается вывод, что для французской пенсионной системы наиболее сложной задачей является согласование интересов различных профессиональных групп и унификация особых режимов страхования, упразднение значительных привилегий для отдельных категорий работников при сохранении страхового характера системы. Затрагиваются также вопросы важности формирования справедливых условий и расширения участия в пенсионном страховании для работников с нестандартной занятостью, новая практика введения индивидуальных счетов социального обеспечения, предназначенных для перевода накопленных прав на социальную защиту из статуса, связанного с занятостью, в статус индивидуальных условных накоплений.

Ключевые слова

Социальная сфера, пенсионные реформы, трудовые отношения, балльные системы, условно накопительные счета, пенсионные права, валоризация и индексация пенсий.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10039

Введение

Активная борьба французских трудящихся против запланированных пенсионных реформ в стране вновь поднимает вопрос о поиске универсальной модели пенсионного обеспечения, которая одновременно гарантировала разумное распределение расходов на будущие пенсии между работающими и пенсионерами и защищала наиболее уязвимые группы граждан как трудоспособного, так и пожилого

возраста. Пенсионные реформы, проводившиеся во многих странах в последние два десятилетия, не дали однозначного ответа на вопрос, насколько новые пенсионные технологии могут способствовать снижению рисков дестабилизации пенсионной системы в долгосрочной перспективе и стимулируют повышение личной ответственности трудоспособного населения за свое материальное обеспечение в старости.

За что борются французские трудящиеся?

Действующая французская пенсионная система в целом обеспечивает высокий уровень социальной защиты пенсионеров, прежде всего за счет обязательного пенсионного страхования распределительного типа. Процент замещения пенсией для работника со средней заработной платой существенно выше среднего по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), минимальная пенсия и социальные пособия помогают достичь одного из наиболее низких уровней бедности среди экономически развитых государств (ниже уровня бедности, до 1 тыс. евро в месяц на человека, в стране живет 7,2% пенсионеров, среди всего населения этот показатель составляет 13,6%). А предоставляемые пенсионные кредиты в периоды безработицы и ухода за детьми и нуждающимися в этом родственниками снижают неравенство среди пожилых. Соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных квинтильных групп (20%:20%) лиц в возрастной группе 65 лет и старше составляет 4 раза. Рассчитываемый в ЕС показатель соотношения пенсионных доходов лиц в возрасте 65–74 лет к доходам лиц в возрастной группе 50–59 лет (соотношение начального периода получения пенсии к позднему периоду карьеры) во Франции и Италии составляет 68–69% (в ЕС в среднем — 58%, а в Германии и Дании, например, — 46–47%)¹. Эффективный пенсионный возраст (средневзвешенный возраст ухода с рынка труда) во Франции самый низкий среди стран ОЭСР — 60 лет (в среднем по государствам данной группы он составляет 65 лет для мужчин и 63,5 года для женщин, в США, например, 66,7 и 65,3 лет соответственно). Общие расходы на пенсионное обеспечение (бюджетные и по обязательному страхованию) составляют 14% ВВП, вместе с расходами на долгосрочное обслуживание и медицинское обеспечение пожилых они достигают 29,4% ВВП страны (аналогичные показатели только в Норвегии — 29,7, средний уровень для ЕС — 24,5%)².

---

¹ Pension adequacy report 2018. Current and future income in the EU. Volume 1. P. 47 // Publications Office of European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=19417&langId=en> (дата обращения: 25.11.2019).

² The 2018 ageing report. Economic and budgetary projections for the 28 member states (2016–2070). Institutional paper 079. P. 12 // European Commission [Электронный ресурс].

Однако пенсионная система страны отличается высокой степенью фрагментации и сложностью структуры. В состав государственного пенсионного обеспечения входят общая схема (которая охватывает 2/3 работающего населения) и специальные программы для сельскохозяйственных рабочих, самозанятых, госслужащих и многочисленных отдельных категорий наемных работников, включая работников железнодорожного транспорта, моряков, преподавателей, работников свободных профессий и др., всего 42 обязательные государственные пенсионные схемы. Официальный базовый пенсионный возраст по общей схеме составляет 62 года и для мужчин, и для женщин. Пенсия рассчитывается по средней заработной плате за лучшие 25 лет (50% заработка до установленного лимита), но при условии выплаты взносов в течение 163–172 кварталов (в зависимости от года рождения). В специальных схемах предусмотрены более благоприятные условия, более низкий пенсионный возраст (на 4–5, а в отдельных схемах до 10 лет ниже базового) и другие правила расчета пенсий (75% заработной платы за последние 6 месяцев и отсутствие верхнего лимита, что снижает необходимость участия в профессиональных схемах). Второй уровень составляют объединенные в 2019 г. обязательные распределительные балльные профессиональные схемы AGIRC и ARRCO, управляемые социальными партнерами. Их доля в общем объеме пенсионного обеспечения по обязательным схемам составляет около 24%³. Комбинировать работу и получение пенсии можно двумя способами: осуществлять постепенный уход на пенсию, то есть после 62 лет застрахованный может снизить на 40–80% число часов своей работы и получать соответствующую долю заработной платы и часть пенсии (в этом случае работник продолжает выплачивать взносы и увеличивает свои пенсионные права). При работе полное рабочее время и получении полной пенсии страховые взносы выплачиваются, но пенсионные права не увеличиваются (что в целом не характерно для зарубежной практики пенсионного страхования, в большинстве случаев допускается прекращение уплаты страховых взносов работающими пенсионерами, но при продолжении выплаты взносов начисляются дополнительные пенсионные права).

URL: https://ec.europa.eu/info/publications/economy-finance/2018-ageing-report-economic-and-budgetary-projections-eu-member-states-2016-2070_en (дата обращения: 25.11.2019).

³ Pension adequacy report 2018. Current and future income in the EU. Vol. 2. — Country profiles. P. 95 // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8085&furtherPubs=yes> (дата обращения: 25.11.2019).

Основные задачи пенсионных реформ Франции на фоне общих изменений пенсионных систем стран ОЭСР

Большинство стран ОЭСР прошли этап активного реформирования своих пенсионных систем, нацеленных на обеспечение более позднего выхода работников на пенсию и достижение предполагаемой долгосрочной финансовой стабильности [Axelrad, Mahoney 2017]. Кроме постепенного повышения официального пенсионного возраста и допустимого возраста досрочного выхода на пенсию, ряд стран внесли изменения в правила получения пенсий и пособий по инвалидности и пособий по безработице для лиц старших возрастных групп с целью ограничения их использования как особых схем выхода на пенсию. Но в прошедшие 4–5 лет некоторые страны (в том числе Канада, Польша, Чехия, Италия) решили пересмотреть ранее одобренные реформы и не поднимать пенсионный возраст выше 65 лет. Частичные изменения пенсионной системы, сопровождаемые массовыми забастовками и выступлениями трудящихся, осуществлялись во Франции в 1993 г., 2003 г., 2010 г. и 2014 г. В 2015 г. было заключено трехлетнее соглашение работодателей и профсоюзов о постепенном повышении пенсионного возраста в профессиональных пенсионных схемах и временном использовании отстающей индексации профессиональных пенсий по сравнению с ростом цен (на 1% меньше роста цен). Среди последних осуществленных в стране изменений было повышение в 2017 г. на 0,3% размера страховых взносов, продление требуемого периода выплаты страховых взносов для получения полной пенсии (до 43 лет к 2035 г. для лиц, родившихся в 1973 году и позднее) вместе с более льготными условиями для расчета продолжительности квартала, перенос с 1 апреля на 1 октября срока ежегодной индексации пенсий, сокращение числа критериев отнесения работ к категории сложных и опасных. Франция — одна из 5 стран, в которых действуют законодательные нормы, описывающие правила определения работ, включенных в категории вредных и опасных, и в которой существование специальных режимов пенсионного обеспечения для отдельных категорий работающих с правом более раннего выхода на пенсию сочетаются с мерами по улучшению условий труда [Natali et al. 2016]. В этой связи необходимо отметить, что в большой группе европейских стран, в том числе в Швеции, Великобритании, Дании, Нидерландах, нет официальной оформленной политики в отношении работников, занятых на вредных, тяжелых и опасных работах, а риски более ранней утраты трудоспособности во многих случаях включаются в их заработную плату, а не компенсируются более ранним выходом на пенсию, что не исключает возможность использования дополнительных льгот в этих странах в соответствии с коллективными соглашениями.

Французское правительство в сентябре 2017 г. сформировало специальную Комиссию по подготовке пенсионной реформы. В ноябре 2018 г. Комиссия определила основные направления своей деятельности: 1) серьезное упрощение действующей пенсионной системы, 2) определение инструментов достижения финансовой стабильности, снижения влияния на финансовое состояние пенсионной системы негативных долгосрочных экономических и демографических изменений и кратковременных шоков. Свои рекомендации по внедрению новой пенсионной системы Комиссия опубликовала в июле 2019 г. Цель новой реформы — унифицировать систему, снизить неравенство в правах при расчете пособий, сократить число категорий работников, имеющих право на раннюю пенсию, облегчить трудовую мобильность и улучшить управление пенсионным обеспечением. Среди предполагаемых реформ фигурировало и повышение с 62 до 64 лет базового пенсионного возраста для получения полной пенсии. Массовые протесты со стороны наиболее активных групп работников транспорта, нефтяной промышленности, образования, культуры, то есть прежде всего включенных в специальные обязательные пенсионные схемы, заставили власти пересмотреть некоторые основные положения реформы и график осуществления намеченных мероприятий.

Начало реформы по введению всеобщего пенсионного режима перенесено с 2025 г. на 2037 г. и будет касаться граждан, родившихся после 1975 г. До вступления в силу новых правил работники, включенные в специальные пенсионные схемы, смогут выходить на пенсию досрочно, до 60 лет. Для выходящих на пенсию после 2037 г. трудовой стаж до 2025 г. планируется учитывать по ранее действовавшим правилам, после 2025 г. — по новым. Первым поколением, которое должно получать пенсии в соответствии с общей пенсионной схемой, станут граждане страны 2004 года рождения.

Пенсионный возраст и гибкие схемы выхода на пенсию

Вопросы пенсионного возраста, его соотношения с продолжительностью жизни и длительность переходного периода волнуют не только французов, но и даже после принятия всех решений остаются предметом серьезных дискуссий в РФ. По данным на 2018 г., во Франции фиксируется самые низкие уровни эффективного возраста ухода с рынка труда (60,8 лет и для мужчин, и для женщин) и высокие показатели продолжительности жизни на пенсии среди всех стран ОЭСР: 26,9 лет для женщин и 22,7 года для мужчин, средние показатели по всем странам данной группы

составляют соответственно 22,5 года и 17,8 лет⁴. Занятость лиц старшей возрастной группы 50–74 года составляет 41,9%, при средних показателях по странам ОЭСР 51,1% [Gerpert et al. 2019]. В российском варианте осуществляемое ускоренное повышение официального пенсионного возраста представляется менее оправданным с демографической (существенно более низкая продолжительность жизни как общей после рождения, так и остаточной, после 60 лет, особенно для мужчин) и социальной точек зрения, в том числе состояния рынка труда.

Своеобразной альтернативой крайне непопулярным и политически опасным мерам по повышению пенсионного возраста и увеличению продолжительности необходимого страхового стажа, как показывает опыт отдельных экономически развитых стран, выступает приобретающий все большее распространение механизм автоматической корректировки различных параметров пенсионной системы, не требующий постоянных согласований с социальными партнерами. Ряд европейских стран автоматически связали установку пенсионного возраста с продолжительностью жизни. Но при этом, например, в Дании, Нидерландах и Эстонии узаконена пропорциональная связь 1:1: один год увеличения продолжительности жизни после 65 лет (60 лет в Дании) ведет к увеличению пенсионного возраста на один год, что теоретически меняет соотношение продолжительности работы и нахождения на пенсии в пользу работы. В Финляндии и Португалии пенсионный возраст должен увеличиваться на 2/3 от роста продолжительности жизни после 65 лет. Основной целью в последнем случае выступает сохранение соотношения между ожидаемой продолжительностью нахождения на пенсии и активной занятости.

Решение о введении автоматической корректировки пенсионного возраста в соответствии с увеличением продолжительности жизни были приняты в Италии и Словакии, но впоследствии его отменили (Словакия окончательно, Италия временно, предположительно до 2026 г., сохранив ее для ряда профессий). Сама по себе установка связи пенсионного возраста с продолжительностью жизни хотя и способствует учету последствий старения населения для корректировки рынка труда, не может автоматически привести к достижению финансовой стабильности распределительных пенсионных систем. Во-первых, рост численности трудоспособного населения связан в основном со структурой населения и уровнем рождаемости и не зависит от

---

⁴ Pensions at a glance 2019: OECD and G20 indicators. P. 181 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/publications/oecd-pensions-at-a-glance-19991363.htm> (дата обращения: 25.11.2019).

продолжительности жизни, во-вторых, в большинстве стран дополнительные годы работы существенно увеличивают размеры пенсионных обязательств. Тем не менее считается, что отсутствие связи между пенсионным возрастом и улучшением параметров продолжительности жизни ведет к нарушению финансового баланса системы, если не прибегать к увеличению взносов или снижению уровня замещения пенсией заработка. Пока Франция не относится к группе стран, применяющих данный механизм автоматической корректировки.

Относительно новым явлением в практике развитых стран стало стимулирование гибких национальных и отраслевых схем частичного выхода на пенсию. Такого рода схемы, нацеленные на продление длительности трудовой жизни и сглаживание процесса перехода к пенсии, действуют в половине стран ЕС, в том числе и во Франции [Dubois et al. 2016]. Частичный выход на пенсию может быть особенно востребован для определенных категорий работников, прежде всего лиц с семейными обязанностями или с проблемами со здоровьем. Главным препятствием широкого использования данных схем на сегодняшний момент выступает относительно слабая заинтересованность работодателей в таких моделях.

Тренд на унификацию пенсионных систем

Другой важный как для РФ с ее высокой долей льготных категорий работников, так и для Франции вопрос — непростая задача упразднения привилегий для представителей некоторых профессиональных групп. С точки зрения унификации своих пенсионных систем, прежде всего объединения пенсионных систем для работников частных структур и госслужащих, страны ОЭСР могут быть разделены на 4 группы. В половине стран ОЭСР⁵ все наемные работники вне зависимости от сектора занятости (или по крайней мере все вновь выходящие на рынок труда) охвачены одной общей схемой обязательного пенсионного страхования. Значительная часть участников данной группы приступили к процессу объединения работников частного сектора и госслужащих в течение последних двух десятилетий. Во вторую большую группу входят страны, в которых пенсионные схемы для работников частного и государственного секторов идентичны, но управляются разными структурами. К этой группе относятся, например, Финляндия, Нидерланды, Швеция. В 10 странах ОЭСР, составляющих третью группу, для работников государственного и частного секторов экономики действует единая система, но для госслужащих предусмотрено

---

⁵ В состав первой группы входят Италия, Япония, Швейцария, Испания, Португалия, Греция, Венгрия, Польша, Прибалтийские государства.

дополнительное обязательное пенсионное страхование. В состав данной группы входят Австралия, Канада, Дания, Австрия, Ирландия, Норвегия, США и Великобритания. Например, в Великобритании все работающие охвачены новой государственной обязательной пенсионной системой, но у госслужащих в дополнение есть обязательная профессиональная пенсия. Что касается работников частного сектора страны, то они имеют право отказаться от участия в дополнительном профессиональном пенсионном страховании. И только в 4 странах, включая Францию, Бельгию и Германию, продолжают действовать разные схемы для трудящихся государственного и частного секторов экономики. Однако необходимо отметить, что в среднем разница в пенсионном обеспечении во Франции работников этих секторов составляет всего 6%, в Германии и Бельгии она достигает 30%. Еще больше различия в пользу работников госсектора в странах третьей группы: в США и Канаде — 45–50%, Великобритании — 80% [Boulhol 2019, 10].

Согласно проекту французской реформы, унификация различных обязательных государственных пенсионных схем для разных категорий работников как частного, так и государственного сектора должна осуществляться на основе балльной системы. Балльные формулы расчета пенсий, основанные на суммарном подсчете актуарной стоимости каждого года страхового стажа с учетом соотношения индивидуального заработка со средней заработной платой в стране за тот же период, наряду с условно накопительными счетами рассматриваются как инструменты современных пенсионных технологий, призванные сгладить явные недостатки традиционных распределительных систем. Соблюдение эквивалентности обязательств по взносам и выплатам является одновременно важным страховым принципом и серьезным механизмом мотивации работников к участию в финансировании пенсионной системы.

Внедрение балльной системы в РФ сопровождалось многочисленными критическими замечаниями. Примером достаточно успешного использования с 1992 г. балльной пенсионной системы является Германия. Индивидуальная пенсия в стране зависит от накопленных за всю трудовую жизнь баллов и стоимости балла. Один балл соответствует средней заработной плате за год. Низкие (менее 450 евро в месяц) и относительно высокие (более 215% от средней заработной платы) заработки исключены из базы расчета страховых взносов, и баллы на эти суммы не начисляются. Дополнительные баллы начисляются за уход за ребенком, получение пособий по безработице, работу в особых условиях. Стоимость балла ежегодно корректируется с учетом фактора стабилизации (соотношения численности пенсионеров и плательщиков

взносов), но в 2018 г. был введен нижний порог стоимости одного балла для обеспечения нетто уровня замещения пенсией работнику со средней заработной платой и стажем 45 лет, не менее 48% заработка до 2025 г. С другой стороны, в Бельгии предложения по введению балльной системы для 3 различных пенсионных схем (для работников частного, государственного сектора и самозанятых) с установкой для этих схем ряда общих правил (длительность страхового стажа для получения полной пенсии, пенсионный возраст, автоматическая корректировка отдельных параметров систем) не получили поддержки на уровне руководства страны.

Другим возможным вариантом современного реформирования распределительной части системы могут быть и получившие достаточно широкое распространение в европейских странах условно накопительные индивидуальные пенсионные счета. Парадоксом внедрения данных счетов в государственные пенсионные системы, например, восточноевропейских государств стало то, что на начальном этапе они могли быть менее выгодны для участников, чем в случае простых параметрических корректировок, но не вызывали такого серьезного негативного восприятия как в случае повышения пенсионного возраста, продления необходимого страхового стажа или отмены права на ранний выход на пенсию. Отчасти это можно объяснить тем, что условно накопительные счета воспринимались участниками не как налоги, а как финансовые активы, находящиеся в фазе накопления, которые временно нельзя использовать, но частично можно контролировать. Учет предыдущего стажа мог осуществляться двумя способами: через определение схемы учета заработанных прав или использования смешанной системы расчета пенсий. Условно накопительные счета были введены в пенсионные схемы в Швеции, Норвегии, Латвии, Польше, Италии, Словакии. В Швеции переходные правила действовали 15 лет для лиц, родившихся в период с 1938 г. по 1953 г. Родившиеся в 1937 г. и ранее не были затронуты изменениями, а лица 1938 года рождения получали 16/20 пенсии по старой схеме и 4/20 по новой. Для каждого последующего поколения происходило увеличение на 1/20 доли пенсии, начисляемой по новым правилам, родившиеся в 1954 году (на момент начала реформы в 1999 г. им было 45 лет) стали первым поколением, пенсия которому стала рассчитываться на основе новых правил, включая условно накопительную составляющую. Для Италии процесс такого перехода растянулся еще на более длительный срок, а в Словакии решение о замене традиционной распределительной системы на балльную было принято в 2003 г., и уже в 2006 пенсии стали начисляться исходя из балльной оценки зарплаты за всю трудовую жизнь вместо применяемой ранее схемы расчета средней заработной платы за 5 лучших лет из 10.

В РФ с 2002 по 2014 гг. действовала условно накопительная схема формирования страховой пенсии. В 2015 г. она была заменена балльной системой. Теоретическим преимуществом новой модификации страховых пенсионных счетов является учет в методике расчета большого количества факторов: стажа, условий труда, размеров заработной платы, наличия социально значимых периодов жизни, за которые также начисляются баллы (уход за ребенком, служба по призыву), которые должны мотивировать граждан больше и дольше официально работать и следить за перечислением страховых взносов работодателем. Однако критикам данной реформы балльная система кажется менее понятной и прозрачной, чем индивидуальные накопительные счета, права по которым формировались в рублях, а не в индивидуальных пенсионных коэффициентах (баллах), особенно с учетом того, что стоимость баллов ежегодно устанавливает государство по недостаточно ясной процедуре. Выбор системы баллов во Франции объясняется, помимо прочего, тем, что население больше знакомо с данной системой, так как она использовалась ранее в профессиональных страховых схемах AGIRC и ARRCO. Стоимость баллов во Франции планируется определять на уровне когорты и корректировать в соответствии с изменением величины базы взносов. Открытым остается вопрос, должен ли верхний лимит заработков, с которых выплачиваются взносы, быть больше, чем при назначении пенсий, в зависимости от ответа на него будет определяться механизм финансирования перераспределения в рамках пенсионной системы.

Некоторые спорные вопросы солидарного перераспределения и достижения финансовой устойчивости пенсионных систем

Новые пенсионные технологии призваны прежде всего повысить личную материальную заинтересованность и ответственность работников в участии в пенсионном страховании, но несут в себе и специфические сложности. Серьезным недостатком всех модификаций персональных счетов является их низкий уровень или даже полное отсутствие разделения рисков. Отказ от механизма солидарного перераспределения увеличивает опасность формирования недостаточного уровня условных или реальных накоплений как результат низкой заработной платы, частых перерывов в занятости, возникновения проблем со здоровьем. Поэтому балльные или накопительные (условные или реальные) схемы требуют дополнения в виде определенного типа перераспределительного механизма. Само перераспределение может осуществляться за счет полученных страховых взносов, но его размер зависит от двух факторов: насколько финансирование пенсий отделено от других частей общего

государственного бюджета и есть ли задача осуществлять данное перераспределение за счет страховой системы. Например, в Норвегии страховые взносы на условно накопительные счета уплачиваются со всей заработной платы работника, а начисление пенсий осуществляется с величины не более 115 % от средней заработной платы в стране. Поэтому норвежская пенсионная система носит значительно больший перераспределительный характер, чем шведская, где перераспределение в рамках схемы условно накопительных счетов осуществляется через платежи, поступающие на индивидуальные счета застрахованных из системы общего налогообложения.

Достаточно распространенной практикой при расчете страховых взносов является установка верхних лимитов и впоследствии пенсий на уровне не более 2,5 средних заработков в стране. В Швейцарии данный лимит установлен на уровне средней величины заработной платы, в Швеции, Норвегии, Канаде и Бельгии — чуть больше среднего, в Австрии, Испании и Германии — в пределах 1,5 средних заработных плат, в США, Японии и Австралии верхняя граница достигает 2–2,5, Италии — 3, во Франции в системе обязательного профессионального страхования действует высокий лимит — 8 средних заработков. В то же время в ряде стран, в том числе Нидерландах, Финляндии, Португалии, вообще нет верхних границ базы трудовых доходов для начисления пенсионных взносов. А в Швеции ограничения действуют только в отношении условно накопительных и накопительных счетов обязательной системы, но их нет в традиционных квазиобязательных профессиональных схемах. Пока вопрос определения верхнего лимита трудовых доходов для расчета взносов и пенсий по новой общей пенсионной схеме во Франции остается дискуссионным, а основной гарантией для пожилых лиц, получавших низкую заработную плату, выступает минимальная страховая пенсия, составляющая 22,3% от средней заработной платы в стране. По данным на 2018 г., ее получает 39% лиц в возрасте 65 лет и старше⁶.

Еще один вызывающий общественные дискуссии вопрос — выбор механизмов достижения финансовой устойчивости пенсионного обеспечения. Спектр вопросов здесь очень широкий: от изменения институциональной структуры пенсионной системы, формирования нового баланса между обязательным и добровольным, коллективным и индивидуальным страхованием до разработки правил учета

---

⁶ Pensions at a glance 2019: OECD and G20 indicators. P. 135 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/publications/oecd-pensions-at-a-glance-19991363.htm> (дата обращения: 25.11.2019).

пенсионных прав и индексации пенсий [Borsch-Supan et. al. 2018; Natali 2018]. В обсуждаемые вопросы структурного характера входят, например, возможности введения обязательных накопительных элементов или необходимость сохранения в пенсионных системах пенсий по потере кормильца. Опыт введения обязательных накопительных структурных элементов в государствах Восточной Европы и отчасти Латинской Америки оказался весьма неоднозначным и не продемонстрировал, по крайней мере в условиях всеобщего распространения пенсионного обеспечения (как в государствах Восточной Европы и РФ), способности повысить финансовую устойчивость системы [Ortiz et al. 2018; Heinz 2013].

Разный подход в странах отмечается и в отношении включения в процессе реформирования в общие страховые системы пенсионного обеспечения пенсий по потере кормильца. В настоящее время в среднем в странах ОЭСР приходится 22 получателя пенсии по потере кормильца на 100 пенсионеров по старости. Общие государственные расходы на данный вид пенсионного обеспечения составляют 1–2% ВВП стран. Как правило, важным критерием назначения данного вида пенсии выступает возраст реципиента, во Франции он составляет 55–60 лет, это средний показатель для государств данной группы. В то же время в ряде стран возрастной критерий не применяется (Италия, Канада, Норвегия, Испания), что может оказывать, как считается, негативное влияние на стремления к трудоустройству относительно молодых лиц, потерявших супруга.

Еще одним критерием служит уровень доходов предполагаемого получателя. Во Франции оценка нуждаемости при назначении данного вида пенсии была введена в 2003 г. В Германии длительность выплаты пенсии по потере кормильца с 2001 г. была ограничена 2 годами, а ее размер снижен с 60% до 55%. Согласно действующим правилам, размер пенсии по потере кормильца составляет около 50–70% от страховой пенсии умершего супруга. В среднем в странах ОЭСР (где есть такая пенсия) никогда не работавшая супруга будет получать пенсию, составляющую около 31% средней заработной платы в стране (если ее супруг получил право на полную пенсию), в то время как базовая пенсия или денежное пособие по социальной помощи в среднем колеблется в пределах около 20%⁷.

---

⁷ Pension outlook 2018 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/oecd-pensions-outlook-2018_pens_outlook-2018-en (дата обращения: 25.11.2019).

По мнению сторонников реформирования системы пенсий по потере кормильца, с точки зрения снижения бедности нет каких-либо очевидных оснований для выплаты вдове более высокого пособия, чем другим лицам в схожих обстоятельствах. В то же время главным основанием для выплаты данной пенсии может быть сглаживание потребления семьи после смерти супруга (супруги), и претенденты, согласно рекомендациям, не должны получать право на постоянную пенсию до достижения пенсионного возраста. В Австралии, Швеции, Латвии, Великобритании данный вид пенсионного обеспечения был постепенно или одномоментно (Латвия) ликвидирован при внедрении индивидуальных условно накопительных счетов, а в Италии они были полностью интегрированы в новую схему. Не отразилось и на правилах расчета пенсий по потере кормильца введение балльных систем в Германии, Словакии и Литве. Однако в силу действия тенденций по персонализации систем пенсионного обеспечения и повышения занятости женщин, составляющих подавляющее большинство получателей пенсии по потере кормильца⁸, обсуждается вопрос о разделении страховых взносов на определенные части с учетом возможности перевода пенсионных прав от одного супруга к другому.

Важным вопросом как для обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы, так и обеспечения материального благосостояния пенсионеров являются правила валоризации ранее получаемых заработных плат при расчете начального уровня пенсий и последующей корректировке получаемых пенсионных выплат. При учете ранее получаемых заработных плат все государства, применяющие балльные и условно накопительные счета, используют показатели роста средней заработной платы в стране. Кроме этого, Италия, Латвия и Польша также принимают во внимание изменения динамики ВВП или фонда заработной платы. Еще одним фактором при установке начальной пенсии во многих случаях выступает связь с продолжительностью жизни.

Применяемый во многих странах так называемый фактор стабилизации предполагает использование механизма автоматической корректировки, связывающий пенсии и продолжительность жизни. В Финляндии данный механизм затрагивает только вновь назначаемые пенсии, а в Японии и ряде других стран — и новые, и уже выплачиваемые. В Швеции для достижения сбалансированности доходов и расходов системы пенсионного обеспечения применяется механизм снижения расчетной доходности средств по условно накопительным счетам застрахованных и размеров

---

⁸ Доля вдов в возрастной группе 65–69 лет в 1960–1966 гг. составляла 38%, в 2010–2016 гг. — 18%.

индексации назначенных пенсий. В Нидерландах снижение стоимости активов пенсионных фондов по отношению к размерам обязательств ниже 104,2% в течение более 5 лет ведет к снижению размеров как вновь назначаемых, так и выплачиваемых пенсий.

В отличие от многих стран, Франция на сегодняшний момент не использует механизм автоматической корректировки пенсионного возраста и пенсий в зависимости от показателей продолжительности жизни, а при расчете начальных пенсий проводит индексацию ранее получаемых трудовых доходов в основной пенсионной схеме в соответствии с изменением индекса цен без учета изменения заработных плат. В отношении обязательных профессиональных пенсий социальные партнеры согласовали правила индексации баллов и расчета пенсий до 2033 г. Стоимость выплаченных взносов должна будет индексироваться в соответствии с ростом заработной платы, а стоимость баллов при расчете пенсии до 2022 г. будет корректироваться в соответствии с ростом цен, а в последствии планируется учитывать и рост заработной платы. Корректировка по ценам выплачиваемых ранее заработных плат и пенсий имеет целый ряд недостатков и ведет к существенному сокращению размеров пенсий по отношению к заработной плате, возможному формированию значительного разрыва между доходами и расходами пенсионеров. В силу этих причин считается необходимым учитывать, хотя бы частично, тенденции роста заработной платы, особенно при расчете начальной пенсии. В 8 странах ОЭСР корректировка пенсионных выплат осуществляется на основе сочетания данных по росту инфляции и заработной платы, в 4 странах — на основе комбинации изменения индекса цен и показателей ВВП или фонда заработной платы.

Еще одним критическим вопросом в деле современного реформирования пенсионных систем, наряду со стремлением достижения стабильности, является формирование справедливых условий и расширение участия в страховании для растущего слоя лиц с нестандартной занятостью (сезонный, поденный, случайный труд, работа по вызову через интернет-платформы или мобильные приложения, многосторонние и скрытые отношения найма, субподряды и т.д.) и самозанятых [Spasova et al. 2017]. Во Франции в последнее десятилетие не только темпы роста нестандартной занятости, но и самозанятости превышают темпы роста общей занятости населения. В стране формально действуют одинаковые условия страхования работников со стандартной и нестандартной занятостью, но из-за низкой заработной платы и особенностей начисления кварталов для учета пенсионных прав последние

оказываются в более уязвимом положении, им сложно накопить достаточное количество кварталов и баллов, что неизбежно сказывается на будущей пенсии. Самозанятые во Франции в целом приобретают в обязательных схемах меньше прав, чем наемные работники, но для них в настоящее время действует своя особая профессиональная схема. Важным направлением реформ с учетом вероятности неоднократной смены работником своего статуса является расширение возможностей сохранения прав на социальное обеспечение при переходе из одной системы в другую и при смене статуса занятости. Интегрированные системы социального страхования облегчают переход между статусами. Есть и другие варианты. В настоящее время обсуждается модель внедрения индивидуальных счетов социального обеспечения, которые можно использовать на различные цели, в том числе для досрочного выхода на пенсию, открытия бизнеса, получения дополнительного образования. Во Франции индивидуальные социальные счета (*compte personal d'active*), предназначенные для перевода накапливаемых прав на социальную защиту из статуса, связанного с занятостью, в статус индивидуальных условных накоплений (права учитываются в виде баллов), не связанных напрямую с трудовой деятельностью, начали вводиться в оборот с 2017 г. Каждый гражданин, в соответствии с данной схемой, сможет самостоятельно разрабатывать и осуществлять различные сценарии своих взносов и объема получаемых социальных пособий⁹.

Заключение

Для современных пенсионных систем ключевым вопросом становится внесение изменений в так называемый межпоколенный контакт, разумное распределение расходов на будущие пенсии между работающими и пенсионерами и одновременно обеспечение защиты наиболее уязвимых групп населения. Франция, как и еще целый ряд стран континентальной Европы, используют модифицированную модель пенсионного обеспечения, основанную на социально-трудовых отношениях, относительно тесной увязке размеров пенсии с индивидуальным вкладом застрахованного и его работодателя в страховую систему. Нестраховое перераспределение в этих моделях играет ограниченную и вспомогательную роль, тем не менее в рамках данной модели успешно решаются вопросы сокращения бедности среди пожилых и обеспечения высокого уровня замещения пенсией трудовых доходов.

---

⁹ The future of social protection P. 108–110 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/the-future-of-social-protection_9789264306943-en (дата обращения: 25.11.2019).

Для французской системы на современном этапе стоит уже решенная во многих странах задача унификации различных особых режимов страхования, упразднения многочисленных привилегий для отдельных профессиональных групп (или конвертации их пенсионных прав в дополнительные пенсионные коэффициенты) и облегчение жизни тем, кто меняет профессию и статус, при сохранении страхового характера системы.

Действующая российская пенсионная система декларируется как страховая, но на практике не отражает прежнего трудового вклада получателей пенсий и в большей степени выступает как инструмент преодоления крайней бедности, искажающий мотивацию участников в пенсионном страховании и создающий отрицательные стимулы для формальной занятости. Актуальными вопросами для российской пенсионной системы остаются выделение из нее нестраховых компонентов и продолжение реформирования системы досрочных пенсий в связи с работой во вредных и опасных условиях труда.

Повышение пенсионного возраста во Франции представляется более оправданным, чем в России, как с демографических, так социальных позиций, с точки зрения необходимости учета последствий старения населения для состояния рынка труда и финансовой устойчивости пенсионной системы, но в этом вопросе, вероятно, большую роль в стране играют политические последствия данного решения. Чтобы в том числе избежать негативных политических последствий, значительная часть стран ОЭСР пошла по пути автоматической корректировки отдельных параметров пенсионной системы, включая пенсионный возраст и размеры пенсий, в соответствии с изменениями различных демографических и финансово-экономических индикаторов, таких как продолжительность жизни, финансовый баланс пенсионной системы, соотношение плательщиков взносов и получателей пенсий.

Список литературы:

- Axelrad H., Mahoney K.J.* Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? // *Open journal of Social Sciences*. 2017. Vol. 5. P. 50–70. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2017.57005>.
- Borsch-Supan A., Coile C.* Social Security Programs and Retirement around the World: Reforms and Retirement Incentives — Introduction and Summary // *NBER Working paper*. 2018. No. 25280. URL: <https://www.nber.org/papers/w25280.pdf> (дата обращения: 25.11.2019).

Boulhol H. Objectives and Challenges in the Implementation of a Universal Pension System in France // OECD Economics Department Working Papers. 2019. No. 1553. DOI: <https://doi.org/10.1787/18151973>.

Dubois H., Runceane G., Anderson R. Extending Working Lives through Flexible Retirement Schemes: Partial Retirement. European Foundation for Improvement of Living and Working Conditions. Luxemburg: Publication office of European Union, 2016. DOI: <http://dx.doi.org/10.2806/004233>.

Geppert Ch., Guillemette Y., Morgavi H., Turnes D. Labour Supply of Older People in Advanced Economies: The Impact of Changes to Statutory Retirement Ages // OECD Economic Department Working Paper. 2019. No. 1554. DOI: <https://doi.org/10.1787/18151973>.

Heinz R. Reversal and Reduction, Resolution and Reforms: Lessons from Financial Crisis in Europa and Central Asia to Improve Outcomes from Mandatory Private Pensions. Washington, DC: World Bank, 2013. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/490141468257678018/Reversal-and-reduction-resolution-and-reform-lessons-from-the-financial-crisis-in-Europe-and-Central-Asia-to-improve-outcomes-from-mandatory-private-pensions> (дата обращения: 25.11.2019).

Natali D. Recasting Pensions in Europe: Policy Challenges and Political Strategies to Pass Reforms // Swiss Political Science Review. 2018. Vol. 24/1. P. 53–59. DOI: <https://dx.doi.org/10.1111/spsr.12297>.

Natali D., Spasova S., Vanhercke B. Retirement Regimes for Workers in Arduous or Hazardous Jobs in Europe. A Study of National Policies. Brussels: European Commission, 2016. DOI: <https://dx.doi.org/10.2767/978434>.

Spasova S., Bouget D., Ghailani D., Vanhercke B. Access to Social Protection for People Working on Non-Standard Contracts and as Self-Employed in Europe: A Study of National Policies. Brussels: European Commission, 2016. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/fb235634-e3a7-11e7-9749-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 25.11.2019).

Ortiz I., Duran-Valverde F., Urban S., Wodsak V., Yu Z. Reversing Pension Privatization: Rebuilding Public Pension Systems in Eastern European and Latin American Countries (2000–2018) // ESS working paper. 2018. No. 63. URL: https://www.ilo.org/secsoc/information-resources/publications-and-tools/books-and-reports/WCMS_648574/lang--en/index.htm (дата обращения: 25.11.2019).

Дата поступления: 10.12.2019

Shestakova E.E

On the Way to Reform the Pension System: New Technologies and Old Problems

Elena E. Shestakova — PhD, Leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: EEShestakowa@gmail.com

Abstract

The article analyzes the most pressing issues of reforming pension systems in Western countries and Russia, introduction of notional defined and points technologies, mechanisms for automatic adjustment of pension systems various parameters. The state policy general trend in a large number of developed countries is to reduce the pension expectation of citizens in relation to mandatory pension insurance, especially in those states where the highest level of labor income replacement with a pension is provided. Traditional solidary pension systems are being rebuilt in accordance with the criteria for ensuring long-term sustainability and adaptability. The level that was previously guaranteed by the insured mandatory state pension insurance is proposed to be reached in the medium term through participation in private and corporative pension schemes. The main focus is on the planned reforms to raise the retirement age and unify pension regimes in France that are causing active protests among the population. This country has been chosen due to certain parallels that can be drawn between Russia and France in particular with regard to the use of point system for accounting for pension rights or the need to reduce the large number of preferential categories of work included in special mandatory pension insurance schemes. The article considers the different approach in France and a number of other countries to the choice of mechanisms for achieving financial stability of pension provision, rules for valorization of accumulated pension rights and pensions themselves. It is concluded that for French pension system the most difficult task is to reconcile the interests of different professional groups and unify special insurance regimes, abolishing significant privileges for certain categories of employees while maintaining the insurance nature of the system. The issues of the importance of creating fair conditions and expanding participation in pension insurance for employees with non-standard employment, the new practice of introducing individual social security accounts designed to transfer the accumulated rights to social protection from the status of employment-related to the status of individual notional defined saving are discussed.

Keywords

Social sphere, pension reform, labour relations, financial stability of pension system, valorization and indexation of pensions.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10039

References:

- Axelrad H., Mahoney K.J. (2017) Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? *Open journal of Social Sciences*. Vol. 5. P. 50–70. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2017.57005>.
- Borsch-Supan A., Coile C. (2018) Social Security Programs and Retirement around the World: Reforms and Retirement Incentives — Introduction and Summary. *NBER Working paper*. No. 25280. Available: <https://www.nber.org/papers/w25280.pdf> (accessed: 25.11.2019).
- Boulhol H. (2019) Objectives and Challenges in the Implementation of a Universal Pension System in France. *OECD Economics Department Working Papers*. No. 1553. DOI: <https://doi.org/10.1787/18151973>.

Dubois H., Runceane G., Anderson R (2016) *Extending Working Lives through Flexible Retirement Schemes: Partial Retirement*. European Foundation for Improvement of Living and Working Conditions. Luxemburg: Publication office of European Union. DOI: <http://dx.doi.org/10.2806/004233>.

Geppert Ch., Guillemette Y., Morgavi H., Turnes D. (2019) Labour Supply of Older People in Advanced Economies: The Impact of Changes to Statutory Retirement Ages. *OECD Economic Department Working Paper*. No. 1554. DOI: <https://doi.org/10.1787/18151973>.

Heinz R. (2013) *Reversal and Reduction, Resolution and Reforms: Lessons from Financial Crisis in Europa and Central Asia to Improve Outcomes from Mandatory Private Pensions*. Washington, DC: World Bank. Available: <http://documents.worldbank.org/curated/en/490141468257678018/Reversal-and-reduction-resolution-and-reform-lessons-from-the-financial-crisis-in-Europe-and-Central-Asia-to-improve-outcomes-from-mandatory-private-pensions> (accessed: 25.11.2019).

Natali D., Spasova S., Vanhercke B. (2016) *Retirement Regimes for Workers in Arduous or Hazardous Jobs in Europe. A Study of National Policies*. Brussels: European Commission. DOI: <https://dx.doi.org/10.2767/978434>.

Natali D. (2018) Recasting Pensions in Europe: Policy Challenges and Political Strategies to Pass Reforms. *Swiss Political Science Review*. Vol. 24/1. P. 53–59. DOI: <https://dx.doi.org/10.1111/spsr.12297>.

Ortiz I., Duran-Valverde F., Urban S., Wodsak V., Yu Z. (2018) Reversing Pension Privatization: Rebuilding Public Pension Systems in Eastern European and Latin American Countries (2000–2018). *ESS working paper*. No. 63. Available: https://www.ilo.org/secsoc/information-resources/publications-and-tools/books-and-reports/WCMS_648574/lang--en/index.htm (accessed: 25.11.2019).

Spasova S., Bouget D., Ghailani D., Vanhercke B. (2016) *Access to Social Protection for People Working on Non-Standard Contracts and as Self-Employed in Europe: A Study of National Policies*. Brussels: European Commission. Available: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/fb235634-e3a7-11e7-9749-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 25.11.2019).

Received: 10.12.2019

Управление образованием

Воронов А.С.

Развитие научно-исследовательского потенциала молодежи и популяризация науки среди школьников, студентов и молодых ученых России

Воронов Александр Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики инновационного развития; руководитель центра инновационного проектирования, факультет государственного управления; и.о. председателя Совета молодых ученых, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](https://elibrary.ru/4606-5045)

Аннотация

Популяризация науки как сферы деятельности и профессии ученого в современных условиях развития представляется как никогда актуальной. Поставленные Президентом Российской Федерации задачи и целевые показатели, нашедшие отражение в национальных проектах «Наука» и «Образование», а также в программе популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности Минэкономразвития России, амбициозны. Их выполнение позволит раскрыть и развить научно-исследовательский потенциал молодежи, популяризировать науку среди школьников, студентов, аспирантов и молодых ученых. В исследовании представлен анализ численного состава молодых ученых в России, его динамика, определены причины и тенденции, влияющие на эффективность науки России, возможности и потребности в ее популяризации среди молодежи. Определена роль профессии популяризатора науки в аспекте достижения задач социально-экономического развития России и ее регионов. Отдельное внимание автор уделяет практике популяризации науки и профессии ученого среди школьников, а также поддержке научной деятельности среди студентов, аспирантов и молодых ученых. Обозначены основные меры государственной поддержки науки и образования в России на период до 2024 года. В историческом аспекте рассмотрены формы и меры популяризации науки в России. Предложен комплекс мер по популяризации науки среди молодежи, а также систематизирован набор форм, способствующих более эффективному распространению научного знания и повышению интереса у молодежи к научно-исследовательской и инновационной деятельности.

Ключевые слова

Популяризация науки, молодые ученые, школьники, студенты, пропаганда науки, наука.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10040

Введение

Обеспечение информационной и образовательной поддержки школьников, студентов, аспирантов и всех молодых ученых по вопросам, связанным с научно-исследовательской деятельностью, — важная и актуальная задача по популяризации и пропаганде науки в России, стоящая перед обществом, профессиональным сообществом и государством. Систематическое решение подобного вопроса позволит достичь амбициозных целей и задач социально-экономического развития Российского государства на среднесрочную и долгосрочную перспективу, обеспечить

высокие темпы устойчивого развития и укрепить отечественную экономику, придав ей выраженный инновационный характер.

Молодому поколению важно объяснять понятным для них образом, что такое наука, кто такой ученый, какова карьера ученого, научная жизнь студента или аспиранта высшего учебного заведения, зачем вообще заниматься наукой в школе и почему это нескучно. В данной статье автор анализирует современную практику популяризации и пропаганды науки среди молодежи России, представляет статистику, отражающую современное состояние сферы науки и образования, предлагает формы, методы и инструменты, которые способны повысить уровень заинтересованности и оценить престиж профессии ученого в России.

Цель исследования состоит в поиске системного подхода к популяризации науки среди школьников, студентов, аспирантов и молодых ученых Российской Федерации на основе анализа современной практики популяризации науки и оценки состояния этой сферы в нашей стране. Нам предстоит понять, какова степень доверия к науке в российском обществе, востребованы ли результаты научных исследований у бизнеса, достаточно ли финансирование науки и сферы подготовки научных кадров. Для решения поставленной цели необходимо определить, какими мерами и в каких формах возможно заинтересовать современных школьников, студентов и молодых ученых идти в науку, поверить в профессию ученого, добиваться результатов, необходимых для экономики и социальной сферы в быстроменяющемся глобальном мире.

Новизна предлагаемого исследования состоит в систематизации существующих подходов к популяризации и пропаганде науки как стабильной, государственно важной и интересной профессии. В частности, исследование направлено на поиск и определение эффективных методов и форм популяризации и пропаганды науки среди школьников, студентов, аспирантов и молодых ученых на основе анализа современной практики популяризации науки и оценки состояния сферы образования и науки в стране для раскрытия их научно-исследовательского потенциала и решения стратегических задач, поставленных в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2020 году, а также в рамках реализации национальных проектов «Образование» и «Наука» и программы популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности, принятой Минэкономразвития России¹.

---

¹ Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности: утв. Минэкономразвития России: одобр. поручением Правительства Российской Федерации от 21 декабря

При проведении исследования автор использовал следующие методы: метод сопоставления, восхождение от абстрактного к конкретному, статистический анализ, обзор, графический и табличный анализ. При работе над материалом были использованы результаты исследований как ведущих ученых России, так и результаты исследований студентов, аспирантов и молодых ученых, а также мнения ученых и педагогических работников относительно вопросов популяризации науки среди молодежи.

Численный состав молодых ученых России: динамика, тренды, причины

В послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2020 года указано, что к середине десятилетия необходимо обеспечить, чтобы каждый второй ученый был младше 40 лет². Достижение этого показателя сопряжено с необходимостью развития научно-исследовательской инфраструктуры и материальной базы, обеспечением молодых ученых высокотехнологичным современным оборудованием равномерно на всей территории страны. Но мало создать такую инфраструктуру. Важно понимать, кто в ней будет работать и насколько эффективно.

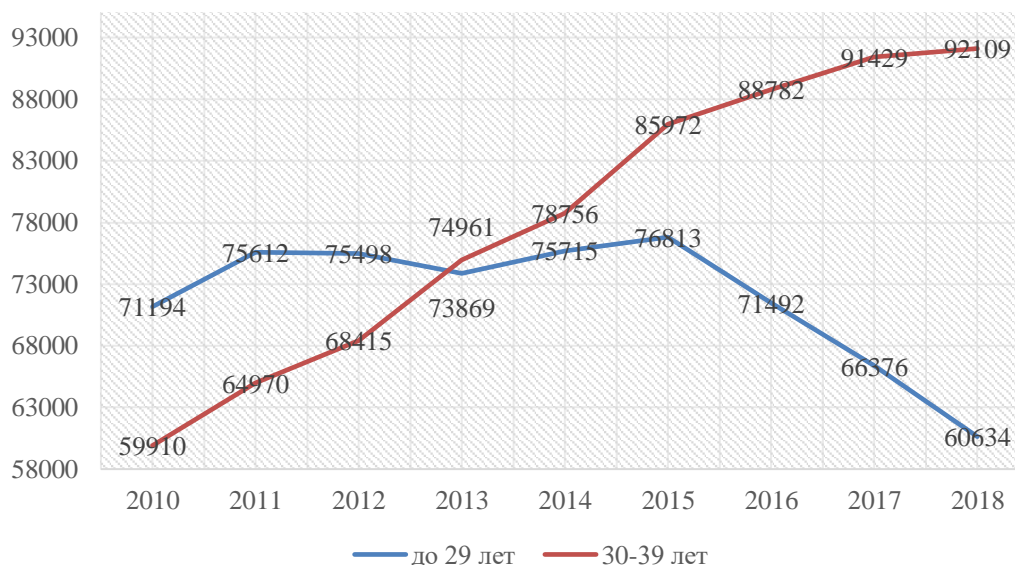
Стоит отметить, что в настоящей работе автор под молодыми учеными понимает категорию лиц до 35 лет, занимающихся научными исследованиями, в частности в высших учебных заведениях или научных организациях, имеющих степень кандидата наук (доктора наук до 40 лет), либо лицо без степени, в том числе аспиранты любой формы обучения. Рассмотрим динамику численного состава молодых ученых в России и оценим динамику этого показателя начиная с 2010 года (Рисунок 1).

2018 г. № ТГ-П8-9172 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/programma-popularizatsii-nauchnoi-nauchno-tekhnicheskoi-i-innovatsionnoi-deyatelnosti-utv-minekonomrazvitiia/> (дата обращения: 02.02.2020).

² Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 02.02.2020).

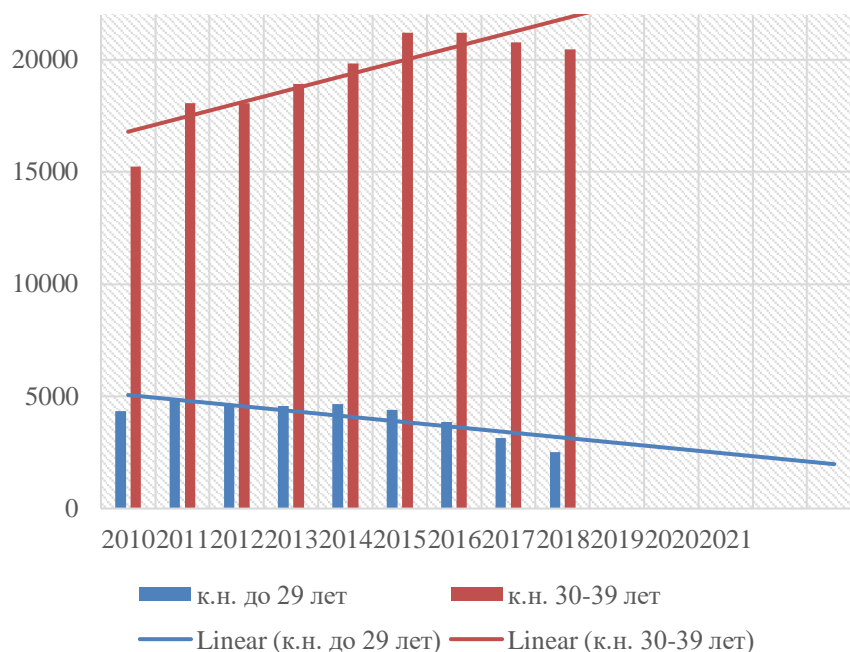

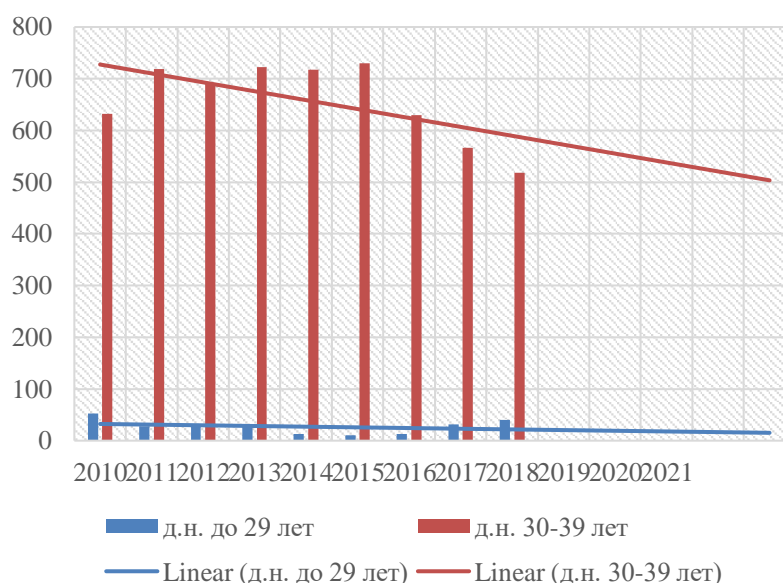
Рисунок 1. Численность молодых ученых по возрастным группам до 29 лет и от 30 до 39 лет по Российской Федерации за период с 2010 по 2018 гг. (чел.)³

Из Рисунка 1 мы видим динамику изменения численности молодых ученых в России. Говоря о группе лиц до 29 лет, можно заметить тенденцию преимущественно к понижению численности молодых ученых этого возраста. Особую обеспокоенность вызывает резкое падение молодых ученых с 2015 по 2018 гг. — на 21 % за 3 года. При этом в возрастной группе от 30 до 39 лет существует значительный стабильный рост числа молодых ученых, который с 2010 года составил порядка 35 %. Стоит отметить, и это видно из представленной диаграммы, что рост численности молодых ученых в возрастной группе 30–39 лет и одновременно с этим падение численности молодых ученых в группе до 29 лет обеспечиваются переходом из более младшей возрастной группы в более старшую, а не приходом новых молодых ученых в профессию. Теперь рассмотрим численность молодых ученых по аналогичным возрастным группам в разрезе по кандидатам и докторам наук (Рисунки 2, 3).

³ Источник: Численность исследователей по возрастным группам по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/t_3.xls (дата обращения: 02.02.2020).

Рисунок 2. Численность молодых ученых (кандидатов наук) по возрастным группам до 29 лет и от 30 до 39 лет по Российской Федерации за период с 2010 по 2018 гг. (чел.)⁴

Рисунок 3. Численность молодых ученых (докторов наук) по возрастным группам до 29 лет и от 30 до 39 лет по Российской Федерации за период с 2010 по 2018 гг. (чел.)⁵

⁴ Источник: Численность исследователей по возрастным группам по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/t_3.xls (дата обращения: 02.02.2020).

⁵ Источник: Численность исследователей по возрастным группам по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/t_3.xls (дата обращения: 02.02.2020).

Из представленных диаграмм видно, что количество молодых ученых, имеющих степень кандидата наук до 29 лет, падает, линия тренда отрицательная. При этом динамика по возрастной группе 30–39 лет по кандидатам наук показывает тренд роста. Это может говорить о том, что молодой ученый в России все позже либо защищает кандидатскую диссертацию, либо приходит в науку. Это подтверждает и динамика численности молодых ученых докторов наук. В стране все меньше молодых ученых становятся докторами наук в возрасте до 29 лет, и тем более в возрасте до 39 лет, когда доктор наук все еще входит в категорию молодых ученых. Так, с 2015 по 2018 гг. падение этого показателя составляет порядка 30 %. Лишь за последние два-три года численность исследователей докторов наук возросла, что может свидетельствовать о некотором качественном росте научных кадров соответствующей возрастной группы и потенциальных изменениях при их будущем переходе в старшую возрастную группу. Здесь можно также говорить и о причинах, влияющих на статистику и реальное положение дел. Это усиление требований в части защит кандидатских и докторских диссертаций по стране, повышение степени и уровня контроля работы диссертационных советов и ряд других причин. Однако существенным образом, по мнению автора, эти причины не влияют на численность молодых ученых, задействованных в сфере науки.

Отдельно определим ситуацию с аспирантами, входящими в категорию молодых ученых, однако численный состав которых существенным образом влияет на будущее науки как профессии и сферы деятельности. Данные представлены в Таблице 1.

**Таблица 1. Численный состав научно-педагогических кадров в аспирантуре
(в тыс. чел.) с 2000 по 2018 гг.⁶**

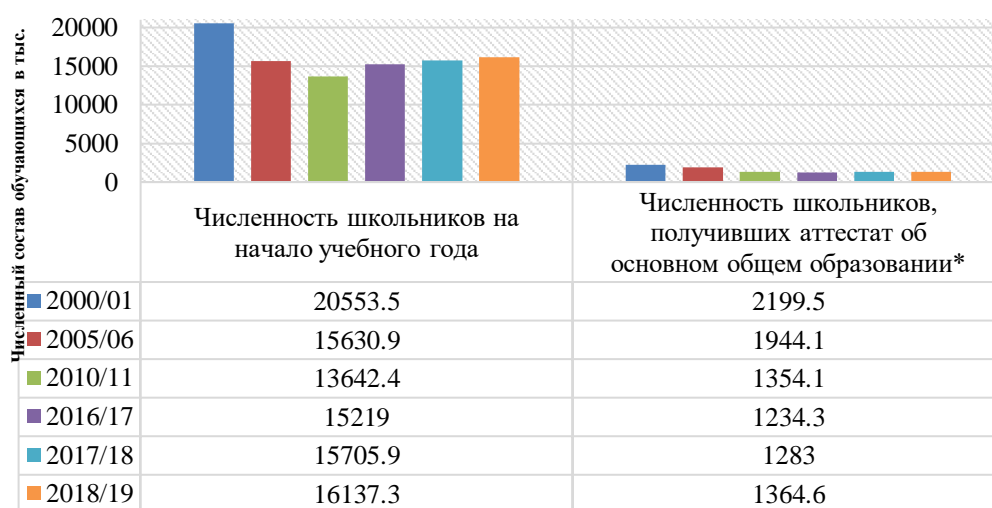
Показатель	2000	2005	2010	2016	2017	2018
Численность аспирантов на конец года	117,7	142,9	157,4	98,4	93,5	90,8
из них женщины	51,8	61,8	72,8	47,2	44	41
Прием в аспирантуру	43,1	46,9	54,6	26,4	26,1	27
Выпуск из аспирантуры	24,8	33,6	33,8	26	18,1	17,7
из него с защитой диссертации	7,5	10,7	9,6	3,7	2,3	2,2
Численность аспирантов с 2010 по 2018 гг. в возрасте до 29 лет включительно:						883891 ⁷
По состоянию на конец 2018 г. в организациях высшего образования обучались 79.6 тыс. аспирантов (87.6% от общей их численности); на конец 2017 г. — 82.6 тыс. аспирантов (88.3% от общей их численности).						

⁶ Источник: Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (дата обращения: 02.02.2020). С. 54.

⁷ Источник: Распределение численности аспирантов по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/asp-4.xls (дата обращения: 02.02.2020).

Представленные данные свидетельствуют о значительном сокращении числа аспирантов за последние два десятилетия, и тенденция на снижение числа аспирантов сохраняется. Стоит отметить, что с 2010 года серьезным образом снижается количество женщин, поступающих в аспирантуру. Здесь можно делать разные выводы, в том числе по тем целям, которые ставят перед собой молодые люди, поступая на третий уровень высшего образования. Прием в аспирантуру за 20 лет сократился на 37%, и это значение будет увеличиваться. Ситуация связана с данными по выпуску из аспирантуры. Можно посмотреть на нее с разных сторон за аналогичный период в последние 20 лет: в среднем каждый третий поступивший в аспирантуру не окончил ее (~ 30%), защитили кандидатскую диссертацию менее четверти выпускников аспирантуры (~ 23%). При этом, если взять значения за период с 2016 г., и это современная тенденция, выпускаются из аспирантуры уже 3/4, а защитившихся из них всего лишь порядка 12–13% (речь идет о защитах в целом, а не в срок).

Какова же ситуация со школьниками? Ниже представлены данные по численному составу школьников в России за период с 2000 по 2019 гг., в том числе получивших аттестат об основном общем образовании, имеющих возможность прямого поступления в высшие учебные заведения страны (Рисунок 4).

*Соответственно в 2000, 2005, 2010, 2016, 2017 и 2018 гг.

Рисунок 4. Численность обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования за период с 2000 по 2019 гг. в разрезе по учебным годам (в тыс. чел.)⁸

⁸ Источник: Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (дата обращения: 02.02.2020). С. 46.

Демографические ямы 1990-х и 2000-х годов оказали свое влияние на численный состав школьников России и на все будущее российской науки. Представленные на Рисунке 3 данные могут свидетельствовать о том, что за последние годы наблюдается выравнивание численности школьников, в том числе окончивших 11 классов и получивших аттестаты об основном общем образовании. В отдельные годы наблюдался отток школьников, окончивших 9 классов, в сегмент среднего профессионально образования.

Теперь необходимо понять, каков в стране численный состав студентов (Таблица 2).

Таблица 2. Численность студентов, прием на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (тыс. чел.)⁹

Показатель	2000/01	2005/06	2010/11	2016/17	2017/18	2018/19
Численность студентов на начало учебного года	4741,4	7064,6	7049,8	4399,5	4245,9	4161,7
<i>в % к предыдущему периоду</i>		+ 49	- 0,2	- 37,6	- 3,5	- 2
Очная форма обучения	2625,1	3508	3073,7	2403	2380,5	2369,8
Очно-заочная форма обучения	302,2	371,2	304,7	124,2	135	155,6
Заочная форма обучения*	1814,1	3185,4	3671,3	1872,3	1730,4	1636,3
Из общей численности студентов						
женщины	2686,3	4113,8	4030,1	2358,4	2279,6	2225,6
студенты, обучающиеся в организациях:						
государственных и муниципальных	4270,8	5985,3	5848,7	3873,8	3823,1	3782,5
частных	470,6	1079,3	1201,1	525,7	422,8	379,1
Прием студентов** / % от численности студентов, на начало учебного года	1292,5 / 27,3%	1640,5 / 23,2%	1399,5 / 19,9%	1157,8 / 26,3%	1142 / 26,9%	1147,9 / 27,6
<i>прием студентов в % к предыдущему периоду</i>		+ 26,9	- 14,7	- 17,3	- 1,4	+ 0,5
*На начало 2010/11 учебного года и ранее — включая экстернат.						
**Соответственно в 2000, 2005, 2010, 2016, 2017 и 2018 гг.						

Из представленных данных видно, как менялся набор студентов в высшие учебные заведения России начиная с 2000 года. Пик набора приходился на 2005–2010 гг., затем образовательная реформа и сокращение числа высших учебных заведений, а также потребности регионов в специалистах скорректировали контрольные цифры приема. Стоит сказать, что в среднем в течение 20 лет прием студентов составлял порядка 1/4 от общей численности студентов на начало учебного

⁹ Источник: Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (дата обращения: 02.02.2020). С. 52.

года. Мы не будем намеренно разделять эти значения по формам обучения в связи с отсутствием статистики по поступлению в аспирантуру студентов разных форм обучения. При этом динамика численности студентов в разные периоды значительно менялась в ту или иную сторону, как и в ситуации с приемом студентов. К слову, цифры показывают отсутствие абсолютной корреляции значений приема студентов от общей численности студентов на начало учебного года. Однако изучение этого вопроса требует отдельного исследования, выходящего за рамки данного анализа.

Какие же выводы можно сделать из представленного анализа статистических данных по категориям «школьники», «студенты», «аспиранты» и «молодые ученые»? Для нас важно знать, сколько за последние два десятилетия молодых людей пришло в науку, построить линейный прогноз на ближайшее будущее и понять, как этим можно воспользоваться для популяризации науки как профессии и важнейшей сферы деятельности в ближайшее время, в том числе для развития научно-исследовательского потенциала современной молодежи.

Росстат ежегодно актуализирует данные по численности исследователей в России, приведем данные в динамике с 2000 по 2018 гг. (Рисунок 5).

Рисунок 5. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (категория «исследователи») за период с 2000 по 2018 гг. (тыс. чел.)¹⁰

¹⁰ Источник: Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/t_2.xls (дата обращения: 02.02.2020).

Из представленной статистики видно, что ежегодно численность исследователей в стране в основном снижается, за два десятилетия ученых стало меньше примерно на 1/5 часть, тенденция к падению по-прежнему существует. Сейчас в России порядка 347 тыс. исследователей, при этом, по данным 2016 г., в Китае их 1692,2 тыс. чел., в США 1380 тыс. чел., в Японии 665,6 тыс. чел. Россия по итогам 2016 г. по численному показателю исследователей в мире занимает четвертую строчку, но по многим показателям она остается неэффективной.

При этом стоит сказать и о расходах на науку. Они растут с 2000 года, однако по-прежнему значительно уступают внутренним затратам на исследования и разработки в % от ВВП в сравнении с зарубежными партнерами: для России это 1,1%, в то время как в Республике Корея 4,24%, в Швейцарии 3,37%, Швеции, Тайвани, Японии, Австрии, Германии, США около 3%¹¹.

Интересно отметить один факт: вся ранее представленная статистика и динамика позволяют говорить о кадровых проблемах в сфере науки в категории «молодые ученые». В Таблице 3 приводится удельный вес молодых ученых России до 29 лет, 30–39 лет, а также общая численность молодых ученых России относительно общей численности всех исследователей в стране.

Таблица 3. Удельный вес молодых ученых России за период 2010–2018 гг. относительно общей численности исследователей в России, а также по возрастным группам до 29 лет и 30–39 (включительно) лет¹²

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Молодые ученые: до 29 лет (чел.)	71194	75612	75498	73869	75715	76813	71492	66376	60634
% от общего числа исследователей	54,3	53,8	52,5	49,6	49,0	47,2	44,6	42,1	39,7
Молодые ученые: 30–39 лет (чел.)	59910	64970	68415	74961	78756	85972	88782	91429	92109
% от общего числа исследователей	45,7	46,2	47,5	50,4	51,0	52,8	55,4	57,9	60,3

¹¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых» // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

¹² Источник: Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/t_2.xls (дата обращения: 02.02.2020); Численность исследователей по возрастным группам по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/t_3.xls (дата обращения: 02.02.2020).

Всего молодых ученых (чел.)	131104	140582	143913	148830	154471	162785	160274	157805	152743
Всего исследователей по стране (чел.)	368915	374746	372620	369015	373905	379411	370379	359793	347854
% молодых ученых от общей численности исследователей по стране	36	38	39	40	41	43	43	44	44

Итак, доля молодых ученых в общей численности исследователей за последнее десятилетие растет: по состоянию на 2018 г. уже 44% ученых входят в категорию «молодые». Иначе говоря, отечественная наука молодеет, несмотря на то, что ученых становится все меньше. Стоит отметить, что в Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации отметил факт омоложения кадров в сфере науки и, как уже отмечалось, поставил задачу к середине 2020-х достичь следующего показателя: каждый второй ученый в стране должен быть младше 40 лет¹³.

Популяризатор и популяризация науки как профессия и механизм достижения задач социально-экономического развития России

Около 2 млн лет назад произошел переход от австралопитека к человеку умелому. Человек только начинает исследовать мир, изобретать первые орудия труда, модифицировать его, исходя из потребностей. Естественно, о понятии «наука» говорить еще преждевременно. Наука зарождается в Древней Греции, ею занимались самые образованные представители людей [Ни 2016, 283]. В XXI веке, в условиях глобализации, высоких технологий и достижения существующей степени мобильности людей, разработок и технологий, вопрос популяризации науки является приоритетным и требующим как государственной, так и частной поддержки.

Насколько популярна профессия ученого в нашей стране? ВЦИОМ в 2013 году провел опрос, по результатам которого более 50 % россиян заявили, что хотели бы, чтобы их дети и внуки стали молодыми учеными, и что наука — весьма престижная сфера деятельности в России [Цит. по Ни 2016, 284]. В том же году ВЦИОМ провел еще одно исследование: порядка 80% опрошенных затруднились назвать хотя бы одну фамилию отечественного ученого¹⁴.

¹³ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁴ Россияне потеряли интерес к науке // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/02/27/dontcare/> (дата обращения: 02.02.2020).

В 2011 г. социологи отметили значительный спад интереса населения к развитию космоса: за 25 лет с исходных 100% интерес к исследованиям космоса упал до 13%. И это произошло при поколении «Звездных войн», в период абсолютной компьютеризации и распространения виртуальной реальности, людей перестали интересовать реальные космические исследования¹⁵. В целом интерес к исследованиям упал.

Кто же такой популяризатор науки в современном мире? На сегодняшний день можно сделать вывод о том, что это отдельная категория людей, представителей разных профессий и сфер деятельности, заинтересованных, в том числе по собственной инициативе, в продвижении в массы результатов научных исследований, в повышении уровня образованности населения и заинтересованности как в развитии общества, собственных благ, так и непосредственно людей, у которых может и должно возникнуть желание стать частью науки. Стоит лишь вспомнить имена просветителей отечественной науки по всему миру: Ломоносов, Шувалов, Тимирязев, Вавилов, Перельман, Ферсман, Капица, Шкловский, Садовничий и многие другие.

А.Л. Темницкий и А.С. Мороз считают, что «сообщество популяризаторов науки в России представляет собой разрозненные категории людей, заинтересованные в укреплении позиций науки на фоне ее противодействия лженауке, действующих преимущественно по собственной инициативе и не имеющих видимой институциональной поддержки со стороны государства и общества» [Темницкий, Мороз 2018, 73].

Н.В. Сухенко, Е.Е. Макарова в своих статьях приводят следующее общепринятое определение популяризации науки: это процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей, имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации [Сухенко 2016, 18; Макарова 2013, 98].

Литвак Н.В., Медведева С.М. в своих работах под популяризацией науки понимают коммуникационную деятельность ученых по ознакомлению общества с результатами своей научной деятельности в виде объективного описания мира и методов получения таких знаний. Ученые выделяют две основные проблемы. Во-первых, участники такой коммуникации различаются по используемому языку, ценностям, жизненным целям, интеллекту и мировоззрению. Во-вторых, результат

---

¹⁵ Россияне потеряли интерес к науке // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/02/27/dontcare/> (дата обращения: 02.02.2020).

такой коммуникации зависит от различного рода ресурсов и институциональных условий. При этом важно отметить, что в процессе коммуникации по распространению знания не принимают участие политики и государственные служащие, но именно они управляют и распределяют ресурсы или, наоборот, задерживают процесс такой коммуникации. «В случае верховенства политической задачи удержания власти или экономической — максимизации прибыли в условиях конкуренции и смены поколений, популяризация науки с целью привлечь школьников в дефицитные профессии может сводиться к упрощению, а то и профанации научного знания и особенно методологии науки, представления знаний в основном как коллекции чудес и открытий, стимулирующих «ах!»-восклицания», — пишут Литвак и Медведева [Литвак, Медведева 2017, 179, 184].

Коммуникация — важнейший аспект в сфере популяризации науки. Стоит только вспомнить фразу «британские ученые доказали», и у российского гражданина автоматически возникает высокая степень доверия тому, что будет сказано дальше, и неважно, что это будет, даже если это противоречит здравому смыслу. Только этот интернет-мем способен популяризовать практически все, что может быть сказано вместе с упомянутым словосочетанием, и, к сожалению, ученые в нем не российские.

По мнению О.И. Матьяш, западное образование и наука ориентированы на эффективную коммуникацию, а для отечественной науки подобный вопрос не считается актуальным и приоритетным [Матьяш 2002]. При этом интересно еще одно мнение А. Каптерева: в России коммуникация имеет строгую иерархию, мы привыкли слушать тех, кто стоит на постаменте, кто выше нас по статусу. Однако важно понимать, что коммуникация — в первую очередь диалог, эмпатия, равенство. При этом соблюдение строгой иерархии — подавление диалога. Подобная проблема остается актуальной в отечественной науке и на сегодняшний день [Обжорин 2017, 123]. Здесь же можно обратить внимание также на высказывание А.Г. Ваганова, который утверждает, что у нас отсутствует четкая формулировка научно-популярного жанра, что приводит к ситуации, когда у государства (субъекта управления) отсутствует объект управления либо он ускользает от него [Ваганов 2016, 67].

Важно понимать, кто в настоящее время является субъектом коммуникации в сфере популяризации науки. В Таблице 4 представлены участники-популяризаторы науки, а также их интересы (ранжированы по степени их личной заинтересованности). Среди них энтузиасты, ученые, педагоги, меценаты, политики, представители бизнеса, молодежи.

Таблица 4. Субъекты, участвующие в коммуникации по популяризации науки, и их интересы (расположены по убыванию степени заинтересованности)¹⁶

Субъект	Качество	Интересы
энтузиасты популяризации науки	могут быть представителями любых общественных групп	развитие знания ради знания, изучения пределов творчества человека
ученые	производители и носители знания	получение ресурсов для исследователей, молодых ученых, вознаграждение за результаты исследований
учителя и преподаватели	носители знания, формально обязанные передавать их в упрощенной форме детям и молодежи	получение вознаграждения за формально оцениваемую работу
предприниматели	имеют ресурсы, необходимые для науки и ее популяризации	рост прибыли, борьба с конкурентами
политики и государственные служащие	распоряжаются общественными ресурсами	сохранение власти, выполнение воли избирателей
меценаты	имеют ресурсы, необходимые для науки и ее популяризации, и свободны в своих действиях	поощрение творчества, в т.ч. научного, в т.ч. из гуманных соображений
СМИ	имеют доступ к широкой аудитории, в основном принадлежат политикам или предпринимателям	использование науки как одной из тем привлечения аудитории в борьбе за прибыль
другие взрослые	могут участвовать в определении научной политики через выборы политиков, общественное мнение	получение практической отдачи финансирования науки
дети и молодежь	знакомство с наукой — неизбежный этап в жизни каждого современного человека, поскольку образование является обязательным	обязанность изучения определенного объема научных знаний с не всегда явной целью, за исключением формального фактора (оценок), который влияет на отношение взрослых

По мнению автора, популяризация науки имеет два аспекта — продвижение самого научного знания в массы и популяризация профессии ученого среди населения страны, особенно у младшего поколения. Можно согласиться с классификацией Н.В. Сухенко, которая выделяет два вида популяризации:

- развлекательная;
- образовательная.

В итоге современный этап развития сферы популяризации науки характеризуется наличием двух противоположных тенденций, влияние которых на молодое поколение рассмотрим далее [Сухенко 2016, 21].

Интересным представляются результаты исследования социологов А.Л. Темницкого и А.С. Мороз, которые определили доли и сферы работы популяризаторов науки по разным возрастным группам (Таблица 5).

¹⁶ Источник: [Литвак, Медведева 2017, 186].

Таблица 5. Сфера основной профессиональной деятельности популяризаторов науки (по возрастным группам), в %¹⁷

Сфера профессиональной деятельности	Группы по возрасту, лет		
	до 30	31–46	47 и старше
Журналистика	47	27	13
Научная деятельность	23	23	34
Преподавание в университете	9	29	41
Популяризация науки*	21	21	12
Количество ответивших	57	52	61
Всего	100	100	100

*Примечание: рассматривается как признак самоидентификации респондентов

В Таблице 5 выборка мужчин и женщин представлена в равном количестве, у 45% опрошенных есть ученая степень, при этом у 69% — степень по гуманитарным, а 31% — по естественным наукам. Представителей Москвы 71% опрошенных. Чем мотивированы популяризаторы, к каким возрастным категориям они принадлежат? Мотивы, способствующие участию в популяризации науки, по возрастным группам и принадлежности к категориям респондентов представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Мотивы, способствующие участию в популяризации науки, по возрастным группам и принадлежности к категориям респондентов, в %¹⁸

Мотивы	Группы по возрасту, лет			Категории популяризаторов			
	≤30	31–46	≥47	Научные журналисты	Научные сотрудники	Преподаватели	Популяризаторы
Продвигать новые перспективные направления науки	55	64	72	54	69	70	74
Профессиональное самосовершенствование	59	55	59	52	57	58	67
Противостояние лженауке	30	34	26	18	38	23	37
Стремление стать известным	38	30	20	32	36	25	15
Обретение нужных связей	41	21	11	34	27	18	22
Заработок	23	23	26	23	21	28	30
Карьера	16	18	13	21	19	8	11
Уважение коллег	5	12	26	16	7	20	22

*Примечание: возможность выбрать несколько вариантов ответа, в связи с чем сумма ответов больше 100 %

Какими бы мотивы ни были, пусть и не всегда корректными, главная задача — повысить степень популярности науки и профессии ученого в умах младшего поколения. Каждый школьник, студент, аспирант и молодой ученый должен понимать важность задач, стоящих перед наукой. Стратегически важно донести до всех, что наука может быть интересной, эта профессия престижна, значима, стабильна и, как в

¹⁷ Источник: [Темницкий, Мороз 2018, 66].

¹⁸ Источник: [Там же, 70].

любой другой профессии, где гражданин высоко зарекомендовал себя, погружен в работу, заинтересован в росте и результате, прибыльна.

Популяризация науки среди школьников

В России 41,5 тыс. школ и 16,1 млн школьников (2018 г.)¹⁹. Будущее отечественной науки напрямую зависит от качества школьного образования и степени погруженности современного школьника в ряд вопросов: что такое наука и каковы ее основные результаты в истории и настоящем времени, почему она интересна, почему эта профессия престижна и перспективна? Иными словами, проблема популяризации науки среди школьников очевидна, и ее нужно решать. Популяризация науки означает, с одной стороны, участие в интеллектуальном развитии детей, а с другой — учет при обращении к ним их текущего уровня интеллектуального развития. Здесь можно сказать и об обнаружении «феномена Пиаже», определяемого для маленьких детей как отсутствие чувства реальности, эгоцентричность, неумение видеть существование чужих позиций [Литвак, Медведева 2017, 180].

В России в настоящее время существует значительное количество проектов, направленных на популяризацию науки среди школьников. Один из них — проект «Сириус», современная площадка научно-исследовательской деятельности для одаренных школьников 7–11 классов, имеющих высокие достижения и прошедших отбор. Это высокотехнологичный центр, формат которого должен распространяться по субъектам России. Проект начал свою работу в 2015 г. в Сочи, на базе олимпийских объектов. Три основные направления, которые привлекают лучших школьников со всей страны, — это наука, спорт и искусство. Образовательный центр предлагает интенсивные программы обучения с ведущими высококвалифицированными педагогами страны, по 6–8 часов в день школьники занимаются в рамках выбранного направления в течение более чем трех недель²⁰. Так, заместитель руководителя фонда «Талант и успех» Образовательного центра «Сириус» М.И. Случ подчеркивает, что «Сириус выступает как оператор государственного реестра одаренных школьников и оператор по выплате студентам президентских грантов» [Задачи Российской академии наук по популяризации и пропаганде науки 2019, 21].

---

¹⁹ Счетная палата сообщила о резком сокращении числа школ в России // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/06/2019/5d16366a9a7947d218d79f3a> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁰ Общая информация // Образовательный центр «Сириус» [Электронный ресурс]. URL: <https://sochisirius.ru/o-siriuse/obschaja-informatsija> (дата обращения: 02.02.2020).

Еще один известный, успешно развивающийся формат популяризации науки среди школьников — технопарки «Кванториумы». Это уже порядка 86 площадок в 72 субъектах России, оснащенные современным оборудованием, где квалифицированные наставники помогают школьникам познавать современные знания и технологии. Принципиальным для «Кванториумов» является междисциплинарный характер предлагаемых знаний и изучаемых предметов [Там же, 16, 19].

В стране действует огромное количество площадок, которые призваны прививать интерес у молодежи к науке: современные библиотеки, в том числе цифровые, планетарии, музеи, выставки, объекты культуры. Вопросами популяризации науки занимаются различные фонды, в том числе «Эволюция», фонд поддержки научных образовательных и культурных инициатив «Траектория», фонд инфраструктурных и образовательных программ «Роснано», научно-популярные образовательные лектории, научно-просветительские центры типа «Арзамас», «Архэ» и др. [Там же, 16].

Проект «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе» успешно решает задачу популяризации науки среди школьников Москвы. Основной упор в этом проекте делается на такие направления, как химия, биология, сельское хозяйство, биотехнологии. Программа такого класса содержит элементы предпрофессионального образования, погружает школьников в научно-исследовательскую деятельность, знакомит с лучшими практиками, современными профессиями в высокотехнологичных отраслях экономики. Школьники имеют возможность самостоятельно выдвигать гипотезы, изучать методы исследований, оценивать достоверность получаемых результатов²¹.

Успешно функционирует и «Курчатовский проект», медицинские и инженерные классы. В Московском парке «Зарядье» проводятся различные программы для школьников и взрослых по микробиологии, генетике, биотехнологиях. Специалисты в научно-популярной форме позволяют погрузиться в мир многообразия жизни и науки. Для чего растениям почва, что такое ДНК, как функционирует вулкан — на эти и многие другие вопросы молодежь получает ответы, работая с оборудованием, проводя эксперименты [Журавлева, Фурсов 2018, 236].

---

²¹ О проекте // Академический (Научно-технологический) класс в московской школе [Электронный ресурс]. URL: <http://profil.mos.ru/ntek/o-proekte.html> (дата обращения: 02.02.2020).

Поддержка научной деятельности в аспекте популяризации науки среди школьников, студентов и молодых ученых

Различные образовательные организации высшего образования и научные организации, в том числе РАН, в своих стратегиях ставят задачу по популяризации науки среди молодежи, включая различные формы поощрений. Так, Российская академия наук ежегодно проводит [конкурс на соискание медалей РАН](#) с премиями для молодых ученых России и для студентов высших учебных заведений России за лучшие научные работы. РАН учредила и другие конкурсы на соискание премий за популяризацию науки и достижений в области пропаганды научных знаний.

Опыт Московского университета.

По инициативе ректора МГУ академика В.А. Садовниченко с 2006 года ежегодно проводится Всероссийский фестиваль науки «Наука 0+». Сначала это проект, призванный популяризировать науку, проводился исключительно на площадке Московского университета, а со временем распространился чуть ли не по всей территории страны, осваивая сначала московское пространство, а потом и другие регионы России. Это фестиваль, в котором фактически участвуют все ученые: от начинающих исследователей до маститых ученых с мировым именем, лауреатов Нобелевской премии.

Кроме того, Московский университет ежегодно с 2002 г. присуждает стипендии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова молодым преподавателям, научным сотрудникам и аспирантам, добившимся значительных результатов в педагогической и научно-исследовательской деятельности²². Подобные формы поддержки молодых ученых есть и в других ведущих университетах страны.

Вот уже четверть века Московский университет проводит ежегодный форум «Ломоносов», порядка 15 тыс. молодых человек, в том числе иностранные делегаты, собираются в МГУ и в течение недели выступают с научными докладами по различным тематикам и научным направлениям. Организуется порядка 400 секций по разным областям знаний, издаются сборники тезисов, которые в дальнейшем распространяются по всей стране участниками этого масштабного мероприятия [Задачи Российской академии наук по популяризации и пропаганде науки 2019, 18].

---

²² Положение о порядке присуждения стипендий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова для молодых преподавателей и научных сотрудников, аспирантов, студентов, добившихся значительных результатов в научной, педагогической, общественной, спортивной, культурно-творческой деятельности, учебе // МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://www.msu.ru/nagrady/pol/mol.html?sphrase_id=2689746 (дата обращения: 02.02.2020).

Московский университет с 2013 года активно развивает еще одну платформу приобщения молодежи к науке: это проект «Университет без границ», который используют уже в 120 странах мира. Число слушателей превысило 340 тыс. чел. Площадка доступна в сети Интернет, любой желающий может получить не только ответы на интересующие вопросы, но и полноценное образование, а также сертификат о полученном образовании.

Еще одна инициатива МГУ — «Университетская кафедра», лекторий, в рамках которого раз в месяц около полутысячи человек приходят на выступление выдающегося ученого. С 1990-х годов порядка 100 тыс. слушателей приняли участие в этом проекте. Так, в рамках проекта «Малый мехмат» каждую субботу 2,5 тыс. школьников (6–8 класс) посещают Московский университет, чтобы учиться математике.

Одной из последних инициатив можно назвать создание в МГУ виртуальной программы, которая призвана помогать школьникам, особенно на селе, изучать естественнонаучные предметы, проводить опыты, наблюдать за различными процессами, самостоятельно задавать параметры и наблюдать результат. Суть этого продукта в том, что он финансово доступен любой школе. По мнению ректора МГУ академика В.А. Садовниченко, «университеты имеют возможность проводить большое число научно-образовательных просветительских мероприятий, они располагают для этого средствами, в том числе внебюджетными. В сотрудничестве с Академией наук университеты могли бы сделать очень много» [Там же, 19].

Еще одна форма поддержки молодежной науки — это олимпиадное движение. Порядка 2,2 млн школьников ежегодно участвуют в олимпиадах по разным дисциплинам [Там же]. Университеты поощряют одаренных школьников: призеры и победители олимпиад, имеющих различный статус, получают возможность поступать на бюджетные места не в общих конкурсах либо получают дополнительные баллы к ЕГЭ. В Московском университете это целая серия предметных [олимпиад](#).

Решая задачу популяризации науки, студенты Московского университета провели уникальный эксперимент, где при участии факультета журналистики и газеты «Комсомольская правда» была подготовлена и большим тиражом издана серия из 30 книг о выдающихся ученых страны. Предполагалось, что подобную идею подхватят и другие регионы и вузы, однако этого не произошло [Там же, 22].

Важно понимать, какое мнение относительно повышения степени привлекательности науки и профессии ученого существует среди самих анализируемых групп молодежи. Так, например, студенты Сибирского федерального университета, представители естественнонаучных направлений подготовки, считают, что важно совершенствовать материальную базу: обновлять лаборатории, закупать повсеместно современное оборудование, делать науку более доступной. Инноваторы Сибирского государственного аэрокосмического университета имени М.Ф. Решетнева (СибГАУ) полагают, что необходимо совершенствовать существующую нормативную правовую базу в области изобретений. Сибирские же школьники считают, что средствами массовой информации навязано мнение об отсутствии интереса к профессии ученого, в которой нельзя реализоваться. Школьников сложно убедить в том, что наука важна, перспективна и приоритетна в развитии страны. При этом студент СибГАУ М.В. Мельников рассуждает, что можно было бы сделать для популяризации науки и предлагает следующие решения: юридическая помощь в оформлении первых результатов исследований; помощь в выстраивании диалога между бизнесом и молодыми инноваторами; организация и проведение молодежных форумов и конференций; создание центра поддержки молодежных проектов; организация регулярных встреч молодых ученых с известными представителями инновационной сферы; проведение работы над повышением уровня инновационной грамотности молодых ученых [Мельников, Рагозина 2012, 50].

Меры государственной поддержки науки и образования в России

Мы не будем подробно останавливаться на анализе нормативной правовой базы и стратегических документов, действующих в России и направленных на повышение эффективности результатов научной и образовательной деятельности, в частности популяризации науки среди молодежи, это задача уже более глубокого исследования. Однако представим короткий обзор основных документов и положений, их целей и задач.

Важнейший стратегический документ, реализация которого направлена на повышение качества школьного образования в стране и, как следствие, популяризацию науки среди школьников, — это [Национальный проект «Образование»](#), общий объем финансирования которого 784,4 млрд руб. до конца 2024 г., включая расходы федерального и регионального бюджета, а также внебюджетные источники. В рамках проекта в российских регионах предполагается переоборудовать 16 тыс. сельских школ, ставится вопрос о разработке стандартной лаборатории по биофотонике для того,

чтобы дети сельской местности были готовы работать на высокотехнологичном оборудовании и на современных сельских предприятиях. Проект предполагает решение двух глобальных задач: во-первых, обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; во вторых, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Другой важный проект — это [Национальный проект «Наука»](#). Общий объем финансирования проекта 636 млрд руб., в том числе 231,2 млрд руб. из внебюджетных источников. Ключевые цели нацпроекта — обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для ведущих российских и зарубежных ученых и молодых перспективных исследователей, увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки. Три федеральных проекта будут реализованы в рамках нацпроекта «Наука»: «Развитие научной и научно-производственной кооперации», «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации» и «Развитие кадрового потенциала в сфере исследования и разработок».

На основе поставленных задач в национальном проекте «Наука» Министерством экономического развития Российской Федерации разработана и принята Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности, в которой прописаны следующие 4 цели:

- вовлечение молодежи в научную, научно-техническую и инновационную деятельность;
- рост информированности общества о значимых достижениях науки, выдающихся ученых, инженерах, технологических предпринимателях;
- рост интереса к науке и технике, повышение престижа научной, научно-технической и инновационной деятельности в обществе;
- повышение уровня восприимчивости общества к научно-техническому прогрессу и инновациям, их проявлениям в производственной деятельности и повседневной жизни населения.

Убежден, достижение поставленных в национальных проектах и программах целей позволит эффективно решить существующие проблемы в сфере науки и образования, значительно повысит интерес молодежи к научно-исследовательской, инновационной и инженерной деятельности, решит вопросы кооперации и коммуникации науки, бизнеса и общества, раскроет научно-исследовательский потенциал школьников, студентов и молодых ученых таким образом, что возникающий эффект от принятых мер окажет серьезное позитивное влияние на развитие социально-экономической системы России.

Формы популяризации науки: история, современность, перспективы

Популяризация науки как форма массового распространения знания среди населения существует уже давно. Авторы по-разному классифицируют этапы развития этих форм. Так, например, А.Г. Ваганов предлагает следующие этапы эволюции исторических форм научно-популярного жанра [Ваганов 2016, 67]:

- 1) Первоначальное просвещение и развлечение публики (XVII – начало XVIII вв.) — «Народная наука».
- 2) Технические, научные, учебно-прикладные знания, снижение стоимости доступа к знаниям (1-я половина XVIII–1-я половина XIX вв.) — «Промышленное просвещение».
- 3) Учебно-прикладная функция, пропаганда научного знания и просвещение публики (сер. XIX – сер. XX вв.) — «Занимательная наука».
- 4) Имиджевая функция, развлекательный контент как форма бизнеса (сер. XX – начало XXI вв.) — «Научпоп».

С 1990-х гг. в стране фактически был разрушен механизм научной популяризации, основы которого были заложены еще при Петре Великом. Это коснулось и научно-популярной журналистики [Дымова 2018, 178].

К слову, сейчас в России ежемесячно проводится порядка 500 различных конференций, издается более 10 тысяч научных журналов, за последние пять лет в среднем в год защищается порядка 12 тысяч диссертаций [Обжорин 2017, 117]. Но какое влияние оказывают перечисленные показатели на популярность науки? Достаточно ли эффективно работают механизмы коммуникации между научным сообществом и гражданским?

Одной из основных форм коммуникации между ученым и обществом является издание научно-популярных журналов. История их создания уходит в середину XVIII века. «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» — первый

полноценный научно-популярный журнал в Российской Империи, издавался Академией наук с 1755 по 1764 гг. Девиз журнала, который был опубликован в первом номере, — «Для Всех» [Ваганов 2016, 69].

Современные научно-популярные журналы фактически выживают, их тиражи, в сравнении с периодом Советского Союза, упали в десятки и сотни раз. Так, например, тираж журнала «Химия и жизнь» сократился в 60 раз — с 300000 до 5000 экземпляров; журнала «Наука и жизнь» — в 85 раз, с 3400000 до 40000 экземпляров; «Знание — сила» — в 140 раз, с 700000 до 5000 экземпляров. А журналы для детей «Юный натуралист» и «Юный техник» — в 320 раз каждый [Дымова 2018, 179]. Это связано с отсутствием системной и внятной политики со стороны государства в области научной прессы. Существование подобной формы популяризации науки в век цифровизации требует адекватных подходов к подготовке к выпуску таких изданий. К тому же стоит отметить, что подавляющая часть таких изданий находится в поле естественно-научной тематики, а количество общественно-гуманитарных научно-популярных изданий крайне ограничено [Джанджугазова 2014, 67]. Необходимо повышать выпуск исторических изданий, особенно в период, когда в мире все чаще предпринимаются попытки «передела» истории и переоценки результатов тех или иных важнейших событий в истории человечества, в частности роли современной России в них.

Научная журналистика — еще одна известная форма популяризации науки. В 2006 г. был создан Клуб научных журналистов — объединение профессионалов, деятельность которых напрямую связана с популяризацией науки и освещением ее результатов в средствах массовой информации. Основные цели этого клуба — улучшение коммуникации между людьми, выработка критериев повышения качества научно-популярных изданий, в частности журналов, а также борьба с лженаукой [Дымова 2018, 180].

Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН), основанная Физтехом, Университетом ИТМО, Фондом перспективных исследований, ТАСС, образовательной платформой «Теории и практики». АКСОН провела и опубликовала результаты исследования: 95,6% университетов и научных организаций имеют собственные сайты — базовые коммуникационные инструменты. При этом более 1/3 научных организаций в 2017 г. имели страницы в социальных сетях, а у 32% имелось собственное корпоративное СМИ. Однако основным направлением исследования явилось присутствие профессиональных коммуникационных служб. Лишь в 30% научных организаций такие службы присутствуют, в сфере образования —

58%. Профильное коммуникационное подразделение есть у 92% университетов из первой сотни и лишь у 21% за ее пределами. Таким образом, коммуникация более глубоко институционализирована в университетах, нежели в научных организациях страны [Там же, 183–185].

К слову, одним из проектов, призванных решать задачу создания в России научно-коммуникационной среды, является [«Коммуникационная платформа»](#), созданная в 2014 г. Цель такого проекта — синхронизация видения и выработка общих стандартов обмена информацией между научно-исследовательским сообществом, средствами массовой информации и общественностью, а также выявление нового класса специалистов: коммуникаторов в научной сфере». В рамках этого проекта выходят издания лучших практик PR в сфере науки.

Минобрнауки России поддерживает популяризаторов науки, в частности журналистов и коммуникаторов. Ежегодно с 2014 г. профильное ведомство, ответственное за реализацию государственной политики в сфере образования и науки, вручает премию [«За верность науке»](#), в 2020 году количество номинаций было увеличено до 11, впервые в этом списке появились номинации «Лучшее новостное агентство, освещающее науку» и «Лучшая публикация, посвящённая реализации нацпроекта «Наука».

Стоит отметить, что профессиональное сообщество журналистов вместе с научным сообществом пришло к выводу, что в настоящее время практически нет специалистов, которые призваны развивать PR в науке и инновационной деятельности, в частности стартапов²³. В этой связи необходимо говорить о поддержке и распространении в университетах России программ подготовки бакалавров и магистров как популяризаторов науки (журналистика, менеджмент в научной сфере, педагогическое направление). Так, в нашей стране первый образовательный курс по дисциплине «Научная коммуникация» появился в конце 2015 г. в Университете ИТМО (Санкт-Петербург)²⁴. Кроме того, существует мастерская научной журналистики журфака МГУ²⁵ и магистерская программа «Научная журналистика и коммуникация»²⁶.

---

²³ Итоги круглого стола «PR индустрии знаний» // Ассоциация компаний консультантов в области связей с общественностью [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akospr.ru/3381> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁴ Научная коммуникация // Университет ИТМО [Электронный ресурс]. URL: <https://abit.itmo.ru/program/13378/> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁵ Мастерская научной журналистики // Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/study/sjs.php> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁶ Научная журналистика и коммуникация // Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/education/magistrate/scientific-communication-and-journalism.php> (дата обращения: 02.02.2020).

Повышение отдачи от популяризации науки как сферы деятельности и профессии ученого, в частности, может быть достигнуто принятием соответствующих государственных решений, включая финансовую поддержку образовательных и научных организаций, популяризаторов науки, средств массовой информации. Среди наиболее эффективных форм и мер популяризации для школьников, студентов и молодых ученых в настоящее время могут быть:

- научно-популярные лекции;
- фестивали науки;
- современные научно-образовательные центры мирового уровня;
- научные школы, форумы, семинары, турниры;
- выставочные экспозиции;
- научные интерактивные музеи;
- федеральный научно-образовательный канал;
- программа поддержки издания научно-популярной литературы для массового читателя;
- развитие научно-популярных интернет-порталов;
- поддержка интернет-журналистики;
- социальная реклама;
- подкасты;
- театральные постановки;
- научные кафе;
- Youtube-проекты популяризации науки, интервьюирование;
- авторские ТВ-программы;
- научные автопробеги
- служба научного мониторинга СМИ;
- работа советов молодых ученых университетов и научных организаций со студентами и школьниками;
- работа с региональными командами школьников, в частности с победителями и призерами Всероссийских олимпиад на площадках летних образовательно-научных лагерей;
- проектные офисы для начинающих ученых в университетах и научных организациях;

- современные лаборатории, в которых способны работать не только студенты, но и школьники, в том числе на базе кооперации университетов и школ.

Существует и ряд проблем, препятствующих популяризации научных результатов и отрицательно влияющих на имидж профессии ученого. Одной из таких является лженаука, которая возникает в ситуации, когда ученые не могут, а государство не хочет поддерживать продвижение знаний и результаты исследований для широкой общественности, проблема коммуникации между учеными и обществом. Можно привести в пример исследование Уинна и Ирвина, которые изучали взгляды английских фермеров после Чернобыльской катастрофы. [Wynne 1992; Wynne, Irwin 1996]. Поводом к подобному исследованию стал запрет на забой и продажу овец в Великобритании ввиду их якобы заражения радиацией, что причинило серьезный финансовый ущерб фермерам Соединенного Королевства. При этом были потрачены значительные средства на научные разъяснения принятых мер и их пропаганду. В итоге фермеры не приняли всерьез выводы авторов исследования и предпочли поверить в теорию заговора [Литвак, Медведева 2017, 176]. Карл Саган писал: «Как только государство перестанет поощрять научное образование, расцветет псевдонаука» [Саган 2018, 40].

Еще одной проблемой для популяризации науки является множественность понятий и языков, что заставляет выбирать, в каком объеме и какие конкретно языки нужно изучать для познания различных наук [Литвак, Медведева 2017, 183].

Значительная проблема науки — ее столичная локализация. Основная часть высших учебных заведений и научных организаций находится на территории ограниченного числа регионов, крупнейших городов и агломераций. Решить ее стандартными подходами невозможно. Нельзя, например, студенческую Москву или Санкт-Петербург одномоментно ограничить. Но важно развивать в этом направлении новые, в том числе удаленные, территории. Создавать на всей территории России научно-образовательные центры, которые дадут толчок в развитии социально-экономических систем регионального уровня. Наука нуждается не в децентрализации, а в повсеместном распространении и популяризации. Готовить современные высококвалифицированные кадры необходимо по всей стране. Внутренняя миграция умов в столичные города препятствует развитию территорий, откуда уезжают люди. Это можно сравнить с миграцией из сел в города, когда люди стремятся к лучшей жизни уже сейчас, оставляя тем самым регионы и территории без шанса на развитие и

будущее. Для этого уже сейчас ведущие образовательные организации высшего образования и ученые должны приходить в школы и гимназии, заниматься популяризацией науки, приезжать в регионы и оставлять там новые знания, формировать новые контакты, оказывать различного рода поддержку на местах.

Заключение

Так сколько же современных школьников и студентов становятся молодыми учеными в России? Исходя из средние численных показателей школьников за последнее десятилетие, студентов и аспирантов, окончивших образовательные программы подготовки научно-педагогических кадров, получаем следующие данные:

1. Студентами становятся примерно **32%** школьников.
2. В аспирантуру поступают лишь **2,2%** студентов-выпускников. При этом заканчивают аспирантуру 1,9% из них, или 87% из числа поступивших в аспирантуру (число закончивших аспирантуру сильно выросло за счет так называемой образовательной аспирантуры, функционирующей с 2015 г.). Защищают кандидатские диссертации в срок лишь **4%** поступивших в аспирантуру. А это лишь **0,089%** от числа студентов-выпускников вузов.
3. Средний возраст поступающего в аспирантуру — 24 года. Предельное значение нахождения такого аспиранта в возрастной группе до 29 лет — 5 лет. В среднем численное значение аспирантов в России, потенциальных молодых ученых (до 29 лет), составляет примерно 98210 чел. в год. Исходя из среднего значения численности молодых ученых в год, общей средней численности аспирантов за пять лет, получается, что лишь **около 14,5%** выпускников аспирантуры остаются в науке ежегодно и являются частью категории «молодые ученые до 29 лет». Примерно 14240 чел. в среднем в год остаются в науке, или около 9,5% от общего числа молодых ученых до 39 лет в год.
4. Около **44%** ученых России находятся в категории «молодые ученые».
5. Порядка **3,5%** бывших студентов высших учебных заведений или около **1,1%** бывших школьников становятся молодыми учеными.

Интерпретировать полученные средние результаты можно по-разному. Насколько они эффективны в современных условиях развития экономики и социальной сферы России, оставим для размышления читателям. Такова степень популярности профессии исследователя и самой науки среди молодежи России. Однозначно

важнейшей задачей развития современного государства является решение проблемы подготовки научных кадров для экономики и социальной сферы России. Основной базой такого роста должны стать регионы нашей страны, то есть повышение степени равномерности распределения точек такого роста на уровне субъектов. Сейчас же в основном наука и качественное высшее образование сосредоточены в крупнейших городах.

Автором предложен целый комплекс мер и форм популяризации науки. В том или ином виде часть из них в России уже существует и функционирует. Однако системно они либо не работают, либо не дают положительного эффекта. Для этого нужен единый субъект управления, который будет аккумулировать усилия организаций, ученых, общества. И, разумеется, нужна государственная поддержка на высшем уровне. А может, и персональная поддержка первых лиц. Остается надеяться, что программа популяризации науки даст свой положительный эффект. Возможно, учитывая важность проблемы, стоит задуматься об иной форме акта, ответственность за исполнение которого будет персональной, а поставленные задачи — четко структурированными, детализированными и выполнимыми.

Закончу словами академика Е.Н. Каблова: «Главная задача в нашем обществе после 30-летнего известного отношения к науке — попытаться создать моду на знание» [Задачи Российской академии наук по популяризации и пропаганде науки 2019, 17]. Привить такую моду молодежи — значит решить задачу эффективного саморазвития будущего агента социально-экономической системы, а следовательно, и научно-исследовательской сферы страны.

Список литературы:

- Ваганов А.Г.* Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв. // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 3(21). С. 64–77.
- Джанджугазова Е.А.* Роль популяризации науки в развитии российского образования (в контексте анализа российских научно-популярных изданий) // Российские регионы: взгляд в будущее. 2014. Т. 1. № 1. С. 53–70.
- Дымова И.А.* Популяризация науки как фактор воздействия на общественное мнение // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. 2018. Т. 25. № 6. С. 178–188.
- Журавлева Е.В., Фурсов С.В.* Популяризация науки в современной России // Россия и современный мир. 2018. № 4(101). С. 233–237.

Задачи Российской академии наук по популяризации и пропаганде науки / составитель
Заикина Г.А. // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 15–23.

Литвак Н.В., Медведева С.М. Введение в проблему популяризации науки: возможности
и конфликты понимания // Конфликтология. 2017. № 1. С. 174–188.

Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции
развития // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 2.
С. 98–104.

Матьяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное
образование // Сибирь. Философия. Образование: альманах. 2002. № 6. С. 37–47.

Мельников М.В., Рагозина М.А. Популяризация научной и инновационной деятельности
среди молодёжи // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2. № 8.
С. 49–50.

Ни А.В. Популяризация науки в России // Цивилизация знаний: российские реалии:
Труды Семнадцатой международной научной конференции. М.: Российский новый
университет, 2016. С. 283–285.

Обжорин А.М. Проблемы популяризации науки в России // Научная периодика:
проблемы и решения. 2017. Т. 7. № 2. С. 117–125.

Саган К. Мир, полный демонов: Наука — как свеча во тьме / пер. с англ. 5-е изд.
М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Сухенко Н.В. Специфика популяризации науки в России // Вестник НГТУ
им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные
технологии. 2016. № 4. С. 18–22.

Темницкий А.Л., Мороз А.С. Потенциал популяризаторов науки в противостоянии
лженаучному знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6.
№ 3(23). С. 62–76.

Дата поступления: 07.02.2020

Voronov A.S.

**Development of Young People Research Potential and Popularization of
Science Among Schoolchildren, Students and Young Scientists in Russia**

Aleksandr S. Voronov — PhD, Associate Professor, Department of Innovative Development
Economy; Head, Innovative Design Center, School of Public Administration; Chairman,
Council of Young Scientists, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian
Federation.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

Abstract

Popularization of science as a field of activity and profession of a scientist in modern conditions is more relevant than ever. The tasks and target indicators set by the President of the Russian Federation, which are reflected in the National Projects “Science” and “Education”, as well as in the Program for popularization of scientific and technical and innovative activities developed by the Ministry of Economic Development of Russia, are ambitious. Their implementation allows revealing and developing the research potential of young people, popularizing science among schoolchildren, students, postgraduates and young scientists. The study presents an analysis of the number of young scientists in Russia, its dynamics, along with the reasons and trends that affect the effectiveness of Russian science, the opportunities and needs for its popularization among young people. The role of the profession of science popularizer in the aspect of achieving the goals of socio-economic development of Russia and its regions is defined. The author considers the practice of popularizing science and the profession of a scientist among schoolchildren, as well as supporting scientific activities among students, postgraduates and young scientists. The main measures of state support for science and education in Russia till 2024 are outlined. In the historical aspect, the forms and measures of science popularization in Russia are considered. A set of measures to popularize science among young people is proposed, as well as the forms for more effective scientific knowledge dissemination and young people interest in research and innovation activities increase are systematized.

Keywords

Popularization of science, young scientists, schoolchildren, students, science promotion, science.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10040

References:

- Vaganov A.G. (2016) Evolution of Forms of Science Popularization in Russia: XVIII–XXI Centuries. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye*. No. 3(21). P. 64–77.
- Dzhandzhugazova E.A. (2014) The Role of the Popularization of Science in the Development of Education in Russia (in the Context of the Analysis of Russian Popular Science Publications). *Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye*. Vol. 1. No. 1. P. 53–70.
- Dymova I.A. (2018) Popularization of Science as a Factor of Influence on Public Opinion. *Analiz i modelirovaniye ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov: Matematika. Komp'yuter. Obrazovaniye*. Vol. 25. No. 6. P. 178–188.
- Zhuravleva E.V., Fursov S.V. (2018) Promoting Science in Modern Russia. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4(101). P. 233–237.
- Zaikina G.A. (ed.) (2019) The Russian Academy of Sciences and Its Responsibility to Promote Science. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 89. No. 1. P. 15–23.
- Litvak N.V., Medvedeva S.M. (2017) Introduction to the Problem of Popularization of Science: Opportunities and Conflicts of Understanding. *Konfliktologiya*. No. 1. P. 174–188.
- Makarova E.E. (2013) Populyarizatsiya nauki v Internetе: soderzhaniye, formy, tendentsii razvitiya [Popularization of science on the Internet: content, forms, development trends]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2013. No. 2. P. 98–104.

- Mat'yash O.I. (2002) Chto takoye kommunikatsiya i nuzhno li nam kommunikativnoye obrazovaniye [What is communication and do we need a communicative education]. *Sibir'. Filosofiya. Obrazovaniye: al'manakh*. No. 6. P. 37–47.
- Melnikov M.V., Ragozina M.A. (2012) Populyarizatsiya nauchnoy i innovatsionnoy deyatel'nosti sredi molodozhi [Popularization of scientific and innovative activity among youth]. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavтики*. Vol. 2. No. 8. P. 49–50.
- Nee A.V. (2016) Popularization of Science in Russia. *Tsivilizatsiya znaniy: rossiyskiye realii: Trudy Semnadtsatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: Rossiyskiy novyy universitet. P. 283–285.
- Obzhorin A.M. (2017) The Problems of Popularization of Science in Russia. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*. Vol. 7. No. 2. P. 117–125.
- Sagan K. (2018) *The Demon-Haunted World: Science as a Candle in the Dark*. Moscow: Alpina non-fiction.
- Sukhenko N.V. (2016) Spetsifika populyarizatsii nauki v Rossii [The specifics of the popularization of science in Russia]. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseyeva. Seriya: Upravleniye v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnyye tekhnologii*. No. 4. P. 18–22.
- Temnitsky A.L., Moroz A.S. (2018) Science Popularization Agents' Potential Against Pseudo-Scientific Knowledge. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Vol. 6. No. 3(23). P. 62–76.

Received: 07.02.2020

Островский А.В., Кудина М.В.

Новая парадигма образования в эпоху цифровой трансформации государства¹

Островский Александр Владимирович — аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: OstrovskyAV@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5521-0815](#)

Кудина Марианна Валерьевна — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики инновационного развития, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: mariannakud@mail.ru, Kudina@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5515-5825](#)

Аннотация

Требования индустрии 4.0 определили рост разрыва между кадровыми потребностями бизнеса и возможностью системы образования. Диспропорции рынка труда и квалификационная яма сегодня принимают критический характер и формируют запрос на цифровую трансформацию системы образования. Требования к знаниям и компетенциям динамично меняются и то, что было востребованным в начале 2010-х, может существенно отличаться от текущих потребностей рынка труда. Становится очевидным: чтобы быть востребованным, учиться нужно всю жизнь. У государства и бизнеса появляется объективная необходимость в прогнозировании и фиксации появления новых компетенций, а также в модификации существующих. В то же время возникают вопросы: как сократить срок реакции системы образования на запросы рынка труда в части востребованных кадров, а также какие новые форматы образования могут стать движущими силами для формирования гибкой и проактивной системы непрерывного обучения граждан всех возрастов? В статье оценивается текущее состояние рынка образования, приводятся возможные эффекты от его цифровой трансформации, определяются предпосылки и практики перехода к концепции непрерывного образования, выявляются драйверы и тренды, формирующие модель образования будущего, в том числе в разрезе масштабных образовательных экспериментов, проводимых в России. С учетом курса на построение Индустрии 4.0 раскрываются особенности формирования и развития EdTech-рынка, делаются выводы относительно факторов, влияющих на конкурентоспособность стран, с позиции эффективности реализации образовательной политики и подготовки кадров для цифровой экономики. Методологическая база статьи представлена приемами комплексного и сравнительного анализа. Важнейшее место в исследовании занимают системный и структурно-функциональный подходы.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, цифровая экономика, EdTech, онлайн-образование, образование будущего, непрерывное образование, персонализация обучения, цифровые компетенции.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10041

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-29-07449 «Измерение человеческого капитала в условиях структурных изменений в мировой экономике».

Введение

В условиях цифровой трансформации большинства отраслей экономики и сфер жизнедеятельности все развитые страны заложили строительство экономики нового типа, где образование играет фундаментальную роль как источник формирования новых технологий, развития науки и человеческого капитала. Уровень и качество образования стали одними из ключевых факторов экономического благополучия любого государства [Кожина, Косевич 2016]. Перед миллионами людей встает вопрос: как найти себя на рынке труда и быть востребованным без опасения, что однажды их заменят роботы или искусственный интеллект?

Актуальность статьи определяется необходимостью изучения подходов и моделей цифровой трансформации образования в условиях становления Индустрии 4.0. В этом отношении масштаб задач, стоящих перед Россией, вылился в принятие национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», включающей в себя федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», который направлен на создание новых возможностей для развития цифровой грамотности населения, поддержку талантливой молодежи в области математики и ИТ, а также подготовку профессиональных «цифровых» кадров.

По оценкам Глобального института McKinsey, потенциальный экономический эффект от цифровизации может увеличить ВВП России к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб., что составит от 19% до 34% общего ожидаемого роста ВВП [Аптекман и др. 2017]. Специфика экономики в эпоху цифровой трансформации заключается не только в появлении новых цифровых технологий и, как следствие, автоматизации труда, но и радикальном изменении содержания профессиональной деятельности, постановке новых задач перед участниками рынка труда, а значит, и подходов к подготовке кадров, способных решить эти задачи.

Вместе с тем образование рассматривается не в качестве продукта конечного потребления, а как средство для дальнейшего производства добавленной стоимости, которое обеспечивает национальный и глобальный экономический рост [Коршунов, Гапонова 2017].

Целью статьи является выявление драйверов и трендов, формирующих новую парадигму образования и EdTech-рынок в условиях цифровой трансформации государства.

Предпосылки и практики перехода к концепции непрерывного образования

Усиление глобализации, рост скорости изменений и обострение конкурентной борьбы за лучшие кадры ведут к тому, что рынок талантов становится все менее предсказуемым и более турбулентным. Компании вынуждены включаться в подготовку кадров на все более ранних стадиях и решать вопросы кадрового обеспечения не через классические образовательные учреждения, а посредством собственных корпоративных университетов.

По оценкам экспертов BCG и World Skills, 1,3 млрд работников по всему миру и 34 млн граждан в России сейчас находятся в так называемой «квалификационной яме», испытывая недостаток или переизбыток профессиональных компетенций. При этом 45% работодателей сталкиваются со сложностями в поиске сотрудников требуемой квалификации [Бутенко и др. 2019].

Понятие квалификации, привычное для индустриальной экономики, в которой важен уровень профподготовки сотрудника для выполнения конкретного вида работы, уходит в прошлое. Компетенция как личная способность специалиста решать определенный класс профессиональных задач точнее отражает требования к работнику в условиях цифровой экономики.

Традиционная система образования с ее существенно отложенными во времени эффектами не успевает перестраиваться под задачи цифровой трансформации. Это обуславливает, с одной стороны, необходимость проведения постоянного мониторинга востребованности компетенций и специалистов цифровой экономики, с другой — требует перехода от фрагментарного обучения к перманентному, в течение всей жизни.

Концепция Lifelong learning не нова — на Западе первые идеи непрерывного образования возникли еще в 1960-е годы, однако окончательное их оформление в современном понимании произошло только в 1993 г. благодаря профессору Лесли Воткинску. Согласно новому подходу под непрерывным образованием понималось постоянное, добровольное и самомотивированное обучение на протяжении всей жизни, основанное на стремлении к знаниям по личным или профессиональным причинам. Мировой экспансии данной концепции способствовало прежде всего появление и развитие Интернета, позволившего пользователям ежедневно учиться, находясь в любой точке мира.

Специфика непрерывной модели образования в советской России заключалась в закреплении функции производителя рабочей силы и основного работодателя за государством, что определяло квазикорпоративный характер обучения. Однако крах СССР и, как следствие, разрушение централизованной системы образования привели к прекращению государственного финансирования программ повышения квалификации

и переподготовки граждан. В результате профессиональное непрерывное образование сохранилось исключительно в государственных корпорациях и крупных частных компаниях. Ситуация стала меняться только в 1995 г. с принятием «Типового положения об образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов», которое дало начало становлению частного сектора образования в России [Коршунов и др. 2019, 37–53.].

Ключевая задача конкурентоспособной системы непрерывного образования, состоит в том, чтобы своевременно обеспечивать точную настройку навыков на конкретные требования технологического и социально-экономического развития отраслей и территорий [Абанкина 2018]. Наибольших успехов в этой части достиг Сингапур, запустивший в 2014 г. национальное образовательное движение [SkillsFuture](#), предоставляющее гражданам возможность раскрыть свой потенциал на любом этапе жизни — школьные годы, начало, середина или завершение карьеры. SkillsFuture включает в себя следующие направления:

- оказание помощи в процессе выбора будущей профессии;
- разработка интегрированной качественной системы образования, которая отвечает на постоянно меняющиеся потребности рынка труда;
- содействие в трудоустройстве и развитии карьеры;
- воспитание культуры обучения на протяжении всей жизни.

Для детей и учителей работает огромный портал [MySkillsFuture](#), посвященный профориентированию, где можно пройти тесты, ознакомиться с рекомендациями по выбору профессии. Помимо учителей-предметников, в школах работают люди, которые называются консультантами по профессиям. Для граждан старше 25 лет в Сингапуре запущена программа [SkillsFuture Credit](#), направленная на поощрение индивидуального развития навыков и обучения на протяжении всей жизни, в рамках нее каждый человек может получить образовательный кредит в размере \$500.

Согласно опросу Pew, 54% всех работающих американцев считают, что важно развивать новые навыки в течение всей их трудовой жизни, среди взрослых до 30 лет это число достигает 61%. Другое исследование, проведенное Manpower в 2016 г., показало, что 93% миллениалов готовы тратить собственные деньги на дальнейшее обучение². Только в 2018 г. россияне потратили на онлайн-образование больше 1,3 млрд руб.

---

² Lifelong learning is becoming an economic imperative // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2017/01/12/lifelong-learning-is-becoming-an-economic-imperative> (дата обращения: 12.11.2019).

Принципы и тренды новой парадигмы образования

Базовыми принципами новой системы образования становятся непрерывность, ранняя профориентация, гибкость, мобильность, индивидуализация образовательных траекторий, интерактивность, а также соединение корпоративного обучения с фундаментальным образованием. Традиционная модель обучения, заключающаяся в передаче и воспроизведении знаний, в цифровой экономике теряет актуальность, на первый план выходит обучение главному навыку — умению учиться. В это понятие входит способность самостоятельно ставить учебные цели, формировать пути их реализации, контролировать и оценивать свои достижения [Карабанова 2010].

Цифровые технологии создают новые, ранее недоступные возможности для персонализации образования, обеспечивая максимальный учет индивидуально-личностных характеристик обучающегося для выстраивания его образовательной траектории и выбора оптимальных технологий и методик обучения. Используя передовые технологии диагностики, психометрика помогает определить пробелы в знаниях ученика и, основываясь на полученной информации, скорректировать структуру курса персонально для каждого. Кроме того, персонализация, постоянный анализ способностей и успеваемости обучающегося позволяют обеспечить более высокий уровень профориентации, что, в свою очередь, повышает точность выбора будущей профессии и создает новые возможности для широкой профессиональной самореализации.

В связи с бурным развитием сегмента онлайн-образования все большую значимость для образовательного процесса начинает приобретать многоканальность — возможность получать знания из разных источников, через офлайн и онлайн-каналы. Последний предусматривает использование образовательных ресурсов, открывающих доступ к качественному образовательному контенту вне границ государств, вне зависимости от финансового положения и социальных статусов. В этом контексте для получения качественного образования и построения карьеры первостепенными становятся вопросы персональной мотивации и самодисциплины, объединяемые понятием «эмоциональный интеллект» — одним из ключевых элементов soft skills (гибких навыков).

Развитие soft skills становится не менее важным, чем hard skills. Возрастает значимость таких навыков, как креативность, умение управлять временем, разрешать конфликты, работать в сложных междисциплинарных командах и т.п. В мире киберфизических систем границы отраслей и дисциплин стремительно размываются,

поэтому для технических специалистов все большую актуальность приобретает развитие творческого мышления, эмоционального интеллекта и навыков коммуникации, для гуманитариев — изучение и внедрение системного, логарифмического мышления и навыков в области ИТ. Иными словами, для того чтобы оставаться востребованным в цифровой экономике, человеку необходимо соблюдать баланс цифровых, поведенческих и профессиональных навыков.

Драйверами изменений становится новый костяк рынка труда — миллениалы и поколение Z. Новое поколение ориентировано на получение удовольствия от любой деятельности в противовес достижению результатов и эффективности как ключевой ценности предыдущего поколения.

Не менее важным трендом в образовании становится внедрение интерактивных технологий обучения, подразумевающих использование более сложных механик взаимодействия с материалом, нежели простые тесты и упражнения типа «выберите правильный ответ». Речь об интерактивных 3D-моделях, виртуальных лабораториях и симуляторах, которые, благодаря технологиям виртуальной и дополненной реальности, обеспечивают принципиально новый уровень погружения учеников в образовательный процесс. Визуализируются сложные физические объекты, трудно воспринимаемые в 2D, например квантово-механическая модель атома. Ученики могут самостоятельно сложить любой атом, посмотреть, какие орбитали заполняются при добавлении электронов.

К новым трендам, влияющим на трансформацию системы образования, стоит также отнести:

- асинхронность обучения: учитель и ученик не занимаются одновременно. Все меньше людей стремятся заниматься только лично, многие переходят к дистанционному формату обучения и постфактумной проверке результатов работы. У сторон образовательного процесса все меньше необходимости синхронизировать заранее расписание и удобное время в рабочие часы;
- перевернутое обучение (или перевернутый класс): теорию ученики осваивают сами, а на уроке тренируются и практикуются все вместе. В итоге существует спрос на системное онлайн-потребление теоретических знаний, а также потребность в удобной интерактивной массовой практике;

- геймификация и edutainment — инструменты, делающие обучение более увлекательным и легким. Как следствие, тренд контекстного образования, которое стало интегрироваться в ежедневную обыденную жизнь и ее процессы³;
- мобильность обучения: возрастает объем образовательного контента, потребляемого через смартфоны и планшеты, которые обеспечивают непрерывность обучения и расширяют возможности взаимодействия с учеником;
- микрообучение: сложные и продолжительные курсы разбиваются на короткие уроки, которые легче смотреть, и при этом можно чаще вознаграждать учеников за достижения в обучении;
- взаимное обучение (P2P): появляются практики сетевого взаимодействия, при котором учащиеся учатся друг у друга, а не у преподавателя или эксперта.

При этом в качестве проблем, на решение которых должны быть направлены новые образовательные проекты, эксперты называют повышение качества человеческого капитала, технологическая модернизация, обеспечение социальной устойчивости и цифровая трансформация [Двенадцать решений для нового образования 2018, 19–25].

Особенности формирования и развития EdTech-рынка

Сложившиеся тренды определили тот факт, что цифровое образование стало самым быстрорастущим направлением глобального рынка образования (прирост на более чем 20% в год в течение 2012–2017 гг.), при этом оно пока занимает небольшую долю — около 3% от \$6,5 трлн в общем рынке образовательных услуг. Согласно оценкам EdTechXGlobal и Global Market Insights, в 2020 г. объем мирового рынка онлайн-образования достигнет \$252 млрд⁴, при этом доля российского сегмента сохранится на уровне 0,5–1%. США занимает около 50% всего рынка, при этом Азия растет втрое большими темпами как в объеме потребляемых услуг, так и в количестве

---

³ Шапкина И. Образование на всю жизнь: как онлайн превращает обучение в элемент личной «инфраструктуры» // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/345797-obrazovanie-na-vsyu-zhizn-kak-onlayn-prevrashchaet-obuchenie-v-element-lichnoy> (дата обращения: 15.11.2019).

⁴ Global Report Predicts EdTech Spend to Reach \$252bn by 2020 // PR Newswire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/global-report-predicts-edtech-spend-to-reach-252bn-by-2020-580765301.html> (дата обращения: 16.11.2019).

новых проектов. Высокие темпы роста мирового рынка онлайн-образования достигаются за счет активного притока в него инвестиций, которые за 5 лет выросли почти в 7 раз.

Среди наиболее перспективных направлений EdTech выделяют:

- образовательные программы нового типа по востребованным направлениям (подготовка квалифицированных специалистов за 5 месяцев вместо 5 лет);
- создание образовательных курсов с нуля и добавление интерактивных элементов в уже существующие курсы;
- проверка знаний и компетенций на основе использования технологий искусственного интеллекта;
- управление индивидуальной образовательной траекторией и учебным процессом⁵.

Исторически сложилось так, что в СССР/РФ сформировалась одна из самых сильных школ технического обучения, в связи с чем Россия до сих пор занимает третье место после Китая и Индии по количеству выпускающихся инженеров, технологов, строителей⁶. Но в то же время уровень цифровой грамотности россиян достаточно низкий, значительная часть населения не владеет навыками решения задач с помощью цифровых технологий, что определяет отставание России от среднемировых показателей [Подольский и др. 2015].

Стараясь соответствовать трендам цифровизации, государственные организации и структуры, так или иначе связанные с государством, запускают национальные и федеральные проекты, которые по своему содержанию копируют уже имеющиеся на рынках бизнес-модели, тем самым не помогая молодым российским проектам, а подавляя их, отсекая от финансовых потоков и заставляя конкурировать с государственными монополиями.

Агрессивно занимая ниши для бизнеса и навязывая продукты школам и университетам, государственные структуры обрекают рынок EdTech к замедлению темпов роста за счет монополизации. Конкуренция с государством начала остро

---

⁵ EdTech. Перспективные направления развития, 2019 // Агентство инноваций города Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://innoagency.ru/files/EdTech_AIM_2019.pdf (дата обращения: 16.11.2019).

⁶ The Countries with the Most Engineering Graduates // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/chart/3559/the-countries-with-the-most-engineering-graduates/> (дата обращения: 16.11.2019).

ощущаться с принятием национального проекта «Образование», который, в свою очередь, включает еще ряд федеральных проектов, таких как «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», «Учитель будущего» и др. Активное регулирование рынка EdTech и навязывание услуг сокращают долю технологических стартапов на рынке.

В настоящее время в школах и университетах идет борьба за внимание учеников. Основные игроки рынка EdTech научились привлекать внимание учащихся различными способами: с помощью контента, геймификации, рассылками и т.д. Совершенно точно можно сказать, что государство не сможет конкурировать с EdTech-компаниями в этом сегменте. Государство в силу своих особенностей не способно производить технологичные решения быстро (в течение месяца) и тиражировать их на всех. В связи с этим роль государства, по мнению основных игроков, должна быть направлена прежде всего на создание инфраструктуры и формирование нормативно-правовой базы для всех участников рынка.

В рамках экспорта высокотехнологичной продукции, в отличие от сырьевого экспорта, заказчики приобретают не продукт, а контракты на жизненный цикл (самолет, корабль, электростанция и т.д.). Частью контрактов полного жизненного цикла всегда являются образовательные материалы и услуги по эксплуатации, ремонту, обслуживанию. Данная составляющая является одним из наиболее слабых аспектов отечественной продукции. EdTech может быть сквозной технологией для повышения конкурентоспособности российской высокотехнологичной продукции за счет дешевого и качественного обучения использованию.

Апробация передовых образовательных практик и технологий в России

В целях подготовки кадров для цифровой экономики в 2018 г. в России начал свою деятельность Университет Национальной технологической инициативы 20.35, который предлагает новый способ удовлетворения образовательных потребностей человека через индивидуальные образовательные траектории на базе цифровых платформ, сети университетов и среды неформального обучения. Университет 20.35 вбирает в себя лучшие образовательные практики и методики за счет использования сетевого принципа функционирования, позволяющего привлекать ведущих специалистов, практиков и преподавателей вузов со всего мира.

Коренное отличие Университета 20.35 от традиционного вуза заключается в том, что он не ориентируется на классические образовательные программы и стандарты, не имеет штатных преподавателей, а также не придерживается

многоступенчатой системы обучения «бакалавр/специалист — магистр — аспирант и т.д.». В основе обучения лежат образовательные модули (как в офлайн, так и онлайн-формате), которые рекомендуются студенту в рамках освоения предметных навыков, имеющих конкретное практическое приложение в цифровой экономике. Обучение в Университете 20.35 обязательно предполагает освоение следующих базовых направлений: применение сквозных технологий, универсальные компетенции (soft skills), цифровая грамотность, работа на глобальных рынках⁷.

Каждый студент Университета 20.35 на начальном этапе проходит комплексную диагностику, позволяющую определить текущий уровень компетенций, знания в конкретных областях, психотип личности, мотивацию и цели обучения. На основе первичных данных определяются сильные стороны человека, формируется его профиль компетенций и составляется персональная траектория развития — набор рекомендаций, включающий онлайн-курсы, книги, статьи, изучение которых позволит достичь поставленные образовательные цели.

В ходе обучения по каждому студенту формируется массив данных о результатах образовательной и проектной деятельности, которые в совокупности с биометрическими показателями составляют цифровой след человека. Его постоянно анализирует искусственный интеллект, что позволяет динамически корректировать персональную траекторию развития, формировать более точные рекомендации и тем самым повышать эффективность обучения.

Одним из форматов деятельности Университета 20.35 является проведение образовательных интенсивов, в рамках которых участники (как правило, пассионарии, которые должны составить кадровый потенциал цифровой экономики) обучаются в рамках специализированных лабораторий, в максимально короткие сроки осваивают цифровые компетенции и технологии, собираются в кросс-функциональные команды для совместной работы над проектами. При этом обучение и практические занятия проходят под руководством наставников и тьюторов, которые дают обратную связь по проектам и рекомендации для повышения эффективности работы в команде и процесса обучения.

---

⁷ Университет «20.35». Инструкция по применению // NTInews [Электронный ресурс]. URL: https://ntinews.ru/in_progress/likbez/universitet-20-35-instruktsiya-po-primeneniyu.html (дата обращения: 17.11.2019).

По итогам формальных и неформальных образовательных активностей человека формируется его профиль компетенций, который отражает уровень знаний и владения инструментами в определенной предметной области, а также способность продуктивной деятельности в рамках неё. Профиль компетенций позволяет установить дельту — разницу между уровнем знаний и навыков до начала обучения и после. Эта информация совместно с опытом работы (проектной деятельностью) и обратной связью от наставников и тьюторов делает необязательным предоставление резюме или диплома для подтверждения компетенций и навыков человека. Цифровой профиль решает эту задачу эффективнее, с учетом постоянного обновления и анализа накопленного человеком опыта.

В силу указанных обстоятельств Университет 20.35 не выдает каких-либо свидетельств о прохождении обучения или дипломов. Несмотря на все еще консервативное отношение общества к этому вопросу с позиции необходимости формального подтверждения результатов обучения, в первую очередь в виде диплома, мировые тренды указывают на то, что компании все чаще убирают из описания должностей требования о наличии высшего образования. Об этом, в частности, свидетельствует популярный сайт по поиску работы в США Glassdoor, где приводится 15 крупнейших компаний, включая, например, Apple, Google, IBM, EY и Bank of America, которые больше не требуют дипломы об окончании колледжа, нанимая инженеров-программистов, рекрутов, аудиторов, риск-менеджеров, специалистов по блокчейну, маркетологов⁸.

Одной из целей, декларируемых Университетом 20.35, является формирование горизонтальных связей между учебными заведениями всех уровней, что позволит человеку выстраивать процесс обучения на принципах «бесшовности» — без жесткой привязки к методикам, ресурсам, форматам конкретного образовательного учреждения. В этой парадигме образовательные программы должны быть не автономно существующими внутри учебных заведений, а являться частью общей образовательной экосистемы, где каждый элемент (программа, методика) обеспечивает системность, скорость и гибкость подготовки специалистов в соответствии с приоритетами научно-технологического развития отраслей экономики и требованиями рынка труда.

---

⁸ 15 More Companies That No Longer Require a Degree // Glassdoor [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glassdoor.com/blog/no-degree-required/> (дата обращения: 18.11.2019).

Таким образом, в основе парадигмы Университета 20.35 лежит концепция «облачного» (цифрового) университета, предлагающая универсальные платформенные решения для системы образования. Речь о сервисах, которыми может воспользоваться человек вне зависимости от того, в каком образовательном учреждении он учится:

- диагностика, по результатам которой осуществляется картирование личных качеств и структурированное накопление данных для определение наиболее подходящей роли человеку;
- цифровой профиль и персональная траектория развития, обеспечивающие целевую направленность, предметность, прозрачность и возможность фиксировать результаты образовательного процесса;
- формирование команды и поиск новых контактов, что позволяет по заданным характеристикам и посредством системы рекомендаций найти людей, которые владеют компетенциями, недостающими команде для реализации проекта.

Заключение

За последние два–три десятилетия международный рынок образовательных услуг серьезным образом усложнился и одновременно стабилизировался в тенденциях своего развития. Чтобы обрести или сохранить конкурентоспособность на нем, любой стране приходится учитывать многие обстоятельства:

- рост масштабов рынка и объемов продаж, тренд на увеличение мобильности всех участников образовательного процесса;
- государства занимают все более активную позицию в регулировании экспортно-импортных отношений в сфере образования;
- идет постоянный поиск и реализация новых стратегий экспорта образовательных услуг;
- создаются образовательные кластеры, объединяющие вузы, работодателей, государственные органы и т.д.;
- ускоренными темпами множатся международные университетские сети;
- развиваются региональные рынки образовательных услуг;
- государства и отдельные зарубежные рынки не просто стремятся к приобретению готовых образовательных решений, а ориентируются на трансфер передовых технологий и локализацию лучших практик у себя в стране;

- неформальный и информальный сектор образования вытесняет формальный, появляются образовательные провайдеры нового типа (предпринимательский университет, корпоративный университет, виртуальный университет и др.), а также провайдеры, не принадлежащие к образовательным структурам (IT и телекоммуникационные компании, библиотеки, музеи, издательства и др.).

С учетом трендов и разнонаправленной динамики изменений в EdTech-секторе в мире запускается множество экспериментальных образовательных проектов, в России самый крупный из них — Университет 20.35, который ориентирован на модель образования будущего, где люди и искусственный интеллект учатся друг у друга.

Высокая скорость изменений и развитие технологий стали катализатором и драйвером новой парадигмы «самое важное, чему стоит научиться человеку, — это учиться». К этим новым реалиям нужно быть готовыми, и образование играет здесь ключевую роль, поскольку, по мнению ученых и специалистов, функция образования заключается в аккумуляции, хранении и трансляции моделей адаптивного поведения индивидов, обеспечивающих целостность системы общества посредством внедрения в сознание индивидов моделей/образцов адаптивного поведения в данной социокультурной среде [Кудина и др. 2019].

Список литературы:

- Абанкина И.В., Беликов А.А., Гапонова О.С., Дудырев Ф.Ф. и др. Глобальная конкурентоспособность российского образования // Институт образования ВШЭ: Современная аналитика образования. 2018. № 3(20). URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/223161322> (дата обращения: 18.11.2019).
- Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность // McKinsey [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (дата обращения: 18.11.2019).
- Бутенко В., Полунин К., Степаненко А., Жукова Е., Налесная Е., Волосова Д. Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты // BCG [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcg.com/Images/RUS-BCG-Mas-Uniq_tcm27-228998.pdf (дата обращения: 18.11.2019).

Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / под редакцией: Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин. М.: НИУ ВШЭ, 2018.

Карабанова О.А. Что такое универсальные учебные действия и зачем они нужны // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2010. № 2. С. 11–12.

Кожина В.О., Косевич А.В. Влияние глобализационных процессов в мировой экономике на конкурентоспособность российского образования // Креативная экономика. 2016. № 5. С. 475–486.

Коришунов И.А., Гапонова О.С. Непрерывное образования взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // Вопросы образования: ежеквартальный научно-образовательный журнал. 2017. № 4. С. 36–59.

Коришунов И.А., Гапонова О.С., Пешкова В.М. Век живи — век учись: непрерывное образование в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Кудина М.В., Логанова Л.Б., Петрунин Ю.Ю. Национальное образование в эпоху глобальной цифровой революции // Вестник Московского университета. 2019. № 4. С. 3–22.

Подольский О.А., Попов Д.С., Рылько Е.Д. Насколько компетентны сегодня взрослые россияне. Результаты Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) в Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 28–31.

Дата поступления: 27.10.2019

Ostrovsky A.V., Kudina M.V.

New Educational Paradigm in the era of State Digital Transformation

Aleksandr V. Ostrovsky — postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: OstrovskyAV@spa.msu.ru

Marianna V. Kudina — DSc (Economics), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: mariannakud@mail.ru, Kudina@spa.msu.ru

Abstract

Industry 4.0 requirements have identified a widening gap between the business' staffing needs and the capabilities of the education system. Labor market imbalances as well as the qualification pit are critical today and call for a digital transformation of the education system. The requirements for knowledge and competencies are changing dynamically and what was in demand in the early 2010s may differ significantly from the current needs of the labor market. It becomes clear: to be in demand, you must learn during your whole lifetime. The state and business have a necessity for objective forecasting and definition of emerging new competencies as well as modification and growth of demand for existing ones. At the same time, other questions arise: how to reduce the reaction time of the education system to the demands of the labor market in terms of demand for staff, what new formats of education can become the driving forces for the formation of a flexible and proactive continuous education

system for citizens of all ages? The article assesses the current state of the education market, provides possible effects from its digital transformation, identifies the prerequisites and practices for the transition to the concept of lifelong learning, identifies drivers and trends that form the model of future education, in alignment with current high-profile educational experiments conducted in Russia. Taking into account the course towards building Industry 4.0, the features of formation and development of the EdTech market are revealed, conclusions are drawn regarding the factors affecting the competitiveness of countries from the standpoint of the effectiveness of implementing educational policies and training personnel for the digital economy. The methodological base of the article is presented by the methods of complex and comparative analysis. Most vital approaches are systemic and structural-functional analyses.

Keywords

Digital transformation, digital economy, EdTech, online education, future education, continuous education, personalized education, digital competencies.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10041

References:

- Abankina I.V., Belikov A.A., Gaponova O.S., Dudyrev F.F. et. al. (2018) Global'naya konkurentosposobnost' rossiyskogo obrazovaniya [Global competitiveness of Russian Education]. *Institut obrazovaniya VSHE: Sovremennaya analitika obrazovaniya*. No. 3(20). Available: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/223161322> (accessed: 18.11.2019).
- Aptekman A., Kalabin V., Klintsov V., Kuznetsova E., Kulagin V., YAsenovets I. (2017) *Digital Russia: a new reality*. Available: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (accessed: 18.11.2019).
- Butenko V., Polunin K., Stepanenko A., ZHukova E., Nalesnaya E., Volosova D. (2018) *Mass Uniqueness. A Global Challenge for One Billion Workers*. Available: https://www.bcg.com/Images/RUS-BCG-Mas-Uniq_tcm27-228998.pdf (accessed: 18.11.2019).
- Karabanova O.A. (2010) CHto takoye universal'nyye uchebnyye deystviya i zachem oni nuzhny [What are universal learning activities and why are they needed]. *Munitsipal'noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment*. No. 2. P. 11–12.
- Korshunov I.A., Gaponova O.S. (2017) Lifelong Learning in the Context of Economic Development and Government Effectiveness. *Voprosy obrazovaniya: ezhekvartal'nyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. No. 4. P. 36–59
- Korshunov I.A., Gaponova O.S., Peshkova V.M. (2019) *Vek zhivi — vek uchis': nepreryvnoye obrazovaniye v Rossii* [Live and Learn: adult continuing education in Russia]. Moscow: NIU VSHE.

Kozhina V.O., Kosevich A.V. (2016) The Impact of Globalization Processes of the World Economy on the Competitiveness of Russian Education. *Kreativnaya ekonomika*. No. 5. P. 475–486.

Kudina M.V., Logunova L.B., Petrunin Yu.Yu. (2019) National Education in the Era of the Global Digital Revolution. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. No. 4. P. 3–22.

Kuzminov Ya.I., Froumin I.D. (eds.) (2018) *12 Solutions for a New Education: Report by the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics*. Moscow: NIU VSHE.

Podolskiy O.A., Popov D.S., Ryl'ko E.D. (2015) *Naskol'ko kompetentny segodnya vzroslyye rossiyanе. Rezul'taty Programmy mezhdunarodnoy otsenki kompetentsiy vzroslykh (PIAAC) v Rossiyskoy Federatsii* [How competent are adult Russians today? Results of the International Adult Competency Assessment Program (PIAAC) in the Russian Federation]. Moscow: NIU VSHE. P. 28–31.

Received: 27.10.2019

Петрунина О.Е.

Образ России в национальном образовании Греции

Петрунина Ольга Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

E-mail: petrunina@narod.ru

SPIN-код РИНЦ: [4479-7104](#)

Аннотация

Проходя через систему образования, современный человек приобретает не только знания, но и комплекс ценностей и представлений о мире. В Греции эти знания, ценности и представления в целом едины для всей страны благодаря единой линейке школьных учебников по всем предметам. Цель данной статьи — исследовать, какой образ России складывается у молодого поколения греков к окончанию школы. Для этого автором были проанализированы действующие учебники по всем предметам за все время обучения. Содержащиеся в них упоминания и сведения о России и русских были систематизированы и разбиты на тематические блоки, из которых складывается общее представление о стране: география России, музыкальная культура, литература и искусство, российская наука, Россия в мировой истории. Общее отношение авторов учебников к России определяется стремлением следовать общим принципам и ценностям Евросоюза, на 75 % профинансировавшего создание нового поколения учебников, а также традиционным представлением об исключительной исторической роли греческой нации. Кроме того, учебники содержат ошибки и устаревшие данные, а спорные сюжеты часто трактуют не в пользу России. В результате образ страны получается нечетким и не вполне объективным, что особенно заметно в учебниках по истории и религиозному воспитанию, в которых искажается роль России в мировой истории. Греки слабо представляют себе вклад россиян в мировую науку, музыкальную и художественную культуру. Лучше всего им известны наиболее популярные в мире русские писатели — Достоевский, Толстой и Чехов.

Ключевые слова

Национальные системы образования, имидж России, образование в Греции, учебники нового поколения, управление образованием, российско-греческие отношения.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10042

Введение

В последние годы во многих европейских странах происходят значимые изменения в системе образования: меняется продолжительность обязательного школьного обучения, набор преподаваемых предметов, пересматриваются некоторые традиционные ценности. Все это находит отражение в новом поколении школьных учебников, которые должны подготовить юных граждан не только к поступлению в вузы, но и вообще к жизни в условиях современного мира. В связи с этим огромное политическое и культурное значение имеет вопрос о том, какой образ нашей страны складывается у европейских школьников, обучающихся по учебникам нового поколения: будет ли для них Россия дружественной или враждебной, культурно и идейно близкой или чужой, передовой или отсталой, мировой державой или страной,

отстраненной от мировой политики? В данной статье этот вопрос рассмотрен на примере нового поколения школьных учебников в Греции.

Греческая система школьного образования состоит из двух ступеней. Первая ступень включает себя обязательный с 2006 г. год обучения в детском саду, обязательный с 2006 г., и шестилетнюю начальную школу. Вторая ступень включает трехлетнюю гимназию и трехлетний лицей. Обучение в гимназии носит обязательный характер, в лицее можно не учиться¹. На практике большинство выпускников гимназии продолжают обучение в лицее, планируя затем поступить в вуз. Те, кто хочет получить профессию быстрее и без высшего образования, учатся в технических лицеях (аналог наших профтехучилищ и колледжей). В начальной школе и гимназии обучение ведется по единым для всей страны программам и, что необходимо отметить особо, по единым учебникам. Этот принцип сохраняется и в лицее с той разницей, что во втором классе ученики выбирают одно из двух (естественнонаучное или гуманитарное) направлений, а в третьем классе добавляется возможность выбрать направление «Экономика и информатика». Принцип единого учебника действует и в регионах, где проживают меньшинства: к примеру, для турецкоязычных учеников во Фракии часть учебников переводится на родной язык. Все школьные учебники раздаются ученикам государственных школ бесплатно. Каждый школьник получает свои собственные новые учебники по всем предметам, на которых никто не рисовал рожиц, не ел суп и не рвал страниц, учебники, которые добросовестный ученик хранит и использует в качестве справочника не один год.

Последнее поколение греческих школьных учебников имеет также электронные версии. Это не просто отсканированные книги, но действительно интерактивные пособия, содержащие гиперссылки на материалы из Интернета, особые формы заданий². Создание этих учебников было на 75% профинансировано Евросоюзом, который, разумеется, потребовал, чтобы они соответствовали его ценностям и ориентирам.

Таким образом, греческая система школьного образования воспитывает у молодых граждан общую систему ценностей и представлений о мире. Отношение к другим странам и народам тоже в значительной степени закладывается в школе, формируя этническую, конфессиональную и культурную самоидентификацию индивида и социума и влияя на векторы развития различных форм отношений между Грецией и другими государствами.

---

¹ С 2018 г. страна начала переход к обязательному двухлетнему обучению в детском саду, таким образом, срок обязательного школьного обучения теперь составляет 11 лет.

² ΥΛΙΚΟ ΑΝΑ ΜΑΘΗΜΑ // Διαδραστικά Σχολικά Βιβλία [Электронный ресурс]. URL: <http://ebooks.edu.gr/new/allcourses.php> (дата обращения: 20.06.2019).

География России

Представления о стране начинаются с понятия о ее географии. В учебнике по геологии и географии для 2 класса гимназии Россия неоднократно упоминается в параграфах, посвященных различным аспектам геологии и физической географии Европы, а в главе «Население Европы» нашей стране посвящена отдельная, хотя и небольшая, врезка, в которой сообщается, что ее площадь «почти вдвое» (на самом деле почти в два с половиной раза) превосходит территорию остальной Европы, а численность населения «равна суммарной численности населения остальной Европы» (и здесь ошибка: численность населения остальной Европы в несколько раз больше). Несмотря на то, что большая часть страны лежит в Азии, Россия называется «в сущности европейской страной», поскольку большинство населения живет западнее Уральских гор (на самом деле 55%) [Ασλανίδης et al. 2018, 88]. При таких географических представлениях уровня Старика Хоттабыча или Страбона общее впечатление о стране из учебника географии складывается положительное: Россия названа среди стран, принявших греческих беженцев в конце XIX–начале XX в., в ней сегодня находятся крупные промышленные зоны, она поставляет Греции природный газ. Российская экономика, по мнению авторов учебника, развивается быстрыми темпами, страна успешно преодолела проблемы 1990-х гг., ставшие следствием «разрушения предыдущего режима», и вносит большой вклад в экономику Европы. Ученикам напоминают и о значительности русской культуры, называя имена Толстого, Чехова, Достоевского, Маяковского, Гоголя, Эйзенштейна, Чайковского, Стравинского [Ibid., 88, 109, 129, 144, 148, 156].

Эти сведения и оценки развивают представления о нашей стране, заложенные на уроках географии в последнем классе начальной школы, когда произошло первое знакомство с ней греческих школьников. Тогда дети узнали о находящемся в России глубочайшем озере мира — Байкале, о живущих на севере страны лапландцах, о том, что Сибирью называется вся азиатская часть России и начинается она почему-то западнее Уральских гор [Κουτσόπουλος et al. 2018, 53, 69, 115–116, 119]. В представлении авторов учебника географии для 6 класса «Сибирь ... мало населена главным образом по причине сложных климатических условий, вследствие чего уровень жизни населения низок» [Ibid., 124]. Русская культура является частью европейской, поскольку Эрмитаж включен в число шести важнейших достопримечательностей, символизирующих европейскую цивилизацию, и близка греческой, поскольку часть населения исповедует православие [Ibid., 69, 106].

Русская музыкальная культура

Первую информацию о русской культуре, чрезвычайно отрывочную и бессистемную, юные греки получают на уроках музыки в третьем и четвертом классе: в учебнике после греческой шуточной песенки про ослика, индийских и китайских танцев упомянуты С.С. Прокофьев и П.И. Чайковский, «написавшие много балетов», при этом не упоминаются ни названия, ни их принадлежность к русской музыкальной культуре, хотя на соседней странице соответствующая информация дана о А. Вивальди [Μπογδάνη-Σουγιούλ et al. 2018, 43–44]. В учебнике музыки для пятого класса [Αποστολίδου, Ζεπάτου 2018] никаких упоминаний о русской музыке нет вообще, а в шестом классе ученикам предлагаются для слушания и разбора отрывки из «Картинок с выставки» М.П. Мусоргского и «Танец маленьких лебедей» из «Лебединого озера» П.И. Чайковского, но опять без каких-либо сведений о великих русских композиторах [Θεοδωρακοπούλου et al. 2018, 47, 63]. В параграфе, посвященном музыкальным инструментам различных народов, русских инструментов нет, зато в учебнике для второго класса гимназии вдруг без всяких комментариев появляется фотография ансамбля русских народных инструментов [Δημητρακοπούλου et al. 2018a, 47].

В общей истории европейской музыки, которая излагается в первом и втором классах гимназии, а также на факультативном курсе греческой и европейской культуры для первого класса лицея, русские композиторы, равно как и мыслители и художники, не упоминаются вообще, зато присутствуют наиболее известные композиторы народов Центральной Европы: А. Дворжак, Б. Барток, Б. Сметана [Δημητρακοπούλου et al. 2018a; Λιάκος et al. 2018; Σταυρίδης et al. 2018]. Видимо, авторы линейки учебников музыки сочли Россию не относящейся к Европе. Только в учебнике для третьего класса гимназии, помимо уже известного школьникам М.П. Мусоргского, упомянут И.Ф. Стравинский. Но, как и прежде, ученикам ничего не говорится о том, что эти два композитора — яркие представители русской музыкальной традиции [Δημητρακοπούλου et al. 2018b, 9, 12, 19].

В итоге вступая во взрослую жизнь, греки не имеют никакого понятия о том, насколько велика роль русской классической музыки в развитии мировой музыкальной культуры. Промелькнувшие на страницах учебников отдельные имена русских композиторов могут вообще не задержаться в их памяти, перегруженной обилием информации, не всегда к тому же излагаемой систематически.

Литература и искусство

Эстетическому воспитанию в Греции уделяется много внимания: знакомиться с историей искусства (сначала эпизодически, затем систематически) греческие школьники начинают с третьего класса начальной школы и продолжают вплоть до конца школьного обучения. За это время они могли бы получить обширные знания об искусстве разных народов, этапах развития европейского искусства и многих его представителях. Действительно, европоцентризм можно назвать основной осью, вокруг которой строится изложение материала во всех учебниках по изобразительному искусству. Изредка встречаются примеры произведений искусства из других частей света. Например, экскурс в историю искусства за пределами Европы включает Африку, доколумбову Америку, мусульманское, индуистское, буддистское искусство, Китай, Японию [Αντωνόπουλος, Δουκάκη 2018a, 92–103]. Русское искусство совершенно не упоминается ни в учебниках по изобразительному искусству, ни в главе о культурах мира учебника по окружающему миру для четвертого класса [Κόκκοτας et al. 2018, 48–52].

Изредка на страницах учебников встречаются имена или репродукции картин нескольких художников, чье творчество связано с Россией: это В. Кандинский, К. Малевич и М. Шагал [Ανούση et al. 2018, 95; Αντωνόπουλος, Δουκάκη 2018a, 41, 70, 77; Ζωγράφος et al. 2018, 45, 80]. Все это художники двадцатого века, испытавшие на себе значительное влияние европейских художественных направлений. Никакого другого русского искусства до этого времени, получается, не существовало. В следующих классах сохраняется та же тенденция подачи материала: о русском искусстве до XX в., в котором так много близких грекам христианских ценностей, не говорится ни слова. Появляются новые имена — М. Ларионова, А. Явленского, В. Татлина и Л. Поповой [Αντωνόπουλος, Δουκάκη 2018b, 21, 36, 84], ярких представителей скорее мирового, чем русского авангарда. О последующем развитии искусства в нашей стране сказано, что «после 1932 различные авангардистские тенденции в России не получили дальнейшего развития, появилось консервативное искусство, ориентированное на пропаганду и, что касается архитектуры, на возрождение прежних архитектурных форм» [Ζιρώ et al. 2018, 288–289]. Что это за формы, греческие школьники должны догадываться сами.

Представление о русской культуре могло бы дополнить появление на страницах учебника театрального искусства [Μουυιακάκος et al. 2018] (этот предмет преподается в пятом и шестом классах начальной школы) создателя пользующейся и по сей день огромной популярностью в мире актерской системы К.С. Станиславского. Но его там нет, как и нет и каких-либо упоминаний о русском театре.

Что касается школьного курса литературы, то основную его часть занимает родная греческая литература, что вполне логично. Однако уже с третьего класса начальной школы в учебники включаются переводные произведения зарубежных авторов. Правда, первые отрывки из произведений русских авторов появляются только в учебниках для гимназии: в первом классе (то есть для 12-летних школьников) дана басня «великого русского мыслителя и писателя» Л.Н. Толстого «Старый дед и внучек», которую у нас изучают второклассники, а также рассказ А.П. Чехова «Ванька» [Πυλαρινός et al. 2018, 93–94, 190–194]. Еще один рассказ Чехова, «Толстый и тонкий», высмеивающий «бюрократов царской России», включен в учебник для третьего класса гимназии [Καγιαλής et al. 2018, 106–108].

В лицее расширяется круг русских писателей, с произведениями которых знакомятся школьники: они читают отрывок из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, отрывок из «Тихого Дона» М.А. Шолохова, а также отрывки из поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах» в переводе одного из крупнейших греческих поэтов XX в. Я. Ригоса [Γρηγοριάδης et al. 2018a, 520–539; Γρηγοριάδης et al. 2018b, 442–451]. Это единственное поэтическое произведение русской литературы, включенное в школьную хрестоматию. Важно отметить, что из шести иностранных писателей, отрывки из произведений которых включены в хрестоматию для второго класса лицея, двое это русские писатели — «гениальный русский романист» Ф.М. Достоевский и «один из величайших романистов в мировой литературе» Л.Н. Толстой [Γρηγοριάδης et al. 2018a, 530, 540]. Эти два писателя, а также А.П. Чехов составляют своего рода лицо русской литературы в Греции, что в принципе согласуется с мировым трендом: по данным ЮНЕСКО, они входят в топ-50 самых переводимых авторов в мире³. Характеризуя их творчество, авторы школьных хрестоматий подчеркивают, что, помимо раскрытия общечеловеческих ценностей, в их произведениях нашли отражение характерные черты «русского характера» (Наташа Ростова), русского общества и государства (герои Чехова и Достоевского). К сожалению, о Пушкине, Гоголе, Булгакове и других писателях и поэтах выпускники греческих школ ничего не знают. Никто из русских писателей не входит в десятку самых переводимых в Греции⁴.

---

³ Index Translationum // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50> (дата обращения: 20.06.2019).

⁴ Index Translationum // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatlist.aspx?m=10> (дата обращения: 20.06.2019).

В общем процессе развития мирового искусства, как он преподается греческим школьникам, Россия не занимает почти никакого места. Она не отнесена к европейской культуре, за исключением нескольких художников, представляющих в большей степени общеевропейские, нежели национальные художественные направления. В то же время русская культура отсутствует и в мозаике неевропейских культурных традиций. Исключение составляет только русская классическая литература, которая представлена как одна из великих литератур мира, выражающая как национальные, так и общечеловеческие ценности.

Российская наука

Вклад российских ученых в развитие мировой науки выглядит еще беднее. Так, ни в одном учебнике биологии нет упоминаний о великом русском физиологе И.П. Павлове, чьи эксперименты и исследования («собака Павлова») еще недавно были широко известны во всем мире: в США, например, существует рок-группа «Собака Павлова» («Pavlov's Dog»), а шотландская пивоварня братьев Уильямс выпускает одноименное пиво. Но даже в исторических очерках развития биологии, помещенных в учебниках для гимназий, никаких упоминаний о И.П. Павлове нет [Μαυρίκᾱκη et al. 2018a, 148–152; Μαυρίκᾱκη et al. 2018b, 143–147].

Что касается физиков, то единственное упоминание о российском ученом содержится в учебнике для выпускного класса лица естественнонаучного направления. Это А.С. Попов, о котором сказано, что в 1900 г. он и Г. Маркони «сумели передать радиоволны на расстояние в несколько десятков километров» [Πῶᾱννου et al. 2018, 86]. Тем самым авторы учебники заняли нейтральную позицию в отношении явно политизированного спора о приоритете изобретения радио. Например, Британская энциклопедия отдает бесспорный приоритет Маркони, очевидно недооценивая достижения российского ученого⁵.

Несколько имен русских ученых встречается в учебниках химии. Современная химия немыслима без периодического закона элементов — одного из основных законов природы, открытого Д.И. Менделеевым. Однако в начальном курсе химии для второго класса гимназии [Αβραζιώτης et al. 2018] много говорится о химиках разных времен и народов, но ничего о Менделееве. В учебнике для третьего класса есть специальный параграф, посвященный периодической таблице (не закону). В нем лаконично

---

⁵ Alexandr Popov // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Aleksandr-Popov-Russian-engineer> (дата обращения: 20.06.2019).

изложена суть периодического закона и описано открытие Менделеева. Рядом помещена фотография ученого, под которой, однако, написано, что он «изобрел периодическую таблицу одновременно с немцем Л. Мейером» [Θεοδωρόπουλος et al. 2018, 49], который действительно был автором одной из классификаций химических элементов, известной к тому времени, но не увидел в ней систематической закономерности. Эти тонкости школьникам не объясняются, и противоречие между подписью к иллюстрации и текстом параграфа остается открытым.

С Д.И. Менделеевым школьники снова встречаются в первом классе лицея. На этот раз подпись под его фотографией очень многословна и рисует «портрет» ученого. Но этот «портрет» представляет собой скорее краткое собрание мифов и сплетен об ученом, а не воссоздает его действительный облик: «Менделеев был немного похож на ненормального монаха Распутина (говорят, что он посещал цирюльника исключительно в определенный день года). Считается, что в момент работы над периодической таблицей им овладел сон. Увиденный им сон привел его к гениальной мысли оставить в ней пропуски и так создать всем известную периодическую таблицу...» [Λυοδάκης et al. 2018a, 48].

В выпускном классе лицея ученики естественнонаучного направления могут узнать о том, что основы термохимии заложил «русский ученый швейцарского происхождения Жермен Анри Гесс», то есть живший с трехлетнего возраста в России Г.И. Гесс, а в главе о типах органических реакций отмечено, что русские химики В.В. Марковников и А.М. Зайцев сформулировали названные их именами правила [Λυοδάκης et al. 2018b, 55, 280, 283], но их учитель А.М. Бутлеров, разработавший основные положения теории химического строения, нигде не упомянут.

Что касается общественных наук, то в учебнике по их истории [Γκίβαλος et al. 2018] нет ни одного представителя России, хотя по числу переводов на иностранные языки В.И. Ленин занимает первое место среди русских авторов и седьмое место в мире, намного опережая основателя марксизма⁶.

Таким образом, единственным российским ученым, о котором знает большинство школьников, оказывается «похожий на ненормального монаха Распутина» Д.И. Менделеев. Имена других ученых, которые можно сосчитать на пальцах одной руки, встречаются только в учебниках для лицеев естественнонаучного направления. Получается, что если в России и есть наука, то она далека от мирового уровня и представлена эксцентричными чудаками.

---

⁶ Index Translationum // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50> (дата обращения: 20.06.2019).

Россия в мировой истории

Больше всего упоминаний о России встречается в учебниках по истории и религиозному воспитанию, которое на всех ступенях школьного обучения является обязательным предметом.

Школьный курс истории в Греции построен иначе, чем в нашей стране. Он не делится на отечественную и зарубежную историю, вся история преподается как единый процесс и строится вокруг национальной греческой истории. Преподавание истории начинается очень рано: в третьем классе дети изучают предмет «От мифологии к истории» [Μαϊστρέλλης et al. 2018], который, в соответствии с заложенной еще в середине XIX в. традицией, отождествляет древнегреческую мифологию с ранним этапом национальной истории. К концу начальной школы ученики заканчивают изучение курса всемирной истории, но в гимназии они проходят его вновь, то же самое повторяется в лицее.

Первые упоминания о России встречаются в учебниках по византийской истории. Необходимо отметить, что в греческом языке нет разницы между современным российским государством и древнерусским: и то, и другое называется Ρωσικό κράτος, Ρωσία. Поэтому как древних эллинов, византийцев и самих себя современные греки считают одним народом, прошедшим через разные исторические эпохи, также и русские для них те же самые в IX в., что и в XXI в. Несмотря на некоторые ошибки (например, имя «Глеб» почему-то дважды написано «Глем»), в целом впечатление о средневековом русском государстве складывается положительное: хотя его отношения с византийцами были непростыми, принятие Русью христианства от Византии позитивно сказалось на политическом, экономическом и духовном развитии и русских, и византийцев. «Дружеские связи между ними сохранялись на протяжении веков» [Γλεντής et al. 2018, 67–68, 118; Δημητρούκας, Ιωάννου 2018, 43–44]. Но после падения Византии «русские возомнили себя единственными наследниками византийской духовной и политической традиции», создав теорию «Москва — Третий Рим» [Δημητρούκας, Ιωάννου 2018, 67]. С этого исторического момента отношение к России постепенно меняется от доброжелательного к настороженному.

В учебниках по истории нового и новейшего времени наша страна упоминается чаще. Но сама она редко является объектом изучения, а фигурирует преимущественно в связи с греческой историей или важнейшими событиями мировой истории. Так, в учебниках по истории нового времени сказано об эмиграции греков из Османской империи в Крым и на Кавказ в XVII–XVIII вв. и о греческой диаспоре в России. Однако

информация о том, в каких областях и городах имелись греческие общины, противоречивая: то говорится о том, что они имелись только в нескольких городах на юге России, то утверждается, будто греческие общины были «практически во всех городах России» [Ibid., 138; Κολιόπουλος, Καλλιαντώνης et al. 2018, 49–50; Μαργαρίτης et al. 2018, 236]. Сам факт принятия «гостеприимной Россией» греческих эмигрантов оценивается положительно, сообщается о том, что они имели возможность получить военное образование, хотя, на самом деле, их возможности были гораздо шире [Μαργαρίτης et al. 2018, 235].

Россия — не только гостеприимная, но и единоверная грекам страна. Эта мысль, которую так любят подчеркивать в своих публичных выступлениях греческие политические и общественные деятели, в учебниках религиозного воспитания, выстроенных на фундаменте мультикультурализма и представлении о греческом характере православия, выражена очень слабо. Так, в учебнике для шестого класса начальной школы о России сказано только, что в ней есть общины православных греков. В главах о христианской архитектуре и искусстве приведены образцы храмов других конфессий, но православных храмов России нет [Παγανάκης et al. 2018, 87, 130–137]. В гимназии и лицее школьники узнают о русском иконописце Андрее Рублеве, а также некоторых святых русского происхождения: враче и епископе Луке Войно-Ясенецком, выдающемся православном богослове Г. Флоровском, Марии Скобцовой и Александре Шмореле [Ακανθοπούλου et al. 2018, 189–190; Αρσενάκης, Χατζηαποστόλου 2018, 57–61; Βουλγαράκη et al. 2018, 82–83; Γριζοπούλου et al. 2018, 106; Νευροκοπλής et al. 2018, 25, 72–73; Τριανταφυλλίδου, Παπαϊωάννου 2018, 44], но как в учебниках религиозного воспитания, так и основ философии [Βιρβιδάκης Σ. et al. 2018] ничего не говорится о русских религиозных философах, хотя представители других конфессий и религий присутствуют в изобилии. Единственное исключение — однажды упомянутый Н.А. Бердяев [Ακανθοπούλου et al. 2018, 189].

В учебниках встречаются выдержки из произведений русских религиозных авторов — архимандрита Софрония (Сахарова), Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, А. Шмемана и др. — но в большинстве случаев без каких-либо комментариев об авторе [Ibid., 25, 47, 81, 83, 103, 134, 163, 199, 205, 214, 226; Αρσενάκης, Χατζηαποστόλου 2018, 117; Βουλγαράκη et al. 2018, 41–42; Γριζοπούλου et al. 2018, 83; Τριανταφυλλίδου, Παπαϊωάννου 2018, 44]. Вообще, православие везде связывается либо с Константинопольским патриархатом, либо с греческой историей: Константинопольский патриарх, которого греки по традиции называют Вселенским,

играет особую роль в православном мире. О Московской патриархии сказано, что она образовалась только в 1917 г. Православное искусство, миссионерство, контакты с другими конфессиями — всем этим как будто занимаются исключительно греки [Αρσενάκης, Χατζηαποστόλου 2018, 9, 16–21, 24–30]. Зато Россия упомянута в параграфе о нарушениях прав человека: там говорится, что в нашей стране подавляется оппозиция, не раскрываются убийства журналистов [Ακανθοπούλου et al. 2018, 177].

В целом в учебниках религиозного воспитания всячески подчеркивается греческий характер православия, игнорируется вклад России в развитие мировой православной культуры и сохранение православия как конфессии на протяжении нескольких веков жизни греков и других православных народов под османским владычеством.

Поскольку значительная часть учебного материала по истории XIX–XX вв. посвящена созданию и расширению греческого национального государства, то отдельный сюжет представляет собой отношение России к национально-освободительной борьбе греков. Его раскрытие вызывает удивление и беспокойство. На XVIII век приходится формирование национально-освободительной идеологии среди греков, которые связывали надежду на освобождение от власти султанов с Россией. Но Россия, как следует из учебников, преследовала свои корыстные интересы и не оказывала грекам достаточной помощи: так, восстание на Пелопоннесе 1770 г. потерпело поражение из-за недостаточного количества русских войск (на самом деле по причине недисциплинированности греков и их конфликтов с русским командованием); об освобождении Ионических островов от французов эскадрой под командованием Ф.Ф. Ушакова в 1800 г. не сказано ни слова (хотя на островах Керкира и Закинф установлены ему памятники), но заявлено, что созданная совместными усилиями России и Османской империи «полуавтономная Республика семи соединенных островов была обязана разместить русские войска»; во время греческой национально-освободительной революции Россия, как утверждают учебники, если и помогала грекам, то делала это вынужденно, а русско-турецкая война 1828–1829 гг. никак не связывается с получением Грецией независимости; в параграфе о филэллинском движении в Европе наша страна не упомянута, зато особо отмечена сочувственная позиция США, не имевших никакого отношения к созданию греческого государства; русская «партия», существовавшая в Греции во второй четверти XIX в. наряду с английской и французской, охарактеризована как крайне одиозная [Δημητρούκας et al. 2018, 184; Κολιόπουλος, Καλλιαντώνης et al. 2018, 63, 68, 77, 128,

131,143; Κολιόπουλος, Σβολόπουλος et al. 2018, 38; Λούβη, Ξιφαράς 2018, 24, 29, 32, 35–36; Μαργαρίτης 2018, 66–67, 73–75]. Эти примеры можно продолжать и далее. Все они демонстрируют установку авторов учебников, среди которых крупнейшие историки Греции, снизить роль России в процессе становления греческой государственности путем замалчивания ряда исторических фактов, искажения других, трактовки спорных моментов в невыгодную для имиджа России сторону.

Эта же тенденция прослеживается в освещении роли России в событиях общеевропейской и мировой значимости. К примеру, шестиклассники узнают, что в годы Второй мировой войны Германия «была побеждена союзными силами», а о роли СССР в разгроме нацизма не сказано ни слова. Послевоенная история выглядит еще более странной: СССР и США названы лидерами двух блоков период холодной войны, в годы которой было совершено множество военных преступлений: сброшены атомные бомбы на японские города (хотя это произошло еще в 1945 году), уничтожалось мирное население во Вьетнаме. Однако школьники не получают ответа на вопрос о том, кто именно эти преступления совершал: США, СССР или обе державы [Κολιόπουλος, Καλλιαντώνης et al. 2018, 208, 221]? Ошибка с Хиросимой и Нагасаки исправлена в учебнике для гимназий [Λούβη, Ξιφαράς 2018, 129]. В учебнике для третьего класса лица роль нашей страны в годы Второй мировой войны освещается подробнее, но опять с искажениями: попытка немцев взять Москву и Ленинград провалилась из-за наступления зимы, Сталинградская битва поставлена в один ряд с действиями американцев на Тихом океане и британцев в Северной Африке. Несмотря на то, что большую часть параграфа, посвященного войне за пределами Греции, занимают боевые действия в Западной Европе, подпись под фотографией водружения советского флага над Рейхстагом признает, что «заняв Берлин, советская армия принудила немцев к безоговорочной капитуляции» [Κολιόπουλος, Σβολόπουλος et al. 2018, 121, 126–128]. Ни в одном учебнике не говорится о том, что вместо открытия Второго фронта в Европе наши союзники начали боевые действия в Северной Африке ради защиты британских колоний и даже после высадки англо-американских войск на Сицилии СССР продолжал нести основное бремя войны. Таким образом, греческим школьникам прививается широко распространенный на Западе мифологизированный взгляд на Вторую мировую войну, отрицающий решающий вклад СССР в разгром гитлеровской Германии. Аналогичные оценки и выражения использованы и в отношении наполеоновских войн [Δημητρούκας et al. 2018, 180; Λούβη, Ξιφαράς 2018, 21].

Из событий собственно российской истории греческие школьники знают о революциях 1905 и 1917 гг., последовавшей затем гражданской войне и антантовской интервенции, в которой принимала участие и Греция, образовании СССР. Этим событиям в учебнике для третьего класса гимназии посвящена отдельная глава, в которой подчеркивается международное значение победы революции 1917 г.: она привела к подъему рабочего движения в мире, особенно в странах, потерпевших поражение в войне. Стали создаваться компартии, объединенные в Коминтерн (1919), в Греции в 1918 г. Социалистическая рабочая партия (позднее Коммунистическая партия Греции) — старейшая из ныне существующих в стране [Ibid., 94–97].

В целом к России после 1917 г. (Россия и СССР теперь становятся синонимами) авторы учебников относятся с большей симпатией, чем к царской России. Они указывают на продиктованную страхом политику западных держав в отношении Советской России, антикоммунизм во внешней политике и внутренней политике США в послевоенный период, подчеркивается энергичное участие США в гражданской войне в Греции (1946–1949) и отсутствие прямого участия СССР. Очень взвешенные оценки даются сложным периодам российской истории, таким как эпохи Сталина и Горбачева, указываются негативные последствия для Европы краха социалистической системы [Ibid., 97, 116, 139–143, 147–148]. При этом обязательный элемент критики социалистической экономики и государственной системы выглядит слабо и неубедительно [Θεριανός, Φωτόπουλος 2018, 54; Λούβη, Ξιφαράς 2018, 139].

В изложении материала о нашей стране новое поколение учебников содержит множество неприятных ошибок или устаревших данных. К примеру, на карте Второй мировой войны показаны территории СССР, «оккупированные Германией с января по май 1941 г.»; людские потери нашей страны в войне приведены по интервью Сталина 1946 г.; Феофан Грек назван в числе художников, украшавших собор Св. Софии в Киеве; а Сибирь — территорией, уступленной Китаю Россией в 1858–1860 гг.; сообщается о том, что Достоевский «за либеральные взгляды был приговорен к смертной казни», и о якобы имевших место репрессиях в отношении греков за участие Греции в интервенции в Советскую Россию [Γρηγοριάδης et al. 2018a, 530; Δημητρούκας et al. 2018, 109; Κολιόπουλος, Σβολόπουλος et al. 2018, 59, 89; Λούβη, Ξιφαράς 2018, 126, 138]. Все эти ошибки так или иначе ухудшают имидж России в глазах учеников.

Заклучение

Итак, вступая во взрослую жизнь, молодые греки будут иметь предвзятое и не очень определенное представление о России как о самой большой и опасной в мире стране, принадлежащей не вполне понятно к какой культуре, стране революций и деспотизма, сумасбродных ученых и великих писателей. Роль России в мировой истории непропорционально мала в сравнении с ее потенциалом, но греки могут гордиться тем, что приобщили ее к православию. Такой образ России складывается в соответствии как со стремлением авторов учебников следовать общим принципам и ценностям ЕС, так и с традиционным для греков представлением об исключительной роли греческой нации в мировой истории.

Список литературы:

- Αβραμιώτης Σ., Αγγελόπουλος Β., Καπελώνης Γ., Σινιγιάλιας Π., Σπαντίδης Δ., Τρικαλίτη Α., Φίλος Γ. Χημεία Β' Γυμνασίου [Химия для 2 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.
- Ακανθοπούλου Κ., Συργιάννη Μ., Παρθένου Δ., Χατζηδημητρίου Α. Θρησκευτικά Α' Λυκείου. Θρησκεία και σύγχρονος άνθρωπος [Религия для 1 класса лицеев. Религия и современный человек]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.
- Ανούση Ε., Ράπτης Η., Ροδοπούλου Ε. Εικαστικά Α' Γυμνασίου [Изобразительное искусство для 1 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.
- Αντωνόπουλος Ι., Δουκάκη Μ. Εικαστικά Β' Γυμνασίου [Изобразительное искусство для 2 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018a.
- Αντωνόπουλος Ι., Δουκάκη Μ. Εικαστικά Γ' Γυμνασίου [Изобразительное искусство для 3 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018b.
- Αποστολίδου Κ., Ζεπάτου Χ. Μουσική Ε' Δημοτικού [Музыка для 5 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.
- Αρσενάκης Α., Χατζηαποστόλου Μ. Θρησκευτικά Γ' Γυμνασίου. Η θρησκεία στη ζωή, στην ιστορία και στον πολιτισμό. Από το τοπικό στο οικουμενικό [Религия для 3 класса гимназий. Религия в жизни, истории и культуре. От локального к вселенскому]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Ασλανίδης Α., Ζαφειρακίδης Γ., Καλαϊτζήδης Δ. Γεωλογία — Γεωγραφία Β΄ Γυμνασίου [Геология — География для 2 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Βιρβιδάκης Σ., Καρασμάνης Β., Τουρνά Χ. Αρχές φιλοσοφίας. Β΄ Τάξη Γενικού Λυκείου Γενικής Παιδείας [Начала философии для 2 класса лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Βουλγαράκη Ε., Γκαργκάνα Σ., Ψαρογιώργου Ε. Θρησκευτικά Β΄ Λυκείου. Θρησκεία και κοινωνία [Религия для 2 класса лицеев. Религия и общество]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Γκίβαλος Μ., Γρηγοροπούλου Β., Κοτρογιάννης Δ., Μανιάτης Γ. Ιστορία κοινωνικών επιστημών για τη Γ΄ τάξη του Γενικού Λυκείου [История общественных наук для 3 класса лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Γλεντής Σ., Μαραγκουδάκης Ε., Νικολόπουλος Ν., Νικολοπούλου Μ. Ιστορία. Στα βυζαντινά χρόνια. Ε΄ Δημοτικού [История для 5 класса начальной школы. Византийская эпоха]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Γρηγοριάδης Ν., Καρβέλης Δ., Μηλιώνης Χ., Μπαλάσκας Κ., Παγανός Γ., Παπακόστας Γ. Κείμενα Νεοελληνικής Λογοτεχνίας. Τεύχ. Β΄. Β΄ τάξη Γενικού Λυκείου [Хрестоматия по новогреческой литературе. Том 2. 2 класс лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018a.

Γρηγοριάδης Ν., Καρβέλης Δ., Μηλιώνης Χ., Μπαλάσκας Κ., Παγανός Γ., Παπακόστας Γ. Κείμενα Νεοελληνικής Λογοτεχνίας. Τεύχ. Γ΄ (1945–2000). Γ΄ τάξη Γενικού Λυκείου [Хрестоматия по новогреческой литературе. Том 3 (1945–2000). 3 класс лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018b.

Γριζοπούλου Ο., Υφαντής Π., Γώγου Β., Μπάρλος Α. Θρησκευτικά Α΄ Γυμνασίου. Η θρησκεία στη ζωή, στην ιστορία και στον πολιτισμό. Πορεία και ανάπτυξη [Религия для 1 класса гимназий. Религия в жизни, истории и культуре. Прогресс и развитие]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Δημητρακοπούλου Μ., Τζένου Μ., Ανδρούτσος Π. Μουσική Β΄ Γυμνασίου [Музыка для 2 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018a.

Δημητρακοπούλου Μ., Τζένου Μ., Ανδρούτσος Π. Μουσική Γ΄ Γυμνασίου [Музыка для 3 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018b.

Δημητρούκας Ι., Ιωάννου Θ. Μεσαιωνική και Νεότερη Ιστορία Β΄ Γυμνασίου [Средневековая и новая история для 2 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Δημητρούκας Ι., Ιωάννου Θ., Μπαρούτας Κ. Ιστορία του Μεσαιωνικού και του Νεότερου Κόσμου 565–1815. Β΄ Γενικού Λυκείου Γενικής Παιδείας [История Средних веков и Нового времени (565–1815) для 2 класса лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Ζιρώ Ο., Μερτζάνη Ε., Πετρίδου Β. Ιστορία της τέχνης Γ΄ Γενικού Λυκείου [История искусства для 3 класса лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Ζωγράφος Θ., Αζαοπούλου Α., Μπέσσας Δ., Μπέσσα Ε. Εικαστικά Γ΄ & Δ΄ Δημοτικού [Изобразительное искусство для 3 и 4 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Θεοδωρακοπούλου Μ., Παπαντώνης Γ., Παρασκευοπούλου Χ.-Α., Σπετσιώτης Ι. Μουσική Στ΄ Δημοτικού [Музыка для 6 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Θεοδωρόπουλος Π., Παπαθεοφάνους Π., Σιδέρη Φ. Χημεία Γ΄ Γυμνασίου [Химия для 3 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Θεριανός Κ., Φωτόπουλος Ν. Βασικές αρχές κοινωνικών επιστημών. Β΄ Γενικού Λυκείου. Ομάδα προσανατολισμού ανθρωπιστικών σπουδών [Основные принципы общественных наук для 2 класса лицеев общего среднего образования. Гуманитарный профиль]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Ιωάννου Α., Ντάνος Γ., Πήττας Α., Ράπτης Σ. Φυσική Ομάδας Προσανατολισμού Θετικών Σπουδών Γ΄ τάξη Γενικού Λυκείου [Физика для 3 класса лицеев общего среднего образования. Естественнонаучный профиль]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Καγιαλής Π., Ντουνιά Χ., Μέντη Θ. Κείμενα Νεοελληνικής Λογοτεχνίας Γ΄ Γυμνασίου [Хрестоматия по новогреческой литературе для 3 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Κόκκοτας Π., Αλεξόπουλος Δ., Μαλαμίτσα Α., Μαντάς Γ., Παλαμαρά Μ., Παναγιωτάκη Π., Πήλιουρας Π. Μελέτη περιβάλλοντος Δ' Δημοτικού [Окружающий мир для 4 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ. Ιστορία του νεότερου και σύγχρονου κόσμου. Στ' Δημοτικού [Новая и новейшая история для 6 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Κολιόπουλος Ι., Σβολόπουλος Κ., Χατζηβασιλείου Ε., Νημάς Θ., Σχολινάκη-Χελιώτη Χ. Ιστορία του νεότερου και του σύγχρονου κόσμου (από το 1815 έως σήμερα). Γ' Γενικού Λυκείου & Δ' Εσπερινού Λυκείου [Новая и новейшая история (с 1815 г. до наших дней) для 3 класса лицеев общего среднего образования и 4 класса вечерней школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Κουτσόπουλος Κ., Σωτηράκου Μ., Τασσόγλου Μ. Γεωγραφία. Μαθαίνω για τη Γη. Στ' Δημοτικού [География для 6 класса начальной школы. Изучаем Землю]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Λιάκος Α., Γαγανάκης Κ., Γαζή Ε., Κόκκινος Γ., Πεντάζου Ι., Σμπιλίρης Γ. Ελληνικός & Ευρωπαϊκός Πολιτισμός. Α' Τάξη Γενικού Λυκείου. Μάθημα επιλογής [Греческая и европейская цивилизация для 1 класса лицеев общего среднего образования. Курс по выбору]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Λιοδάκης Σ., Γάκης Δ., Θεοδωρόπουλος Δ., Θεοδωρόπουλος Π., Κάλλης Α. Χημεία για την Α' τάξη γενικού λυκείου [Химия для 1 класса лицеев общего среднего образования]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018a.

Λιοδάκης Σ., Γάκης Δ., Θεοδωρόπουλος Δ., Θεοδωρόπουλος Π., Κάλλης Α. Χημεία Γ' Λυκείου Ομάδας Προσανατολισμού Θετικών Σπουδών [Химия для 3 класса лицеев. Естественнонаучный профиль]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018b.

Λούβη Ε., Ξιφαράς Δ. Νεότερη και Σύγχρονη Ιστορία Γ' Γυμνασίου [Новая и новейшая история для 3 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Μαϊστρέλλης Σ., Καλύβη Ε., Μιχαήλ Μ. Ιστορία. Από τη Μυθολογία στην Ιστορία. Γ' Δημοτικού [История для 3 класса начальной школы. От мифологии к истории]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Μαργαρίτης Γ., Αζέλης Α., Ανδριώτης Ν., Δετοράκης Θ., Φωτιάδης Κ. Θέματα νεοελληνικής ιστορίας. Γ' τάξη Γενικού Λυκείου Ομάδας Προσανατολισμού Ανθρωπιστικών Σπουδών και

Σπουδών Οικονομίας & Πληροφορικής [Очерки новогреческой истории для 3 класса лицеев. Гуманитарный и экономический профили]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Μαυρικάκη Ε., Γκούβρα Μ., Καμπούρη Α. Βιολογία Α΄ Γυμνασίου [Биология для 1 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018a.

Μαυρικάκη Ε., Γκούβρα Μ., Καμπούρη Α. Βιολογία Β΄ & Γ΄ Γυμνασίου [Биология для 2 и 3 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018b.

Μουγιακάκος Π., Μώρου Α., Παπαδημούλης Χ., Φραγκή Μ. Θεατρική Αγωγή Ε΄ και ΣΤ΄ Δημοτικού [Театральное искусство для 5 и 6 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Μπογδάνη-Σουγιούλ Δ., Σαλκιτζόγλου Δ., Καψημάνη Μ. Μουσική Γ΄ & Δ΄ Δημοτικού [Музыка для 3 и 4 класса начальной школы]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Νευροκοπλής Α., Υφαντής Π., Ιατρόπουλος Α., Τερλιμπάκου Ζ., Χατζή Δ. Θρησκευτικά Β΄ Γυμνασίου. Η θρησκεία στη ζωή, στην ιστορία και στον πολιτισμό. Πορεία μέσα από αντιθέσεις [Религия для 2 класса гимназий. Религия в жизни, истории и культуре. Развитие сквозь противоречия]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Παγανάκης Α., Βούκανου Μ., Καρέλα Γ., Μυλωνά Π. Θρησκευτικά ΣΤ΄ Δημοτικού. Ο κόσμος της θρησκείας. Ανακαλύπτουμε μνημεία, κείμενα, τόπους και γεγονότα [Религия для 6 класса начальной школы. Мир религии. Открываем памятники, тексты, места и события]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Πυλαρινός Θ., Χατζηδημητρίου Σ., Βαρελάς Α. Κείμενα Νεοελληνικής Λογοτεχνίας Α΄ Γυμνασίου [Хрестоматия по новогреческой литературе для 1 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Σταυρίδης Μ., Σκόρδη Μ., Χατζηγεωργίου-Λυμπούρη Α. Μουσική Α΄ Γυμνασίου [Музыка для 1 класса гимназий]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Τριανταφυλλίδου Κ., Παπαϊωαννου Ε. Θρησκευτικά Γ΄ Λυκείου. Θρησκεία και σύγχρονος κόσμος [Религия для 3 класса лицеев. Религия и современный мир]. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

Дата поступления: 27.10.2019

Petrulina O.E.

Image of Russia in Greece National Education

Olga E. Petrunina — DSc. (History), Professor, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow, Russian Federation.

E-mail: petrunina@narod.ru

Abstract

Passing through the education system, a modern person acquires not only knowledge, but also a complex of values and ideas about the world. In Greece, this knowledge, values and ideas are generally the same for the whole country thanks to a single line of school textbooks in all subjects. The purpose of this article is to investigate what image of Russia is formed in the younger generation of Greeks by the end of school. For this, the author analyzed the current textbooks in all subjects for the entire period of study. The references and information about Russia and Russians contained in them were systematized and divided into thematic blocks that make up a general idea of the country: the geography of Russia, music culture, literature and art, Russian science, Russia in world history. The general attitude of the authors of textbooks to Russia is determined by the desire to follow the general principles and values of the European Union, which financed (75%) the creation of a new generation of textbooks, as well as the traditional idea of the exceptional historical role of the Greek nation. In addition, textbooks contain errors and outdated data, and controversial subjects are often interpreted not in favor of Russia. As a result, the image of the country turns out to be unclear and not completely objective. This fact is especially noticeable in textbooks on history and religious education, in which the role of Russia in world history is distorted. The Greeks have little idea of the contribution of Russians to world science, music and art culture. They know best of all the most popular Russian writers in the world — Dostoevsky, Tolstoy and Chekhov.

Keywords

National education systems, image of Russia, education in Greece, a new generation of textbooks, education management, Russian-Greek relations.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10042

References:

- Abramiótēs S., Angelópoulos B., Kapelónēs G., Sinigiálias P., Spantídēs D., Trikalítē A., Phílos G. (2018) *Chēmeía B' Gymnasiou* [Chemistry for Gymnasium. Grade 2]. Athens: Instituto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Akanthopoúlou K., Syrgiánnē M., Parthénou D., Chatzēdēmētríou A. (2018). *Thrēskeutiká A' Lykeiou. Thrēskeía kai sýnchronos ánthrōpos* [Religion for Lyceum. Grade 1. Religion and modern man]. Athens: Instituto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Anoúsē E., Ráptēs Ē., Rodopoúlou E. (2018) *Eikastiká A' Gymnasiou* [Arts for Gymnasium. Grade 1]. Athens: Instituto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Antónópoulos I., Doukákē M. (2018a) *Eikastiká B' Gymnasiou* [Arts for Gymnasium. Grade 2]. Athens: Instituto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Antónópoulos I., Doukákē M. (2018b) *Eikastiká G' Gymnasiou* [Arts for Gymnasium. Grade 3]. Athens: Instituto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Apostolidou K., Zepátou Ch. (2018) *Mousiké E' Dēmotikou* [Music for Primary School. Grade 5]. Athens: Instituto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».

- Arsenákēs A., Chatzēapostólou M. (2018) *Thrēskeutiká G' Gymnasiou. Ē thrēskeía stē zōē, stēn istoría kai ston politismó. Apó to topikó sto oikoumenikó* [Religion for Gymnasium. Grade 3. Religion in life, history and culture. From local to global]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Aslanídēs A., Zapheirakídēs G., Kalaítzédēs D. (2018) *Geōlogía — Geōgraphía B' Gymnasiou* [Geology — Geography for Gymnasium. Grade 2]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Birbidákēs S., Karasmánēs B., Tourná Ch. (2018) *Archés philosophías. B' Táchē Genikou Lykeiou Genikēs Paideías* [Principles of Philosophy. 2 class of General Lyceum]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Boulgarákē E., Nkarnkána S., Psarogiörgou E. (2018) *Thrēskeutiká B' Lykeiou. Thrēskeía kai koinōnía* [Religion for Lyceum. Grade 2. Religion and Society]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Gíbalos M., Grēgoropoúlou B., Kotrogiánnēs D., Maniátēs G. (2018) *Istoría koinōnikón epistēmōn gia tē G' táchē tou Genikou Lykeiou* [History of Social Sciences. 3 class of General Lyceum]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Glentēs S., Marankoudákēs E., Nikolópoulos N., Nikolopoúlou M. (2018) *Istoría. Sta byzantiná chrónia. E' Dēmotikou* [History for Primary School. Grade 5. The Byzantine age]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Grēgoriádēs N., Karbélēs D., Mēliónēs Ch., Mpaláskas K., Paganós G., Papakóstas G. (2018a) *Keímena Neoellēnikēs Logotechnías. Teúch. B'. B' táchē Genikou Lykeiou* [Texts of Modern Greek Literature. Vol. 2. 2 class of General Lyceum]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Grēgoriádēs N., Karbélēs D., Mēliónēs Ch., Mpaláskas K., Paganós G., Papakóstas G. (2018b) *Keímena Neoellēnikēs Logotechnías. Teúch. G' (1945–2000). G' táchē Genikou Lykeiou* [Texts of Modern Greek Literature. Vol. 3 (1945–2000). 3 class of General Lyceum]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Grizopoúlou O., Yphantēs P., Gógou B., Mpárlas A. (2018) *Thrēskeutiká A' Gymnasiou. Ē thrēskeía stē zōē, stēn istoría kai ston politismó. Poreía kai anáptyxē* [Religion for Gymnasium. Grade 1. Religion in life, history and culture. Passage and Progress]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Dēmētrakopoúlou M., Tzénou M., Androutsos P. (2018a) *Mousiké B' Gymnasiou* [Music for Gymnasium. Grade 2]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».

Dēmētrakopoúlou M., Tzénou M., Androútsos P. (2018b) *Mousikḗ G' Gymnasíou* [Music for Gymnasium. Grade 3]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Dēmētroúkas I., Iōánnou Th. (2018) *Mesaiōnikḗ kai Neóterē Istoría B' Gymnasíou* [Medieval and Modern History for Gymnasium. Grade 2]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Dēmētroúkas I., Iōánnou TH., Mparoútas K. (2018) *Istoría tou Mesaiōnikoú kai tou Neóterou Kósmou 565–1815. B' Genikoú Lykeíou Genikḗs Paideías* [History of Medieval and Modern World 565–1815 for General Lyceum. Grade 2]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Ziró O., Mertzánē E., Petrídou B. (2018) *Istoría tēs téchnēs G' Genikoú Lykeíou* [History of Arts for General Lyceum. Grade 3]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Zōgráphos Th., Axaopoúlou A., Mpéssas D., Mpéssa E. (2018) *Eikastiká G' & D' Dēmotikoú* [Arts for Primary School. Grade 3 & 4]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Theodōrakopoúlou M., Papantónēs G., Paraskeoupoúlou CH.-A., Spetsiótēs I. (2018) *Mousikḗ St' Dēmotikoú* [Music for Primary School. Grade 6]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Theodōrópoulos P., Papatheophánous P., Sidérē Ph. (2018) *Chēmeía G' Gymnasíou* [Chemistry for Gymnasium. Grade 3]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Therianós K., Phōtópoulos N. (2018) *Basikés archés koinōnikṓn epistēmōn. B' Genikoú Lykeíou. Omáda prosanatolismoú anthrōpistikṓn spoudṓn* [Basic Principles of Social Sciences for General Lyceum. Grade 2. Humanitarian Orientation group]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Iōánnou A., Ntános G., Pétas A., Ráptēs S. (2018) *Physikḗ Omádas Prosanatolismoú Thetikṓn Spoudṓn G' táxē Genikoú Lykeíou* [Physics for General Lyceum. Grade 3. Positive Studies Orientation Group]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

Kagialēs P., Ntouniá Ch., Méntē TH. (2018) *Keímena Neoellēnikḗs Logotechnías G' Gymnasíou* [Texts of Modern Greek Literature for Gymnasium. Grade 3]. Athens: Institutoúto technologías ypologistṓn kai ekdóseōn «Dióphantos».

- Kókkotas P., Alexópoulos D., Malamítsa A., Mantás G., Palamará M., Panagiōtākē P., Péliouras P. (2018) *Melētē peribállontos D' Dēmōtikou* [Environmental Studies for Primary School. Grade 4]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Koliópoulos I., Kalliantónēs A., Michaēlídēs I., Mēnāoglou Ch. (2018) *Istoría tou neóterou kai sýnchronou kósmou. St' Dēmōtikou* [History of Modern and Contemporary World for Primary School. Grade 6]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Koliópoulos I., Sbolópoulos K., Chatzēbasileíou E., Nēmás Th., Scholinákē-Cheliótē CH. (2018) *Istoría tou neóterou kai tou sýnchronou kósmou (apó to 1815 éōs sēmera). G' Genikou Lykeiou & D' Esperinou Lykeiou* [History of Modern and Contemporary World (from 1815 until today) for General Lyceum (Grade 3) and Night Lyceum (Grade 4)]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Koutsópoulos K., Sōtērákou M., Tastsóglou M. (2018). *Geōgraphía. Mathainō gia tē Gē. St' Dēmōtikou* [Geography. I learn about the Earth for Primary School. Grade 6]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Liákos A., Gaganákēs K., Gazē E., Kókkinos G., Pentázou I., Smpilírēs G. (2018). *Ellēnikós & Eurōpaikós Politismós. A' Tāxē Genikou Lykeiou. Máthēma epilogēs* [Greek and European Civilisation for General Lyceum. Grade 1. Optional Lesson]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Liodákēs S., Gákēs D., Theodōrópoulos D., Theodōrópoulos P., Kállēs A. (2018a) *Chēmeía gia tēn A' tāxē genikou lykeiou* [Chemistry for General Lyceum. Grade 1]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Liodákēs S., Gákēs D., Theodōrópoulos D., Theodōrópoulos P., Kállēs A. (2018b) *Chēmeía G' Lykeiou Omádas Prosanatolismou Thetikōn Spoudōn* [Chemistry for General Lyceum. Grade 3. Technical Studies Orientation Group]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Loúbē E., Xipharás D. (2018) *Neóterē kai Sýnchronē Istoría G' Gymnasíou* [Modern and Contemporary History for Gymnasium. Grade 3]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Maīstréllēs S., Kalýbē E., Michaēl M. (2018) *Istoría. Apó tē Mythología stēn Istoría. G' Dēmōtikou* [History for Primary School. From Mythology to History. Grade 3]. Athens: Instituto technologías ypologistōn kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Margarítēs G., Azélēs A., Andriótēs N., Detorákēs Th., Phōtiádēs K. (2018) *Thémata neoellēnikēs istorías. G' tāxē Genikou Lykeiou Omádas Prosanatolismou Anthrōpistikōn Spoudōn kai Spoudōn Oikonomías & Plērophorikēs* [Modern Greek History Topics for

- General Lyceum. Grade 3. Humanitarian Studies and Economics & Computer Science Orientation Group]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Maurikákē E., Nkoúbra M., Kampoúrē A. (2018a) *Biología A' Gymnasíou* [Biology for Gymnasium. Grade 1]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Maurikákē E., Nkoúbra M., Kampoúrē A. (2018b) *Biología B' & G' Gymnasíou* [Biology for Gymnasium. Grade 2 & 3]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Mougiakákos P., Mórou A., Papadēmoulēs CH., Phrankē M. (2018) *Theatrikē Agōgē E' kai ST' Dēmotikou* [Theatre Education for Primary School. Grade 5 & 6]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Mpogdánē-Sougioul D., Salkitzóglou D., Kapsēmánē M. (2018) *Mousikē G' & D' Dēmotikou* [Music for Primary School. Grade 3 & 4]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Neurokoplēs A., Yphantēs P., Iatrópoulos L., Terlimpákou Z., Chatzē D. (2018) *Thrēskeutiká B' Gymnasíou. Ē thrēskeía stē zōē, stēn istoría kai ston politismó. Poreía mésa apó antithéseis* [Religion for Gymnasium. Religion in life, history and culture. Progress through contradictions. Grade 2]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Paganákēs A., Bouíkanou M., Karéla G., Mylōná P. (2018) *Thrēskeutiká ST' Dēmotikou. O kósmos tēs thrēskeías. Anakalýptoume mnēmeía, keímena, tóπους kai gegonóta* [Religion for Primary School. The World of Religion. We discover monuments, texts, places and events. Grade 6]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Pylarinós Th., Chatzēdēmētríou S., Barelás L. (2018). *Keímena Neoellēnikēs Logotechnías A' Gymnasíou* [Texts of Modern Greek Literature for Gymnasium. Grade 1]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Stauridēs M., Skórdē M., Chatzēgeorgíou-Lympoúrē A. (2018) *Mousikē A' Gymnasíou* [Music for Gymnasium. Grade 1]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».
- Triantaphyllídou K., Papaíōannou E. (2018) *Thrēskeutiká G' Lykeíou. Thrēskeía kai sýnchronos kósmos* [Religion for Lyceum. Religion and Modern World. Grade 3]. Athens: Institutoúto technologías ypologistón kai ekdóseōn «Dióphantos».

Received: 27.10.2019

Сидорова А.А.

Модели сотрудничества университетов и бизнеса в цифровую эпоху: преимущества и ограничения

Сидорова Александра Александровна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Sidorova_A@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5015-4707](https://elibrary.ru/5015-4707)

Аннотация

Статья посвящена проблеме построения эффективного сотрудничества университетов и бизнеса в эпоху цифровизации. На основании анализа модели Тройной спирали Г. Ицковица, предпринимательского университета Б. Кларка, экосистемы сотрудничества университетов и бизнеса В. Галан-Мьюрос и Т. Девея предложено создать адаптивную модель сотрудничества университетов и бизнеса (УБС, англ. University-business cooperation, UBC), состоящую из четырех последовательных этапов. Первый этап — целеполагание, что предполагает формулировку целей и задач, отвечающих SMART-характеристикам, и конкретизацию направления сотрудничества (образование, научные исследования, коммерциализация, управление). Второй этап — анализ ключевых стейкхолдеров университета с использованием таких инструментов, как диаграммы влияния, матрицы планирования участия, решетки «Сила vs. Интерес» и проч. Третий этап — определение юридических рамок взаимодействия, в особенности по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности. Четвертый этап — анализ предшествующего опыта реализации подобных проектов сотрудничества («лучших практик») с применением инструментария доказательной образовательной политики, позволяющего оценить вероятность успеха адаптации прошлого опыта в новых условиях, и соиздательного бенчмаркинга, способствующего повышению открытости организаций и доступности информации о процессуальной стороне реализации взаимодействия университетов и бизнеса. Заключительным шагом в рамках адаптивной модели УБС является корректировка целей, поставленных университетом на первом этапе. Цели конкретизируются с учетом интересов ключевых стейкхолдеров, юридических рамок реализации проекта, а также анализа «лучших практик». Использование адаптивной модели позволит облегчить процесс построения эффективного взаимодействия университетов и бизнеса (в его аналитической части), заострив внимание на ключевых вопросах, позволяя одновременно выбирать оптимальную глубину проработки и детализации, не снижающую эффективность использования данной модели в целом.

Ключевые слова

Сотрудничество университетов и бизнеса, система высшего образования, цифровая экономика, коммерциализация инноваций, доказательная образовательная политика, стейкхолдеры университета, бенчмаркинг.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10043

Введение

Цифровая эпоха и те новые возможности, которые предоставляет развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для сферы высшего образования, с одной стороны, способствуют увеличению номинальной доступности, а

также массовости высшего образования¹. Цифровизация ведет также к усложнению содержания труда и повышению требований по отношению к тем знаниям и навыкам, которыми должны обладать работники [Шмелькова 2016; Косоруков 2019]. С другой стороны, несмотря на оптимизацию многих управленческих и технологических процессов, цифровизация не способствует сокращению как государственных, так и личных расходов на образование². Так, в России на протяжении последних 20 лет наблюдается положительная динамика роста государственных расходов на высшее образование³. Вместе с тем многие эксперты отмечают сохраняющуюся проблему недофинансированности отечественного образования, в особенности высшего, что подтверждается невысокой долей государственных расходов на высшее образование в общих государственных расходах по сравнению с мировыми лидерами (Россия — 1,6%, США — 3,5%, Канада — 3,4%, Великобритания — 3,2%, Швеция — 3,8%, Германия — 2,8%, Республика Корея — 2,9%)⁴, а также невысоким значением индикатора приоритетности высшего образования не только по сравнению с экономически развитыми странами, но также и советским периодом⁵.

И в этой связи одним из наиболее перспективных направлений решения проблемы финансирования университетов представляется укрепление партнерских отношений с другими организациями коммерческой и некоммерческой сферы. Причем сотрудничество не должно ограничиваться только сферой научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), но также активно развиваться в области образования, в том числе непрерывного. На данный момент наша страна существенного отстает от других европейских держав по уровню участия населения в

---

¹ В течение 2016 года 58 миллионов записались хотя бы на один курс MOOC (массовые открытые онлайн-курсы), более 700 университетов предлагают свои MOOC (всего более 6 850 онлайн-курсов). [Willets 2017, 326].

² Российские экономисты Е.Н. Ведута и Т.Н. Джакубова отмечают, что «создание на основе “Big Data” новых информационных, математических и эконометрических моделей, как и расширение “Big Data”, может быть бесконечным, при этом не иметь никакого отношения к решению экономических проблем, но увеличивать рутинные затраты предприятий на сбор ненужной информации» [Ведута, Джакубова 2017, 44].

³ В 2000 году консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджеты государственных внебюджетных фондов оставил 214,7 млрд руб. (или 1424,6 млрд руб. в постоянных ценах 2017 г.), то в 2017 году — 3264,2 млрд руб. (Источник: Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 26,27)

⁴ Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 28.

⁵ Индикатор приоритетности высшего образования определяется как соотношение доли государственных расходов на высшее образование в сумме всех расходов на образование к доле студентов вузов в общей численности обучающихся. В современной России (2000–2015 гг.) среднее значение индикатора почти в 3 раза ниже, чем в СССР (1940–1982 гг.). Подробнее см. [Сидорова 2012; Сидорова 2018].

образовании в течение всей жизни (lifelong learning). По данным за 2016 год, в России всего 7% населения в возрасте 25–64 лет получали формальное образование, 16% — неформальное образование, 26% занимались самообразованием (для сравнения: в Великобритании — 12%, 48% и 66% соответственно, в Швеции — 14%, 57% и 79%, в Нидерландах — 9%, 62% и 73%)⁶.

Кроме того, развитие более тесного сотрудничества вузов с бизнесом будет способствовать также решению проблем качества подготовки выпускников (67% работодателей удовлетворены теоретической подготовкой выпускников вузов, однако всего 29% работодателей удовлетворены практическими навыками выпускников; более половины опрошенных работодателей отмечают необходимость дополнительной подготовки молодых специалистов)⁷ и их дальнейшего трудоустройства в рамках полученной специальности (в 2016 году из более чем 72 млн занятых в России по специальности работало чуть больше половины — 52,3% (в 2015 году — 54,8%, в 2014 году — 55,3%)⁸.

Однако на практике далеко не всем университетам удастся выстроить долгосрочные взаимовыгодные отношения с бизнесом и еще меньшему числу — получать из этого сотрудничества серьезную прибыль. И в этой связи особую актуальность приобретают инструменты и модели развития кооперации вузов и предприятий, включающие широкий контекст трехсторонних взаимоотношений университет — государство — бизнес, а также механизмы адаптации лучших зарубежных и отечественных практик, чему и посвящена настоящая статья.

Методы и подходы

Проблема взаимодействия университетов, государства и бизнеса занимает особое место в исследованиях отечественных и зарубежных экономистов. Подталкиваемые необходимостью решения практических задач построения эффективного сотрудничества, а также благодаря наличию обширного практического материала, ученые уделяют большое внимание вопросам разработки моделей

---

⁶ Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 47–52.

⁷ В 2017 году Агентством стратегических инициатив совместно с Минпромторгом России было проведено исследование «Оценка удовлетворенности работодателей системой кадрового обеспечения региона», в котором приняли участие 429 предприятий из 72 субъектов РФ (Источник: 42 % работодателей удовлетворены качеством практической подготовки выпускников СПО и лишь треть — навыками выпускников вузов // АСИ [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/76708/> (дата обращения: 21.01.2020).

⁸ Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 66.

кооперации вузов, предприятий и государства. Классическими моделями принято считать модель Тройной спирали Генри Ицковица [Ицковиц 2010] и модель предпринимательского университета Бертона Кларка [Кларк 2011], созданные на рубеже XX–XXI вв. Модель Тройной спирали, вобравшая опыт предпринимательства американских вузов, в большей степени применима для атлантической системы высшего образования, которой свойственны высокая финансовая автономия университетов и не прямой контроль со стороны государства. Модель предпринимательского университета Б. Кларка, напротив, базируется на опыте кооперации университетов и бизнеса в Северной Европе (Швеция, Финляндия, Нидерланды), что, в свою очередь, помещает исследователя в контекст континентальной модели высшего образования с высокой долей государственного участия (в различных формах) в этом взаимодействии.

Однако возрастающая скорость обновления знаний, развитие цифровизации, изменение общих социально-экономических условий взаимодействия университетов, бизнеса и государства побуждают к созданию новых моделей, отвечающих требованиям нового времени. Одним из наиболее серьезных теоретических построений на настоящий момент является концепция экосистемы сотрудничества университета и бизнеса (УБС, англ. University-business cooperation, UBC), созданная группой исследователей во главе с В. Галан-Мьюрос и Т. Девеем [Galán-Muros, Davey 2017]. Данная концепция послужила теоретической основой проекта по анализу состояния взаимодействия университетов и бизнеса в Европе, реализованного под эгидой Европейской комиссии в 2016–2017 годах [Davey, Meerman et al. 2018]. Отличительными чертами подхода В. Галан-Мьюрос и Т. Девея является максимальное развитие всех возможных видов кооперации вузов и коммерческих компаний в рамках четырех направлений — образование, исследование, коммерциализация (валоризация) и управление (совместное использование ресурсов). Центральное место в модели занимает поэтапное описание самого процесса сотрудничества университетов и бизнеса, предоставляющее дополнительные возможности по аналитике и операционализации. Ключевыми элементами модели являются: входы (человеческие, финансовые и физические ресурсы), виды деятельности (14 видов совместной деятельности в сфере образования, исследования, коммерциализации результатов и управления), результаты УБС (выходы, итоги и воздействия), поддерживающие механизмы (политика, стратегия, структурные и операционные механизмы), внешняя среда (ближнее и дальнее окружение)⁹.

---

⁹ Подробный анализ модели экосистемы УБС проведен в статье [Сидорова 2019a].

Вместе с тем в реальной управленческой практике построения взаимоотношений университетов и бизнеса зачастую наблюдается нехватка ключевых ресурсов (временных, человеческих, финансовых, информационных) для построения комплексной модели будущего взаимодействия, включающей подробный анализ всех вышеперечисленных пунктов. Помимо этого, встает вопрос о доступности аналитического инструментария: в коммерческом секторе разработан широкий спектр различных методик, позволяющих осуществлять эффективную диагностику внутренней и внешней среды, однако встает вопрос о возможностях и ограничениях его применения в некоммерческом секторе, а также готовности сотрудников университета его использовать. В такой ситуации университеты часто выбирают реактивную стратегию, реагируя на поступающие извне запросы (компания обращается в университет с целью проведения исследования или обучения своих сотрудников), либо укрепляют сотрудничество в рамках уже существующих отношений и договоренностей, либо не занимаются развитием УБС вообще. Более того, недостаточное внимание к аналитике процесса УБС, помимо прочего, может привести к проблемам восприятия преимуществ от такого сотрудничества и, в свою очередь, нежеланию развивать его в дальнейшем: согласно данным исследования кооперации вузов и предприятий в Европе 2016–2017 гг., и университеты, и бизнес убеждены, что недополучают выгоды от сотрудничества и что другая сторона получает больше [Davey, Meerman et al. 2018, 129].

В этой связи представляется полезным создание **адаптивной модели УБС**, которая позволила бы облегчить для университета сам процесс построения эффективных отношений сотрудничества с бизнесом (в его аналитической части), заострив внимание на ключевых вопросах, требующих серьезного внимания, и в то же время позволила бы вузу самостоятельно выбирать глубину проработки и детализации, не снижая при этом эффективности использования данной модели в целом.

Результаты

Адаптивная модель УБС предполагает проведение анализа потенциала сотрудничества университетов и бизнеса в рамках четырех блоков: цели, стейкхолдеры, законодательство и лучшие практики.

Первый блок — анализ **целей** совместной деятельности университета и бизнеса (с позиций университета).

В рамках данного блока университету предлагается определиться с приоритетной сферой взаимодействия: образовательная деятельность, НИОКР,

коммерциализация (валоризация) или управление. При этом рекомендуется для каждого конкретного проекта ограничиваться одной сферой для более точного определения целевых значений индикаторов, ключевых стейкхолдеров, требований законодательства и проч. Следует отметить, что наличие уже работающих проектов, действующих договоренностей с другими организациями в рамках иных направлений (например, вуз планирует расширять сотрудничество в образовательной сфере, имея при этом несколько контрактов на осуществления совместных НИОКР с другими фирмами) только повышает вероятность успеха в случае выбора организации-партнера, с которой уже есть соглашения, так как у университета и коммерческих компаний есть опыт совместной работы. Однако изначально не следует сужать горизонт поиска новых организаций для реализации совместных проектов, а также экстраполировать имеющийся позитивный опыт сотрудничества с компанией на другие сферы, так как последняя может быть не заинтересована в расширении спектра взаимодействия.

Помимо этого, важно четко сформулировать цели, которые планирует достичь университет в рамках реализации задуманного проекта. Для этого возможно использование SMART-характеристик целей, активно применяющихся в сфере менеджмента и проектного управления. В частности, цели должны быть конкретными (Specific), измеримыми (Measurable), достижимыми (Attainable), уместными (Relevant) и определенными во времени (Time-bound). При этом на данном этапе стоит в большей степени ориентироваться на внутренние потребности университета, чем исходить из возможностей внешней среды, чтобы заранее не ограничивать свои пожелания и не смещать акценты в пользу наиболее очевидных (но не всегда оптимальных) решений. Более того, сформулированные на данном этапе цели будут скорректированы по результатам анализа, выполненного в рамках последующих трех блоков: сопряжены с ожиданиями ключевых стейкхолдеров, уточнены исходя из требований законодательства, а также доступного для ознакомления опыта реализации подобных проектов в прошлом.

Второй блок адаптивной модели — **анализ стейкхолдеров** университета. В Таблице 1 предложена классификация основных стейкхолдеров университета, составленная на основе типологии Р.К. Митчелла [Mitchell et al. 1997] и категоризации стейкхолдеров, предложенной П. Бенневорфом и Б. Йонгбломом [Benneworth, Jongbloed 2010]. Так, «безусловные» стейкхолдеры обладают наиболее сильным влиянием на университет, так как отвечают атрибутам власти, легитимности (взаимодействие в рамках общепринятых норм) и безотлагательности требований (степень, в которой

требования заинтересованных сторон влекут за собой незамедлительные действия). «Ожидающие» стейкхолдеры отвечают двум атрибутам из трех (чаще всего легитимности и безотлагательности), а «латентные» — одному атрибуту (например, к этой категории можно отнести потенциальных работодателей, которые находятся в юридически оформленных отношениях с университетом (по вопросам практики или участия в итоговой аттестации), однако обладают ограниченными ресурсами для оказания существенного влияния на решения университета) [Сидорова 2019b].

Таблица 1. Стейкхолдеры университета¹⁰

Стейкхолдеры университета		
«Безусловные»	«Ожидающие»	«Латентные»
Органы государственной власти <i>Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, региональные органы управления образованием и проч.</i>	Сотрудники <i>Профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники, специалисты по учебно-методической работе и проч.</i>	Поставщики <i>Школа, другие вузы, поставщики питания, оборудования и проч.</i>
Администрация <i>Ректор, проректора, декан, замдекана</i>	Потребители (клиенты) <i>Студенты, родители/ближайшие родственники обучающихся, коммерческие и некоммерческие организации-заказчики</i>	Конкуренты <i>Государственные и частные вузы, научные организации, корпоративные университеты, компании, организующие тренинги, и проч.</i>
	Негосударственные регуляторы <i>Профсоюз, ассоциации вузов и проч.</i>	Доноры <i>Частные лица (выпускники, родители и др.) и организации</i>
	Финансовые посредники <i>Банки, страховые компании</i>	Общество <i>Жители района, где расположен университет, социальные службы, общественные организации</i>
Партнеры <i>Коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие совместную деятельность с университетом (разработка совместных образовательных программ, проведение совместных исследований)</i>		

Важно отметить, что в таблице приведен самый общий и наиболее распространенный вариант распределения стейкхолдеров вуза, однако для решения каждой конкретной задачи группировка стейкхолдеров будет изменяться. Например, в рамках реализации образовательного проекта для коммерческой организации (повышения квалификации сотрудников) последняя, выступая в качестве «клиента»

¹⁰ Составлено автором на основе типологии стейкхолдеров, представленной в работах [Mitchell et al, 1997; Benneworth, Jongbloed 2010].

вуза, будет относиться к категории «безусловных» стейкхолдеров, так как будет отвечать трем атрибутам (власть, легитимность и безотлагательность требований) и обладать возможностью влиять на решения вуза в отношении реализуемой программы обучения (содержание курсов, состав лекторов, формат учебно-методических материалов, время проведения занятий и проч.). Однако сами слушатели будут выступать в данной ситуации, скорее, в качестве «латентных» стейкхолдеров по отношению к университету, обладающих юридической связью с ним, однако не имеющих прямых возможностей влиять на содержание курсов либо формат предоставления материалов (только в рамках обратной связи с организацией-заказчиком обучения).

Таким образом, для каждой конкретной проблемы необходимо проводить отдельный анализ интересов ключевых стейкхолдеров. В этой связи полезными представляются распространенные в сфере стратегического управления инструменты и техники идентификации и анализа заинтересованных сторон — решетка «Сила vs. Интерес», диаграмма влияния стейкхолдеров, матрица планирования участия, решетки «Поддержка vs. Противодействие» и «Привлекательность предложения vs. Возможности имплементации», а также техника ролевых игр [Bryson 2004]. Важно, что указанные инструменты и техники подходят не только для коммерческих компаний, но и для управления отношениями с заинтересованными сторонами университета и не нуждаются в дополнительной адаптации.

Третий блок адаптивной модели — анализ норм законодательства, регулирующих данную сферу. Специалисты-практики в области коллаборации университетов и бизнеса отмечают высокое значение грамотного юридического сопровождения сотрудничества университетов с другими организациями. В большинстве случаев это касается защиты интеллектуальной собственности, которой уделяется недостаточное внимание в практической деятельности вузов не только в нашей стране, но и в мире. Эффективное управление интеллектуальной собственностью позволяет быть уверенным в использовании результатов НИОКР на благо общества, ограничить использование или предоставить открытый доступ к результатам исследований, генерировать дополнительный доход, а также укрепить конкурентную позицию конкретного исследователя и увеличить его шансы на получение грантов в будущем (в случае, если интеллектуальная собственность оформлена на имя исследователя) либо улучшить позиции университета в национальных или международных рейтингах. Более того, внимательное отношение к

заключаемым со сторонними организациями контрактам позволит избежать достаточно распространенных спорных ситуаций, когда фирма запрещает обнародование результатов проводимых исследований (чаще всего это касается побочных продуктов НИОКР, оказавшихся перспективными с коммерческой точки зрения, но не учтенными действующими контрактами, либо результатов исследований, выявивших опасности дальнейшего применения каких-либо продуктов (чаще всего в фармацевтике))¹¹.

Решению этих проблем будет способствовать развитие юридических консультаций в вузах, позволяющих сотрудникам на бесплатной основе обратиться к специалисту даже в тех случаях, когда договор заключается не с университетом, а с конкретным исследователем. Организационно это может быть оформлено в рамках центров трансфера технологий. Это поможет снять лишнюю (и несвойственную им) нагрузку с исследователей, а также обезопасить как отдельных сотрудников, так и университет в целом от возможных скандалов и судебных разбирательств.

Четвертый блок адаптивной модели — анализ «лучших практик», успешного опыта реализации подобных проектов. Анализ прошлого опыта — ценный источник информации и важное условие успеха реализации нового проекта (даже в случае, если предыдущий опыт был негативным). «Лучшие практики» могут быть внутренними (выявлены непосредственно в самом университете) или внешними по отношению к вузу (отраслевыми, региональными, национальными, зарубежными). Однако, вне зависимости от источника такого опыта, главной проблемой будет доступность информации. Даже в рамках одной организации люди не стремятся раскрывать подробный алгоритм реализации успешного проекта, а в случае провала — тем более. Так называемая «работа над ошибками» может проводиться, однако зачастую она носит ограниченный характер и направлена на поиск виноватых или

---

¹¹ В своей книге «Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования» 25-й президент Гарвардского университета Дерек Бок приводит примеры многочисленных попыток крупных корпораций манипулировать «неудобными» для них результатами исследований. Например, «Бетти Донг из Калифорнийского университета в Сан-Франциско получила грант фармацевтической фирмы на исследование, которое должно было дать ответ на вопрос, действительно ли производимый этой фирмой дорогой препарат «синтроид» превосходил более дешевые аналоги. Вопреки ожиданиям (в том числе и ее собственным), особой разницы между ними она не обнаружила (это означало, что пациенты, покупая «синтроид», напрасно тратили ежегодно сотни миллионов долларов). Компания, получив столь обескураживающий результат, обвинила Донг в многочисленных методологических ошибках, неких этических нарушениях и даже наняла частного сыщика, который должен был найти в ее заключении корыстные мотивы (как оказалось, их не существовало). Когда Донг сделала следующий шаг и пожелала опубликовать свое открытие в профессиональном журнале, компания пригрозила ей судебным преследованием, ссылаясь на подписанный ею контракт, один из пунктов которого запрещал публикацию материалов исследования без согласия фирмы. Хотя университет никогда не проверял этот контракт и не советовал Донг воздержаться от его подписания, он отказался помогать ей, предоставив своей сотруднице в одиночку бороться с компанией. Только семь лет спустя она сумела опубликовать свою статью» [Бок 2012, 94–95].

обстоятельств непреодолимой силы, нежели на глубокий анализ процессов управления реализацией проекта. Более того, даже в случае проведения подобной работы крайне редко по завершении проекта создаются какие-либо методические рекомендации по реализации подобных проектов в дальнейшем (если их разработка не была предусмотрена самим проектом), что препятствует дальнейшему использованию этого опыта.

Решению проблемы открытости и доступности информации будут способствовать создание и поддержка различных форм коммуникации и обмена опытом, стимулирующих организации к сотрудничеству: развитие ассоциаций вузов и предприятий, проведение тематических форумов, создание электронных площадок и проч. В этой связи полезными представляются модели совместного и созидательного бенчмаркинга, предполагающие совместную разработку и взаимоувязку планируемых изменений в университетах-членах ассоциаций. Однако для успешной реализации данных мероприятий в России важным условием является поддержка государства, создающая стимулы для расширения форматов участия и побуждающая организации не только к созданию новых форм взаимодействия, но также к их поддержанию в будущем.

Вместе с тем проблема адаптации «лучших практик» часто кроется не столько в недостаточности располагаемой информации, сколько в неиспользовании эффективного аналитического инструментария, позволяющего на ее основе сделать значимые для реализации проекта выводы. В этой связи полезным представляется инструментарий доказательной политики (Evidence-based policy) [Cartwright, Hardie 2012], на основе которого можно оценить вероятность успеха адаптации «лучшей практики» в новых условиях или масштабирования результатов пилотного проекта. Алгоритм реализации доказательной политики состоит из четырех этапов:

- 1) анализ процесса реализации и результатов эталонного проекта, успешный опыт которого предполагается адаптировать в новых условиях;
- 2) горизонтальный поиск (анализ поддерживающих факторов — тех условий, которые должны обязательно присутствовать для успешной реализации проекта);
- 3) вертикальный поиск, предполагающий обоснование тождественности каузальных ролей: роли, которую сыграл конкретный алгоритм действий в прошлом, и той роли, которую он будет играть в настоящем;

- 4) верификация результатов, позволяющая уточнить поддерживающие факторы и общий алгоритм реализации проекта с целью выявить неверно поставленные задачи и излишние мероприятия еще до начала осуществления проекта. Для этого используются четыре стратегии: «Предсмертная», «Мыслить перспективно», «Мыслить ретроспективно», «Это работает. Благодаря чему?» [Сидорова 2016].

Использование моделей созидательного и совместного бенчмаркинга, направленных на расширение каналов коммуникации и повышение взаимной открытости университетов и организаций-партнеров, будет способствовать облегчению поиска «лучших практик», а применение инструментария доказательной образовательной политики позволит существенно снизить риски реализации новых проектов.

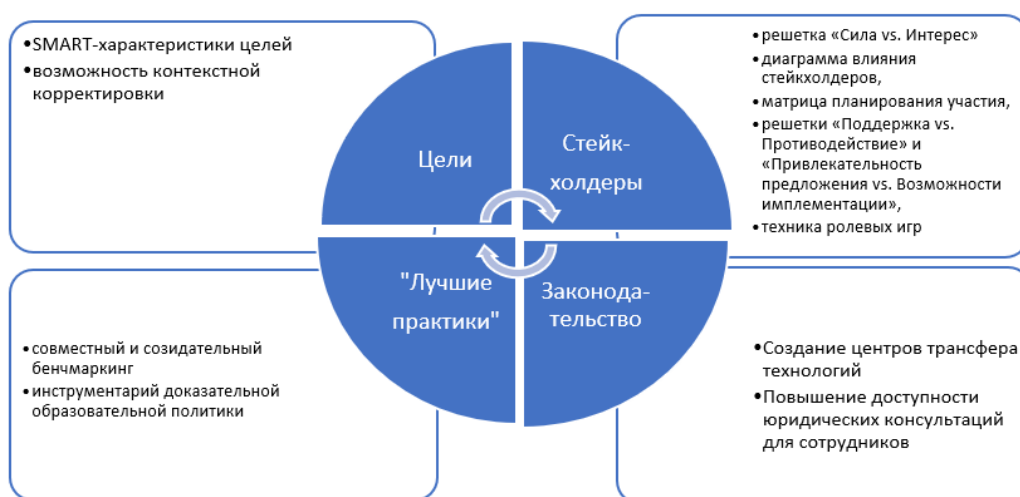

Рисунок 1. Адаптивная модель УБС¹²

В качестве заключительного шага в рамках адаптивной модели УБС (см. Рисунок 1) предполагается возможность корректировки целей, поставленных университетом на первом этапе. Цели конкретизируются с учетом интересов ключевых стейкхолдеров, юридических рамок реализации проекта, а также анализа «лучших практик». Подобный алгоритм позволяет университету, с одной стороны, сфокусироваться на значимых для него целях и задачах и тем самым максимизировать выгоду от взаимодействия с бизнесом, а с другой — увеличить вероятность успеха реализации проекта, опираясь на результаты анализа интересов ключевых

¹² Составлено автором.

стейкхолдеров, юридических ограничений, а также располагаемого опыта управления подобными проектами в прошлом.

Заключение

Применение адаптивной модели УБС будет способствовать не только повышению вероятности успеха реализации отдельных проектов в рамках сотрудничества университета с организациями коммерческого и некоммерческого секторов, но также оказывать позитивное влияние на развитие региональной экономики в целом. В частности, применение адаптивной модели УБС будет способствовать расширению спектра взаимодействия университетов и предприятий (в рамках сферы образования, НИОКР, коммерциализации и управления), укреплению и поддержке долгосрочного сотрудничества, а также развитию более тесной связи университетов и предприятий с региональной экономикой посредством повышения спроса на результаты совместных научных исследований вузов и коммерческих компаний, повышения качества подготовки выпускников и их востребованности на рынке труда.

Тем не менее адаптивная модель представляет собой лишь инструмент, позволяющий провести анализ перспектив сотрудничества университета с другими организациями в рамках реализации конкретных проектов. И несмотря на то, что ее применение будет способствовать повышению эффективности принятия управленческих решений, для обеспечения реального роста взаимодействия вузов и предприятий необходимым является создание дополнительных стимулов, как финансовых, так и нефинансовых. И ключевую роль в организации этого процесса должно играть государство, не только снижая излишние бюрократические барьеры на пути развития долгосрочной кооперации, но также создавая новые преимущества для расширения спектра взаимодействия университетов и бизнеса.

Список литературы:

- Бок Д.* Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н.* Big Data и экономическая кибернетика // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 43–66. DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00050.
- Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.

- Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011.
- Косоруков А.А.* Роботизация в контексте цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11(51). С. 2388–2397.
- Сидорова А.А.* Доказательная образовательная политика: методологические основы // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 57. С. 322–339. DOI: 10.24411/2070-1381-2016-00041.
- Сидорова А.А.* Модель экосистемы сотрудничества университетов и бизнеса как инструмент обеспечения устойчивого инновационного развития // Устойчивое развитие российской экономики: сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции (18 июня 2019 г.) / отв.ред.: М.В. Кудина, А.С. Воронов. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2019а. С. 26–39.
- Сидорова А.А.* Стратегия развития высшего образования: комплексный индикатор // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 33. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/33_2012sidorova.htm (дата обращения: 21.01.2020).
- Сидорова А.А.* Управление отношениями со стейкхолдерами университета в условиях развития экономики знаний // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 16-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2019b. С. 47–53.
- Сидорова А.А.* Экономика знаний и предпринимательские университеты: сущностные характеристики и особенности становления в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 66. С. 77–91. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00005.
- Шмелькова Л.В.* Кадры для цифровой экономики: взгляд в будущее // Дополнительное профессиональное образования в стране и мире. 2016. № 8(30). С. 1–4.
- Benneworth P., Jongbloed B.W.* Who Matters to Universities? A Stakeholder Perspective on Humanities, Arts and Social Sciences Valorization // Higher Education. Berlin: Springer, 2010. No. 59. P. 567–588.
- Bryson J.M.* What to Do When Stakeholders Matter // Public Management Review. 2004. Vol. 6. Issue 1. P. 21–53.
- Cartwright N., Hardie J.* Evidence-Based Policy: A Practical Guide to Doing It Better. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Davey T., Meerman A., Galán-Muros V., Orazbayeva B., Baaken T. The State of University-Business Cooperation in Europe. Final Report. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2018.

Galán-Muros V., Davey T. The UBC Ecosystem: Putting Together a comprehensive Framework for University-Business Cooperation // *Journal of Technology Transfer*. 2017. No. 44. P. 1311–1346.

Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // *Academy of Management Review*. 1997. No. 22(4). P. 853–886.

Willetts D. A University Education. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Дата поступления: 30.11.2019

Sidorova A.A.

University-Business Cooperation Models in the Digital Age: Benefits and Limitations

Aleksandra A. Sidorova — PhD, Associate Professor, Department of State and Municipal Management Theory and Methodology, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Sidorova_A@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of building the effective cooperation between universities and business in the digital age. Based on the analysis of the Triple Helix models of *H. Etzkowitz*, *B. Clark* entrepreneurial university, the UBC ecosystem of *V. Galán-Muros* and *T. Davey*, it was proposed to create an adaptive model of university-business cooperation, consisting of four successive stages. The first stage is goal-setting, which implies the formulation of goals and objectives that meet SMART characteristics, and the specification of cooperation direction (education, research, commercialization, management). The second stage is the analysis of key university stakeholders using tools such as influence diagrams, participation planning matrix, and power versus interest grid and so on. The third stage is the determination of the legal framework for interaction, in particular on the protection of intellectual property rights. The fourth stage is the analysis of previous experience in implementing similar cooperation projects (“best practices”) using evidence-based policy tools to assess the likelihood of success of adapting past experiences in new conditions, and creative benchmarking, which will increase the transparency of organizations and the availability of information about the process side of interaction between universities and business. The final step in the framework of the adaptive UBC model is the adjustment of the goals set by the university in the first stage. The goals are specified taking into account the interests of key stakeholders, the legal framework for the implementation of the project, as well as the analysis of “best practices”. The use of the adaptive model will facilitate the process of building the effective interaction between universities and business (in its analytical part), focusing on key issues, while simultaneously choosing the optimal depth of elaboration and detailing, which does not reduce the efficiency of using this model as a whole.

Keywords

University-business cooperation (UBC), system of higher education, digital economy, commercialization of innovations, evidence-based policy, university stakeholders, benchmarking.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10043

References:

- Benneworth P., Jongbloed B.W. (2010) Who Matters to Universities? A Stakeholder Perspective on Humanities, Arts and Social Sciences Valorization. *Higher Education*. Berlin: Springer. No. 59. P. 567–588.
- Bok D. (2012) *Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Bryson J.M. (2004) What to Do When Stakeholders Matter. *Public Management Review*. Vol. 6. Issue 1. P. 21–53.
- Cartwright N., Hardie J. (2012) *Evidence-Based Policy: A Practical Guide to Doing It Better*. Oxford: Oxford University Press.
- Clark B. (2011) *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation*. Moscow: Izd.dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Davey T., Meerman A., Galán-Muros V., Orazbayeva B., Baaken T. (2018) *The State of University-Business Cooperation in Europe. Final Report*. Luxembourg: Publication Office of the European Union.
- Etzkowitz H. (2010) *The Triple Helix: University-Industry-Government. Innovation in Action*. Tomsk: TUSUR.
- Galán-Muros V., Davey T. (2017) The UBC Ecosystem: Putting Together a comprehensive Framework for University-Business Cooperation. *Journal of Technology Transfer*. No. 44. P. 1311–1346.
- Kosorukov A.A. (2019) Robotization in the Context of Digital Transformation of Public Administration in Russian Federation. *Voprosy politologii*. Vol. 9. Issue 11(51). P. 2388–2397.
- Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. (1997) Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts. *Academy of Management Review*. No. 22(4). P. 853–886.
- Shmel'kova L.V. (2016) Kadry dlya tsifrovoy ekonomiki: vzglyad v budushcheye [Personnel for the Digital Economy: A Look into the Future]. *Dopolnitel'noye professional'noye obrazovaniya v strane i mire*. No. 8(30). P. 1–4.
- Sidorova A.A. (2012) Higher Education Development Strategy: Integrated Indicator. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 33. Available: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/33_2012sidorova.htm (accessed: 21.01.2020).

- Sidorova A.A. (2016) Evidence-Based Educational Policy: Methodological Foundations. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 57. P. 322–339. DOI: 10.24411/2070-1381-2016-00041.
- Sidorova A.A. (2018) Knowledge Economy and Entrepreneurial Universities: Essential Characteristics and Development in Modern Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 66. P. 77–91. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00005.
- Sidorova A.A. (2019a) The University-Business Cooperation Ecosystem as a Tool of Sustainable Innovation. *Ustoychivoye razvitiye rossiyskoy ekonomiki: sbornik statey po materialam VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 iyunya 2019 g.)*. M.V. Kudina, A.S. Voronov (eds.). Moscow: «KDU», «University Press». P. 26–39.
- Sidorova A.A. (2019b) Managing the Relationship with University Stakeholders in Knowledge Economy. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i perspektivy. Materialy 16-y Mezhdunarodnoy konferentsii Gosudarstvennoye upravleniye v XXI veke*. Moscow: «KDU», «Universitetskaya kniga». P. 47–53.
- Veduta E.N., Dzhakubova T.N. (2017) Big Data and Economic Cybernetics. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 63. P. 43–66. DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00050.
- Willetts D. (2017) *A University Education*. Oxford: Oxford University Press.

Received: 30.11.2019

Сухарева М.А.

Интеллектуальный капитал: сущность и методы его оценки. Часть 1¹

Сухарева Мария Алексеевна — стажер-исследователь, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: SuharevaMA@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [8497-1283](https://elibrary.ru/8497-1283)

Аннотация

Современный этап экономического развития характеризуется значительными трансформациями, где нематериальные активы становятся важнейшим фактором конкурентоспособности экономики. Данные изменения актуализируют необходимость исследований в рамках экономической науки такого явления, как «интеллектуальный капитал», с точки зрения его сущности и методов оценки. Поэтому в статье дается определение интеллектуального капитала, проводится анализ методов его оценки в научных исследованиях и международных индексах и осуществляется его декомпозиция. Было выявлено, что для оценки национального интеллектуального капитала предпочтительней использовать «гуманитарный подход» к определению — не как финансовую категорию, а с позиции результатов деятельности индивида и человеческого капитала. В результате было дано определение интеллектуального капитала, в соответствии с которым это многокомпонентная категория, включающая в себя социально-экономические отношения, которые возникают между субъектами экономической деятельности в рамках воспроизводства и использования знаний, умений, компетенций, а также по вопросам создания, использования и распространения интеллектуальных результатов. В статье структура интеллектуального капитала рассматривается в виде его декомпозиции на человеческий, социальный и структурный капитал, на основании которой была сформирована модель интеллектуального капитала, проанализированы основные методы и работы по его оценке. В итоге были выявлены компоненты интеллектуального капитала, которые впоследствии могут использоваться при составлении индекса оценки. В качестве основных методов в статье используется анализ, декомпозиция и индикаторный метод. Полученный индекс позволяет наглядно продемонстрировать элементы интеллектуального капитала, выделить среди них ключевые, которые оказывают наиболее сильное влияние на общее качество интеллектуального капитала государства.

Ключевые слова

Интеллектуальный капитал, индикаторный метод, человеческий капитал, социальный капитал, структурный капитал, оценка интеллектуального капитала, международные индексы.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10044

Введение

Современный этап экономического развития характеризуется значительными трансформациями, где нематериальные активы становятся важнейшим фактором конкурентоспособности экономики. Данные изменения актуализируют необходимость исследований в рамках экономической науки такого явления, как «интеллектуальный капитал», с точки зрения его сущности и методов оценки.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-29-07449 «Измерение человеческого капитала в условиях структурных изменений в мировой экономике».

Целью работы является выявление компонентов интеллектуального капитала, которые впоследствии могут быть использованы при составлении индекса его оценки с учетом реалий современной экономики.

В этой связи были поставлены следующие задачи:

- 1) Проанализировать наиболее распространенные подходы к определению интеллектуального капитала и на их основе выработать подход в рамках проводимого исследования.
- 2) Провести декомпозицию интеллектуального капитала, рассмотреть подходы научных исследований к их оценке и выбрать наиболее подходящий метод.
- 3) Включить в анализ международные индексы и исследования, которые могут быть использованы при составлении индекса интеллектуального капитала.
- 4) Выявить параметры оценки элементов интеллектуального капитала, которые оказывают влияние на экономическую ситуацию в стране.

Понятие «интеллектуальный капитал»

Категория «интеллектуальный капитал», а точнее «интеллектуальная деятельность» как нечто большее, чем простой интеллектуальный ресурс человека, была впервые введена в научный оборот Дж. Гелбрейтом в 1969 году [Новгородов 2017, 39]. Далее, термин «интеллектуальный капитал» был популяризован Т. Стюартом. Он рассматривал «...интеллектуальный капитал как накопленные полезные знания... в виде патентов, процессов, управленческих навыков, технологий, опыта и информации о потребителях и поставщиках» [Stewart 1991, 58]. Затем ряд исследователей предлагали свою интерпретацию данной категории: «знания, которые можно конвертировать в стоимость» (Л. Эдвинсон); «все неденежные и нематериальные ресурсы» (Й. Руус, С. Пайк и Л. Фернстейм); «процесс превращения знаний и неосязаемых активов в полезные ресурсы» (С. Алберт и К. Бредли); «структурированное знание и способности, обладающие потенциалом развития и создания стоимости» (Дж. Даум)» [Насибова 2015, 240].

В российской науке интеллектуальный капитал определяется В.Л. Иноземцевым как «коллективный мозг, аккумулирующий научные и обыденные знания работников, интеллектуальную собственность и накопленный опыт, общение и информационную структуру, информационные сети и имидж фирмы» [Цит. по

Устинова и др. 2016, 101]. Б.Б. Леонтьев расширяет это определение «природными и приобретенными интеллектуальными способностями и навыками персонала», то есть включением в него человеческого капитала [Там же, 101]. Дальнейшее развитие терминологии приводит к появлению в определении указания на способности знаний приносить потенциальную ценность [Азгальдов, Карпова 2006, 12]. В широком смысле интеллектуальный капитал компании представляет собой «способность компании извлекать будущие экономические выгоды из имеющихся ресурсов, умений и компетенций» [Андреева, Гаранин 2017, 32].

Таким образом, в определении понятия «интеллектуального капитала» чаще всего в качестве его основной составляющей авторы выдвигают знания (а также информацию, умения, компетенции, способности, опыт, общение и т.д.), то есть то, что создателем или носителем является человек. Однако, с другой стороны, в приводимых определениях просматривается тенденции к трактованию и к сведению интеллектуального капитала к функции обеспечения прироста стоимости компании и созданию конкурентных преимуществ за счет нематериальных активов.

В данной работе интеллектуальный капитал рассматривается в рамках первого подхода и детерминируется как многокомпонентная категория, включающая в себя социально-экономические отношения, которые возникают между субъектами экономической деятельности в рамках воспроизводства и использования знаний, умений, компетенций, и отношения для создания, использования и распространения интеллектуальных результатов.

Методы оценки интеллектуального капитала: стоимостные и нестоимостные подходы

В терминологическом поле выделяется три основных подхода к определению сущности интеллектуального капитала и в дальнейшем его оценке на уровне предприятия, два из которых строятся на основе финансовой информации:

- балансовый подход: интеллектуальный капитал как повышение рыночной стоимости компании над балансовой стоимостью ее активов² — измерение осуществляется на основе рыночных оценок;
- ресурсный подход: интеллектуальный капитал как ключевой ресурс³ — измерение, основанное на добавленной стоимости;

---

² См. работы Т. Стюарт, К.Е. Свейби, Л. Эдвинссон, Л. Прусак, А.Н. Козырев и др.

³ См. работы Д. Тис, Н.Н. Карпова, А. Макаров, В.Л. Иноземцев и др.

- экономико-теоретический подход: интеллектуальный капитал как совокупность информации, знаний, навыков и профессионального опыта сотрудников⁴ [Насибова 2015, 241].

В основе балансового подхода лежит измерение разрыва между рыночной и балансовой стоимостью компании, в рамках которого выделяют следующие методы рыночной капитализации:

- MVA (market value added) — это показатель, который непосредственно рассчитывается как разница между рыночной и балансовой стоимостью компании. Однако стоит заметить, что описываемый спред не является показателем стоимости интеллектуального капитала, а демонстрирует увеличение стоимости компании, которое произошло благодаря использованию интеллектуального капитала [Кудина 2012];
- коэффициент q-Тобина, целью которого является отражение инвестиционной привлекательности компании, представляет собой соотношение рыночной стоимости инвестированного капитала и стоимости замещения активов; стоимость нематериальных активов высчитывается как разница между этими двумя значениями [Tobin 19969]. Альтернативным вариантом этого коэффициента является соотношение между рыночной стоимостью компании и ее балансовой стоимостью, определяемой как стоимость всех активов за вычетом обязательств, то есть балансовая стоимость собственного капитала — M/B (market-to-book value) [Осколкова 2012, 35].

Ресурсный подход определяет интеллектуальный капитал с позиции добавленной стоимости, то есть интеллектуальный капитал представляет собой главный стратегический ресурс по созданию добавленной стоимости — ключевым фактором конкурентоспособности организации [Reed et al. 2006]. Измерение интеллектуального капитала в рамках этого подхода осуществляется путем расчета отдачи на активы, например, посредством следующих показателей:

---

⁴ См. работы Дж. Гелбрей, И. Нонака, Б.Б. Леонтьев, Н. Бонтис и др.

- экономическая добавленная стоимость (EVA) — прибыль, оставшаяся после вычета всех прямых и косвенных издержек: подразумевается, что нормальная экономическая прибыль создается физическими и финансовыми активами, тогда как сверхприбыль — нефинансовыми;
- коэффициент добавленной стоимости интеллектуального капитала (VAIC), получаемый при измерении добавленной стоимости, создаваемой компонентами интеллектуального капитала. Интеллектуальный капитал состоит из структурного, человеческого и инвестированного капиталов, информация о которых берется из общедоступных финансовых отчетов [Осколкова 2012, 40].

В данной работе предпочтение будет отдаваться экономико-теоретическому подходу, который направлен на измерение интеллектуального капитала в нестоимостном выражении посредством нефинансовых измерений.

Данный метод используется в ряде классических работ: например, в работах Р.С. Каплана и Д.П. Нортон, которые предложили систему сбалансированных показателей [Каплан, Нортон 2005]. Система направлена на обеспечение стратегического управления и представляет собой систему показателей четырех направлений:

- финансовые показатели (информация, полученная из бухгалтерской отчетности);
- клиентское направление (маркетинговые индикаторы и характеристики целевых групп потребителей);
- внутренние бизнес-процессы и формирование конкурентных преимуществ;
- обучение и развитие [Гапоненко, Гапоненко 2015, 125].

Эта система позволяет оценить в неденежной форме интеллектуальный капитал (организационный, человеческий и потребительский капитал), описать его, проследить динамику развития в целом, а также по отдельным направлениям.

В свою очередь, Б. Лев предложил метод цепочки стоимости [Лев, Фенг 2003], который представляет собой оценку интеллектуального капитала из девяти последовательных процессов по формированию стоимости. Однако описываемый метод скорее предоставляет информацию по инновационным процессам компании.

К сожалению, целями данных моделей не является непосредственно исследование интеллектуального капитала. В результате эти подходы не могут быть использованы ни при оценки интеллектуального капитала, ни при его декомпозиции в контексте разработки диагностических подходов к определению степени влияния системы непрерывного образования на формирование интеллектуального капитала.

В качестве метода измерения будет использоваться индикаторный метод, основанный на различных натуральных показателях: планируется осуществить декомпозицию интеллектуального капитала на компоненты и произвести их оценку при помощи индексов. Такой подход позволит:

- наглядно продемонстрировать элементы интеллектуального капитала, выделить среди них ключевые, которые оказывают наиболее сильное влияние на общее качество интеллектуального капитала государства;
- сгенерировать сопоставимые показатели;
- выделить элементы, на формирование которых оказывает наибольшее влияние система непрерывного образования;
- более точно выделить показатели оценки этих элементов;
- учесть отображение интеллектуального капитала на макро-, мезо-, микроуровнях;
- произвести качественную и количественную оценку;
- учесть гуманитарные тенденции в экономической науке.

Поэтому первым шагом будет проведение декомпозиции интеллектуального капитала.

Декомпозиция структуры интеллектуального капитала и оценка отдельных его элементов в научных исследованиях

Существует множество вариантов структурного содержания интеллектуального капитала в экономической науке. Если говорить о классическом подходе структурирования интеллектуального капитала, предложенном Т. Стюартом, интеллектуальный капитал состоит из трех элементов: человеческого капитала, структурного и отношенческого [Стюарт 2007, 12]. Другой классик — Э. Брукинг — делил интеллектуальный капитал на следующие составляющие: рыночные активы, человеческие активы, интеллектуальную собственность и инфраструктурные активы [Брукинг 2001]. Далее, для более точного выделения элементов интеллектуального

капитала и для более полного анализа в данной работе были рассмотрены варианты его структурного содержания в научной литературе (Таблица 1).

Таблица 1. Варианты структуры интеллектуального капитала⁵

	Группы структурных элементов интеллектуального капитала, сгруппированные по схожим значениям				
Основные структурные элементы	Человеческий капитал	Структурный капитал	Клиентский капитал	Инновационный капитал	Рыночные активы
Встречаемые варианты-аналоги в научных работах	Индивидуальные компетенции персонала	Организационный капитал	Отношенческий капитал (капитал отношений)	Интеллектуальная собственность	Реклама
	Компетенции персонала	Внутренний капитал	Внешний капитал	Информационные технологии	
		Процессный капитал	Социальный капитал	НИОКР	
		Сетевой капитал		Интеллектуальные активы	
		Инфраструктурные активы			

Как видно из таблицы, ключевым элементом интеллектуального капитала является человеческий капитал. Затем следуют отношенческий, или социальный, и структурный капиталы, другие предлагаемые структурные элементы являются их аналогами. Во многих моделях интеллектуального капитала можно встретить инновационный компонент как самостоятельное звено либо как часть структурного капитала. В итоге в качестве оптимальной структуры интеллектуального капитала была выбрана та, в соответствии с которой интеллектуальный капитал состоит из человеческого, структурного и социального капитала [Стюарт 2007, 12].

Как было отмечено выше, в данной работе человеческий капитал рассматривается как совокупность знаний, навыков и опыта, сформированных за счет инвестиций, позволяющих генерировать доход и несущих положительные экстерналии для государства и общества в целом. Его ключевым элементом является образование, которое состоит из формального, корпоративного, дополнительного («третичного») и неформального образования.

Что касается оценки человеческого капитала, то, во-первых, как и интеллектуальный капитал, он имеет три подхода к измерению: подход, основанный на учете издержек, подход, основанный на учете доходов, и индикаторный. Во-вторых, в традиционной теории человеческого капитала объектом исследования прежде всего

⁵ Составлено автором по [Насибова 2015, 242].

было формальное образование. Будучи приверженцем метода, основанного на учете издержек, Т. Шульц проводил оценку человеческого капитала посредством измерения государственных и частных расходов на формальное образование [Schulz 1972]. Д. Кендрик расширил набор показателей человеческого капитала, начав измерять нематериальные расходы индивида в виде материальных инвестиций, направленных на повышение его производительности: на образование и профессиональное обучение, на здоровье и безопасность, на поиск работы и мобильность⁶.

В свою очередь, Р.И. Капелюшников, придерживаясь подхода, основанного на учете доходов, и измеряя человеческий капитал через условную стоимость нерыночного труда, берет в расчет образование в виде параметров «уровень знания» и «коэффициент зачисления» [Капелюшников 2012, 7]. Этот подход также активно применяется на мезоуровне посредством расчета заработной платы, доли заработной платы в выручке, средней заработной платы, выручки/прибыли на сотрудника [Осколкова 2012, 40].

В данной работе индикаторный метод будет распространяться в том числе и на измерение человеческого капитала. У Г. Беккера главным параметром человеческого капитала был охват населения формальным образованием [Becker 1993]. Д. Барро и Ли в своих работах используют показатель среднего уровня полученного формального образования населения в возрасте от 15 до 74 лет⁷.

На уровне организаций исследователи предлагают использовать «стаж работы», «уровень образования», «долю работников, имеющих высшее образование», «долю менеджеров, имеющих научные степени», «долю работников, получивших 3 или более лет дополнительного образования» [Осколкова 2012, 40]. Однако это те же количественные показатели, которые используются при оценке национального человеческого капитала, но с наименованиями, более привычными для исследований компаний.

В современной теории человеческого капитала Э. Ханушек, отказываясь от показателей образования в виде «срока обучения» и «формального уровня образования»⁸, переходит к оценке качественных характеристик: используются

---

⁶ Руководство по измерению человеческого капитала. С. 27 // UNECE
URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2016/ECECESSTAT20166_R.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Э. Ханушек выдвинул идею, что увеличение срока обучения и подсчет человеческого капитала через формальный уровень образования не влияет на экономическое развитие, что было подтверждено впоследствии Всемирным банком.

результаты тестов TIMMS и PISA как индикаторы когнитивных навыков в человеческом капитале, позволяющих объяснить различие в доходах работников с одинаковым уровнем образования. Он добавляет к количественным образовательным показателям индикатор качества образования, рассчитанный как среднее значение баллов по математике и естественным наукам в тестах TIMMS и PISA.

Более того, по его мнению, оценка человеческого капитала не должна происходить в отрыве от экономических и государственных институтов: помимо образования, она учитывает политические показатели, открытость экономики и т.д.⁹.

Д. Хэкман и Т. Кауц, критикуя подход Э. Ханушка, говорят о более значимой роли некогнитивных характеристик — личностных характеристик, которые отображают оценку обучаемости индивида, на развитие человеческого капитала. В своем исследовании они используют теорию «большой пятерки» личностных качеств, к которым относятся: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная устойчивость, открытость новому опыту [Heckman, Kautz 2012]. Несмотря на полученные результаты их исследования, данный подход не может использоваться в российской действительности, так как данных по уровню некогнитивных компетенций по населению нет.

Другим направлением в области оценки качества человеческого капитала, детерминированного в тезисах навыков или компетенций, является его соотношение с универсальными компетенциями. Я. Кузьминов, П. Сорокин и И. Фрумин предлагают также учитывать универсальные компетенции — креативность, критическое мышление, переобучаемость, организованность — в определении качества человеческого капитала. Однако это новое направление: по нему не выведен даже точный список этих компетенций [Кузьминов и др. 2019, 30, 36]. В результате, согласно мнению Всемирного банка, эти три вида навыков приобретают ключевое значение на рынке труда и в дальнейшем будут использоваться для исследований различий стран в уровне производительности и экономического роста [Акиндинова и др. 2019, 21].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, какие элементы человеческого капитала должны учитываться в индексе:

---

⁹ Hanushek E.A. For Long Term Economic Development, Only Skills Matter // IZA World of Labor [Электронный ресурс]. URL: <http://hanushek.stanford.edu/sites/default/files/publications/Hanushek%202017%20IZA%20World%20of%20Labor.pdf> (дата обращения: 12.01.2020).

- человеческий капитал должен быть представлен группой параметров, отображающих состояние образования населения:
  - показатели формального образования;
  - показатели корпоративного образования;
  - показатели дополнительного образования;
  - показатели неформального образования;
  - показатели качества образования;
- должны быть представлены количественные и качественные характеристики человеческого капитала;
- необходимо включить индикаторы институциональной среды в исследование.

Другим элементом человеческого капитала является капитал здоровья. Главным инструментом оценки капитала здоровья в контексте экономического роста является «кривая Престона», отображающая взаимосвязь продолжительности жизни и реальных доходов на душу населения на межстрановом уровне [Акиндинова и др. 2019]. Показатель ожидаемой продолжительности жизни часто используется в исследованиях, в которых осуществляется анализ влияния капитала здоровья на экономический рост или производительность труда [Bloom et al. 2003]. Активно также применяются в работах уровень смертности [Lorentzen et al. 2008], вероятность дожития до 60 лет среди людей старше 15 лет [Bhargava et al. 2001]. Однако комплексная оценка капитала здоровья встречается редко.

Следующим элементом интеллектуального капитала является социальный капитал. В экономическом поле используется определение Дж. Коулмана, в соответствии с которым социальный капитал — это социальный ресурс индивида или крупных социальных образований, направленный на достижение поставленных целей [Коулман 2001, 123–125]. В качестве форм социального капитала он выделял обязательства, ожидания и надежность структуры; информационные каналы, нормы и эффективные санкции; социальную структуру, способствующую развитию социального капитала [Там же, 126–133]. В более сжатом виде социальный капитал представлен нормами доверия между индивидами; горизонтальными связями, социальными нормами и ценностями [Косарев и др. 2019, 126]. В экономической литературе нормы доверия между индивидами представлены показателем уровня доверия [Ponzetto, Troiano 2018; Forte et al. 2015]. Степенью гражданского сотрудничества измеряют

горизонтальные связи, социальные нормы и ценности¹⁰ [Knack, Keefer 1997]. При этом на данный момент в научной среде главным методом получения этих данных является соцопрос.

На качество социального капитала прямое влияние оказывают образование, которое является ключевым фактором социальной активности населения, и его вовлеченность в политические процессы [Nie et al. 1996]. Так, Дж. Коулман продемонстрировал тесную взаимосвязь человеческого и социального капитала [Коулман 2001, 123–125]. Высокий образовательный уровень способствует формированию общественного доверия и повышает вовлеченность индивида в социальном взаимодействии [Helliwell, Putnam 2007].

На уровне организации социальный капитал компании чаще всего сводится к оценке маркетинговых параметров: узнаваемость бренда, частота упоминаний в медиа-ресурсах, количество посещений веб-сайта, лояльность к бренду и др. [Осколкова 2012, 40].

Таким образом, социальный капитал также будет представлен в индексе интеллектуализации экономики в виде параметров гражданского сотрудничества/уровня доверия либо будет подбираться их аналог.

Структурный капитал как элемент интеллектуального капитала представляет собой инфраструктуру, в рамках которой происходит функционирование человеческого капитала. Это «скелет», который обеспечивает эффективное управление нематериальными ресурсами, направленными в организации на конечный результат [Андреева, Гаранина 2017, 32–33]. К нему относят патенты, лицензионные соглашения, технологии, программное обеспечение, организационную структуру и культуру и др. Л. Эдвинсон предлагает структурный капитал подразделить на организационный и клиентский, а организационный — на инновационный и процессный капитал [Цит. по Серебрякова 2016, 232].

В научной литературе структурный капитал в основном рассчитывается на уровне организации и измеряется посредством следующих параметров: затраты на информационные технологии, затраты на НИОКР, доля расходов на НИОКР в выручке, затраты на компьютеры и программное обеспечение на сотрудника, количество торговых марок, количество патентов [Осколкова 2012, 40]. Таким образом, работ по измерению структурного капитала не очень много: все они сконцентрированы на

---

¹⁰ Предлагается также использовать показатель индикатор послушания детей родителям, однако таких данных по России не существует.

уровне организации и часто представлены простым перечнем того, что непосредственно можно отнести к нему. Поэтому в дальнейшем особое внимание будет уделено разработке этих параметров.

Промежуточные результаты

Определение интеллектуального капитала может осуществляться в рамках двух основных подходов. Первый подход, «финансовый», предполагает, что интеллектуальный капитал — это совокупность нематериальных активов, которые используются для обеспечения прироста стоимости компании и создания конкурентных преимуществ. Второй подход, «гуманитарный», рассматривает интеллектуальный капитал как совокупность материальных и нематериальных результатов деятельности индивида. Выбор подхода к определению сущности интеллектуального капитала определяет впоследствии и выбор метода его оценки.

Таблица 2. Подходы к определению сущности интеллектуального капитала и методам его оценки¹¹

Подходы к определению сущности интеллектуального капитала	Финансовый	Гуманитарный
Методы оценки интеллектуального капитала	1. Балансовый 2. Ресурсный	Индикаторный

В качестве метода измерения используется индикаторный метод, основанный на различных натуральных показателях: с этой целью была осуществлена декомпозиция интеллектуального капитала на компоненты. Далее, будет производиться их оценка при помощи индексов. Модель интеллектуального капитала представлена на Рисунке 1.

---

¹¹ Составлено автором.

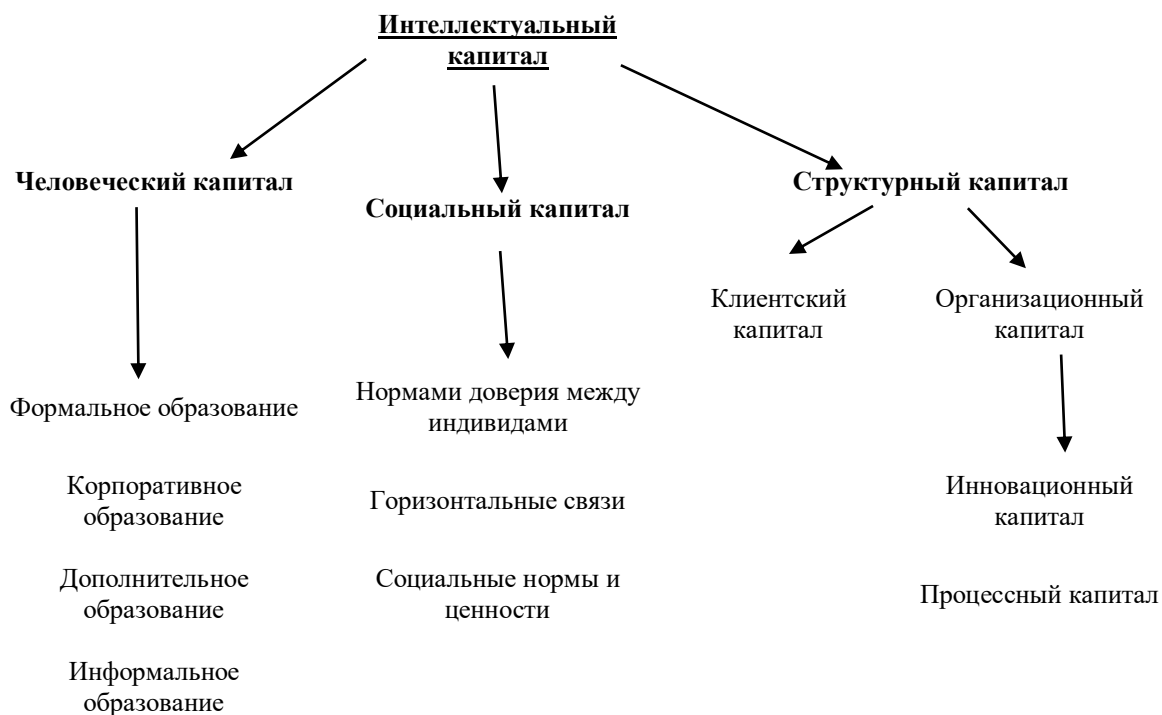

Рисунок 1. Структура интеллектуального капитала¹²

Список литературы:

- Азгальдов Г.Г., Карпова Н.Н. Оценка стоимости интеллектуальной собственности и нематериальных активов. М.: РИО МАОК, 2006.
- Акиндинова Н.В., Ясин Е.Г., Авдеева Д.А., Денисенко М.Б., Кондрашов Н.В., Чекина К.С., Яркин А.М. Сценарии роста российской экономики с учетом вклада человеческого капитала: докл. к XX Апр. между-нар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–2 апр. 2019 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Андреева Т., Гаранина Т. Влияние интеллектуального капитала на результаты деятельности российских производственных компаний // Форсайт. 2017. Т. 11. № 1. С. 31–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.31.40.
- Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. СПб.: Питер, 2001.
- Гапоненко Т.В., Гапоненко Г.П. Сравнительный анализ методов оценки стоимости интеллектуального капитала промышленных организаций // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. С. 8–24
- Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? М.: ВШЭ, 2012.

¹² Составлено автором.

- Каплан Р.С. Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию: пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2005.
- Косарев В., Павлов П., Каукин А. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика. 2019. № 5. С. 24–49
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 2–39.
- Кудина М.В. Управление компаниями: теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2012.
- Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.
- Лев Б., Фенг Дж. Нематериальные активы: управление, измерение, отчетность. М.: Квинто-консалтинг, 2003.
- Насибова Э.Н.-К. Эволюция подходов к понятию «Интеллектуальный капитал» // Вестник ИрГТУ. 2015. № 10(105). С. 239–244
- Новгородов П.А. Интеллектуальный капитал: понятие, сущность, структура // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 2. С. 38–49
- Осколкова М.А. Интеллектуальный капитал как фактор инвестиционной привлекательности компаний: дис... канд. эк. наук. М., 2013.
- Серебрякова Г.В. Капитализация отношений в условиях ценностного управления // Вестник ГУУ. 2016. № 9. С. 230–233.
- Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М.: Поколение, 2007.
- Устинова Л.Н., Сиразетдинов Р.М., Матвеева Е.С. Интеллектуальный капитал: интерпретация и анализ // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 7(454). С. 96–105.
- Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.
- Bhargava A., Jamison D., Lau L., Murray C. Modeling the Effects of Health on Economic Growth // Journal of Health Economics. 2001. No. 20. P. 423–440.
- Bloom D.E., Canning D., Graham B. Longevity and Life-cycle Savings // The Scandinavian Journal of Economics. 2003. Vol. 105. No. 3. P. 319–338.
- Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does Social Capital Matter for European Regional Growth? // European Economic Review. 2015. Vol. 77. Is. C. P. 47–64.

- Heckman J.J., Kautz T. Hard Evidence on Soft Skills // *Labour Economics*. 2012. Vol. 9. No. 4. P. 451–464. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2012.05.014>.
- Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // *Eastern Economic Journal*. 2007. Vol. 33. Is. 1. P. 1–19.
- Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 2. No. 4. P. 125–288.
- Lorentzen P., McMillan J., Wacziarg R. Death and Development // *Journal of Economic Growth*. 2008. Vol. 3. No. 2. P. 8–24.
- Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. *Education and Democratic Citizenship in America*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Ponzetto G.A.M., Troiano U. Social Capital, Government Expenditures, and Growth // NBER Working Papers 24533. 2018. URL: http://www.crei.cat/wp-content/uploads/2018/04/Ponzetto_Social_capital_042018.pdf (дата обращения: 12.01.2020).
- Reed K.K., Lubatkin M.H., Srinivasan N. Proposing and Testing an Intellectual Capital-Based View of the Firm // *Journal of Management Studies*. 2006. Vol. 43. No. 4. P. 867–893.
- Schulz T.W. *Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities)*. New York: National Bureau of Economic Research, 1972.
- Stewart T. Brainpower: How Intellectual Capital is Becoming America's Most Valuable Asset // *Fortune*. 1991. No. 3. P. 44–60.
- Tobin J.A. General Equilibrium Approach to Monetary Theory // *Journal of Money Credit and Banking*. 1969. Vol. 1. No. 1. P. 15–29.

Дата поступления: 25.10.2019

Sukhareva M.A.

Intellectual Capital: The Essence and Methods of Its Assessment. Part 1¹³

Maria A. Sukhareva — Research Intern, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: SuharevaMA@spa.msu.ru

Abstract

The current stage of economic development is characterized by significant transformations, where intangible assets become the most important factor of the economy competitiveness. These changes actualize the necessity of researching the phenomenon of intellectual capital in terms of its essence and its assessment methods. Therefore, the article defines intellectual capital, analyzes its assessment methods in scientific research and international indexes and carries out its decomposition. To assess national intellectual capital, it is preferable to use the “humanitarian approach” to the definition. As a result, the definition of intellectual capital is a

---

¹³ The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07449.

multicomponent category, which includes socio-economic relations that arise between economic entities in the framework of reproduction and knowledge, skills, competencies use. In the article, the structure of intellectual capital consists of human, social and structural capital, on the basis of which a model of intellectual capital was formed, the basic methods and work on its assessment are analyzed. The components of intellectual capital can subsequently be used in the preparation of the valuation index. The main methods used in the article are analysis, decomposition and indicator method. The resulting index allows clearly demonstrating the elements of intellectual capital, highlighting the key ones among them that have the strongest effect on the overall quality of the intellectual capital of the state.

Keywords

Intellectual capital, indicator method, human capital, social capital, structural capital, assessment of intellectual capital, international indexes.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10044

References:

- Akindinova N.V., Yasin E.G., Avdeyeva D.A., Denisenko M.B., Kondrashov N.V., Chekina K.S., Yarkin A.M. (2019) *Stsenarii rosta rossiyskoy ekonomiki s uchetom vklada chelovecheskogo kapitala* [Scenarios for the growth of the Russian economy, taking into account the contribution of human capital]: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauchn. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 9–2 apr. 2019 g. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Andreeva T., Garanina T. (2017) Intellectual Capital and Its Impact on the Financial Performance of Russian Manufacturing Companies. *Forsayt*. Vol. 11. No. 1. P. 31–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.31.40.
- Azgal'dov G.G., Karpova N.N. (2006) *Otsenka stoimosti intellektual'noy sobstvennosti i nematerial'nykh aktivov* [Valuation of intellectual property and intangible assets]. Moscow: RIO MAOK.
- Becker G.S. (1993) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Bhargava A., Jamison D., Lau L., Murray C. (2001) Modeling the Effects of Health on Economic Growth. *Journal of Health Economics*. No. 20. P. 423–440.
- Bloom D.E., Canning D., Graham B. (2003) Longevity and Life-cycle Savings. *The Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 105. No. 3. P. 319–338.
- Brooking A. (2001) *Intellectual Capital*. Saint-Petersburg: Piter.
- Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. (2015) Does Social Capital Matter for European Regional Growth? *European Economic Review*. Vol. 77. Is. C. P. 47–64
- Gaponenko T.V., Gaponenko G.P. (2015) Sravnitel'nyy analiz metodov otsenki stoimosti intellektual'nogo kapitala promyshlennykh organizatsiy. [Comparative analysis of methods for assessing the value of intellectual capital of industrial organizations]. *Sotsial'no-*

- ekonomicheskiye i gumanitarno-filosofskiyе problemy sovremennoy nauki*. Ufa: Ufimskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i servisa. P. 8–24
- Heckman J.J., Kautz T. (2012) Hard Evidence on Soft Skills. *Labour Economics*. Vol. 9. No. 4. P. 451–464. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2012.05.014>.
- Helliwell J., Putnam R. (2007) Education and Social Capital. *Eastern Economic Journal*. Vol. 33. Is. 1. P. 1–19.
- Kapeliushnikov R. (2012) Russia's Human Capital: What Is Its Value? Moscow: VSHE.
- Kaplan R.S., Norton D.P. (2005) The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. Moscow: Olimp-Biznes.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 2. No. 4. P. 125–288.
- Kosarev V., Pavlov P., Kaukin A. (2019) Social Capital as a Factor of Economic Growth in the Regions of Russia. *Ekonomicheskaya politika*. No. 5. P. 24–49.
- Koulman Dzh. (2001) Social Capital in the Creation of Human Capital. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. P. 2–39.
- Kudina M.V. (2012) *Upravleniye kompaniyey: teoriya i praktika* [Company management: theory and practice]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kuz'minov YA., Sorokin P., Frumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Forsayt*. No. 2. P. 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.
- Lev B., Feng G. (2003) *Intangible Assets: Measurement, Drivers, Usefulness*. Moscow: Kvinto-konsalting.
- Lorentzen P., McMillan J., Wacziarg R. (2008) Death and Development. *Journal of Economic Growth*. Vol. 3. No. 2. P. 8–24.
- Nasibova E. N.-K (2015) “Intellectual Capital” Concept Approaches Evolution. *Vestnik IrGTU*. No. 10(105). P. 239–244.
- Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. (1996) *Education and Democratic Citizenship in America*. Chicago: University of Chicago Press.
- Novgorodov P.A. (2017). Intellectual Capital: Notion, Essence and Structure. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»*. No. 2. P. 38–49.
- Oskolkova M.A. (2013) *Intellektual'nyy kapital kak faktor investitsionnoy privlekatel'nosti kompaniy* [Intellectual capital as a factor of investment attractiveness of companies]. PhD thesis. Moscow.

- Ponzetto G.A.M., Troiano U. (2018) Social Capital, Government Expenditures, and Growth. *NBER Working Paper*. No. 24533. Available: http://www.crei.cat/wp-content/uploads/2018/04/Ponzetto_Social_capital_042018.pdf (accessed: 12.01.2020).
- Reed K.K., Lubatkin M.H., Srinivasan N. (2006) Proposing and Testing an Intellectual Capital-Based View of the Firm. *Journal of Management Studies*. Vol. 43. No. 4. P. 867–893.
- Schulz T.W. (1972) *Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities)*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Serebryakova G.V. (2016) Capitalization of Relations in the Context of Value Management. *Vestnik GUU*. No. 9. P. 230–233.
- Stewart T. (1991) Brainpower: How Intellectual Capital is Becoming America's Most Valuable Asset. *Fortune*. No. 3. P. 44–60.
- Stewart T.A. (2007) *Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations*. Moscow: Pokoleniye.
- Tobin J.A. (1969) General Equilibrium Approach to Monetary Theory. *Journal of Money Credit and Banking*. Vol. 1. No. 1. P. 15–29.
- Ustinova L.N., Sirazetdinov R.M., Matveyeva E.S. (2016) Intellectual Capital: Interpretation and Analysis. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*. No. 7(454). P. 96–105.

Received: 25.10.2019

Подготовка управленческих кадров

Шарин В.И.

Карьерные риски на государственной гражданской службе

Шарин Валерий Иванович — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, РФ.

Е-mail: Sharin_vi@usue.ru

SPIN-код РИНЦ: [1528-0885](#)

Аннотация

На государственной гражданской службе сохраняется проблема динамики карьерного роста чиновников, которая оказывает влияние на мотивацию их деятельности. Исследование направлено на изучение факторов, негативно влияющих на карьерный рост государственных гражданских служащих, а также снижающих само стремление к карьерному росту, — карьерных рисков. Методологической базой исследования послужили теории идеальной бюрократии М. Вебера и карьерной предсказуемости Рауха Д. и Эванса П. При исследовании применялись методы системного анализа, анализа-синтеза, общенаучные методы. Исследователями даются неоднозначные оценки роли карьерных рисков в системе мотивации чиновников. Поэтому цель работы — на основе исследования рисков, негативно влияющих на карьерный рост чиновников, установить их природу, характер и особенности, оценить возможные последствия воздействия на мотивацию к профессиональному и должностному росту государственных гражданских служащих.

По результатам исследования сделан вывод, что риски, негативно влияющие на карьерный рост, имеют объективный и субъективный характер. На примере исследования рисков объективного характера, таких как ограниченность карьерного пространства, гендерные различия, установлено, что, кроме прямого воздействия на карьеру, они способны также формировать субъективные риски мотивации к карьере, ведущие к отказу чиновников от должностного роста. Влияние рисков объективного характера на формирование субъективных рисков требует дальнейших исследований.

Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования института управления персоналом на государственной гражданской службе, при формировании мотивационной среды государственных гражданских служащих в условиях ограниченного карьерного пространства, низкого уровня карьерной мобильности.

Ключевые слова

Государственная гражданская служба, карьерный рост, объективные и субъективные риски карьеры, карьерное пространство, снижение мотивации к службе.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10045

Введение

Проблемы должностного и профессионального роста, который входит в широкое значение в понятие «карьера», на государственной гражданской службе традиционно интересуют теоретиков и практиков управления.

Формирование карьеры на гражданской службе происходит под воздействием многих факторов, имеющих существенное значение для карьерных траекторий, которые могут как способствовать карьере, так и тормозить должностной рост. Факторы, несущие угрозу карьере, ухудшающие ее динамику, оказывающие

неблагоприятное воздействие на должностной и профессиональный рост, в данной работе предлагается рассматривать как риски карьеры (карьерные риски).

Многие карьерные риски, такие как ограниченное карьерное пространство, отсутствие механизмов должностного роста, субъективизм при подборе и расстановке кадров, высокий уровень конкуренции, являются продуктами государственной гражданской службы и носят объективный для чиновника характер. Объективные факторы, негативно влияющие на должностной и профессиональный рост, оказывают существенное влияние и на индивидуальное поведение государственного гражданского служащего, его мотивационную сферу, формируя низкий уровень карьерных притязаний, которые нередко ведут к снижению мотивации к службе, оттоку талантливых специалистов.

По результатам широкомасштабных социологических исследований РАНХиГС, проведенных в 2003–2017 гг., установлено, что карьера как мотивация государственной гражданской службы с годами приобретает все большее значение для чиновников. Однако увеличивается и значение факторов, имеющих негативное влияние на мотивацию к службе и прогресс должностного роста. Так, дискриминация при приеме на государственную гражданскую службу по признаку пола отмечена 50% респондентов, по возрасту — 88%, национальности — 49%, отсутствию стажа — 58%, по религиозным убеждениям — 15% [Барциц и др. 2018, 14].

Факторы, оказывающие неблагоприятное влияние на мотивацию к карьерному росту, — карьерные риски на государственной гражданской службе — представляют теоретический и практический интерес ввиду их важности при стратегическом подходе к формированию индивидуальной карьеры чиновников, организации работы органов власти.

Актуальность темы предопределила исследовательскую задачу работы: на основе результатов исследования карьерных рисков оценить возможные последствия их воздействия на мотивацию государственных гражданских служащих к профессиональному и должностному росту, на их карьерный прогресс.

Риски карьеры: теоретико-методологический аспект

Наибольшее влияние на формирование современной модели государственного управления оказала концепция идеальной бюрократии Макса Вебера. Он обосновал принцип карьеры чиновника, рассматривая ее как объективно заданный и спланированный процесс перемещения служащего по иерархической лестнице на основании меритократических критериев (меритократизм — власть лучших) и

предсказуемости карьерной лестницы [Weber 1978]. Перри Д. и Хонденгхем А. [Motivation in Public Management 2008], Шейн Э. [Schein 1972] включили карьерный рост в основные группы стимулов государственных служащих, которые в различных комбинациях позволяют формировать необходимые мотивации сотрудников. Кроме того, Э. Шейном введено понятие «якорь карьеры». Якорь карьеры определяет систему ожиданий сотрудника, на основе которой выстраивается индивидуальная траектория карьеры. Д. Холл предложил основные критерии для определения успешности деловой карьеры: финансовая и (или) иерархическая успешность, затем личное восприятие и оценка карьеры самим работником, а также критерии карьерной идентичности и карьерной адаптивности [Hall 1976]. Эванс П., Раух Дж. [Эванс, Раух 2006] эмпирически установили связь принципов меритократического найма и предсказуемости карьеры, обеспечивающих чиновникам долговременную и предсказуемую карьеру в администрации (преимущественно через внутреннее продвижение) с эффективностью деятельности государственного аппарата.

Таким образом, непредсказуемость и краткосрочность карьеры рассматривались авторами как факторы, неблагоприятно влияющие на карьеру, которые снижают мотивацию деятельности чиновников и эффективность работы государственного аппарата.

Зарубежные авторы, например [Valickas et al. 2015], исследуют факторы, имеющие негативное влияние на карьеру. Как наиболее существенные они выделяют:

- отсутствие возможностей для карьерного роста,
- неблагоприятную карьерную политику в отношении гражданских служащих,
- веру в несправедливость процессов отбора и продвижения по службе,
- отсутствие поддержки от непосредственного руководства, отсутствие квалификации.

Кроме того, авторы отмечают политизированность системы карьерного роста в Литве.

Проблемы карьеры на государственной службе, связанные с политизированностью системы карьерного роста в Германии, исследуют немецкие авторы. Так, для федеральных чиновников карьерный рост обусловлен политической лояльностью [Veit, Scholz 2016]. Илиеш К. отмечает, что планирование должностного роста может иметь существенные недостатки из-за воздействия «карьерных мифов» —

сложившихся стереотипов построения карьеры, оказывающих влияние на мотивацию к должностному росту некоторых чиновников. Неправильная оценка собственных возможностей и объективных условий профессионального и должностного роста, постановка карьерных целей, не учитывающих все цели в жизни в целом, «оборонительный подход в развитии своей карьеры» являются сдерживающими факторами карьеры [Шies 2014]. В то же время такие личные качества служащего, как лидерство, компетентность, высокая работоспособность, способствуют повышению удовлетворенности карьерой и создают предпосылки развития карьеры [Wipulanusat et al. 2018].

Исследователями отмечается высокий уровень конкуренции на государственной гражданской службе, поэтому планирование карьеры может быть приемлемым на низших должностях, где уровень конкуренции низкий. По мере должностного роста конкуренция обостряется, поэтому претендент, заранее объявивший о своих карьерных планах, может столкнуться с высоким уровнем противодействия карьерному росту [Денисов, Вольнова 2016]. По оценкам Чариной А.М., условия карьерного роста, по мнению респондентов, во многом зависят от непосредственного руководителя (20%) и руководителя государственного органа (17%), кроме того, 19% респондентов видят условия при продвижении по карьерной лестнице непрозрачными и непредсказуемыми [Чарина 2019].

Среди рисков, неблагоприятно воздействующих на карьерный прогресс, выделяют:

- продвижение родственников по служебной лестнице в ущерб профессионалам,
- «торговлю» рабочими местами,
- повышение в должности наиболее преданных, земляков, а не наиболее эффективных чиновников,
- карьерный рост как «услуга за услугу».

Данные явления на российской государственной гражданской службе снижают мотивацию к должностному росту у чиновников без покровителей и родственных связей [Зайцева, Нежина 2019, 170].

Другие авторы [Волосевич 2001; Корниенко 2018, 177; Мишин, Мирзоян 2016, 166] рассуждают о кризисах карьеры чиновников, связанных с их возрастом, временем пребывания в одной должности, когда мотивация к работе резко падает, что приводит к

их массовому оттоку в другие сферы деятельности. Так, анализируются кризисы карьеры в возрастных промежутках 25–30 и 35–45 лет, связанные с достижением чиновниками «потолка» компетентности или (и) осознанием невозможности дальнейшего продвижения.

Учеными рассматриваются проблемы динамики должностного роста, связанные с образованием возрастных «карьерных пробок» — должностное движение служащих до 40 лет сдерживается занятостью руководящих должностей лицами старшего и пожилого возраста [Романов 2009], а также возможные негативные последствия повышения пенсионного возраста на государственной гражданской и муниципальной службе: повышение пенсионного возраста отрицательно повлияет на должностной рост молодых чиновников (так считают 91% респондентов из числа муниципальных служащих) и вызовет их «текучесть» из-за отсутствия карьерных перспектив (так считают 91,4% респондентов) [Шарин, Ефремова 2018].

Авторами [Иванова, Дубиненкова 2011] исследуются причины отсутствия у лиц, приходящих на государственную гражданскую службу, соответствующих карьерных ориентаций и профессиональных установок, что затрудняет формирование четкой профессиональной идентичности и ведет к «карьерной запутанности».

Факторы, ограничивающие карьерный рост: оценка, возможные последствия

Какие факторы оказывают наиболее неблагоприятное воздействие на карьеру, тормозят должностной рост чиновников и выступают карьерными барьерами? Проведя ранжирование карьерных рисков, мы отмечаем, что большинством исследователей риски усматриваются в том, что процессы отбора и продвижения кадров являются субъективными и несправедливыми, в отсутствии единой структурированной модели кадровой политики, развития карьеры, в отсутствии карьерных возможностей, в слабо развитой системе карьерного консультирования и наставничества, в распространенной практике «бокового входа», что отражено в Таблице 1.

Таблица 1. Ранжирование карьерных рисков должностного и профессионального роста¹

Карьерные риски	Авторы								
	Кочегура А.П.	Поликанов Д.В.	Романов В.Л.	Голованева А.В., Лымарева О.А.	Кузнецов А.М.	Амбалова А.Б.	Березикова Н.А.	Васильева Е.В.	Терехова Т.М.
Неблагоприятная карьерная политика		X			X				
Процессы отбора и продвижения кадров являются субъективными и несправедливыми	X	X		X		X		X	X
Отсутствие поддержки от непосредственного руководителя			X		X				
Отсутствие необходимой квалификации	X						X		
Психологическая неготовность индивида к государственной службе							X	X	
Низкая оценка труда чиновников	X						X		
Отсутствие связи между уровнем профессиональной подготовки и карьерным продвижением работника	X						X		
Отсутствие прозрачных механизмов карьерного роста и продвижения		X						X	
Отсутствие карьерных возможностей (узкое карьерное пространство)			X		X			X	
«Карьерные пробки» из-за пожилых служащих			X				X		
Отсутствие единой структурированной модели кадровой политики, развития карьеры				X		X	X	X	X
Практики «бокового входа» — назначение на руководящие должности гражданской службы не из кадрового резерва, а сторонних лиц				X				X	X
Слабо развитая система карьерного консультирования и наставничества				X				X	X
Низкий уровень работы с кадровым резервом на выдвижение		X				X			

¹ Составлено автором по [Кочегура, 2008], [Поликанов, 2010], [Романов, 2009], [Голованева, Лымарева, 2016], [Кузнецов, 2014], [Амбалова 2006], [Березикова, 2018], [Васильева 2018], [Климова, Терехова, 2013].

На основе исследования вышеприведенных научных источников можно сделать вывод, что некоторые аспекты карьерных рисков отражены недостаточно полно. Так, рассмотренные нами факторы, негативно влияющие на карьеру чиновников, имеют разные природу происхождения и характер. Условно можно определить два типа рисков: «объективные» и «субъективные». Объективные являются продуктами сложившихся общественных отношений, нормативно-правовой базы, регламентирующей государственную гражданскую службу, и специфики организации (учреждения), где формируется карьера. Субъективные риски связаны с личностными качествами, мотивационной сферой чиновников. Классификация рисков по типам с учетом природы их возникновения, особенностей характера, представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Типы карьерных рисков на государственной гражданской службе²

Природа возникновения и воспроизводства карьерных рисков	Основные риски карьеры	
	Объективные	Субъективные
Общественные отношения. Бюрократические традиции государства. Нормативно-правовая база государственной гражданской службы. Специфика места службы.	«Узкое» карьерное пространство	
	Гендерный фактор	
	Субъективный характер процесса отбора и продвижения кадров	
	Повышение пенсионного возраста на государственной гражданской службе	
	Практика «бокового входа»	
	Слабо развитая система карьерного консультирования и наставничества.	
	Отсутствие единой структурированной модели кадровой политики, развития карьеры	
Личностные качества. Мотивационная сфера		Отсутствие необходимой квалификации
		Отсутствие карьерных ориентаций и профессиональных установок
		Достижение «потолка» компетенций
		Низкий уровень карьерных притязаний большинства чиновников
		Удовлетворенность занимаемой должностью

² Составлено автором.

Установим возможную взаимосвязь между объективными и субъективными факторами, ответив на вопрос «Могут ли риски карьеры объективного характера формировать аналогичные риски субъективного характера?». Как гипотезу сформулируем тезис: возможно, что риски карьеры объективного характера не только неблагоприятно влияют на мотивационную сферу чиновников непосредственно, но и формируют риски субъективного характера, ведущие к отказу от карьеры.

По нашему мнению, риски объективного характера напрямую влияют на должностной рост чиновников, кроме того, оказывают существенное влияние на формирование субъективных факторов, останавливающих карьеру, в том числе фактора снижения устремлений к карьере, что ведет к удовлетворенности государственного гражданского служащего занимаемой должностью, угасанию мотивации к дальнейшему должностному росту.

Так, по мнению многих авторов, например [Groeneveld 2009; Татарченко 2007; Чернова, Мирошниченко 2005], существенные проблемы в реализации карьеры государственными гражданскими служащими возникают из-за гендерных различий. Авторами отмечается более высокая внутренняя мотивация к службе у женщин-чиновников (по сравнению с чиновниками-мужчинами), однако они чаще всего не реализуют карьерных устремлений. Это связано с развитыми стереотипами патриархального сознания российских женщин, репродуктивной функцией, заставляющей уходить из профессиональной среды, как следствие, низкими карьерными притязаниями большинства женщин-чиновников. Исупова О.Г., Уткина В.В., опираясь на проведенные исследования, отмечают, что большинство женщин-чиновников считают, что хороший карьерный рост для женщин на гражданской службе не возможен. Многие из них осознанно отрицают саму возможность продвижения по службе, так как руководящие посты лишают женщины «личной жизни». Большинство же женщин полностью принимается, по крайней мере формально, «вторичная» женская роль в трудовых отношениях, но при этом в ответ они выбирают приспособленческую стратегию: максимально снижают интенсивность рабочих усилий и минимизируют время, затраченное на труд [Исупова, Уткина 2018, 482].

Таким образом, на государственной гражданской службе формируются карьерные риски объективного характера, связанные с гендерными различиями, тормозящие должностной рост чиновников-женщин, что, в свою очередь, формирует заниженные карьерные устремления, отказ от карьеры, что является субъективным риском, формирующим карьерный барьер.

Однако, по нашему мнению, главным карьерным риском объективного характера на государственной гражданской службе является ограниченность карьерного пространства. Карьерное пространство — это совокупность должностных, профессиональных, статусных возможностей для карьеры, которые имеет организация. На государственной гражданской службе ограниченное, «узкое» карьерное пространство. Структура органов власти, как правило, не развита, иерархическая лестница короткая, номенклатура должностей относительно ограничена, уровень ротации кадров невысокий, что объективно не дает возможность предложить динамичный должностной рост чиновникам.

Как влияет данный фактор объективного характера на мотивацию чиновника к карьере? В результате исследования, проведенного в 2018 году Шариным В.И. [Шарин 2019], выявлено, что карьерная мобильность из-за ограниченного карьерного пространства находится на низком уровне: так, средний срок пребывания респондентов в одной должности составил 12 лет. Для более 63% чиновников перспективы карьеры при оценке привлекательности гражданской службы находятся на низком и очень низком уровне, то есть практически не имеют значения. Не имеют карьерных притязаний, при этом оценивают шансы на продолжение карьеры как весьма скромные 64% респондентов. Только треть чиновников мечтают о карьере и видят в ней высокую мотивацию к несению службы, более 80% удовлетворены своей карьерой, а почти половина респондентов хотели бы сохранить за собой занимаемые должности и не имеют карьерных притязаний.

Ранее проведенные исследования, например в 2009 году Тавокиным Е.П. [Тавокин 2010], в 2013 году Лазуковой Е.А. [Лазукова 2014], показали практически аналогичную картину — высокий (более 70%) уровень удовлетворенности респондентов-чиновников своим положением, лишь треть составили желающие должностного роста, из которых более половины связывают неудовлетворенность с отсутствием перспектив продвижения по службе. По результатам проведенных в 2018 году исследований, например, мотивации государственных гражданских и муниципальных служащих в Свердловской области [Воронина и др. 2019] установлено, что настроены на карьеру примерно треть чиновников, однако только треть из них надеются на продвижение. Большинство респондентов не хотят изменений, не рассчитывают на повышение и хотят остаться в занимаемой должности. Широкомасштабные исследования, проведенные в 13 органах государственной власти федерального и регионального уровня [Васильева и др. 2019, 81], также показали, что

большая часть респондентов (75%) удовлетворена своей карьерой на государственной службе, треть имеют карьерные амбиции, более половины не видят реальную перспективу карьерного роста, лишь треть респондентов уверены в должностном росте.

Анализ исследований позволяет сделать вывод о низком уровне карьерных амбиций у подавляющего большинства чиновников, удовлетворенности занимаемой должностью. Лишь треть респондентов желает карьерного продвижения, что связано с узким карьерным пространством, низким уровнем карьерной мобильности.

Таким образом, исследовав влияние рисков объективного характера на формирование субъективного риска отказа от карьеры на примере таких рисков, как гендерные различия и ограниченное карьерное пространство, можно сделать следующий вывод: карьерные риски объективного характера формируют низкую оценку перспектив карьерного роста у большинства респондентов, что, в свою очередь, приводит к высокому уровню удовлетворенности карьерой, желанию сохранить за собой достигнутый статус и не претендовать на дальнейший должностной рост, что является важным субъективным риском, снижающим мотивацию государственных гражданских служащих к карьерному росту.

Заключение

Результаты исследования дают возможность сделать следующие выводы. Риски, негативно влияющие на карьерный рост, имеют объективный и субъективный характер. На примере исследования рисков объективного характера, таких как ограниченность карьерного пространства, гендерные различия, установлено, что, кроме прямого воздействия на карьеру, они способны также формировать субъективные риски мотивации к карьере, ведущие к отказу чиновников от должностного роста. Результаты исследования дают возможность ответить на поставленный вопрос «Могут ли риски карьеры объективного характера формировать аналогичные риски субъективного характера?» утвердительно. В основе низкой карьерной мотивации, удовлетворенности занимаемой должностью лежит понимание невозможности реализации должностного роста на государственной гражданской службе, что приводит к возникновению субъективного карьерного барьера и является субъективным карьерным риском.

Влияние рисков объективного характера на формирование субъективных рисков требует дальнейшего исследования. Все ли риски объективного характера имеют одинаковую силу влияния на субъективные факторы? Есть ли возможность

снижения, блокировки их вредных последствий на мотивацию к карьерному росту? Данные вопросы, не охваченные в нашей работе, требуют дальнейших исследований.

Результаты исследования карьерных рисков будут полезны при формировании мотивационной среды государственных гражданских служащих в условиях низкого уровня карьерной мобильности, ограниченного карьерного пространства.

Список литературы:

- Амбалова А.Б.* Управление карьерой государственного гражданского служащего. Автореф. дисс. ...канд. социол. н. М., 2006.
- Барциц И.Н., Борщевский Г.А., Магомедов К.О.* Современное состояние и тенденции развития государственной гражданской службы в России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Березикова Н.А.* Проблемы кадровой политики в области развития карьеры госслужащих и пути ее совершенствования // Инновации в науке и практике: сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции. В 4 частях. Уфа: ООО «Дендра», 2018. С. 99–106.
- Васильева Е.В.* Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 120–144.
- Васильева Е.В., Пуляева В.Н., Юдина В.А.* Человеко-ориентированный подход в формировании ключевых компетенций государственных гражданских служащих в условиях цифровой трансформации экономики // Управленческие науки. 2019. Т. 9. № 1. С. 76–95. DOI: <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-1-76-95>.
- Волосевич Д.Б.* Кризисные явления на разных этапах карьеры государственных служащих. Автореф. дисс. ...канд. психол. н. М., 2001.
- Воронина Л.И., Костина С.Н., Зайцева Е.В.* Влияние факторов на возможности карьеры российских государственных гражданских и муниципальных служащих // Вопросы управления. 2019. № 1. С. 56–64.
- Голованева А.В., Лымарева О.А.* Особенности построения карьеры государственных служащих // Экономика устойчивого развития. 2016. № 1(25). С. 107–110.
- Денисов М.В., Вольнова Ю.М.* Планирование карьеры муниципального служащего // Роль молодых ученых в решении актуальных задач АПК: сборник научных трудов международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2016. С. 345–347.

- Зайцева Т.В., Нежнина Т.Г.* Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: опыт регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 160–189.
- Иванова Н.Л., Дубиненкова Е.Н.* Карьерное консультирование в системе государственного и муниципального управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 176–188.
- Исупова О.Г., Уткина В.В.* Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. Том 16. № 3. С. 473–486.
- Климова А.В., Терехова Т.М.* Карьера государственного служащего: проблемы управления и построения // Вопросы управления. 2013. № 1(22). С. 55–63.
- Корниенко Е.В.* Факторы, влияющие на планирование госслужащими служебной карьеры // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: материалы I Международной научно-практической конференции. Макеевка: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская аграрная академия», 2018. С. 175–179.
- Кочегура А.П.* Управление профессиональным развитием государственных служащих как инструмент повышения эффективности их деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 2. С. 121–133.
- Кузнецов А.М.* Некоторые аспекты моделирования кадровой работы по должностному росту государственных гражданских служащих // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 34–42.
- Лазукова Е.А.* Социально-демографические факторы трудовой карьеры чиновников // Власть. 2014. № 2. С. 154–159.
- Мишин А.Ю., Мирзоян М.В.* Практические аспекты привлекательности карьеры специалиста государственной гражданской службы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 1(25). С. 162–166.
- Поликанов Д.В.* «Кадровый голод» на государственной и муниципальной службе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5(99). С. 066–086.
- Романов В.Л.* Организационная культура государственной службы // Управленческое консультирование. 2009. № 2(34). С. 5–24.

- Тавокин Е.П.* Государственные служащие (часть 1: самооценка эффективности, деловых и нравственных качеств) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 2. С. 5–20.
- Татарченко А.Ф.* Ступени карьеры в государственной службе: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2007. № 3. С. 45–54.
- Чарина А.М.* Управление мотивацией в системе государственной службы // Вопросы управления. 2019. № 2. С. 34–45.
- Чернова И.И., Мирошниченко О.Н.* Гендерные проблемы карьерного роста в органах государственной службы // Ученые записки ВВАГС. 2005. Т. 5. С. 199–208.
- Шарин В.И.* Карьерные барьеры в системе российской гражданской службы // Управленец. 2019. Т. 10. № 6. С. 67–76.
- Шарин В.И., Ефремова Т.В.* Необходимость новых подходов в работе кадровых служб в связи с увеличением пенсионного возраста государственных и муниципальных служащих // Интернет-журнал «e-FORUM». 2018. № 1(2) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eforum-journal.ru/ru/component/content/article?id=113> (дата обращения: 12.11.2019).
- Эванс П., Раух Дж.* Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберизации» государственного аппарата на экономический рост // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1. С. 38–60.
- Groeneveld S.* Careers in the Dutch Civil Service: A Gender Perspective // International review of administrative sciences. 2009. Vol. 75. No. 3. P. 493–507. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852309337685>.
- Hall D.T.* Careers in Organizations. California: Goodyear, Pacific Palisades, 1976.
- Ilies C.S.* Contemporary Career Civil Servant Myths: The Romanian Case? Emerging Markets Queries in Finance and Business // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 15. P. 506–513.
- Motivation in Public Management: The Call of Public Service / Ed. by Perry J.L., Hondeghem A. New York: Oxford University Press, 2008.
- Schein E.H.* Organizational Psychology. New York, 1972.
- Valickas A., Valickiene Rasa. P., Grakauskas Z.* Career Development and Learning in the Civil Service // Proceedings of 6th World Conference on Educational Sciences. Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 191. P. 413–417.

Veit S., Scholz S. Linking Administrative Career Patterns and Politicization: Signalling Effects in the Careers of Top Civil Servants in Germany // International Review of Administrative Sciences. 2016. Vol. 82. No. 3. P. 516–535. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852314564310>.

Weber M. Economy and Society. Berkley: University of California Press, 1978. Vol. 2.

Wipulanusat W., Panuwatwanich K., Stewart R.A. Pathways to Workplace Innovation and Career Satisfaction in the Public Service. The Role of Leadership and Culture // International journal of organizational analysis. 2018. Vol. 26. No. 5. P. 890–914.

Дата поступления: 09.11.2019

Sharin V.I.

Career Risks in the Civil Service

Valery I. Sharin — DSc (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: Sharin_vi@usue.ru

Abstract

In the state civil service, the problem of career growth of officials, which affects the motivation for service, remains relevant. The study is aimed at studying the factors that negatively affect the career growth of public civil servants, as well as reducing the very desire for career growth-career risks. The methodological basis of the research was the theory of ideal bureaucracy by M. Weber and career predictability by Rauch D. and Evans P. The research used methods of system analysis, analysis-synthesis, general scientific methods. Researchers give ambiguous estimates of the role of career risks in the system of officials' motivation. Therefore, the purpose of the work is to study the risks that negatively affect the career growth of officials, to establish their nature and features, to assess the possible consequences of their impact on the motivation for professional and official growth of civil servants.

According to the results of the study, it is concluded that the risks that adversely affect career growth have an objective and subjective nature. On the example of the study of risks of an objective nature, such as limited room for advancement, gender differences, it is established that in addition to a direct impact on the career, they are also able to form subjective risks of motivation for a career, leading to the refusal of officials from official growth. The impact of the risks of an objective nature on the formation of subjective risk requires further research.

The results obtained can be used to improve the Institute of personnel management in the civil service, in the formation of the motivational environment of civil servants in a limited room for advancement, low level of career mobility.

Keywords

Public civil service, career growth, objective and subjective career risks, room for advancement, lack of work motivation.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10045

References:

Ambalov A.B. (2006) *Upravleniye karyeroy gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego* [Managing a career of a civil servant]. Abstract of PhD Thesis. Moscow.

Bartsits I.N., Borschevsky A.G., Magomedov K.O. (2018) *Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby v Rossii: analiticheskiy doklad*

[Current state and development trends of the civil service in Russia: analytical report]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANEPa.

Berezikova N.A. (2018) Problemy kadrovoy politiki v oblasti razvitiya kar'yery gossluzhashchikh i puti ego sovershenstvovaniya [Problems of personnel policy in the field of career development of civil servants and ways to improve it]. *Innovatsii v nauke i praktike: sbornik statey po materialam X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. In 4 parts. Ufa: OOO "Dendra". P. 99–106.

Charina A.M. (2019) Management of Motivation in the Public Service System. *Voprosy upravleniya*. No. 2. P. 34–45.

Chernova I.I., Miroshnichenko O.N. (2005) Gendernyye problemy karyernogo rosta v organakh gosudarstvennoy sluzhby [Gender problems of career development in public service]. *Uchenyye zapiski VVAGS*. Vol. 5. P. 199–208.

Denisov M.V., Volnova Y.M. (2016) Planirovaniye karyery munitsipalnogo sluzhashchego v sbornike [Career planning of a municipal employee]. *Rol molodykh uchenykh v reshenii aktualnykh zadach APK: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchënykh i studentov*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. P. 345–347.

Evans P., Rauch J. (2006) Bureaucracy and Economic Growth: Cross-Country Analysis of the Impact of "Weberization" of the State Apparatus on Economic Growth. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 7. No. 1. P. 38–60.

Golovaneva A.V., Lymareva O.A. (2016) Features of Career Building of Civil Servants. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*. No. 1(25). P. 107–110.

Groeneveld S. (2009) Careers in the Dutch Civil Service: A Gender Perspective. *International review of administrative sciences*. Vol. 75. No. 3. P. 493–507. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852309337685>.

Hall D.T. (1976) *Careers in Organizations*. California: Goodyear, Pacific Palisades.

Ilies C.S. (2014) Contemporary career civil servant myths: the Romanian case? Emerging markets queries in finance and business. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 15. P. 506–513.

Isupova O.G., Utkina V.V. (2018) Young Women in Public Administration in Russia: Factors That Determine Career Trajectories. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. Vol. 16. No. 3. P. 473–486.

Ivanova N.L., Dubinenko E.N. (2011) Karyernoye konsultirovaniye v sisteme gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Career consulting in the system of state and

municipal management]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 4. P. 176–188.

Klimova A.V., Terekhova T.M. (2013) Career of Civil Servant: Problems of Management and Building. *Voprosy upravleniya*. No. 1(22). P. 55–63.

Kochegura A.P. (2008) Programmes of Professional Development as Instrument of Enhancing Civil Servants Performance. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. No. 2. P. 121–133.

Kornienko E.V. (2018) Faktory, vliyayushchiye na planirovaniye gossluzhashchimi sluzhebnoy karyery [The factors influencing the planning of civil servants' careers]. *Prioritetnyye vektory razvitiya promyshlennosti i selskogo khozyaystva: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Makeyevka: Gosudarstvennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Donbasskaya agrarnaya akademiya» P. 175–179.

Kuznetsov A.M. (2014) Some Aspects of Planning the HR Management Work Aimed at Career Progress of Civil Servants. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 2. P. 23–29.

Lazukova E.A. (2014) Sotsialno-demograficheskiye faktory trudovoy karyery chinovnikov [Socio-demographic factors of the career of officials]. *Vlast'*. No. 2. P. 154–159.

Mishin A.Y., Mirzoyan M.V. (2016) Practical Aspects of the Attraction Career Professional Civil Service. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. Vol. 7. No. 1(25). P. 162–166.

Perry J.L., Hondeghem A. (eds.) (2008) *Motivation in Public Management: The Call of Public Service*. New York: Oxford University Press.

Polikanov D.V. (2010) «Kadrovyy golod» na gosudarstvennoy i munitsipalnoy sluzhbe ["Personnel hunger" in the state and municipal service]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsialnyye peremeny*. No. 5(99). P. 066–086.

Romanov V.L. (2009) Organizatsionnaya kultura gosudarstvennoy sluzhby [Organizational culture of public service]. *Upravlencheskoye konsultirovaniye*. No. 2(34). P. 5–24.

Schein E.H. (1972) *Organizational Psychology*. New York.

Sharin V.I. (2019) Career Barriers in Civil Service in Russia. *Upravlenec*. Vol. 10. No. 6. P. 67–76.

Sharin V.I., Efremova T.V. (2018) The Need for New Approaches in the Staff Services Work through the Increase of the Civil and Municipal Servants Pension Age. «e-FORUM». No. 1(2). Available: <http://www.eforum-journal.ru/ru/component/content/article?id=113> (accessed: 12.11.2019).

- Tatarchenko A.F. (2007) Stupeni karyery v gosudarstvennoy sluzhbe: gendernyy aspekt [Career levels in public service: gender]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3. P. 45–54.
- Tavokin E.P. (2010) Gosudarstvennyye sluzhashchiye (chast' 1: samootsenka effektivnosti, delovyykh i nravstvennykh kachestv) [Public servants (part 1: self-assessment of efficiency, business and moral qualities)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*. No. 2. P. 5–20.
- Valickas A., Valickiene Rasa P., Grakauskas Z. (2015) Career Development and Learning in the Civil Service. *Proceedings of 6th World Conference on Educational Sciences. Procedia Social and Behavioral Sciences*. Vol. 191. P. 413–417.
- Vasilieva E.V., Pulyaeva V.H., Yudin V.A. (2019) Human-Oriented Approach in Forming of Key Competencies of Civil Servants in the Conditions of Digital Transformation of the Economy. *Upravlencheskiye nauki*. Vol. 9. No. 1. P. 76–95. DOI: <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-1-76-95>.
- Vasilyeva E.V. (2018) Competence Approach in Public Service: What Knowledge and Skills Do Civil Servants Choose? *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 4. P. 120–144.
- Veit S., Scholz S. (2016) Linking Administrative Career Patterns and Politicization: Signalling Effects in the Careers of Top Civil Servants in Germany. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 82. No. 3. P. 516–535. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852314564310>.
- Volosevich D.B. (2001) *Krizisnyye yavleniya na raznykh etapakh karyery gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Crisis phenomena at different stages of civil servants' career]. Abstract of PhD Thesis. Moscow.
- Voronina L.I., Zaitseva E.V., Kostina S.N. (2019) Influence of Factors on Opportunities of the Career of Russian State Civil and Municipal Employees. *Voprosy upravleniya*. No. 1. P. 56–64.
- Weber M. (1978) *Economy and Society*. Berkley: University of California Press. Vol. 2.
- Wipulanusat W., Panuwatwanich K., Stewart R.A. (2018) Pathways to Workplace Innovation and Career Satisfaction in the Public Service. The Role of Leadership and Culture. *International journal of organizational analysis*. Vol. 26. No. 5. P. 890–914.
- Zajceva T.V., Nezhdina T.G. (2019) Involving Young People in State and Municipal Service: The Experience of Russian Regions. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 1. P. 160–189.

Received: 09.11.2019